

А. М. Сергиенко

ЭХО ПОБЕДЫ

в наших сердцах - 2

**Белгород
2009**

Настоящая книга продолжает публикацию серии статей, начатую в монографии «Эхо Победы в наших сердцах». В ней, в основном, помещены материалы, освещдающие малоизвестные страницы из боевой истории Авиации дальнего действия (АДД). Читатель познакомится с мнением её командующего А. Е. Голованова о И. В. Сталине; с подробностями беспрецедентного перелёта в мае-июне 1942 года через Атлантический океан советского бомбардировщика Пе-8 с группой дипломатических работников наркомата иностранных дел СССР во главе с В. М. Молотовым; узнает о том, как автором через 40 с лишним лет после окончания войны была найдена итальянская радиостанция, доставленная советским экипажем на освобождённую территорию Югославии; ознакомится с первым дальниим перелётом легендарного «Ильи Муромца» и другими малоизвестными историческими фактами.

Несколько статей посвящено проблемам политической жизни страны. Книга представляет интерес для тех, кто интересуется отечественной историей.

*(Книга «ЭХО ПОРБЕДЫ в наших сердцах – 2» была издана в 2009 году издательством
«КОНСТАНТА» тиражом 500 экз.*

Данная версия этой книги – это авторский текст и его верстка.)

*Незабвенної маме – Екатерине Тимофеевне,
а в єї лиці всім матерям, які
поднімали на ноги дітей війни –
посвящаю.*

СОВСЕМ НЕ МЕРКАНТИЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Почему маме?

По многим причинам. В годы Великой Отечественной войны мы жили в Грозном. Немецкие полчища усиленно рвались к нефтяным богатствам Чечено-Ингушской АССР, но сопротивление Красной Армии на юге страны, в том числе в ходе Стalingрадской битвы, не позволило им овладеть этим городом. Однако бомбили они его, особенно нефтяные промыслы и запасы горючего, интенсивно. Помню: разбомблённые резервуары с нефтью на окраинах города горели несколько суток так, что трудно было отличить день от ночи.

Отец всю войну находился на фронте, мать одна поднимала нас с сестрой на ноги – её десятилетнюю и меня шестилетнего. Кроме работы она привлекалась к различным общественным мероприятиям оборонительного характера – рытью окопов, противотанковых рвов, блиндажей и прочих сооружений, приходилось дежурить в противопожарных расчётах, в госпиталях, сдавать кровь. Всю войну она была активным тыловым солдатом. Память о жертвенной войне, о трудностях военного времени и героизме советских людей на фронтах и в тылу для неё была священной.

Это была великая труженица, что на производстве, что в делах домашнего хозяйства. С какой ответственностью она относилась к работе! Помню её мозолистые руки, которые так умело делали различного рода женскую работу. Преклоняюсь перед её трудолюбием. А ёщё она была добрейшей души человеком.

Я не помню, чтобы она произносила в мой адрес каких-то ласковых слов, таких, например, как «сынок». В её лексиконе их просто не было. Я не помню её поцелуев. Но я всегда ощущал её незримую, внешне ничем не обставленную, материнскую любовь. Как-то, когда ёщё носил погоны, на одной из презентаций меня спросили: «Как вам удается сочетать службу с творчеством историка?» Не задумываясь, я ответил: «Спасибо строгой матери!»

Нас сближали не только материнские и сыновние чувства, но и адекватное восприятие действительности. Малограмотная, всего четыре класса образования, мама обладала исключительным политическим чутьём. Воспитанная условиями социалистической действительности, она в штыки восприняла «развенчание» культа личности И. В. Сталина, негативно отнеслась к так называемым «перестройке» и «реформам». Её слова, сопровождаемые вздохом возмущения в связи с очередным антинародным новшеством

власти – «О чём думают наши правители?» – до сих пор звучат в моих ушах. Она не была членом КПСС, но она была беспартийной коммунисткой.

Из опубликованных мною книг, она успела прочитать три. Читала с интересом, с чувством, толком и остановками. Я это видел. Скупая на похвалу, она как-то сказала: «А ты – молодец!» Это была моральная поддержка. Но так получилось, что мама, уже после своей кончины, оказала моим издательским делам поддержку и материальную.

Трудные наступили времена для историков на постсоветском пространстве. Найди по той или иной проблеме архивный материал, напиши, пробейся с изданием. Что такое сегодня «поработать» в любом московском архиве для иногороднего исследователя? Это неподъёмные материальные затраты. Плата за гостиницу, за проезд в общественном транспорте, а если ещё вздумаешь отсканировать некоторые документы, – всё это просто опускает шлагбаум на пути исследовательской работы. Об этом надо знать читателям.

Честно признаюсь: если бы не возможность остановиться на квартире у сестры и её мужа – Виктории Михайловны и Владимира Дмитриевича – уже давно пришлось бы поставить крест на замысле написать многотомную историю АДД периода войны. И то, что я имею возможность продолжать эту работу в определённой мере их заслуга.

А что такое «пробиться с изданием»? В советское время в этом деле была своя проблема – устраивает ли издательство твоя тема. Сегодня она иного рода – любое издательство возьмёт к производству любую рукопись, но с одним непременным условием: давай деньги.

Постоянно решаю эту проблему и я. Из десяти вышедших моих книг, большинство увидели свет с помощью надёжного спонсора – собственного кармана. Вот и эта, что в ваших руках, читатель, стала возможной благодаря тому, что профинансирована из двух источников. Из всех изданных книг, только одна принесла мне небольшой гонорар («Огненные ночи Курской битвы», «Яуз», 2009).

К этому источнику присовокупилась и материнская помощь. А произошло это так. После её смерти осталась сберкнижка с небольшим взносом. За восемь лет он увеличился процентным наваром. Сестра закрыла книжку и решила разделить накопленную сумму пополам. Я долго сопротивлялся, но под напором родственников сдался. Решил: а почему бы таким образом не увековечить память о дорогом мне человеке.

И если кто-то из читателей в тех бесхитростных зарисовках в отношении моей матери ненароком узнает и свою, пусть считает, что данная книга посвящена дорогому и его сердцу человеку.

А. Е. ГОЛОВАНОВ О И. В. СТАЛИНЕ

История знает немало примеров удивительного совпадения знаменательных дат в личной жизни того или иного государственного деятеля. Есть такое совпадение и в жизни Иосифа Виссарионовича Сталина. Это 5 марта.

В этот мартовский день 1942 года решением Государственного Комитета Обороны (ГКО), председателем которого являлся Сталин, была создана Авиация дальнего действия (АДД). Главный смысл этого решения заключался в том, что все части и соединения Дальнебомбардировочной авиации, входившие в 5-ое управление Военно-воздушных сил (ВВС) Красной Армии, изымались из этого вида вооружённых сил СССР и переходили в непосредственное подчинение Ставки Верховного Главнокомандования (СВГ), председателем которой также являлся Сталин. Руководство боевой работой АДД стал осуществлять лично он.

Инициатива этой структурной перестройки ВВС принадлежала исключительно Верховному Главнокомандующему. Он же определил и человека на должность командующего АДД. Им стал Александр Евгеньевич Голованов. Stalin руководил Авиацией дальнего действия до 6 декабря 1944 года, когда решением ГКО она под вывеской 18-й воздушной армии вновь перешла под крыло ВВС. Собранная в мощный единый кулак дальнебомбардировочная авиация в годы войны стала ударной силой ВВС, любимицей советского народа. Вклад АДД в дело достижения Победы огромен. В этом заслуга её командующего и её непосредственного руководителя – Иосифа Виссарионовича Сталина.

Прошло ровно 11 лет после этого решения ГКО. 5 марта 1953 года Сталина не стало. Главный маршал авиации А. Е. Голованов, как и весь личный состав Дальней авиации, искренне переживал эту утрату. Трудно сказать, вспомнил ли он в этот день о том историческом решении ГКО от 5 марта 1942 года. Скорее всего, да. И уж совсем без тени сомнения можно предположить, что в эти горестные минуты Александр Евгеньевич воспроизводил в своей памяти наиболее яркие эпизоды из их (Stalina и его) совместной работы по руководству АДД. А вспомнить ему было о чём. Ибо он в годы войны общался с Верховным достаточно часто.

Регулярные встречи Голованова со Сталиным предопределило одно обстоятельство – личное руководство Верховного боевой работой АДД. Иногда он ставил задачи командующему по телефону, но чаще вызывал его в Кремль, а туда на машине от штаба АДД было всего лишь семь – десять минут езды. Возможно, мы никогда не узнали бы, о чём думал Александру Евгеньевичу в тот памятный день 5 марта 1953 года, если бы не его воспоминания, оставленные в книге, после долгих и трудных мытарств по её изданию.

Книга «Дальняя бомбардировочная...», изданная в 2004 году достаточно солидным по нашим временам тиражом в 7000 экземпляров, широкому кругу читателей всё же неизвестна. А в ней даны оценки Сталину как руководителю партии, государства и вооружённых сил в самый тяжёлый период нашей отечественной истории. Они помогают нам более объективно воссоздать образ этого человека, который руководил страной более тридцати лет. Они помогают нам прибавить мощь ветру истории, который должен развеять тот мусор, который уже нанесён на могилу Сталина недругами социализма, продолжает наноситься, и неизбежно будет продолжать наноситься, ибо через мыслимую и немыслимую хулу Сталина чернится советская эпоха страны, социалистическая эпоха человечества.

Кстати мысль о том, что после смерти на его голову буде выплит не один ушат грязи была выражена Сталиным не кому-нибудь, а Голованову. Вот как это произошло.

«5 или 6 декабря (1943 года. – A. C.) мне позвонил Stalin и попросил приехать к нему на дачу. Явившись туда, я увидел, что ходит он в накинутой на плечи шинели.

Был он один. Поздоровавшись, Верховный сказал, что, видимо, простудился и опасается, как бы не заболеть воспалением лёгких, ибо всегда тяжело переносит это заболевание. Походив немного, он неожиданно заговорил о себе.

- Я знаю, – начал он, – что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. – И, походив немного, продолжал: - Но я уверен, что ветер истории всё это развеет...

Нужно сказать прямо, я был удивлён. В то время мне, да, думаю, не только мне, не представлялось вероятным, что кто-либо может сказать о Сталине плохое. Во время войны всё связывалось с его именем, и это имело явно видимые основания. Первоначальные успехи немцев были локализованы. Гитлеровские армии были разбиты под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Мы одерживали победы одну за другой, монолитность армии и народа была очевидна, и стремление стереть врага с лица земли было единодушно. Чётко и бесперебойно работала вся машина государства. При игре оркестра без дирижёра, а в понятии управления государством – без твёрдого руководства, государственная машина так работать, естественно, не могла бы. Чёткая работа этой машины также всегда связывалась с его именем. Поэтому мне показалось, что **Сталин действительно заболел**¹.

Россыпей воспоминаний о Сталине в книге довольно много. Сам Голованов в заключительной части своей книги «О наших полководцах» даёт этому такое объяснение: «**Он проходит в моём повествовании, если можно так выразиться, красной нитью, однако здесь нет ничего удивительного, поскольку у меня не было каких-либо других руководителей, кроме него, я бы даже подчеркнул, кроме лично него...ибо всё, что делалось АДД, исходило непосредственно от него. Прямое и непосредственное общение с И. В. Сталиным дало мне возможность длительное время наблюдать за его деятельностью, его стилем работы, наблюдать за тем, как он общался с людьми, за его стремлением, как это ни покажется странным, вникать даже в мелочи, в детали того вопроса, который его интересует**» (569).

Эту же мысль А. Е. Голованов выразил и в письме в ЦК КПСС, когда «чрезмерное восхваление» И. В. Сталина опустило шлагбаум на пути издания его книги. А путь этот был действительно долгим и трудным. Воспоминания командующего начали публиковаться частями в журнале «Октябрь» с 1969 года. В 1970 – 1972 годах читатели, с нетерпением ожидавшие очередных номеров, познакомились с основной частью мемуаров. Затем публикация по решению ЦК была приостановлена. Голованову пришлось давать объяснения по ряду замечаний. И он убедил «всезнающих» цензоров в своей правоте. Об этом он рассказывал мне при встрече в Комитете ветеранов войны на Кропоткинской.

Я договорился о встрече с ним по телефону. Главный вопрос, который хотелось прояснить, был такой: почему именно 8-у Смоленскому авиакорпусу АДД, историю которого я тогда начал писать, была поставлена задача обеспечить проводку морских караванов союзников в Мурманск и Архангельск. Беседовали мы с ним более часа. Вполне естественно, я не мог не спросить Александра Евгеньевича о том, почему прервана публикация его воспоминаний в журнале. Рассказав о причинах, он завершил ответ на вопрос тем, что сообщил о положительном решении Центрального Комитета продолжить публикацию воспоминаний в «Октябре» и показал мне заключительные главы рукописи. Параллельно Голованов представил издательству «Советская Россия» полную рукопись для издания. Оно планировалось на 1974 год. Но Главлит и Главпур сочинили новые дополнительные замечания. Так родилось письмо на имя Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина от 8 апреля 1975 года.

Автор писал: «**В этих дополнительных замечаниях, которых ранее не было, говорится уже о том, что в книге неправомерно много пишется о Сталине, что автор делает чрезмерный акцент на Верховного Главнокомандующего, что он не только**

¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – М., 2004. – С. 366. Далее страницы даются прямо в тексте.

рассказывает о своих многочисленных встречах с И. В. Сталиным, его указаниях по АДД, но он приводит множество фактов и оценок Сталина, не имеющих отношения к развитию боевых действий АДД... И, наконец, что в мемуарах А. Е. Голованова И. В. Stalin изображается в хвалебном тоне, в них многократно подчёркивается его дальновидность, прозорливость, безупречный стиль работы, чуткость и внимательность к людям и т. д. Причём эти оценки не всегда достаточно объективны...

Действительно, о Stalinе в книге говорится больше, чем у других авторов, и это совершенно естественно, потому что у меня не было никаких иных руководителей или начальников, которым бы я подчинялся, кроме Сталина. Ни Генеральный штаб, ни руководство Наркомата обороны, ни заместители Верховного Главнокомандующего никакого отношения к боевой деятельности и развитию АДД не имели. Всё руководство боевыми действиями и развитием АДД шло только через Сталина и только по его личным указаниям. Никто, кроме него, касательства к Авиации дальнего действия не имел. Случай, видимо, уникальный, ибо мне других подобных примеров неизвестно...

Бывая систематически в Ставке и присутствуя там при решении многих вопросов, не имеющих отношения ни собственно к АДД, ни ко мне, но имеющих прямое отношение к ведению войны в целом, я был свидетелем процесса их решения, и некоторые из них мной приводятся в книге как представляющие, с моей точки зрения, определённый интерес и значение. Полагаю, что это неотъемлемое право автора. Что касается деятельности Сталина, его стиля работы, общения с людьми – то, что написано в книге является безусловной правдой, а не каким-то восхвалением» (15 – 16).

В сентябре 1975 года Александр Евгеньевич Голованов ушёл из жизни. Ни окончания публикаций в журнале «Огонёк», ни книги он не увидел. В 1997 году при содействии членов Совета ветеранов Дальней авиации и дочери Главного маршала Ольги Александровны наконец-то мемуары под названием «Записки командующего АДД» увидели свет. Тираж для такого военачальника просто оскорбительный – всего 600 экземпляров! Но и теперь, в отсутствие Главлита и Главпура, не обошлось без изъятий. И лишь в 2004 году, через 29 лет после смерти, читатели смогли без купюр прочитать то, что было написано Головановым.

Настало время непосредственно обратиться к этому историческому источнику, хотя, по сути дела, я эту работу уже начал. Думаю, будет правильным сгруппировать воспоминания Голованова о Stalinе не вообще, а по отдельным разделам, отражающим как его многообразную государственную деятельность по руководству страной, особенно Вооружёнными Силами СССР в годы Великой Отечественной войны, так и личные его качества. Правда, следует оговориться: иногда очень трудно определить, к какому разделу отнести тот или иной головановский факт, ибо он одинаково подходит и к одному из них и к другому. Но не будем строги.

Такая тематическая подача материала поможет более убедительно разоблачить целую армию политиков, историков и журналистов – низвергателей полководческого таланта Верховного Главнокомандующего. Здесь я полностью солидаризируюсь с мнением Б. Г. Соловьёва и В. В. Суходoeva, выраженного в их совместной книге «Полководец Stalin»: «...из всех выдающихся военных и государственных деятелей Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, увенчавших славой наше Отечество, наибольшей клевете перед лицом потомства незаслуженно подвергается его Верховный Главнокомандующий И. В. Stalin. Ныне эта своего рода сталинофобия бушует на страницах массовой печати, в передачах электронных средств пропаганды, да и в «солидных» изданиях. Вся её фальшивь и преднамеренность становятся очевидными при знакомстве с полководческой и государственной деятельностью И. В. Stalin»².

Давайте познакомимся с полководческой и государственной деятельностью руководителя СССР в годы Великой Отечественной войны И. В. Stalin через призму

² Соловьёв Б., Суходoeв В. Полководец Stalin. – М. 1999. – С. 78.

воспоминаний одного из тех, кто имел возможность в течение практически трёх лет, часто контактируя с ним и решая насущные вопросы войны, наблюдать, оценивать и делать выводы. Итак, слово бывшему командующему АДД, Главному маршалу авиации Александру Евгеньевичу Голованову.

1. Отношение к людям

Отношение Верховного Главнокомандующего к людям, многочисленные примеры, отражающие его тактичность, заботу и требовательность красной нитью проходят через все воспоминания Голованова. Главное в отношениях Сталина к людям любого должностного ранга – это их компетентность.

«...изучив того или иного человека и убедившись в его знаниях и способностях, он доверял таким людям, я бы сказал, безгранично. Но, как говорится, не дай бог, чтобы такие люди проявили себя где-то с плохой стороны. Stalin таких вещей не прощал никому» (569).

«Stalin часто звонил по телефону и спрашивался о делах. Весьма нередко он спрашивал также и о здоровье, и о семье: «Есть ли у вас всё, не нужно ли чем-либо помочь семье?». Строгий спрос по работе и одновременно забота о человеке были у него неразрывны, они сочетались в нём так естественно, как две части одного целого, и очень ценились всеми близко соприкасавшимися с ним людьми. После таких разговоров как-то забывались тяготы и невзгоды. Вы чувствовали, что с вами говорит не только вершитель судеб, но и просто человек» (111).

Первая встреча Голованова со Сталиным произошла в начале 1941 года, после того как он написал письмо, в котором изложил своё мнение о подготовке лётных кадров, способных летать в любых погодных условиях. Реакция на письмо последовала немедленно. Голованов вызвали в Кремль. В беседе со Сталиным было решено для подготовки лётчиков, летающих в любых условиях, сформировать полк, командиром которого назначить Голованова. Через несколько дней после того, как Голованов слетал в Смоленск, где было определено место для постоянного базирования полка, Александра Евгеньевича вновь вызвали в Кремль. Заслушав доклад о ходе формирования, и обсудив некоторые просьбы Голованова, Stalin спросил:

« - Сколько жалованья вы получаете?

- Постановлением Совнаркома мне, как шеф-пилоту Аэрофлота, определено четыре тысячи рублей в месяц, – несколько озадаченно ответил я.

- А сколько получает командир авиационного полка? – спросил Stalin, обращаясь к наркому обороны Маршалу Советского Союза Тимошенко.

- У нас такого оклада и нарком не получает. Командир полка получает у нас тысячу шестьсот рублей.

Стало тихо.

- А сколько же вы вообще зарабатываете? – спросил Stalin.

Разговор принимал неприятный для меня оборот.

- Товарищ Stalin, я за деньгами не гонялся и не гоняюсь. Положено тысячу шестьсот рублей – буду получать такой оклад.

- А всё-таки, сколько вы зарабатываете?

- Много, – ответил я несколько повышенным тоном и умолк.

...Я почувствовал, что мой ответ воспринят присутствующими неблагожелательно. Stalin ходил молча, покуривая трубку. Поравнявшись со мной, он остановился и спокойно сказал:

- Ну, вот что, вы, как командир полка, будете находиться на казённых харчах, вас будут задаром обувать и одевать, у вас будет казённая квартира. При всём этом, видимо, целесообразно оставить вам получаемое жалование. Зачем обижать человека,

если он идёт на ответственную, серьёзную работу? Как товарищи? – обратился он к присутствующим...

Позже я узнал, что дело было не во мне, что у Сталина было в обычае не только спрашивать с людей, но и заботиться о них» (44).

В 1942 году в кабинете Сталина Голованов стал свидетелем такого случая. На одном из танковых заводов, перебазированных в своё время на восток, дела шли не так, как требовало военное время. Этот вопрос стал предметом обсуждения в Кремле. Кто-то предложил послать туда на должность директора одного из заместителей наркома. Stalin спросил:

« - Сколько получает директор завода?

Ему называли сумму.

- А замнаркома?

Оказалось, намного больше.

- Семья у него есть?

Последовал утвердительный ответ.

- Как же вы его будете посыпать директором завода и снижать его зарплату, если он хороший работник?

- Он коммунист и обязан выполнять решения.

- Мы все не эсеры, – заметил Stalin...

Наступила длительная пауза. Наконец Stalin заговорил:

- Вот у нас есть некоторые господа коммунисты, которые решают вопросы так: раз ты коммунист, куда бы тебя ни послали, что бы с тобой ни делали, кричи «ура» и голосуй за Советскую власть. Конечно, каждый коммунист выполнит любое решение партии и пойдёт туда, куда его посылают. Но и партия должна поступать разумно. Вряд ли тот или иной коммунист будет кричать «ура», если вы бросите его на прорыв и за это сократите ему жалование в два раза, хотя он вам об этом, возможно, ничего и не скажет. Откуда вы взяли, что мы имеем право так поступать с людьми? Видимо, если мы действительно хотим поправить дело, целесообразно все блага, которые он получает здесь, оставить его семье, а его послать на завод, и пусть там работает на жалованье директора завода. Поставит завод на ноги – вернётся обратно. Думается при таком решении и дело двинется, и энергии у человека будет больше» (46).

После не слишком удачных полётов в августе 1941 года дивизии Героя Советского Союза М. В. Водопьянова на Берлин, Stalin снял её командира с должности. Михаил Васильевич стал летать командиром корабля в звании комбрига. Этого звания в армии фактически уже не было. Когда Голованов стал командующим АДД, Водопьянов попросил его решить вопрос со званием.

«Вскоре я был на докладе у Сталина и в конце на вопрос: «Что у вас нового?» – рассказал о моей встрече с Водопьяновым, который до сих пор носит уже давно не существующее звание «комбрига».

- Что вы предлагаете? – спросил Stalin.

- Присвоить ему, товарищ Stalin, звание генерал-майора авиации.

- Но ведь он сейчас летает командиром корабля?!

- Да, товарищ Stalin, и хорошо летает. Да и за спиной у него немало, как вы знаете, всяких хороших дел! Я просил бы присвоить ему звание генерала. Он заслужил его.

Походив немного, Stalin сказал:

- Хорошо, давайте представление» (73 – 74).

В октябре-ноябре 1941 года положение на фронтах было таким тяжёлым, что головановская дивизия летала практически круглые сутки. Если лётчикам удавалось выкроить хоть несколько часов для отдыха, а технический состав на часок-другой успевал прикорнуть между уходом самолёта на боевое задание и его возвращением, то командование дивизии и полков не спало сутками. После таких нескольких бессонных ночей Голованов оказался в кабинете Сталина.

«Получая в Ставке очередные задания, я зашатался, и если бы не Г. М. Маленков и Б. М. Шапошников, поддержавшие и посадившие меня на рядом стоящий стул, наверное, упал бы. Попытался встать – и не смог. Сталин быстро подошёл к буфету, налил что-то в стакан, подал мне.

- Пей!

Не переводя дух, махнул я содержимое стакана и, лишь вздохнув, по спазме в горле понял, что это – очень крепкое спиртное.

- Когда спал? – спросил Stalin.

Ответить на этот вопрос я не смог, потому что сам уже не помнил, когда...

Довольно продолжительное время я испытывал чувство неловкости и какой-то вины. Надо же было произойти такому, да ещё где! Однако при последующих моих посещениях Ставки все держались так, будто ничего не случилось. Лишь несколько дней спустя Stalin мимоходом сказал, что нужно планировать боевую работу так, чтобы личный состав отдыхал» (88).

«К людям, которые работали с ним, Stalin был очень внимателен, он считался с тем, что на войне может быть всякое. Известно, что И. С. Конев вследствие неудач на фронте (речь идёт о сорок первом и сорок втором годах) дважды оказывался под угрозой суда и суворого приговора. И оба раза Stalin брал его под защиту, видя, что на войне иногда складывается такая обстановка, когда один человек, будь он даже семи пядей во лбу, лично сделать ничего не может» (106).

Уяснив за время многочисленных встреч со Stalinом, что к нему можно обращаться практически по любому вопросу, Голованов очень часто просил за тех лётчиков АДД, которые по каким-то причинам попадали в поле зрения НКВД или НКГБ, а также за тех, кто побывал в плену и находился на проверке в органах СМЕРШ. Иногда он присутствовал, когда кто-либо обращался к Stalinу с аналогичными просьбами. Однажды к Голованову обратился бывший лётчик по Восточносибирскому управлению ГВФ А. В. Мансветов. Обвинённый в шпионаже в пользу Японии, он «тянулся» срок на Колыме. Хорошо зная этого безупречного человека, Голованов обратился с ходатайством к Верховному.

«Вечером я пришёл на квартиру к И. В. Stalinу, рассказал ему о полученном письме, а заодно и о своей иркутской истории...

- Вы хорошо знаете этого Мансветова?

- Я не только хорошо его знаю, но ручаюсь за него и прошу разрешить забрать его к нам в АДД.

- Ну что же, если вы уверены в нём и ручаетесь за него, мы сейчас попросим направить его к вам.

Он подошёл к телефону, набрал номер.

- У меня Голованов. Ходатайствует за своего командира отряда. Считаю, просьбу его следует рассмотреть, зря человек просить не будет.

На этом мы и распостились... Приехал я к себе в штаб. Мне сказали, что дважды уже звонили от Beria и чтобы я сейчас же ему позвонил.

- Что это там у тебя приятель сидит?! – грубо спросил меня Beria, как только я с ним соединился.

Я понял, что он был недоволен моим непосредственным обращением к Stalinu. Я рассказал о сути дела и сообщил, где находится Mансветов. Через некоторое время мне позвонил Beria и сказал, что Mансветов скоро прибудет ко мне, и чтобы я написал документ с просьбой о его освобождении и направлении в моё распоряжение. Впредь, дал указание Beria, по этим вопросам беспокоить Stalinu не нужно, а если что-либо возникнет, обращаться непосредственно к нему, чем я и не преминул в дальнейшем воспользоваться...

Впоследствии мне удалось договориться и о том, что все сбитые лётчики и все члены наших боевых экипажей, попавшие теми или иными путями снова на нашу

территорию, будут немедленно возвращаться в АДД, минуя всякие места проверок. Так всю войну и делалось» (107 – 108).

Что касается Мансветова, то он действительно был освобождён, попал в полк, вооружённый самолётами Б-25 и успешно летал на боевые задания. Закончил войну майором.

Как-то в штаб к Голованову приехал опальный в то время авиаконструктор А. Н. Туполев. Приехал в сопровождении охраны. Андрей Николаевич предложил рассмотреть вопрос о применении в АДД фронтового бомбардировщика Ту-2. Имея свою точку зрения по этому вопросу, Голованов всё же решил проинформировать Верховного о предложении Туполева.

«Все вопросы были решены, но я не уходил.

- Вы что-то хотите у меня спросить?

- Товарищ Сталин, за что сидит Туполев?

Вопрос был неожиданным. Воцарилось довольно длительное молчание. Сталин, видимо, размышлял.

- Говорят, что он не то английский, не то американский шпион... – Тон ответа был необычен, не было в нём ни твёрдости, ни уверенности.

- Неужели вы этому верите, товарищ Сталин?! – вырвалось у меня.

- А ты веришь?! – переходя на «ты» и приблизившись ко мне вплотную, спросил он.

- Нет, не верю, – решительно ответил я.

- И я не верю! – вдруг ответил Сталин.

Такого ответа я не ожидал и стоял в глубочайшем изумлении.

- Всего хорошего, – подняв руку, сказал Stalin. Это значило, что на сегодня разговор со мной окончен.

Я вышел. Многое я передумал по дороге в свой штаб... Через некоторое время я узнал об освобождении Андрей Николаевича, чему был нескованно рад. Разговоров на эту тему со Сталиным больше никогда не было» (109).

Однажды в Ставке Голованов был свидетелем разбора такого случая. В Москву прибыл летчик-истребитель за звездой Героя. После торжественного вручения награды в Кремле, это событие отметили с товарищами. Возвращаясь ночью в гостиницу, лётчик защитил незнакомую женщину от посягательств гражданского мужчины. При этом он применил оружие и застрелил наглеца. Оказалось, что убитый – ответственный работник танковой промышленности. Дело дошло до Сталина.

«Разобравшись во всех деталях, Верховный Главнокомандующий спросил, что, по советским законам, можно сделать для лётчика. Ему сказали: можно только взять его на поруки до суда. Stalin написал заявление в Президиум Верховного Совета с просьбой отдать лётчика на поруки. Просьбу удовлетворили, летчика освободили, и ему было сказано, что его взял на поруки товарищ Stalin. Лётчик вернулся в свою часть, геройски сражался и погиб в воздушном бою»...

«Stalin нередко говорил, что готов мириться со многими недостатками в человеке, лишь бы голова у него была на плечах. Вспоминается такой случай: Верховный Главнокомандующий был недоволен работой Главного штаба ВМФ и считал, что для пользы дела нужно заменить его начальника. Рекомендовали на эту должность адмирала Исакова. Наркомом Военно-Морского флота тогда был Н. Г. Кузнецов, который согласился с кандидатурой, но заметил, что Исакову трудно будет работать, так как ему ампутировали ноги.

- Я думаю, что лучше работать с человеком без ноги, чем с человеком без головы, – сказал Stalin. На этом и порешили» (110).

«Stalin очень не любил, чтобы товарищи, занимающие большие государственные посты, особенно политические, чем-то особенно выделялись среди окружающих. Так, например, узнав, что члены Военных советов фронтов Н. А.

Булганин и А. З Мехлис завели себе обслуживающий персонал и личных поваров, снял их с занимаемых постов на этих фронтах».

«Вся жизнь Сталина, которую мне довелось наблюдать в течение ряда лет, заключалась в работе. Где бы он ни был – дома, на работе или на отдыхе, – работа, работа и работа. Везде и всюду работа. Везде и всюду дела и люди, люди и люди. Рабочие и учёные, маршалы и солдаты... Огромное число людей побывало у Сталина! Видимо, поэтому он знал дела лучше других руководителей. Непосредственное общение с людьми, умение устанавливать с ними контакт, заставить их говорить свободно, своими словами и мыслями, а не по трафарету, давало ему возможность вникать во все детали» (112).

Бывали случаи, когда Голованов встречался с Верховным на его квартире, так сказать в домашних условиях. Вот в какое неловкое положение, иногда ставил он Александра Евгеньевича.

«Сталин всегда, когда к нему приходили домой, встречал и пытался помочь раздеться, а при уходе гостя, если вы были один, провожал и помогал одеться. Я всегда почему-то чувствовал себя при этом страшно неловко и всегда, входя в дом, на ходу снимал шинель или фуражку. Уходя, также старался быстрее выйти из комнаты и одеться до того, как подойдёт Сталин» (107).

Неловкость, которую испытывал при этом Александр Евгеньевич, вполне объяснима: между хозяином квартиры и гостем, была дистанция огромного размера. Но тут, вероятно, имело место и ещё одно обстоятельство, о котором командующий тактично умолчал – разница не только в должности, но и в росте. Голованов – под два метра, Сталин – около 170 сантиметров. В таких условиях принимать ухаживание при надевании шинели, действительно, для Александра Евгеньевича было вдвое неловко.

В конце августа 1942 года АДД совершила несколько вылетов на дальние цели. Полёты эти были самыми трудными и ответственными. Stalin лично следил за тем, как они протекают и как завершаются, особенно он интересовался потерями. В один из вылетов, попав в грозовую деятельность в районе Кенигсберга, в положенное время на аэродромы не вернулось 10 экипажей.

«Как всегда ночью позвонил Stalin, спросил, как идут дела. Я доложил, что экипажи в районе Кенигсберга встретили грозу, бомбят запасные цели и возвращаются на свои аэродромы.

- Как же метеорологи не предусмотрели этих грозовых явлений?**
- Метеорологи, товарищ Stalin, предсказывали грозы.**
- Так кто же тогда послал самолёты? За это нужно привлечь к ответственности.**
- Приказ на вылет самолётов дал я и допустил ошибку. Больше в этом никто не виноват.**

Последовала длительная пауза.

- И часто вы даёте приказание на вылет самолётов, когда синоптики считают погоду нелётной? – спросил Stalin.

- Думаю, товарищ Stalin, что не ошибусь, если скажу – восемь раз из десяти.**
- Вот как?! А сколько экипажей вы сейчас не досчитываетесь?**
- Пока десяти.**
- У вас есть уверенность, что они придут на свои аэродромы?**
- Нет, такой уверенности нет.**
- Это серьёзный вопрос, и нам надо в этом разобраться. – В трубке раздались частые гудки. Невесёлый разговор был окончен» (221).**

К утру окончательно выяснилось, что несколько самолётов вернулось на свои аэродромы, часть села на запасных, а несколько развалилось в воздухе от воздействия грозы, но экипажи спаслись. В итоге потерянными оказались два экипажа. Доложив Stalinу об этом, и почему он принял решение на вылет вопреки прогнозам синоптиков, Голованов услышал:

« - А какие выводы вы сделали для себя?

- Мною даны указания довести до каждого экипажа категорическое запрещение входить в грозовую облачность, при встрече с ней обходить её, а если это невозможно, возвращаться или же бомбить запасные цели, они даются всякий раз...

- Вы считаете, этих мероприятий достаточно?

- Да, товарищ Сталин, считаю, что вполне достаточно. Лётный состав у нас дисциплинированный.

- Вы и впредь думаете принимать свои решения так же, как принимали их раньше?

- Да, товарищ Сталин.

Разговор был закончен» (222).

В трудные летние месяцы 1942 года Голованову много раз приходилось вместе с Жуковым бывать на различных фронтах войны. У одного из командующих, который в воспоминаниях Александра Евгеньевича проходит как генерал П., они отобедали. Во время трапезы Жуков попросил своего бывшего сослуживца рассказать о его приключении, когда ему довелось быть военным атташе в Германии.

Уборкой квартиры, в которой жил генерал, занималась немка. В один прекрасный день раздался телефонный звонок. Звонивший представитель генерального штаба немецкой армии попросил приёма. К советскому атташе явился офицер в звании капитана и без всяких предисловий предложил работать на немецкую разведку. Генерал тоже сделал посетителю предложение покинуть кабинет. Уходя, капитан бросил на стол запечатанный пакет, пообещав позвонить позже. В пакете оказалась пачка фотографий, запечатлевших генерала в обществе уборщицы.

Нужно было выбирать одно из двух: или соглашаться на предложение, или докладывать непосредственному начальнику о провокации. Выбрав последнее, генерал оказался в Москве.

«Начальник, взяв фотографии и посмотрев на них, на какое-то время лишился дара речи. Через некоторое время он сказал: «Хорош, нечего сказать!»...Ему предложили выйти и подождать в коридоре. Вскоре явилась и охрана. Прошёл день, а затем и вечер. Никто ему не приносил ни попить, ни поесть. Менялась лишь охрана. Ночью за ним пришли незнакомые люди и предложили следовать за ними. «Ну, вот и всё», – подумал генерал.

Куда его везли, он не обратил внимания, но когда вылезал из машины, увидел, что двери здания не похожи на тюрьму. Несколько минутами позже он оказался в кабинете, и к нему навстречу шёл Сталин: «Спасибо вам за вашу честность. Отправляйтесь в Берлин и продолжайте работать. Мы верим вам. Всего хорошего»...

Эпизод мне кажется поучительным. Как уже упоминалось выше, людей, допустивших ту или иную ошибку, но переживших и признавших её, как бы не тяжела была эта ошибка, Сталин никогда не стремился наказать...На меня рассказ этот произвёл впечатление, в первую очередь, силой того решения, которое было принято Сталиным» (263).

Завершался трудный 1942 год, завершался большим успехом Красной Армии в районе Сталинграда. В этот успех внесла свой достойный вклад и Авиация дальнего действия. Большая группа её личного состава была представлена к правительенным наградам, в том числе и к званию Героя Советского Союза. Новый год Голованов встречал на фронте, у Рокоссовского.

«Под утро 1 января 1943 мне позвонил Верховный и сообщил, что Указы на представленную к наградам группу личного состава АДД подписаны и что он поздравляет первого в АДД дважды Героя Советского Союза А. И. Молодчего и других лётчиков, которым в первый раз присвоено это высокое звание, а также весь личный состав АДД с Новым годом и желает всем дальнейших успехов в боевой работе» (271).

В период Сталинградской битвы Голованов находился на одном из фронтов. Позвонил Сталин и спросил, когда он может быть в Москве по срочному делу, сколько потребуется для этого времени. Проанализировав все сложности, командующий доложил, что ему потребуется часов 10 – 11. Сталин назначил встречу на 14 часов. Голованов позвонил в штаб АДД и приказал направить к нему самолёт к 10 часам следующего дня. Однако самолёт опоздал более чем на час. Не расспрашивая экипаж о причине задержки, Александр Евгеньевич думал в полёте о том, как он объяснит Сталину причину своего опоздания. Встретивший его начальник штаба АДД генерал М. И. Шевелёв доложил, что задержка произошла по вине лётчика Михаила Вагапова, которого пришлось долго искать. Дав указание снять его с должности шеф-пилота, Голованов прямо с аэродрома поехал в Кремль и появился там на 45 минут позже назначенного времени.

«При моём появлении Сталин, как обычно, посмотрел на часы, стоящие в углу, вынул свои и, показывая их мне, задал один-единственный вопрос:

- Что случилось?

Видимо, зная мою точность и пунктуальность во всех делах, он и сам был удивлён моим опозданием, считая, что произошло что-то необычное.

Коротко доложил я ему о происшедшем, ещё не зная, как он на это будет реагировать. Честно говоря, ведь случай-то был безобразный! Немного походив, Верховный спросил:

- Что же вы думаете делать со своим шеф-пилотом?

Такого вопроса, прямо сказать, я не ожидал. Доложил о принятом мной решении и уже отданных на сей счёт указаниях.

- А давно вы с ним летаете?

- С Халхин-Гола, товарищ Сталин, – ответил я.

- И часто он у вас проделывает подобные вещи?

- В том-то и дело, товарищ Сталин, что за все годы совместной работы это – первый случай. Я никогда и мысли не допускал, что с ним может быть что-либо подобное.

- Вы с ним уже говорили?

- Нет, товарищ Сталин, не говорил. Какой же тут может быть разговор?!

- А вы не поторопились со своим решением? Как-никак не первую войну вместе.

Высказанное Сталиным озадачило меня. Подумав немного, я ответил:

- Это верно, товарищ Сталин, однако порядок есть порядок и никому не позволено его нарушать, да тем более так, как это сделал Вагапов. Да и наказание-то ему невелико, учитывая его проступок.

- Ну что же, вам виднее, – заключил Верховный и перешёл к вопросам, по которым я был вызван.

Однако дело этим не кончилось, время от времени Сталин спрашивал, где находится сейчас Вагапов, который через несколько месяцев был возвращён всё же на свою старую должность» (307 – 308).

К весне 1943 года на советско-германском фронте наступило относительное затишье. К этому времени противник удерживал два стратегических выступа в районе Орла и Белгорода. Между ними советские войска продвинулись вперёд на запад, примерно на 200 километров. Образовалась так называемая Курская дуга. К ней было приковано внимание высшего командования обеих противоборствующих сторон. Первоначально у советского командования зрело мнение, что после отдыха и пополнения Красная Армия перейдёт в этом районе в наступление. Иную точку зрения имел командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский: не наступление, а преднамеренная оборона. Постепенно эта точка зрения стала доминирующей и, в конце концов, была затвержена Ставкой. Началась невиданная по своим масштабам работа по претворению в жизнь целого комплекса оборонительных мероприятий на всех сопредельных с Курской дугой фронтах. И началось томительное ожидание немецкого наступления.

«Чем дальше шло время, тем больше и больше нарастало напряжение и, я бы сказал, появилась некоторая нервозность и у нашего руководства. Некоторые предлагали нанести упреждающий удар, а проще говоря, нам первым начать наступление. Эти предложения несколько колебали уверенность Верховного в принятом им решении вести на Курской дуге оборонительные действия. Бывая у него с докладами, я слышал высказываемые сомнения в том, что правильно ли мы поступаем, дожидаясь начала действий со стороны немцев. Однако такие разговоры кончались тем, что Сталин заключал: «Я верю Рокоссовскому».

Время шло, поступали разведсведения о дате немецкого наступления, советские фронты готовились принять удар, но подходило это время, а противник безмолвствовал. Таких сроков было несколько.

«Наконец, в конце июня поступили данные, что противник начнёт наступление 2 июля. Войска были приведены в надлежащую готовность, но немецкое наступление вновь не состоялось. 3 июля его тоже не было. 4 июля – то же самое. Напряжение стало предельным.

В ночь на 5 июля я был на докладе у Сталина на даче. Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича и под Москвой, и под Стalingрадом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твёрдость в принятии решений, обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали. Наконец, Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах...

- Неужели Рокоссовский ошибается?.. – Немного помолчав, Верховный сказал: - У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находился Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Stalin поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

- Товарищ Stalin! Немцы начали наступление!

- А чему вы радуетесь? – спросил несколько удивлённо Верховный.

- Теперь победа будет за нами, товарищ Stalin! – ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

- А всё-таки Рокоссовский опять оказался прав, – как бы для себя сказал Stalin» (317 – 318).

Однажды Голованов стал свидетелем как, после окончания Stalingradской битвы, в Ставке проходило назначение талантливого генерала М. М. Попова на должность командующего Брянским фронтом. Его вызвали в Кремль с фронта. Однако в назначенное время он не явился. Из штаба армии, которой он командовал, сообщили, что генерал улетел в Москву. Появился он лишь на трети сутки. Причину Голованов охарактеризовал так: «слабость к «живительной влаге» и прекрасному полу». Не прибыть в назначенное время в Ставку, да ещё по вопросу назначения на должность командующего фронтом, да ещё по такой причине, – такого чрезвычайного случая ещё не было. Все ждали, как на это отреагирует Stalin.

«Однако, против ожиданий, Stalin, видимо уже проинформированный о том, где «пропадал» Попов, вместо того, чтобы воздать ему по заслугам, рассказал нам такой случай из Гражданской войны. В то время Троцкий потребовал снять с должности одного командира дивизии на Петроградском фронте, обвиняя его в пьянстве. Владимир Ильич поручил Stalinу при его поездке в тот район разобраться с этим командиром дивизии и о результатах доложить ему. Stalin, прибыв в дивизию, вызвал к себе командиров частей... Присутствующие запротестовали и заявили, что вовсе он не пьяница, а пьёт только тогда, когда нет боевых действий – от

безделья...Было решено оставить командира дивизии на месте, причём Владимир Ильич сказал, что нужно позаботиться о том, чтобы так загрузить этого комдива работой, чтобы у него не оставалось свободного времени для безделья...Сталин нередко говорил, что можно мириться со многими недостатками человека, лишь бы голова была на плечах.

- С недостатками бороться можно и исправить их можно, новой же головы человеку не поставишь...

Но поступал так Сталин лишь тогда, когда не затрагивались интересы дела»(327 – 328).

И далее Голованов рассказал, что позже, когда личные слабости Попова стали влиять на интересы дела, Сталин отстранил его от командования фронтом, понизил в воинском звании и назначил на менее ответственную должность. Мысль о том, что в человеке для Сталина главным были его деловые качества, что он многим прощал личные слабости, если они не насилии вред общему делу, Голованов подкрепил ещё одним примером.

«Разглядеть и использовать в человеке его лучшие качества не каждый, конечно, сможет. Для Сталина всегда важна была суть вопроса, так сказать, без обёртки. Помнится мне, как генерал Ф. А. Астахов, будучи назначен начальником Гражданского воздушного флота, несколько месяцев скрывал, что он, выходя из окружения, зарыл в землю свой партийный билет. Платя ежемесячно партвзносы, он ссылался на то, что забыл партбилет дома. Спустя несколько месяцев дошло это до А. С. Щербакова, который входил в состав Политбюро. Установили истину, и Щербаков, докладывая об этом Сталину, поставил вопрос о пребывании Астахова в партии и на посту начальника ГВФ. Stalin долго ходил, покуривая трубку, и не торопился с ответом. Наконец, подойдя к Щербакову, он спросил: «А вы чтобы сделали на месте Астахова?!» Не получив ответа, Stalin продолжал: «Плохо не то, что Астахов закопал свой партбилет, а плохо то, что побоялся об этом сказать. В этом суть».

Астахов продолжал работать, но несколько лет спустя был снят со своего поста, и, несмотря на большое количество ходатайств, так работы больше и не получил. Пословица: «Кто старое помянет, тому глаз вон», – всегда дополнялась Сталиным: «А кто старое забудет, тому оба долой» (328 – 329).

После успешного завершения Курской битвы Красная Армия погнала отступающие немецкие войска на запад. Через месяц передовые части 1-го Украинского фронта оказались у Днепра. Встал вопрос, не приостанавливая наступления, форсировать эту водную преграду, а для более успешного решения задачи организовать выброску воздушного десанта. К десантной операции привлекались значительные силы АДД. Руководство ими Голованов возложил на своего заместителя генерала Н. С. Скрипко. Николай Семёнович убыл в штаб фронта.

Операция по многим причинам не удалась. **«Командование фронта – Н. Ф. Ватутин и член Военного совета Н. С. Хрущёв, а также представитель Ставки Г. К. Жуков послали телеграмму Сталину с предложением предать суду исполнителей операции, в частности генерала Скрипко...Очень скоро был получен ответ Сталина на посланную телеграмму. Верховный указывал, что виновники действительно заслуживают наказания за неудачную и плохо организованную воздушно-десантную операцию, но главными организаторами этой операции Ставка считает лиц, пославших и подписавших телеграмму, а не непосредственных исполнителей, которые выполняли указания старших.**

Ещё раз со всей полнотой из этой телеграммы было видно, что как при успехах, так и при неудачах главными ответчиками являются люди, принимающие те или иные решения и руководящие их проведением в жизнь» (331).

Осенью 1943 года Верховный Главнокомандующий направил на один из фронтов, где дела шли не слишком успешно, маршала артиллерии (позже Главного маршала артиллерии) Н. Н. Воронова и А. Е. Голованова. Пробыв там несколько дней, командующий АДД был

срочно вызван в Москву. Приехав рано утром в штаб и приведя себя в порядок, Александр Евгеньевич решил съездить домой. Жена родила дочь, которую он ещё не видел. Уезжая, он приказал адъютанту Е. Усачёву, чтобы он немедленно сообщил, если его будут спрашивать. В половине одиннадцатого, так и не дождавшись звонка, Голованов приехал в штаб. Усачёв доложил, что его давно спрашивают. Удивлённый неисполнительностью адъютанта, командующий спросил, почему он не поставил его в известность.

« - Мне было запрещено, – последовал ответ.

- Кто же мог вам запретить?!

- Товарищ Сталин.

Оказывается, в десятом часу позвонил Верховный и спросил, приехал ли я. На утвердительный ответ он спросил, где я. Усачёв рассказал, где я нахожусь, и какие указания он имеет. Сталин спросил:

- Как ваша фамилия?

- Усачёв.

Поинтересовавшись, какую должность он занимает, Верховный сказал:

- Вот что, товарищ Усачёв, Голованову вы не звоните и его не беспокойте, пока он сам не приедет или не позвонит. Невыполнение этих указаний повлечёт отстранение вас от должности. Когда Голованов появится, передайте, чтобы мне позвонил. Всё ясно?

- Так точно, товарищ Сталин, всё ясно!»

Не трудно представить в какое неловкое положение попал Голованов. Не успел он закончить разговор с адъютантом, как позвонил Молотов и сказал, что его ждут на даче. В машине Александр Евгеньевич «казнил» себя за то, что уехал из штаба домой, не придав значения тому, что с фронта так просто, да ещё в срочном порядке, не вызывают.

«Приехал на дачу, собираясь сразу извиниться за свою оплошность. Однако когда я вошёл в комнату, то увидел улыбающегося Сталина и рядом Молотова.

- Ну, с кем вас поздравить?

- С дочкой, товарищ Сталин.

- Она ведь у вас не первая? Ну, ничего, люди сейчас нам нужны. Как назвали?

- Вероникой.

- Это что же за имя?

- Это греческое имя, товарищ Сталин. В переводе на русский язык – приносящая победу, – ответил я.

- Это совсем хорошо. Поздравляем вас» (348 – 349).

По предварительной договорённости руководители трёх ведущих держав антигитлеровской коалиции собрались на нейтральной территории – в Тегеране. Вполне понятно, дипломатический этикет требовал личной встречи каждого из них с шахом Ирана. О том, как это произошло, рассказал в своих воспоминаниях Голованов.

«Здесь мне хотелось бы рассказать о малоизвестном факте, частном случае, который показывает, как подчас на первый взгляд незначительное явление может иметь значительные последствия.

По прибытии глав трёх держав в Тегеран шах Ирана попросил аудиенцию у Черчилля и Рузвельта для приветствия гостей. Прибыв в английское посольство, он довольно долго прождал, пока вышел к нему Черчилль. Ожидание Рузвельта было менее долгим и, наконец, раздался телефонный звонок в наше посольство с вопросом, когда его превосходительство Сталин может принять шаха Ирана. В посольстве попросили обождать, чтобы согласовать время визита. Довольно быстро был получен ответ, который гласил: «Глава советской делегации спрашивает, когда шах Ирана найдёт время и сможет его принять?»

Звонивший в посольство несколько растерянным голосом сказал, что его не так поняли, что шах Ирана спрашивает, когда он может приехать к Сталину. Однако

последовал ответ, что его поняли правильно, и Сталин именно спрашивает о том, когда шах Ирана может его принять. Звонивший сказал, что должен об этом доложить шаху.

Через некоторое время последовал звонок, и посольству сообщили, что если правильно поняли, и И. В. Сталин действительно хочет навестить шаха Ирана, то шах будет его ждать в такое-то время.

В точно назначенный час товарищ Сталин был у шаха Ирана, приветствовал его и имел с ним продолжительную беседу, чем подчеркнул, что всякий гость должен отдать дань признания хозяину, посетить его и отблагодарить за оказанное гостеприимство...Поистине, казалось бы, незначительный случай, а по сути дела – политика, и немалая» (364 – 365).

После возвращения из Тегерана перед Головановым, отвечающим за авиационную часть доставки советской делегации в столицу Ирана, встал вопрос о поощрении авиаторов, в первую очередь лётчиков-истребителей, которые сопровождали два транспортных самолёта. Командующему АДД хотелось более высокой наградой поощрить и командира самолёта Си-47, на котором летал Сталин. Однако...

«Не совсем обычен был вопрос, чем отметить Виктора Грачёва...Необычен вопрос был потому, что в делах, касающихся лично его, Сталин был весьма щепетилен, делать тут что-либо без него нечего было и думать. С одной стороны, мне хотелось как-то особенно отметить лётчика, чтобы у него навсегда осталась память об этом полёте, а с другой – я знал, что Сталин ни за что не согласится на неоправданное награждение. Сам решать этот вопрос он также не стал бы. После некоторых размышлений я включил Грачёва в указ о награждении орденом Суворова 1-й степени. Исходил я из того, что по своей службе такого ордена он получить не может, так как не относится к высшему руководящему составу, с другой стороны – такой полёт необычен и должен оставить память о себе.

Как я и ожидал, как только начался доклад о награждении и появился на столе заготовленный материал, Сталин сразу спросил:

- Посмотрим, к какой награде вы представляете Грачёва?

По его тону явно чувствовалось, что он приготовился, можно сказать, к жёсткой обороне. Когда мной была названа награда, Сталин был удивлён, совершенно не ожидая такого представления. На его вопрос, почему именно такой наградой предлагается отметить лётчика, я изложил свои мысли. Подумав, Сталин спросил:

- У вас нет никаких сомнений в вашем представлении?

- И сомнений никаких нет, и настоятельно прошу утвердить это представление, – ответил я.

Вопросов больше не последовало, и представления были подписаны» (367 – 368).

В июне 1944 года, когда началась подготовка к проведению Белорусской наступательной операции, Голованов оказался в Житомире. Закончив под утром работу в штабе 5-го авиакорпуса, он лёг отдохнуть. Сердечный приступ начался ещё до того, как он уснул. Случай, который произошёл с командующим, был уникальным: сердце останавливалось, прерывалось дыхание, каменело тело. Узнав о тяжёлом состоянии Голованова, Сталин направил в Житомир группу врачей. Они предписали ему постельный режим.

«Лёжа сейчас в госпитале, я вспомнил, как ещё в 1942 году Сталин говорил со мной о том, что он имеет сведения о моей круглосуточной работе практически без отдыха и без сна. Это, сказал Сталин, не может хорошо кончиться. Долго так человек работать не может. Затем Верховный сказал, что здоровье людей, находящихся на большой, ответственной работе, им не принадлежит, что оно является казённой собственностью и распоряжаться им, то есть здоровьем, может только государство. А так как я распоряжаться своим здоровьем сам не могу, то ко мне придётся представить охрану, которая и будет регулировать мою работу и отдых».

Вернувшись после нескольких дней лечения из Житомира в Москву, Голованов вышел на работу, но сердечные приступы продолжались. Никакие медицинские светила и консилиумы не помогали.

«Как-то позвонил Сталин и поинтересовался, каково состояние моего здоровья. Я ответил, что здоровьем похвастаться не могу, а лекарства, которые мне приписывают, видимого улучшения не дают. Помолчав немного, Верховный сказал:

- Вот что. Врачи, я вижу, вам помочь не могут. Я знаю, вы человек непьющий. Заведите у себя на работе и дома водку. Когда почувствуете себя плохо, налейте водки и сколько можете, выпейте. Я думаю, что это должно вам помочь. О результатах позвоните мне. Всего хорошего».

Советом Верховного Главнокомандующего Голованов воспользовался при первом же очередном приступе. Почувствовав положительную реакцию, стал прибегать к этому «лекарству» при каждом очередном осложнении. Приступы перестали быть ежедневными.

«Недели через две позвонил Верховный и спросил, как моё здоровье. Я рассказал ему об удивительных, с моей точки зрения, результатах приёма водки.

- Каких только специалистов не приглашали, товарищ Сталин, вплоть до светил, и сделать они ничего не смогли. А простая водка справилась с тем, с чем не могли справиться учёные! – закончил я.

- А почему вы мне не позвонили и сами не рассказали об этом? – спросил он.

Ответа с моей стороны не последовало. Лезть, а более литературно выражаясь, обращаться к Сталину с личными делами, хотя и с его разрешения, я считал, да и сейчас считаю, невозможным, а если более точно выразиться, неприличным. Молчание длилось довольно долго.

- Вот что – наконец услышал я голос Сталина, – имейте в виду, что водка будет вам помогать до тех пор, пока будете пользоваться ею как лекарством. Если вы начнёте пить водку, то можете поставить крест на своём лечении. Я хочу предупредить вас об этой возможной опасности.

В трубке послышались частые гудки, разговор был закончен» (452 – 454).

В только что описанном эпизоде более всего поражает не только факт заботы Сталина о здоровье своего подчинённого, что само по себе характеризует человечность Верховного Главнокомандующего, а то, что, рекомендуя в телефонном разговоре водку в качестве лекарства, он попросил Голованова позвонить ему о результатах её применения, а через две недели спросил, почему он этого не сделал. Воистину, память у Сталина была феноменальной!

2. О личной жизни и личных качествах Сталина

Частое общение со Сталиным в Кремле и на его квартире позволило Голованову сделать несколько обобщающих выводов относительно его личной жизни.

«Было бы наивным утверждать, что И. В. Сталин имел только положительные качества. Даже он сам, эти слова приведены мной в повествовании, говорил, что люди в Сталине видят только одно хорошее, но таких людей на свете нет» (569 – 570)...

«Личная жизнь Сталина сложилась, как известно, неудачно. Жена его застрелилась, и он с детьми остался один. Новой семьи у него не получилось, а дети как-то около отца не прижились. Сын Василий представлял из себя морального урода и впитал в себя столько плохого, что хватило бы, на мой взгляд, на тысячу подлецов. Отец, конечно, знал не всё, но и за то, что знал, рассчитывался с ним сполна – снимал с должностей и т. д. Василий трепетал перед отцом и боялся его, как говорят, пуще огня, но оставался неизменно подлым человеком, становясь из года в год всё хуже и хуже... Отец чувствовал это и страшно переживал» (112 – 113).

О том, как относился Сталин к своим сыновьям написано много, а вот один документ, весьма красноречиво характеризующий отношение Верховного к одному из них, Василию Сталину, намеренно остаётся в тени. Вот он.

«Командующему ВВС Красной Армии маршалу авиации товарищу Новикову.

Приказываю:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника В. И. Сталина и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

3. Исполнение донести.

Народный комиссар обороны И. Сталин»³.

«Сталин, общаясь с огромным количеством людей, по сути дела был одинок. Его личная жизнь была серой, бесцветной, и, видимо, это потому, что той личной жизни, которая существует в нашем понятии, у него не было. Всегда с людьми, всегда в работе» (113)...

«Скромность его жилья соответствовала скромности квартир В. И. Ленина. Хотелось бы сказать и о быте Верховного, который мне довелось наблюдать. Этот быт был также весьма скромен. Stalin владел лишь тем, что было на нём. Никаких гардеробов у него не существовало. Вся его жизнь, которую мне довелось видеть, заключалась почти в постоянном общении с людьми. Его явной слабостью было кино... Видимо, в просмотре особо полюбившихся ему кинокартин Stalin находил свой отдых» (112).

В один из августовских дней, когда основные бои переместились в район Сталинграда, Голованов получил приказание вернуться с фронта в Москву. Через некоторое время, когда он оказался в своём кабинете, раздался телефонный звонок.

«Сняв трубку, я услышал голос Сталина. Поинтересовавшись, как идут дела, он сказал:

- Приведите себя в порядок, наденьте все ваши ордена и через час приезжайте.

Раздались частые гудки. И прежде случалось, что Stalin, позвонив и поздоровавшись, давал те или иные указания, после чего сразу клал трубку. Это было уже привычно. Верховный имел обыкновение без всяких предисловий сразу приступать к тому или иному вопросу. А вот указаний надеть ордена и привести себя в порядок за год совместной работы я ещё ни разу не получал...

Через час Голованов был в Кремле. Поскребышев направил его в комнату, расположенную на одном этаже с Георгиевским залом. Там было несколько человек, в том числе К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов и А. С. Щербаков. Через некоторое время в комнату вошли И. В. Stalin, У. Черчилль и начальник штаба английской армии генерал А. Брук. После представления Черчиллю всех присутствующих, начался обед, в процессе которого шли переговоры.

«Гости следовали один за другим. Stalin и Черчилль пили вровень. Я уже слышал, что Черчилль способен поглощать большое количество горячительных напитков, но таких способностей за Stalinом не водилось. Что-то будет?! Почему, и сам не знаю, мною овладела тревога...

Тосты продолжались. Черчилль на глазах пьянел, в поведении же Stalin ничего не менялось... Судя по всему Черчилль начал говорить что-то лишнее, так как Брук, стараясь делать это как можно незаметнее, то и дело тянул Черчилля за рукав. Stalin же, взяв инициативу в свои руки, подливал коньяк собеседнику и себе, чокался и

³ Иосиф Stalin в объятиях семьи. – М., 1993. – С. 91 – 92.

вместе с Черчиллем осушал рюмки, продолжая непринуждённо вести, как видно, весьма интересовавшую его беседу.

Встреча подошла к концу. Все встали. Распрощавшись, Черчилль покинул комнату, поддерживаемый под руки. Остальные тоже стали расходиться, а я стоял как завороженный и смотрел на Сталина. Конечно, он видел, что я всё время наблюдал за ним. Подошёл ко мне и добрым хорошим голосом сказал: «Не бойся, России я не пропью. А вот Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал...» Немного подумав, Сталин продолжил: «Когда делаются большие государственные дела, любой напиток должен казаться тебе водой, и ты всегда будешь на высоте. Всего хорошего». - И он твёрдой, неторопливой походкой вышел из комнаты» (215 – 217).

Сталин весьма «прохладно» относился к личным наградам, и присвоить ему тот или иной орден было проблемой. В 1943 году Голованов стал соавтором одного коллективного ходатайства.

«Известно – чем больший пост занимает тот или иной человек, тем проще и легче ему получать награды. Мне хотелось бы здесь рассказать, как И. В. Сталин был награждён орденом Суворова 1-й степени.

Поздней осенью 1943 года приехал ко мне в штаб генерал-полковник Ефим Иванович Смирнов (начальник Главного военно-медицинского управления. – A. C.) и привёз обращение командующих в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой наградить товарища Сталина орденом Суворова. В обращении перечислялись заслуги Верховного перед Советским государством в ведении войны против фашистских захватчиков.

Я спросил, почему я, командующий, подчинённый непосредственно Ставке, должен подписывать представление на своего руководителя, ведь так не бывает. Ефим Иванович ответил, что выполняет поручение и что только по ходатайству командующих Сталин согласиться принять этот орден. Подписей под представлением ещё не было. Считая неудобным подписывать первым такое представление, я обратил на это внимание Смирнова. Он сказал: «Решили начать с тебя».

Конечно, это представление я подписал от чистого сердца. Но это для меня был и предметный урок: чем выше занимает должность тот или иной человек, тем щепетильней должен он быть в отношении различных почестей и наград.

В начале ноября 1943 года был опубликован указ о награждении И. В. Сталина, где было сказано: «За правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецких захватчиков и достигнутые успехи наградить...»

Я больше чем уверен, что редакция этого указа не прошла мимо Сталина. Об этом говорит лаконичность и сккупость формулировки. В вопросах, касающихся лично себя, Сталин был весьма строг» (379).

Голованов обладал исключительной памятью. Он всегда являлся к Верховному Главнокомандующему за получением указаний без блокнота и карандаша. Но даже он, имея такую способность, поражался памяти Сталина. Она воистину была феноменальной.

«Я лично поражался не только точности и краткости его формулировок, но и тому, как он мог воспроизводить почти слово в слово то, о чём говорил раньше. Так, например, его речь, плохо записанная на плёнку во время парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, была малоразборчива, и он повторил её в Кремле для новой записи по памяти, можно сказать, слово в слово. Только ли феноменальная память здесь или проявилось такое качество Сталина, как ясное, отчётливое представление о том, что надо высказать, и нет больше иных, более точных и конкретных слов?!» (457).

Иногда, при решении того или иного вопроса с тем или иным должностным лицом, Сталин терял самообладание, допускал грубость. Однако это было не правило, а скорее исключение.

«Кроме случая с Берия, описанного мной, больше ни разу не довелось мне видеть. Верховного в состоянии гнева или в таком состоянии, когда бы он не мог держать себя в руках. Вполне возможно, что другие товарищи с этим сталкивались, раз они об этом сами пишут. Лично со мной Сталин никогда не разговаривал в грубой форме. Однако весьма неприятные разговоры имели место. Дважды за время войны подавал я ему записки с просьбой об освобождении от занимаемой должности. Причиной подачи таких записок были необъективные, неправильные суждения о результатах боевой деятельности АДД, полученные им от некоторых товарищ... Подача таких записок не вызвала какого-либо изменения в отношении ко мне Сталина... Этим я хочу подчеркнуть, что Сталин обращал внимание на существо и мало реагировал на форму изложения» (570).

«Работать со Сталиным, прямо надо сказать, было и не просто, и нелегко. Обладая самыми широкими познаниями, он не терпел общих докладов, общих формулировок. Ответы на все поставленные вопросы должны были быть конкретны, предельно кратки и ясны. Туманных, неясных ответов он не признавал и, если такие ответы были, не стесняясь, указывал на незнание дела тем товарищем, который такие ответы давал. Мне ни разу не довелось наблюдать, чтобы для этого он подыскивал какие-либо формулировки, и в то же время мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он кого-либо унизил или оскорбил. Он мог прямо, без всякого стеснения заявить тому или иному товарищу о его неспособности, но никогда в таких высказываниях не было ничего унизительного или оскорбительного. Была констатация факта. Способность говорить с людьми без всяких обиняков, говоря прямо в глаза то, что он хочет сказать, то, что он думает о человеке, не могло не вызвать у последнего чувство обиды или унижения. Это было особой, отличительной чертой Сталина» (570 – 571)..

3. Компетентность

Как уже упоминалось в письме Сталину в начале 1941 года, Голованов, обосновывая мысль о необходимости готовить лётчиков, способных летать во всех условиях, предлагал создать соединение в 100 – 150 самолётов. Оно, по его мнению, могло бы стать базой для BBC в деле подготовки кадров в совершенстве владеющих «слепыми» полётами. Больше никаких конкретных предложений в письме не содержалось. Возвращённый с полпути в Китай и немедленно доставленный в Кремль, он совершенно не предполагал, что вся эта срочность связана с его письмом. Лишь оказавшись в кабинете Сталина, он стал понимать, что к чему. К конкретному разговору по поднятому в письме вопросу он был явно не готов. Началось обсуждение головановского предложения. Кто-то из присутствующих предложил организовать армию, кто-то предложил начать дело с корпуса. Stalin внимательно слушал и продолжал ходить. Затем заговорил.

«Армия или корпус, – сказал он, – задавят человека портняками и всячими видами обеспечения и снабжения, а нам нужны люди, организованные в части и соединения, способные летать в любых условиях. И сразу армию или корпус не создашь. Видимо было бы целесообразнее начать с малого, например, с полка, но не отдавать его на откуп в состав округа или дивизии. Его нужно непосредственно подчинить центру, внимательно следить за его деятельностью и помогать ему.

Я с удивлением и радостью слушал, что говорит Stalin. Он высказал и предложил то лучшее, до чего я сам, может быть, не додумался бы... Поглядев на меня, Stalin опять улыбнулся: мой явно радостный вид, который я не мог скрыть, говорил сам за себя.

- В этом полку нужно сосредоточить хорошие кадры и примерно через полгода развернуть его в дивизию, а через год – в корпус, через два – в армию. Ну, а вы как, согласны с этим? – подходя ко мне, спросил Сталин.

- Полностью, товарищ Сталин!

- Ну, вот вы и заговорили, – он опять улыбнулся. – Кончайте ваше вольное казачество, бросайте ваши полёты, займитесь организацией, дайте нам ваши предложения, и побыстрее. Мы вас скоро вызовем. До свидания.

...Больше всего меня поразила его осведомлённость в вопросах авиации» (36, 38).

Действительно повторный вызов в Кремль не заставил себя долго ждать. Голованову дали возможность высказать свои соображения по вопросу формирования полка. После того как он сказал, что полк нужно формировать из лётчиков гражданского воздушного флота, Сталин спросил:

« - Ну а кто же, по-вашему, будет заниматься прокладкой маршрута, бомбометанием, связью?

Я понял, что веду разговор с человеком, который прекрасно разбирается в лётных делах и знает, что к чему.

...Было очевидно, что вопрос о формировании полка мной до конца не продуман. Увлёкшись одной, как мне думалось, главной стороной организации полка, совсем забыл о других, не менее важных.

Простота обращения Сталина ещё к концу первой встречи с ним сняла у меня внутреннее напряжение. И сейчас тон его разговора не был тоном наставника, который знает больше тебя. Он как бы вслух высказывал свои мысли и советовался со мной. ...Слушая Сталина, я понял, что он высказывает мысли, возникшие у него не только что, а значительно раньше нашего разговора» (40).

Проявляя удивительную компетентность практически во всех решаемых в годы войны вопросах, в том числе и в сфере авиации, Сталин стремился ставить на руководящие посты людей знающих.

«Хочется ещё раз подчеркнуть, что Сталин всегда решал дела в пользу тех людей, которые имели личный опыт и знания в обсуждаемых вопросах и являлись специалистами своего дела...Неоднократно довелось мне слышать от Сталина и о том, что советы некомпетентных людей – опасные советы» (173).

В один из дней июля 1942 года Голованову позвонил А. Н. Поскребышев и попросил срочно приехать. Чтобы попасть в кабинет Сталина, надо было пройти через кабинет личного секретаря Верховного Главнокомандующего. Каково было удивление Голованова, когда он увидел там сидящего за столом Сталина. Перед ним лежала карта юго-западного направления.

«Непосредственно общаясь со Сталиным на протяжении почти целого года, я видел его в самые различные моменты, и теперь пытался угадать по выражению его лица, сколь серьёзное положение создалось и как он на это реагирует. Было очевидно, что мысли его не относятся к постановке задач для АДД.

Передо мной был уже не тот Сталин, которого я видел в октябре 1941 года, но полное отсутствие людей в кабинете и тишина невольно воскресили в памяти октябрь 41-го, прорыв немцев под Вязьмой, так его тогда ошеломивший. В прошлом году было видно, что Сталин ищет какое-то решение, что ему явно нужны люди, способные помочь разобраться в военной обстановке, чем он ещё, видимо, тогда полностью не владел, хотя твёрдость и решительность не покидали его и в те минуты, когда многим казалось, что всё вокруг рушится.

Сейчас это был уже другой Сталин. Это был Верховный Главнокомандующий, который решительно вмешивался, когда нужно, в практические военные вопросы, подводя под них и теоретическую базу, как это было, например, с организацией артиллерийского наступления, с созданием мощных резервов, способных влиять на ход войны, и ряда других вопросов.

Постоянно бывая в Ставке, я не раз слышал высказывания Сталина о способах ведения войны. Надо сказать, что Stalin хорошо знал историю выдающихся походов и войн... Особое место Stalin отводил военной доктрине Наполеона, главным образом потому, что Наполеон важнейшее значение придавал артиллерию. Выражение «артиллерия – бог войны» я слышал от Сталина всё чаще и чаще. И это были не только слова. Некоторые товарищи говорят, что из всех родов войск Stalin отдавал предпочтение авиации. Да, Stalin придавал авиации большое значение, но артиллерия была у него, если можно так выразиться, в не меньшем почёте... Быстро реагируя на опыт боевых операций и внимательно прислушиваясь к дальним соображениям и предложениям, Верховный Главнокомандующий пришёл к ряду выводов, которые были затем положены в основу нового Боевого устава пехоты, утверждённого в 1942 году...

Надо сказать, что Stalin быстро разбирался в причинах неудач тех или иных боевых операций. Так, например, в мае, в связи с неудачами, которые потерпели наши войска на Керченском перешейке, он дал весьма точный анализ причин, не встретивший никаких возражений со стороны знатоков военного дела, и по заслугам наказал виновных...

Сейчас, глядя на Сталина и дожидаясь, когда он обернётся ко мне, я думал, что теперь вряд ли его можно ошеломить, застать врасплох, однако случилось что-то весьма неприятное, неожиданное, и он, видимо, размышляет о том, как выйти из этого положения.

- Вот что, – наконец произнёс он, обращаясь ко мне. – Связь с Малиновским (в то время командующим Южным фронтом) у нас потеряна. Немец повернулся на юг. Я думаю, не получив успеха под Воронежем, он пойдёт сейчас на Сталинград. Кавказ ему ничего не даст, он там не решит исхода войны. Ключи от Москвы он хочет найти в Сталинграде. Я думаю там, на этом направлении будет решаться сейчас судьба войны.

Так вот о чём думал Верховный!... Относительно того, на каком направлении будут развиваться решающие события войны, существовали самые различные мнения. В частности, некоторые предполагали, что противник пойдёт на Кавказ с целью отрезать Баку с его нефтеносными районами. Но, как увидим дальше, именно Stalin верно определил направление главного удара верховного командования немецкой армии, и это послужило Ставке отправной точкой для проведения соответствующих мероприятий.

- Я прошу вас направить все имеющиеся сейчас силы на уничтожение переправ противника в районе станции Константиновской и сообщить мне, когда вылетят самолёты, – приказал Stalin.

Через два часа я доложил Верховному, что самолёты в воздухе» (208 – 212)...

«Работоспособность Сталина во время войны была феноменальная, а ведь он уже был не молодым человеком, ему было за шестьдесят. Память у него была редкостная, познания в любой области, с которой он соприкасался, удивительны. Я, лётчик, во время войны считал себя вполне грамотным человеком во всём, что касается авиации, и должен сказать, что, разговаривая со Stalinом по специальным авиационным вопросам, каждый раз видел перед собой собеседника, который, хорошо разбирался в них, не хуже меня. Такое же чувство испытывали и другие товарищи, с которыми приходилось беседовать на эту тему – артиллеристы, танкисты, работники промышленности, конструкторы.

Так, например, Н. Н. Воронов, впоследствии Главный маршал артиллерии, являлся к Stalinу с записной книжкой... Докладывая, он предварительно заглядывал в эту книжку, однако не раз бывали случаи, когда Верховный Главнокомандующий, зная все эти данные на память, поправлял его, и Николаю Николаевичу приходилось извиняться» (102 – 103).

4. Мысли Сталина о возможной войне с Германией.

В процессе двух первых посещений Кремля, когда обсуждались конкретные проблемы по созданию специального полка в целях подготовки всепогодных кадров для дальнебомбардировочной авиации, Голованов сделал некоторые выводы относительно позиции Сталина по отношению к Германии.

«Понял я и то, что мысли его сосредоточены на неминуемой грядущей войне с фашистской Германией, что пакт пактом, а мы готовимся к обороне... Всё это для меня было открытием» (38 – 39).

Один раз, также после обсуждения вопроса о создании полка, многие присутствующие стали расходиться. Stalin попросил Голованова задержаться. Когда в кабинете осталось несколько человек, в том числе Молотов, Маленков и Микоян, Иосиф Виссарионович, немного походив, остановился возле Голованова и сказал:

« - Вам, как и всякому военному, нужно твёрдо знать, для чего, для каких операций вы будете готовить кадры, поэтому я хочу кое-что вам сказать.

Он подошёл к карте. Я последовал за ним.

- Вот видите, сколько тут наших противников, – указывая на западную часть карты, сказал Stalin. – Но нужно знать, кто из них на сегодня опаснее и с кем нам в первую очередь придётся воевать. Обстановка такова, что ни Франция, ни Англия с нами сейчас воевать не будут. С нами будет воевать Германия, и это нужно твёрдо помнить. Поэтому всю подготовку вам следует сосредоточить на изучении военно-промышленных объектов и крупных баз, расположенных в Германии, – это будут главные объекты для вас. Это основная задача, которая сейчас перед вами ставится.

Уверенный, спокойный тон Сталина как бы подчёркивал, что будет именно так, а не иначе. О договоре, заключённом с Германией, не было сказано ни слова...

За несколько посещений Кремля я увидел, какая огромная и интенсивная работа ведётся партией и правительством по перевооружению нашей армии под прямым и непосредственным руководством Сталина и с какой быстротой претворяются в жизнь все решения Кремля» (46).

5. Только ли Stalin виновен в просчётах накануне войны

Только через четыре месяца командования полком, в июне 1941 года, Голованов нашёл время для поездки в Минск, где находился штаб Западного Особого военного округа. Хотя полк подчинялся центру, надо было представиться командованию ВВС округа и самому командующему генералу армии Д. Г. Павлову. После представления и решения ряда вопросов, связанных с обеспечением полка, Павлов выразил мнение подчинить полк непосредственно ему. Голованов ответил, что он не компетентен решать этот вопрос. Тогда командующий решил выйти на самого Сталина.

«Через несколько минут он уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Stalin задаёт встречные вопросы.

- Нет, товарищ Stalin, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я ещё раз проверю, но считаю это просто провокацией...

Почему войска не были приведены в боевую готовность, хотя уже накануне стало очевидно, что завтра может грянуть война и, как известно, были отданы на сей счёт определённые указания? Кто виноват в том, что эти, хотя и запоздалые, указания, пусть оставлявшие на подготовку самые что ни на есть считанные часы, не были сразу

доведены до войск? По укоренившейся за многие годы версии, всё как будто упирается в Сталина, а так ли это? Ведь, как известно, после полученных из Москвы распоряжений Военно-Морской Флот был приведён в боевую готовность до наступления регулярных войск фашистской Германии. Является ли один Stalin виной этой, надо прямо сказать, катастрофы?» (51).

«Хоть мы и готовились к вооружённому столкновению с гитлеровской Германией, хоть и знали, что Германия, а не кто другой, будет нашим противником на ближайшее время, нападение немецких войск явились для руководства нашей страны трагически неожиданным. Не по самой возможности нападения, а по времени. Вся армия, в том числе и авиация, находились в стадии полного перевооружения и перестройки... Просчёт этот явился следствием и того, что руководители всех степеней считали, что «наверху» всё знают и обо всём думают. Настойчивых убеждённых мнений о наличии конкретных доказательств готовящегося удара не высказывалось, хотя, как известно, данных об этом было более чем достаточно. Руководители же, кои несли за это прямую ответственность, не верили получаемым данным (например, командующий Западным Особым округом генерал армии Павлов) и успокаивали Москву ссылками на личные рекогносцировки» (113).

Победа Красной Армии под Сталинградом дала Голованову повод порассуждать о роли и ответственности Сталина, как Верховного Главнокомандующего Вооружёнными силами СССР, за принятие того или иного стратегического решения в деле ведения войны.

«...всякое решение на войне является обоснованным, если оно приносит ожидаемые результаты, и недостаточно обоснованным, если желаемых результатов не достигнуто. Но на такие решения способны только те, кто предвидит, чувствует течение, ход событий кампании или войны в целом. Знатоками психологии ведения войны каждый в своё время были, как мне представляется, Александр Македонский, Александр Невский, Дмитрий Донской, а в более позднее время – Суворов, Кутузов, Наполеон и в эпоху XX века, конечно, Stalin.

Совершенно ясно, что пословица «один в поле не воин» относится к каждому из перечисленных выше. Все они имели достойных полководцев... Однако решение вопросов ведения войны и вся ответственность за эти решения лежала и лежит на плечах основных руководителей. Так, всю ответственность за внезапность, неожиданное по времени нападение Гитлера на нашу Страну и за его первоначальные результаты мы возлагаем на Сталина, и это естественно, ибо он стоял во главе государства, хотя к этому имеют прямое отношение и Тимошенко – как нарком обороны, и Жуков – как начальник Генерального штаба, и ряд других товарищей. Но к ним, как известно, каких-либо особых претензий не предъявляется. Точно также правомерно и стратегические, имеющие мировое значение победы относить тоже на счёт этих людей, которые стояли во главе тех или иных кампаний или войн в целом» (295).

Видимо придавая большое значение вопросу виновности тех или иных лиц из высшего руководства страны в просчётах относительно нападения фашистской Германии на СССР, Голованов в своих воспоминаниях выделил эту проблему в отдельный раздел, назвав его «22 июня 1941 года – кто виноват?»

«...мы упустили непосредственную подготовку Гитлера к войне с СССР, не веря имевшейся информации, получаемой как из-за кордона, так и от наших войсковых разведок, о том, что идёт сосредоточение немецких войск в непосредственной близости от наших границ именно для нападения на нас, а не с какими-либо иными целями. Кто же в этом виноват?

Главным лицом, которое несёт ответственность за этот непростительный просчёт, считается В. И. Stalin, и это совершенно правильно, поскольку он был фактическим руководителем нашего государства, нашей партии, наших Вооружённых Сил. Он и сам

указывал на свой просчёт в этом вопросе на встрече с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране, не предъявляя в этом каких-либо претензий к другим лицам» (551 – 552).

Но правильно ли всю вину за просчёты относить только к одному человеку, правильно ли винить в этом только Сталина? Такими вопросами задаётся Голованов и отвечает на них.

«Однако хотя Сталин и несёт в первую очередь за это ответственность, его действия являлись результатом той информации, которой он пользовался и на основании которой делались выводы и принимались решения. Мы с вами из книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» знаем, что, скажем, начальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал Ф. И. Голиков, да и не только он один, донося Сталину о сосредоточении гитлеровских войск, настаивал на том, что сообщения эти провокационные» (552).

«...руководству страны представлялись материалы, получаемые из-за границы, с комментариями, которые сводили на нет правдивость этих сведений. Нет ни одного документа, представленного в правительство Генеральным штабом или наркому обороны, где были бы изложены получаемые от наших товарищей из-за кордона сведения о готовящейся войне, подтверждённые непосредственными данными о концентрации немецких войск вблизи наших границ, где бы делались выводы о готовившемся нападении и вносились бы соответствующие предложения» (553).

«Одной из причин, способствовавших такому положению, явилась, с моей точки зрения, замена опытнейшего начальника Генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова другими товарищами – сначала К. А. Мерецковым, а потом Г. К. Жуковым. Это была одна из серьёзных ошибок И. В. Сталина. Заменить человека, мыслящего масштабами государства, отлично знающего положение и состояние Красной Армии, готовящего длительный период времени всё необходимое для возможной в недалёком будущем войны, отлично знающего международное положение и место Советского Союза в нём, находящегося в курсе подготавливаемого гитлеровцами похода на Восток, прекрасно разбирающегося в политике, – явление, надо прямо сказать, малопонятное, не логичное. Мы стояли на грани войны, и такое явление, зная уже достаточно хорошо стиль и методы работы Сталина, я бы назвал необъяснимым (554).

6. Собирался ли Stalin покидать Москву

Осенью 1941 года положение на советско-германском фронте стало критическим. Враг всё ближе и ближе подходил к Москве. Из столицы началась эвакуация ряда правительственные учреждений и посольств иностранных государств. В связи с тяжёлым положением в районе Москвы ГКО 15 октября принял постановление «Об эвакуации столицы СССР города Москвы». Оно предписывало:

«Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, ГКО постановляет:

1. Поручить товарищу Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в город Куйбышев (Когановичу обеспечить своевременную подачу составов для миссий, НКИД – организовать их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум ВС СССР, а также правительство во главе заместителем председателя Молотовым (товарищ Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедленно эвакуироваться органам НКО и Наркомвоенмора в город Куйбышев, а основной группе ГШ – в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить товарищам Берия и Щербакову произвести взрывы предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет

эвакуировать, а также всё электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)⁴.

Не могу утверждать категорически, но во всей просмотренной исторической литературе, посвящённой Великой Отечественной войне, этот документ мне не встречался. В связи с этим, вполне возможно, он публикуется впервые. Из постановления ГКО видно, что эвакуация Сталина из столицы предусматривалась. Однако он Москву не покидал. Голованов в этом отношении приводит своё свидетельство.

В эти октябрьские дни на борьбу с противником бросалось всё, что могло хоть как-то сдержать его натиск. Так, практически вся головановская авиадивизия, вооружённая дальними бомбардировщиками, переключилась на бомбардирование танковых и мотомеханизированных частей врага. В один из таких тяжёлых дней Александр Евгеньевич был вызван в Кремль для получения боевой задачи. Во время обсуждения вопроса о дальнейшем использования авиадивизии раздался телефонный звонок.

«Сталин, не торопясь, подошёл к аппарату и поднял трубку. При разговоре он никогда не держал трубку близко к уху, а держал её на расстоянии, так как громкость звука в аппарате была усиленная. Находящийся неподалеку человек свободно слышал разговор. Звонил корпусной комиссар Степанов – член Военного совета ВВС. Он доложил Сталину, что находится в Петрушково (здесь, немного западнее Москвы, находился штаб Западного фронта).

- Ну, как у вас там дела? – спросил Stalin.

- Командование ставит вопрос, что штаб фронта очень близок от переднего края обороны. Нужно штаб фронта вывести на восток за Москву, а КП организовать на восточной окраине Москвы!

Воцарилось довольно длительное молчание...

- Товарищ Степанов, спросите товарищей – лопаты у них есть? – спросил спокойно Stalin...

Довольно быстро Степанов доложил:

- Лопаты, товарищ Stalin, есть!

- Передайте товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Штаб фронта останется в Петрушково, а я останусь в Москве. До свидания.

Не торопясь, Stalin положил трубку. Он даже не спросил, какие товарищи, кто именно ставит эти вопросы. Stalin продолжил прерванный разговор» (80).

7. О стиле работы Верховного Главнокомандующего

Бывая в Кремле, Голованов очень часто получал задания в присутствии членов ГКО и Политбюро ЦК ВКП (б), а также министров, работников наркомата обороны, Генерального штаба и представителей других различных ведомств СССР. Вольно или невольно он становился свидетелем того, как Stalin обсуждал те или иные проблемы, задавал вопросы, выслушивал собеседника, принимал решение, как вёл себя в различных ситуациях. Всем этим наблюдениям он даже посвятил один из разделов своих воспоминаний. Есть зарисовки на эту тему и в других главах.

Как-то в октябре, в самые трудные дни битвы за Москву, Голованова вызвали в Ставку. Был тот редкий случай, когда в кабинете Сталина кроме самого хозяина никого не было.

«Он сидел на стуле, что было необычно, на столе стояла нетронутая остывшая еда. Stalin молчал. В том, что он слышал и видел, как я вошёл, сомнений не было, напоминать о себе я счёл бес tactным. Мелькнула мысль: что-то случилось, страшное непоправимое, но что? Таким мне Сталина видеть не доводилось. Тишина давила.

⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 13, л. 155.

- У нас большая беда, большое горе, – услышал я, наконец, тихий, но чёткий голос Сталина. – Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин также тихо сказал:

- Что будем делать? Что будем делать?!

Видимо, происшедшее ошеломило его. Потом он поднял голову, посмотрел на меня. Никогда ни прежде, ни после этого мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой страшной душевной муки. Мы встретились с ним и разговаривали не более двух дней тому назад, но за эти два дня он сильно осунулся...Вошёл Поскребышев, доложил, что прибыл Борис Михайлович Шапошников...Сталин встал, сказал чтобы входил. На лице его не осталось и следа от только что пережитых чувств. Начались доклады» (78)...

«От Сталина надо было ждать звонка в любое время суток. Звонил, как правило, он сам или его помощник А. Н. Поскребышев...Если Сталин звонил сам, то обычно он здоровался, спрашивался о делах и, если нужно было, чтобы вы лично к нему явились, никогда не говорил: «Вы мне нужны, приезжайте, – или что-нибудь в этом роде. Он всегда спрашивал: «Можете вы ко мне приехать?» – и, получив утвердительный ответ, говорил: «Пожалуйста, приезжайте» (101).

После завершения Московской битвы перед дивизией, которой командовал Голованов, стали вырисовываться всё новые и новые боевые задачи. Они касались главным образом полётов в глубокий тыл врага для нанесения бомбардировочных ударов по его военно-промышленным объектам, для разбрасывания листовок, оказания помощи партизанам и доставки за линию фронта разведывательно-диверсионных групп. Однако для их выполнения возможностей дивизии было явно недостаточно. И у Голованова и у Верховного Главнокомандующего, независимо друг от друга, зрели мысли о создании более мощного бомбардировочного кулака.

«При одном из очередных посещений Ставки я доложил Сталину о проделанной дивизией работе и, закончив доклад, ожидал, что сейчас будет поставлена новая задача. Stalin, не торопясь, ходил по кабинету, покуривая трубку.

- Скажите, – подойдя ко мне, спросил он, – вы больше ничего не надумали о возможностях расширения вашей деятельности?

Без всяких обиняков рассказал я Сталину всё, о чём думал. Говорить мне с ним было легко, так как он, как я уже упоминал раньше, никогда не прерывал человека, излагающего свои мысли по интересующему его вопросу» (135 – 136).

У Верховного Главнокомандующего была весьма оригинальная манера назначать людей на должность. Голованов испытал это на себе. По вопросу создания АДД у Сталина с ним было несколько бесед. Александр Евгеньевич всё больше и больше убеждался, что идея её создания овладела им давно. Выслушав, в ходе нескольких встреч, мнение Голованова по этому вопросу, Stalin спросил:

« - Ну, как, вы не возражаете, если мы немного поправим и расширим ваши же соображения?

- Возразить тут, товарищ Stalin, нечему. Но как практически всё это осуществить, над этим нужно как следует подумать. Так сразу всего не решишь, – ответил я.

- Серьёзные вопросы никогда сразу не решаются, – последовал ответ. – Будет издано специальное постановление о создании АДД, в составлении его и вы примете участие. Что же касается специальных авиационных вопросов, то вы по ним и внесёте свои предложения.

- Тогда разрешите мне встретиться с лицом, которое встанет во главе этого дела. Я доложу ему все соображения, которые у меня имеются, и, если он будет согласен, внесём вам на утверждение.

- А мы с этим лицом и ведём сейчас разговоры, – услышал я в ответ.
- Вы имеете в виду меня, товарищ Сталин?! – изумившись, спросил я.
- Да, именно вас».

Вполне естественно, Голованов был ошеломлён таким поворотом дела. Сталин ставил его на полк, через два месяца после начала войны доверил командовать дивизией. Александр Евгеньевич никогда не возражал, осознавая, что с порученными ему делами он в состоянии справиться. Но тут новый род авиации, да ещё подчинённый непосредственно Ставке. Хватит ли знаний, опыта и сил? Было над чем задуматься.

« - Разрешите, товарищ Сталин, подумать, – после длительного молчания сказал я.

- Боитесь? – Сталин как будто читал мои мысли.
- Я вспыхнул, почувствовал, как кровь бросилась в лицо.**

- Я никогда не был трусом, товарищ Сталин!

- Это нам давно известно, – последовал спокойный ответ. Но нужно уметь держать себя в руках. Мы за вас подумали, и время на это вам тратить нечего. Вы лучше подумайте над тем, как всё это практически осуществить. Не торопитесь, посоветуйтесь, с кем найдёте нужным, и через пару дней дайте свои соображения» (149 – 150).

Так Голованов стал командующим АДД. Оценив профессиональные и организаторские способности командира дивизии, его исполнительность, Сталин не предлагал ему новую должность, не спрашивал, согласен он или нет, сумеет ли выполнить новые для него обязанности. «Мы за вас подумали» - в этой фразе и несостоявшееся предложение, и неофициальное назначение.

«У Сталина можно было столкнуться с любым вопросом, конечно, входящим в круг ваших обязанностей и вашей компетенции, и вы обязаны были дать исчерпывающий ответ. Если вы оказались не готовы к ответу, вам давали время уточнить необходимые цифры, факты, даты, детали по телефону прямо из приёмной. Если же оказывалось, что вы затрудняетесь ответить по основным вопросам вашей деятельности, касающимся боевой работы подчинённых вам частей и соединений, материальной части, командного состава и так далее, которые вы обязаны знать по занимаемой должности, вам прямо говорили, что вы не занимаетесь своим делом, не знаете его и, если так пойдёт дальше, делать вам на этом посту нечего. Так, незнание обстановки, возможностей своих войск и противника показал Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, разжалованный в 1942 году до звания генерал-майора» (101).

«Контроль за исполнением даваемых поручений был абсолютен. Каждый знал, что его обязательно спросят, и не раз, о том, как выполняется полученное задание. Выполнение различных постановлений и решений начинали немедленно, не ожидая их оформления. Дорожили каждым часом, зная, что никаких скидок на всякие там обстоятельства не будет. Все вопросы обсуждались предварительно, исполнитель, как правило, присутствовал здесь же»

«На мой взгляд характерной чертой Сталина была его поразительная требовательность к себе и другим... Каждый также знал, что ответит сполна, несмотря ни на какие заслуги, если он мог что-либо сделать, но не сделал. Всяческие отговорки, которые у нас, к сожалению, всегда находятся, для Сталина не имели никакого значения. Если же человек в чём-то ошибся, но пришёл и сам сказал прямо обо всём, как бы тяжелы ни были последствия ошибки, никогда за этим не следовало наказание. Но горе было тому, кто брался что-то сделать и не делал, а пускался во всякого рода объяснения. Такой человек сразу лишался своего поста. Болтунов Сталин не терпел. Не раз слышал я от него, что человек, который не держит своего слова, не имеет лица. О таких людях он говорил с презрением. И наоборот, хозяева своего слова пользовались его уважением. Он заботился о них, заботился об их семьях, хотя никогда об этом не

говорил и этого не подчёркивал. Он мог работать круглые сутки и требовал работы от других. Кто выдерживал, тот работал. Кто не выдерживал, – уходил» (102).

«У Сталина была какая-то удивительная способность находить слабые места в любом деле. Я видел Сталина и общался с ним не один день и не один год и должен сказать, что всё в его поведении было естественно. Иной раз я спорил с ним, доказывая своё, а спустя некоторое время, пусть через год, через два, убеждался: да, он тогда был прав, а не я. Stalin давал мне возможность самому убедиться в ошибочности своих заключений, и я бы сказал, что такой метод педагогики был весьма эффективен» (103).

«Слово Верховного Главнокомандующего было нерушимо. Обсудив с ним тот или иной вопрос, вы смело выполняли порученное дело. Никому и в голову не могло прийти, что ему потом скажут: мол, ты не так понял. А решались, как известно, вопросы огромной важности. Словесно же, то есть в устной форме, отдавались распоряжения о боевых вылетах, объектах бомбометания, боевых порядках и так далее, которые потом оформлялись боевыми приказами. И я не помню случая, что бы кто-то что-то перепутал или выполнил не так, как нужно. Ответственность за порученное дело была столь высока, что чёткость и точность выполнения были обеспечены. Я видел точность Сталина даже в мелочах. Если вы поставили перед ним те или иные вопросы и он сказал, что подумает и позвонит вам, можете не сомневаться: пройдёт час, день, неделя, но звонок последует, и вы получите ответ.

Как-то на первых парах, ещё не зная стиля работы Сталина, я напомнил ему о необходимости рассмотреть вопрос о целесообразности применения дизелей для дальних полётов...

- Вы мне об этом уже говорили, – несколько удивлённо ответил Stalin, – и я обещал вам этот вопрос рассмотреть. Имейте терпение. Есть более важные дела.

Прошло довольно много времени, и я собрался было ещё раз напомнить, но при очередном разговоре по телефону Stalin сказал:

- Приезжайте, дошла очередь и до ваших дизелей».

«...я довольно скоро увидел, что Stalin не любит многословия, требует краткого изложения самой сути дела. Длинных речей он терпеть не мог и сам таких речей никогда не произносил. Его замечания или высказывания были предельно кратки, абсолютно ясны. Бумаги он читал с карандашом в руках, исправлял орфографические ошибки,ставил знаки препинания, а бумаги «особо выдающиеся» отправлял назад автору. Мы каждый день представляли в Ставку боевое донесение нашей деятельности и, прежде чем подписать их, по нескольку раз читали, а словарь Ушакова был у нас настольной книгой» (104).

«Письменные документы, подлежащие опубликованию в виде постановлений, решений, отрабатывались с особой тщательностью, помногу раз обсуждались и лишь после многократных чтений, поправок, критических замечаний отпечатывались начисто и подписывались. Stalin по поводу таких документов говорил: «Думай день, мало – неделю, мало – месяц, мало – год. Но, подумав и издав, не вздумай отменять.

Если вы обратите внимание на документы, которые подписывались в то время, увидите, что Stalin, хотя и являлся главой правительства и Генеральным секретарём нашей партии, в зависимости от содержания документа скромно довольствовался иногда и третьим местом, ставя свою подпись под ним».

«Слово «я» в деловом лексиконе Сталина отсутствовало. Этим словом он пользовался, лишь рассказывая лично о себе. Таких выражений, как «я дал указание», «я решил» и тому подобное, вообще не существовало, хотя все мы знаем, какой вес имел Stalin и что именно он, а не кто другой, в те времена мог изъясняться от первого лица. Везде и всегда у него было «мы».

«Мне запомнилась характерная особенность в обращении к Верховному Главнокомандующему. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь обращался к нему, называя его воинское звание или должность. Обращаясь, все говорили: «Товарищ

Сталин». Эти слова всегда произносились и в ответах на его вопросы. Отвечавшие говорили: «Да, товарищ Сталин», «Могу, товарищ Сталин», «Нет, товарищ Сталин»... Мне пришлось слышать, как один из присутствующих назвал Верховного Главнокомандующего по имени и отчеству, подчёркивая тем самым своё стремление быть более близким к нему, нежели другие. Сталин ничего, конечно, не сказал по этому поводу. Но своё явное недовольство весьма убедительно выразил жестом и мимикой. Документы, письма и другие деловые бумаги, направлявшиеся ему, как правило, имели короткий адрес: «ЦК ВКП (б). Товарищу Сталину» (105).

О стиле работы Верховного Главнокомандующего можно судить по факту, свидетелем которого оказался Голованов. В апреле 1942 года Сталин позвонил ему и спросил, все ли готовые самолёты для АДД забираются с заводов? Командующий уточнил эти сведения у главного инженера И. В. Маркова и по телефону доложил в Кремль, что непринятых самолётов на заводских аэродромах нет. Сталин попросил Голованова приехать.

В кабинете он застал командующего ВВС генерала П. Ф. Жигарева, который доказывал Верховному, что на заводских аэродромах стоит 700 самолётов, непринятых по причине различных дефектов. При этом он сказал, что нарком авиапромышленности А. И. Шахурин, доказывая, что они не взяты по причине отсутствия лётчиков, ему, Сталину, врёт. Вызвали Шахурина. Услышав из уст Сталина мнение Жигарева, он сказал, что это неправда.

« - Вот видите, как получается: Шахурин говорит, что есть самолёты, но нет лётчиков, а Жигарев говорит, что есть лётчики, но нет самолётов. Понимаете ли вы оба, что семьсот самолётов – это не семь самолётов? Вы же знаете, что фронт нуждается в них, а тут целая армия. Что же мы будем делать, кому из вас верить? – спросил Stalin.»

Воцарилось молчание. Я с любопытством и изумлением следил за происходящим разговором: неужели это правда, что целых семьсот самолётов стоят на аэродромах заводов, пусть даже не готовых по бою (неисправных. – A. C.) или из-за отсутствия лётчиков? О таком количестве самолётов, находящихся на аэродромах заводов, мне слышать не приходилось. Я смотрел то на Шахурина, то на Жигарева. Кто же из них прав?

Дальнейшие события развивались следующим образом. На новое утверждение Жигарева, что находящиеся на заводах самолёты по дефектам не готовы, Шахурин предложил немедленно связаться с директорами заводов и уточнить эти сведения. Организация связи в Ставке была отличной. Через небольшой промежуток времени со всех заводов поступили телеграммы. За это время в Кремль был вызван генерал Н. П. Селезнёв, ведавший заказами на заводах. Посчитали все сведения, получилось, что на заводах стоит семьсот самолётов. Выяснилась и причина: нет экипажей для их перегонки.

«Все присутствующие, в том числе и Stalin, замерли и стояли неподвижно...Никто, даже Шахурин, оказавшийся правым, не посмел продолжить разговор...Случай был беспрецедентным. Что-то сейчас будет? Я взглянул на Stalin. Он был бледен и смотрел широко открытыми глазами на Жигарева, видимо с трудом осмысливая происшедшее. Чувствовалось, его ошеломило не то, почему такое огромное число самолётов находится до сих пор ещё не на фронте, что ему было известно, неустановлены были лишь причины, а та убеждённость и уверенность, с которой генерал говорил неправду. Наконец, лицо Stalina порозовело, было видно, что он взял себя в руки. Обратившись к А. И. Шахурину и Н. П. Селезнёву, он поблагодарил их и распроштался. Я хотел последовать их примеру, но Stalin жестом остановил меня. Он медленно подошёл к генералу. Рука его стала подниматься. «Неужели ударит?» – мелькнула у меня мысль.

**- Подлец! – с выражением глубочайшего презрения сказал Stalin и опустил руку.
– Вон!**

Быстрота, с которой удалился Павел Фёдорович, видимо, соответствовала его состоянию. Мы остались вдвоём. Stalin долго и молчаливо ходил по кабинету. Глядя

на него, думал и я. Какую волю и самообладание надо иметь, как умел держать себя в руках этот изумительный человек, которого с каждым днём узнавал я всё больше и больше. Зачем он позвал меня и заставил присутствовать при только что произошедшем? Давал мне предметный урок? Может быть! Такие вещи остаются в памяти на всю жизнь...

- Вот и повоюй и поработай с таким человеком. Не знает даже, что творится в его же епархии! – наконец заговорил Сталин, прервав ход моих мыслей» (167 – 170).

Весной 1942 года в Ставке обсуждался вопрос, связанный с обеспечением безопасности проводки морских караванов судов союзников из Англии в северные порты Советского Союза Мурманск и Архангельск. Суть проблемы заключалась в том, что немецкая авиация, базирующаяся на аэродромах Норвегии и Финляндии (Лаксельвен, Хебугтен, Луостари, Киркинес) встречала караваны в открытом море и бомбардированием топила суда. Потери были значительными, Красная Армия недополучала необходимую технику и вооружение. Союзники обратились к Сталину с просьбой организовать противодействие авиации противника.

Вызванный в Кремль Голованов застал у Верховного Главнокомандующего наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, командующего BBC А. А. Новикова, командующего военно-морской авиацией С. Ф. Жаворонкова, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова и других членов Ставки. Введя Александра Евгеньевича в курс дела, Сталин сказал, что есть мнение для нанесения ударов по аэродромам противника привлечь тяжёлые самолёты АДД. Речь шла о ТБ-3 и ТБ-7. Все подробности этого задания он предложил обсудить с Маленковым, Новиковым и моряками тут же, в соседней комнате.

Проанализировав все данные, которые представил Маленков, Голованов стал возражать против привлечений тяжёлых кораблей к этой операции. Маленков заметил, что вопрос практически решён и осталось только подумать, как выполнить это решение. Своё мнение командующий АДД доложил Сталину, когда все они вернулись в его кабинет.

«Войдя к Сталину и встретив его вопрошающий взгляд, я сразу доложил, что названные аэродромы не могут принять тяжёлые самолёты.

- Вы что шутите? – спросил Stalin. – Товарищи же говорят, что предложенные аэродромы годны для этих самолётов!

- Аэродромы, товарищ Stalin, для этих самолётов непригодны, - ответил я.

Все молчали.

- Вы хотите, чтобы караваны судов дошли до нас?

- Хочу, товарищ Stalin.

- Так в чём же дело?

- Дело в том, что на предложенные аэродромы такие самолёты сесть не могут, не смогут также с них и взлететь...

- Мы видим, вы просто не желаете бить фашистов? – услышал я.

Разговор принимал нехороший оборот. Таким тоном Stalin со мной ещё ни разу не разговаривал.

Голованов умел отстаивать свою точку зрения, невзирая на то, перед кем это надо было делать. Он сказал Верховному Главнокомандующему, что готов первым полететь на указанный аэродром сам, разбить при посадке машину, но он не вправе послать людей на верную гибель. Возникла весьма напряжённая обстановка. Кто-то, не проконсультировавшись с командующим АДД, решил, что борьбу с авиацией противника на аэродромах Норвегии и Финляндии могут вести тяжёлые самолёты. Кто-то эту идею преподнёс Stalinу. Вопрос, казалось бы, не вызывающий каких-либо сомнений, сам по себе уже решён. Но тут Голованов со своим мнением. Что делать? Или заставить командующего привлечь к предстоящей воздушной операции тяжёлые корабли, или отказаться от этой непродуманной идеи. Или прислушаться к мнению человека, который стоит во главе этого дела, хорошо его знает и за него отвечает. Но тогда будет подмочен авторитет автора идеи, да и сам Верховный Главнокомандующий, сказавший об этом, как о уже решённом деле,

будет выглядеть так, что и он допустил ошибку. Или приказал – и с плеч долой. Не амбиции вождя, а мнение подчинённого взяло верх.

«Ни к кому не обращаешься. Сталин сказал:

- Что же мы будем делать?

Ответа не последовало....

- Вы сами можете что-либо предложить? – услышал я голос Сталина, обращённый ко мне.

- Мне не совсем понятно, товарищ Сталин, почему всё упёрлось в тяжёлые корабли.

- У вас есть другие предложения? – спросил он.

- Я считаю, что поставленную задачу вполне можно решить самолётами Ил-4...

- Вы убеждены, что Ил-4 выполнят поставленную задачу?

- Да, убеждён. Они выполнят её лучше, чем тяжёлые корабли.

- Вы берёте на себя ответственность за это дело?

- Да, беру!

- Ну что же, тогда давайте так и решим, – заключил Сталин.

Ни единого возражения присутствующими не было высказано. Так закончился столь неприятно начатый разговор, предотвративший неоправданные потери» (176 – 178).

Для борьбы с авиацией противника на аэродромах Норвегии и Финляндии решением Ставки была привлечена 36-я авиадивизия АДД, вооружённая самолётами Ил-4. Дважды в 1942 году из её состава выделялась оперативная группа в составе наиболее подготовленных экипажей для выполнения этой ответственной задачи. В третий раз оперативная группа была создана в 1943 году, когда на базе дивизии развернули 8-й авиакорпус. Все три раза экипажи на самолётах Ил-4 выполняли правительственные задание весьма успешно. Активность немецкой авиации в деле противодействия проводке караванов резко снизилась, количество потерянных кораблей и грузов значительно уменьшилось, жизни многих жизни английских моряков были спасены.

«Применение самолётов Ил-4 для уничтожения авиации противника на его аэродромах полностью себя оправдало. Нужно сказать, что Сталин в дальнейшем не раз вспоминал происшедший в период подготовки этой операции эпизод. Когда впоследствии командование АДД высказывало свои соображения по тому или иному вопросу, нас всегда внимательно выслушивали в Ставке, и эпизодов, подобных приведённому, не было. Когда же наше мнение противоречило другим предложениям, Сталин спрашивал, будет ли выполнено задание, и, получив утвердительный ответ, всегда соглашался с нашим мнением» (181, 182).

Как бы подтверждая свой вывод, Голованов описал ещё один аналогичный случай, который произошёл буквально через пару месяцев, в июне 1942 года. В середине этого месяца командующий получил задание Ставки – наиболее подготовленными экипажами АДД нанести удар по Берлину. Выбранное время года было явно неудачным. Июнь – это месяц, когда ночи короче воробышего клюва. Голованов поручил начальникам служб произвести тщательные расчёты на тему: смогут ли экипажи выполнить задание и вернуться на свои аэродромы с минимальными потерями. Расчёты показали, что экипажи задание выполнить смогут, но возвращаться от цели будут уже в светлое время суток и, без всякого сомнения, подвергнутся атакам со стороны немецких истребителей. Потери могут быть большими.

С этими расчётами и этим мнением Голованов прибыл в Ставку. Они у Сталина восхищения не вызвали. Более того, он выразил большое недовольство такой постановкой вопроса. У Александра Евгеньевича сложилось впечатление, что запланированный удар АДД по Берлину по неизвестным ему причинам Верховному Главнокомандующему был крайне нужен. Сталин вызвал специалистов из ВВС и Гидрометеослужбы и дал задание проверить расчёты, проведённые штабом АДД. Они оказались верными.

«Теперь нужно было принимать решение: подтвердить отданное раньше распоряжение или согласиться с внесённым предложением и отложить выполнение поставленной задачи на более позднее время.

Сталин по своему обыкновению прохаживался по кабинету и размышлял. А подумать было над чем. Ясно, что по каким-то ему одному известным причинам нужно было нанести удар по Берлину. Возможно, он дал по этому поводу какое-то обещание союзникам, а свои обещания, как известно, он всегда выполнял. Выслушав же наши доводы, Сталин не торопился с решением.

Общаясь со Сталиным, я уже давно заметил, его логичное, короткое и ясное изложение того или иного вопроса производило на него определённое впечатление, я бы даже сказал – влияние. И логики, и ясности в доложенных соображениях было достаточно для того, чтобы отчётливо представить себе создавшееся положение.

- Когда вы считаете возможным возобновить полёты на Берлин? – наконец спросил он.

Я назвал месяц и число.

- Это точно?

- Совершенно точно, товарищ Сталин, если не помешает погода.

Походив ещё немного, Сталин сказал:

- Ничего не поделаешь, придётся с вами согласиться.

Разговор был окончен.

Чтобы завершить разговор об этом эпизоде, должен сказать, что ровно в полночь названного мною в качестве возможного для бомбардирования Берлина числа позвонил Сталин. Поздоровавшись, он спросил, не забыл ли я, какое сегодня число. И, услышав, что группа самолётов в такое-то время вылетела на выполнение задания, полученного нами в июне, и через несколько минут начнётся бомбёжка Берлина, он пожелал нашим лётчикам удачи.

Контролировать исполнение принятых решений или отдельных распоряжений – было у Сталина правилом. Спрос за их выполнение был всегда строг» (182, 183).

«Верховный Главнокомандующий не только уделял пристальное внимание развитию авиации дальнего действия, но и повседневно наблюдал за её боевой работой, и это было известно всем боевых экипажам, ибо, летая на дальние цели, в частности на Берлин – столицу фашистской Германии, а также на столицы её вассалов, каждый экипаж, выполнивший боевое задание, имел право с воздуха доносить об этом лично Сталину... Как правило, при наших полётах на дальние цели Сталин не уходил отдыхать, пока не сядет последний самолёт и не станет известно, сколько самолётов ещё не вернулось. Днём он всегда спрашивал, вернулся ли ещё кто-нибудь, и искренне радовался, когда наши потери были невелики, а также когда возвращался или обнаруживался тот или иной экипаж или лётчик, которых мы считали потерянными» (219 – 220).

Одним из направлений в боевой деятельности АДД было обеспечение партизанских отрядов всем необходимым для активной борьбы с фашистами. К полётам в партизанские отряды экипажи стали активно привлекаться с лета 1942 года. В самом начале этой работы произошёл весьма любопытный случай, показывающий, как Сталин понимал роль АДД в новом для неё виде боевой деятельности.

«Как-то Сталин сказал мне, что Авиации дальнего действия нужно взять на себя планомерное обеспечение боевых действий партизан и что этот вопрос нужно включить в боевую повседневную деятельность АДД.

- Потребности партизан в помощи авиации будут большие, – продолжил он, – но полностью обеспечить все эти потребности, конечно, невозможно, ибо в ущерб основной деятельности АДД это делать нельзя. Держите нас всё время в курсе партизанских вопросов и, если будут возникать трудности, советуйтесь. Связь по всем делам держите с Ворошиловым и Пономаренко...

Будучи у Верховного и доложив об очередных результатах боевой работы АДД, я ждал указаний.

- А больше никаких полётов не было? – спросил Верховный.

- Нет, товарищ Сталин, не было.

- А вы ничего не забыли?

Быстро перебрав мысленно всё, что было доложено, я уверенно ответил:

- Нет, товарищ Сталин, ничего не забыл.

- А к Емлютину вы летали?

- Да, товарищ Сталин, туда летало два «Дугласа», отвезли соль. У Емлютина в отряде цинга. Товарищ Ворошилов просил забросить к ним соль, что мы и сделали.

- А почему же вы нам об этом ничего не сказали? Мы же условились с вами, что вы будете нам рассказывать всё, что касается вопросов обеспечения партизан.

- Я считал это мелочью и сам уже забыл об этом.

- На войне мелочей нет, а память у вас, как мы знаем, хорошая. Не следует забывать о таких вещах. Мы вам претензий не предъявляем. Раз в отряде такое дело, соль нужно было забросить, но мы хотим обо всём этом знать от вас. Могут быть и такие случаи, когда вас будут о чём-то просить, а мы вам не посоветуем выполнять эти просьбы.

Походив немного по кабинету, Верховный продолжал:

- Ну, к примеру, допустим, кто-либо из партизан попросит вас регулярно доставлять продовольствие на весь отряд. Будет ли это правильным?

Ещё не понимая, к чему клонится разговор, я молчал.

- Надо сказать, что всегда правильным это не будет, Почему? Потому что, если отряд, имея вооружение и боеприпасы, не может добыть себе продовольствие, – это не боевой отряд. Правилом может быть доставка в отряд боеприпасов и вооружения для ведения боевых операций. Доставка же продовольствия должна быть исключением и может быть допущена только тогда, когда население уже не может больше помочь партизанам и у них действительно нет возможности добывать пищу из-за отсутствия в этом районе продовольствия и у немцев. Партизанские отряды, которые могут существовать только на продовольственном обеспечении, доставляемом из Красной Армии, нам не нужны...

Теперь мне стало ясно, что Сталин, узнав от кого-то о доставке соли в отряд Емлютина, ждал от меня доклада об этом и, не услышав его, видимо, был обеспокоен тем, понимаю ли я задачи, стоящие перед партизанами...разговор на эту тему был закончен, и я сделал из него соответствующие выводы» (242 – 244).

В ходе Сталинградской битвы, как известно, была окружена значительная группировка противника. Возник вопрос: что делать дальше. Высказывались различные мнения. Голованов и Жуков в это время находились в одной из армий. Сюда и позвонили из Ставки.

«Сталин имел привычку советоваться по тому или иному вопросу с разными товарищами, дабы, имея ряд мнений, остановиться на более целесообразном. Между Сталиным и Жуковым состоялся довольно длительный разговор по поводу окружённой группировки, точнее, о том, что делать дальше. После окончания разговора Георгий Константинович рассказал мне о его содержании и повторил, что он высказался за «Кольцо» (так оно и именовалось в дальнейшем) – быстрейшее наступление на запад с тем, чтобы отбросить нижнечирскую и котельническую группировки противника от его войск, окружённых в районе Сталинграда, создать там плотный боевой порядок, чем пресечь возможную попытку их соединения. Что касается войск противника, находящихся в кольце окружения, их следует рассечь и уничтожить по частям...В принципе за такое решение высказалось большинство, и оно было принято Сталиным» (260).

Главное в стиле работы Верховного Главнокомандующего – это пунктуальность, чёткость и краткость в докладах, рациональное использование рабочего времени. На эту тему уже приводились факты и мнения Голованова. Вот ещё один.

«Бывая у Верховного, нужно было весьма сжато докладывать о проделанной работе. С ним общалось очень много народа, поэтому он дорожил своим временем и не тратил его зря. В распределении своего рабочего дня, если можно так назвать время, затраченное на работу во время войны, когда по сути дела уже давно перемешались день и ночь, Сталин был пунктуален. Назначенное для докладов время точно выдерживалось. За всю войну мне помнится только один случай, когда, будучи вызванным к нему, я ждал в приёмной три или четыре минуты – Составление сводки Совинформбюро заняло у Верховного времени немного больше, чем предполагалось.

Обычно, когда я входил в кабинет, Сталин смотрел на большие часы, установленные в углу, или вынимал из кармана свои старинные серебряные часы «Павел Буре» с двумя крышками. Часы заводились ключиком, висевшим на цепочке. Молчаливый взгляд Верховного как бы подчёркивал проверку своевременности твоего прибытия. Не думаю, чтобы это касалось только лично меня. Строгость распределения времени чувствовалась во всём, начиная с требования совершенно краткого, но чёткого изложения вопроса, по которому вы пришли. Не могло быть и речи, чтобы кто-то мог нарушить этот порядок» (306).

Характерной чертой стиля Сталина было его умение прислушиваться к мнению тех товарищей, которые отвечали за какое-то конкретное дело, и не только прислушиваться, но и менять свою точку зрения, а иногда даже подчиняться. Осенью 1943 года назрела встреча руководителей трёх великих держав – И. В. Сталина, Ф. Рузельта и У. Черчилля. Местом встречи был выбран Тегеран – столица Ирана. Вполне естественно, попасть туда можно было только воздушным путём. Ответственным за перелёт туда первых лиц государства Сталин возложил на Голованова, предупредив его, что о полёте никто и ничего не должен знать. Был выработан комбинированный план доставки: до Баку советская делегация едет поездом, а оттуда двумя самолётами под командованием Голованова и Грачева летит в Тегеран. Голованов прилетел в Баку со своим экипажем, уточнил погоду по трассе, и стал ожидать прихода поезда.

«Если память не изменяет, было четыре часа утра, когда мне позвонил Сергей Кругликов, начальник оперативного управления НКВД, и сообщил, что в пять часов я должен быть на вокзале. Не успел поезд ещё остановиться, как я услышал свою фамилию и направился к вагону, откуда меня позвали. Прошёл я в салон, где кроме Сталина были Ворошилов, Молотов и Берия. Поздоровавшись, Сталин спросил, всё ли в порядке. Ответив утвердительно, я доложил, что погода, как говорится, по заказу. Кругом тихо, на всём маршруте безоблачно, болтанка отсутствует. Не часто можно дождаться такой метеорологической обстановки.

Выслушав меня, Сталин сказал, что имеется в запасе день. В Тегеране нужно быть завтра, и поэтому он предлагает мне слетать туда и вечером вернуться обратно, а завтра вместе полетим в Тегеран. Так как это не было прямым приказанием, я возразил и доложил, что такой редкой погоды больше не дождёшься и нужно вылетать, чем скорее, тем лучше. Зачем подвергать себя возможным болтанкам или неустойчивой погоде, когда можно сегодня всего этого избежать? Наступила пауза. Сталин размышлял.

- Вы настаиваете на скорейшем вылете? – спросил он.
- Да, товарищ Сталин, настаиваю.
- Вы знаете, что вы, а никто иной, несёте личную ответственность за этот полёт?
- Да, товарищ Сталин, знаю, и именно поэтому настаиваю на скорейшем вылете.
- Ну, что же, – немного помедлив, сказал Сталин, – раз вы отвечаете за полёт и настаиваете на нём, придётся подчиниться» (354 – 355).

После победоносного завершения сражения под Курском Красная Армия погнала врага на запад. В этот период в стиле работы Сталина Голованов подметил новые детали.

«Верховный Главнокомандующий, который нередко поднимал дух у тех или иных военачальников в 1941–м и 1942-м годах, сейчас, наоборот, охлаждал пыл тех, у кого наши крупные победы несколько вскружили головы. Сталин говорил: недобитый враг – самый опасный враг, а мы его ещё не добили. Мы можем и должны радоваться нашим успехам, но преуменьшать силы врага мы не имеем права. Трудностей впереди у нас ещё много.»

Вспоминая эти слова Сталина, скажу, что мне лично никогда не приходилось встречать человека, который в такой степени умел бы не только держать себя в руках и управлять своими чувствами, влиять в людей твёрдую уверенность в свои силы, в себя в самое тяжёлое время, но и умел бы сдерживаться сам и сдерживать людей от проявления длительной радости или торжества после достигнутых успехов и нацелить их на преодоление дальнейших трудностей...Это умение управлять людьми особенно было видно у Верховного в делах военных, фронтовых.

Ни один человек не может сказать, что он слышал от него такие слова, как: я решил, я приказал, я предложил. Таких слов в его лексиконе не существовало. Однако каждому, кто соприкасался с Верховным, было хорошо известно, что без его ведома, без его согласия, никто, нигде, никогда, никаких операций не проводил...Многое, очень многое исходило от самого Сталина. Обычно это начиналось со слов: «Вот тут товарищи предлагают...» И дальше шло изложение сути дела» (378 – 379).

В процессе подготовки Белорусской операции под кодовым названием «Багратион» выявились серьёзные расхождения во взглядах её проведения на участке 1-го Белорусского фронта. Не вдаваясь в подробности, скажу, что эти разногласия возникли между командующим фронтом К. К. Рокоссовским, Генеральным штабом и Г. К. Жуковым. Склонялся к их мнению и Stalin. При обсуждении этого вопроса Рокоссовский упорно отстаивал свою точку зрения. Не менее упорно это делал и Жуков.

«Верховный предложил Константину Константиновичу пойти в другую комнату и ещё раз подумать, прав ли он. Когда Рокоссовский был позван, он доложил, что своего мнения не изменил. Вторично ему было предложено пойти и ещё раз подумать. Когда он вторично был приглашён в кабинет Верховного, Рокоссовский знал, какие последствия могут последовать в случае неуспеха в выполнении его плана, и всё-таки, будучи уверенным в правильности своего предложения...он, как и в первый раз, решительно держался своей точки зрения. Верховному стало совершенно ясно, что только глубоко убеждённый в правильности своего предложения человек может так упорно настаивать на его выполнении. Предложение Константина Константиновича было принято, несмотря на неснятые возражения. Верховный, принимая предложение, сказал, что такая настойчивость командующего является гарантией успеха. И Рокоссовский оказался прав, что мы увидим из дальнейших событий».

Рассказывая об этом случае, Голованов подчёркивает, что Верховный Главнокомандующий имел правило решать те или иные вопросы, непосредственно контактируя с исполнителем дела. При этом он выделил следующую мысль: «...весьма нередко последнее слово оставалось за тем, кто проводил в жизнь решение Ставки». И далее: «И не только с командующими фронтами имел непосредственную связь Верховный. Он в любое время мог связаться с любым человеком и, независимо от докладов, вёл разговоры, можно сказать, напрямую с непосредственным исполнителем того или иного дела, мероприятия. Это очень хорошо знали мы все. Тем более такие разговоры бывали обязательно с теми товарищами, которые имели своё мнение, отличающееся от вносимого предложения. Каждому было известно, что в любое время можно обратиться к Верховному, если ты не согласен с проводимыми мероприятиями старших товарищей, зная, что каких-либо последствий от этого быть не может...

Было как-то само собой понятно, что каждый имеет право отстаивать своё мнение, свою точку зрения, не видя в этом каких-либо неблаговидных намерений. Нередко, я бы усилил это – весьма нередко, обращавшиеся получали положительные решения по своим предложениям. И это совсем не являлось причиной нарушения нормальных отношений со своими, выше их стоящими по служебной лестнице, товарищами. Какое огромное преимущество имеет любой человек, стоящий в руководстве того или иного дела, когда докладывающий товарищ знает, что за неточным докладом того или иного вопроса может последовать немедленная проверка или по телефону, или вызовом того лица, о деятельности которого докладывается» (441 – 442).

Стиль работы Верховного Главнокомандующего, его отношение к государственным делам, к людям, без всякого сомнения, для многих посетителей Кремля являлся предметом для подражания. Голованов здесь не был исключением. Рассказывая о помощи руководству ГВФ, который с осени 1943 года был ему подчинён, он оставался глух к просьбам об увеличении управлеченческого аппарата этого ведомства. Урок на эту тему преподнёс и ему и присутствующим Сталин. Как-то Александр Евгеньевич присутствовал при обсуждении вопроса об увеличении выпуска продукции станкостроения. Руководитель наркомата А. И. Ефремов заявил, что такую задачу он решить сможет, но ему для этого нужно увеличить управлеченческий аппарат на...800 человек.

«Когда тот закончил, Сталин, подойдя к нему, задал вопрос:

- Скажите, пожалуйста, вы слышали что-нибудь о фамилии Бугров?

- Нет, товарищ Сталин, такой фамилии я не слыхал, – ответил Ефремов.

- Так я вам тогда скажу, – помолчав немного, сказал Верховный, – Бугров был известным на всю Волгу мукомолом. Все мельницы принадлежали ему. Только его мука продавалась в Поволжье. Ему принадлежал огромный флот пароходов и барж. Оборот его торговли определялся многими и многими миллионами золотых рублей. Он имел огромные прибыли...

У Бугрова были: он сам, его приказчик и бухгалтер, которому он платил 25 тысяч рублей в год. Кроме того, бухгалтер получал бесплатную квартиру и ездил на бугровских лошадях. Видимо, бухгалтер стоил таких денег. Зря платить ему Бугров не стал бы, умел сводить концы с концами. Вот и весь штат. Однако капиталист не будет тратить зря деньги, если это не вызывается крайней необходимостью, хотя деньги являются его собственностью.

Немного помолчав, как бы раздумывая, Сталин продолжал:

- У нас с вами собственных денег нет, они принадлежат не нам, а народу, и относиться поэтому к ним мы должны особо бережливо, зная, что распоряжаемся мы с вами не своим добром. Вот мы и просим вас, – обращаясь к наркому, продолжал Верховный, – посмотрите с этих позиций ваши предложения и дайте нам их на подпись» (522 – 523).

В своих воспоминаниях Голованов, характеризуя стиль работы Верховного Главнокомандующего, неоднократно подчеркивал его умение держать под контролем отданное поручение. Такие факты уже приводились. Вот ещё один.

«...надо здесь сказать, что контроль за ходом отданных Верховным распоряжений и указаний был с его стороны повседневным, если не сказать – ежечасным, и спрос был суров. Я хочу здесь подчеркнуть, что не было ни одного товарища, несмотря на занимаемые должности, который бы мог, а сказать честнее, который посмел бы что-либо сделать на свой лад, на своё усмотрение, если он имел уже на сей счёт определённые указания.

Я хочу здесь засвидетельствовать и то, что ни одна операция, ни одно сколько-нибудь серьёзное мероприятие никогда и нигде не проводилось без санкции, без доклада Верховному. Он твёрдой рукой руководил проводимыми операциями фронтов, руководил работой своих заместителей и своих представителей Ставки на тех или иных

фронтах, на тех или иных направлениях. Спрос со всех был одинаков, невзирая ни на чины, ни на занимаемую должность. Он, не стесняясь, указывал каждому на сделанные просчёты или ошибки и давал рекомендации или прямые указания, как их исправить. Это касалось и командующих фронтами и армиями, это касалось и начальника Генерального штаба А. М. Василевского и заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова.

Все решения, принимаемые Верховным, предварительно, как правило, обсуждались или оговаривались с большой группой товарищей, имевших отношение к принимаемому решению или знающих обсуждаемый вопрос. Все более или менее важные вопросы обсуждались и решались в присутствии членов Политбюро и Государственного Комитета Обороны. Напомню, что в ГКО была объединена вся советская исполнительная и законодательная власть и партийное руководство всей страны. Государственный Комитет Обороны был высшим органом, которому подчинялись все без исключения партийные и советские организации. Последнее слово в обсуждаемых вопросах принадлежало Верховному, но мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он противопоставлял свои мнения большинству, хотя по ряду вопросов с некоторыми военными товарищами не бывал согласен и решал вопросы в пользу интересов дела, за которое высказывалось большинство» (558 – 559).

И в заключении следует привести общие оценки, данные Головановым Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину.

«Авторитет И. В. Сталина в ходе Великой Отечественной войны был абсолютно заслужен и предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может» (571).

«Думаю, что здесь нет необходимости убеждать кого-либо в том, что Stalin являлся истинным руководителем вооружённой борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Его военный талант не сравним ни с чьим не только из наших военных деятелей, но и из военных и государственных деятелей капиталистических стран, в том числе и военных деятелей фашистской Германии. Некоторые товарищи говорят, что он был не силён в тактике. Я не знаю, о какой тактике ведётся речь. Если идёт речь о тактике мелких подразделений или о тактике ведения боя полком или дивизией, так такие знания, надо полагать, ему и не были нужны... Если же речь идёт о тактике в стратегии, где таковая тоже, как известно, имеется, то равного ему в этой тактике не было.

Кажется мне, что нет совсем никакой необходимости в том, чтобы доказывать, что Верховный не воевал по глобусу, хотя, как известно, война имела глобальное значение. Однако очевидно, это вещи разные. Если вы ознакомитесь с директивами или указаниями Сталина, которые посыпались командующим фронтов или представителям Ставки и которые сегодня уже не являются каким-либо секретом, то лично убедитесь, сколько военной мудрости, сколько предвидения вложено в них. Это доказывают результаты последующих действий, проведённых на основании таких указаний» (559).

Таков Иосиф Виссарионович Сталин, занимавший в руководстве страны в годы Великой Отечественной войны все основные государственные посты, являвшийся Верховным Главнокомандующим в воспоминаниях командующего АДД, Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Факты, описанные в его воспоминаниях, а также сделанные в них оценки и выводы, разнятся с тем мусором, который недруги социализма намели на могилу Сталина в последние десятилетия, стараясь извратить его роль в Великой Отечественной войне.

Предвижу вполне возможную реплику со стороны недругов Сталина или просто скептиков: что вы хотите от человека, обласканного вождём?

Да, Голованов числился в любимчиках у Верховного и был им обласкан как, возможно, ни кто иной из военачальников. Начав войну в должности командира отдельного полка, он через два месяца стал командиром дивизии, ещё через полгода командующим АДД. Начав войну в звании подполковника, он в августе 1944 года стал Главным маршалом авиации. За три года! Погоны на мундире он менял не по причине их изношенности, а в связи с быстрым присвоением очередного воинского звания. К окончанию войны в Красной Армии было три Главных маршала. Двое олицетворяли виды вооружённых сил – Главный маршал авиации А. А. Новиков и Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов. Третий – Главный маршал авиации А. Е. Голованов – представлял род авиации. Кто ещё так быстро и легко взлетал на олимп воинского звания?

В марте 1946 года в Москве проходила очередная сессия Верховного Совета СССР. В Георгиевском зале Кремля для фотографирования собралась большая группа Главных маршалов, маршалов, генералов и адмиралов. В объектив попало 54 человека. 12 сидят в первом ряду вместе с И. В. Сталиным. Крайним справа из них – А. Е. Голованов. Говорят его туда посадил сам Иосиф Виссарионович, заметивший, что он стоит где-то в стороне.

Такое отношение Сталина к Голованову неслучайно и тем более оно не продиктовано какими-то родственными отношениями. Главное, что ценил Stalin в человеке, независимо от того, кто он, – это его компетентность и деловитость. Это убедительно показывает в своих воспоминаниях сам Голованов. Он писал: «**Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал своё дело, умел его организовать и умел им руководить. Способных и умных людей он уважал, подчас не обращая внимания на серьёзные недостатки в их личных качествах, но, прямо скажу, бесцеремонно вмешивался в дело, если оно шло не так, как он считал нужным, уже не считаясь с тем, кто его проводит. Тогда он, не стесняясь, выражал со всей полнотой и ясностью своё мнение. Однако этим дело и кончалось, и работа шла своим чередом. Если же он убеждался в неспособности человека, время на разговоры с ним не тратил, а освобождал его от непосильной, с его точки зрения, должности»** (571).

К таким людям, которых уважал Верховный за их деловые качества, и относился Голованов. Этим и только этим можно объяснить такое уважительное отношение к нему со стороны Сталина. Следует иметь в виду, что до 1941 года Голованов со Сталиным никогда не встречался и видел его только на портретах. Более того, у него о нём к этому времени уже сложилось определённое мнение, он относился к нему, скажем помягче, с предубеждением. И для этого были основания.

Переломным моментом в смене мнения стала первая личная встреча со Сталиным. 31 декабря 1940 года лётчики встречали Новый год в узком авиаторском кругу. Чета Головановых оказалась за одним столиком с наркому авиационной промышленности А. И. Шахуриным и генеральным инспектором BBC Я. В. Смушкевичем. Речь зашла о слепых полётах, которые только начали осваивать некоторые лётчики, и которыми в совершенстве владел сам Голованов. Он считал, что эту работу следует организовать в масштабах страны. Смушкевич предложил Александру Евгеньевичу написать по этому вопросу письмо Сталину.

«Я был поражён. Сначала даже подумал, что ослышался.

- Товарищу Сталину??!

- Да, ему, – спокойно ответил Смушкевич.

...Попросту говоря, я был ошарашен. Писать такие записки, да ещё Сталину! Кто меня там знает? Этак можно сойти за баxвала и наглеца» (26).

После долгих раздумий и сомнений, а также после напоминания Смушкевича, Александр Евгеньевич письмо всё же написал. Сделал это буквально за два часа до вылета в очередную командировку в Китай. Улетел с мнением, что вряд ли письмо дойдёт до Сталина и вряд ли он получит ответ. Из Алма-Аты экипаж вернули в Москву. Через несколько часов Голованов уже был в Кремле.

«Здравствуйте, – сказал Сталин с характерным грузинским акцентом, подходя ко мне и протягивая руку. – Мы видим, что вы действительно настоящий лётчик, раз прилетели в такую погоду. Мы вот здесь, – он обвёл присутствующих рукой, – ознакомились с вашей запиской, навели о вас справки, что вы за человек. Предложение ваше считаем заслуживающим внимания, а вас считаем подходящим человеком для его выполнения.

Я молчал. Эта совершенно неожиданная встреча всего лишь через несколько считанных дней после того, как я написал записку, ошеломила меня. Конечно, я знал, что на всякое обращение должен быть какой-то ответ, но такой быстрой реакции, да ещё лично самого адресата, даже представить не мог. Впоследствии оказалось, что такому стилю работы следовали все руководящие товарищи.

…Ушёл я от Сталина как во сне. Всё решилось так быстро и так просто… Я пытался разобраться в своих противоречивых чувствах к Сталину. В моём воображении он был воистину стальным человеком, без души и сердца, который, не останавливаясь ни перед чем, проводил политику индустриализации и коллективизации… Вместе с тем мне казалось, что, сметая с нашего пути всё мешающее и сопротивляющееся, Сталин не замечает, как при этом страдает много и таких людей, в верности которых нельзя было сомневаться… Вспоминалась и моя единственная сестра… Её муж был оклеветан и расстрелян как «враг народа». Сестра с детьми влачила жалкое существование… Вспомнился и покосившийся на всю жизнь рот моей жены, которую допрашивали в «органах».

…Нити всех бед, как я тогда считал, тянулись к Сталину… Сейчас же я увидел человека, который совсем не соответствовал моему представлению о нём. Наоборот, мне показалось, что это человек, с которым можно говорить, который интересуется твоим мнением, а главное, думает о том же, о чём думаешь и ты, и сам помогает некоторым, вроде меня, выйти из, казалось бы, безвыходного положения, сам подсказывает тебе мысли, которые ты ищешь и не можешь найти» (36 – 38).

Итогом первой встречи в Кремле стало, как об этом уже упоминалось, выработанное коллективное решение о создании специального полка по подготовке для ВВС лётных кадров, способных летать в любых погодных условиях.

Доброе отношение Сталина к Голованову в период войны не помешало снять его в 1948 году с должности командующего Дальней авиацией. Может когда-нибудь станут известными подлинные причины этого, как видится сегодня, несправедливого решения. Так что Голованов у Сталина ходил не только в фаворитах.

А. Тимофеев, автор предисловия к книге о Голованове, писал: «Встреча со Сталиным меняет судьбу лётчика кардинальным образом. Сам Александр Евгеньевич в конце жизни как-то в дружеском разговоре назвал её синусоидой, резким жестом руки очертив крутые взлёты и пике… Голованов, едва уцелевший в годы «ежовщины», как видно из полного текста его воспоминаний, поначалу относился к Сталину с предубеждением. Однако затем меняет точку зрения. В первые, тяжелейшие годы войны между лётчиком и вождём появляется даже определённое чувство доверия. Именно Голованову, и только ему, Сталин в разговорах с глазу на глаз говорил те слова, которые хотел оставить в народной памяти. Это, несомненно, делает мемуары Главного маршала ценным историческим источником»⁵.

В процессе Великой Отечественной войны в СССР была создана самая мощная в мире авиационная бомба весом в пять тонн. Такой бомбой не обладала ни фашистская Германия, ни наши союзники по антигитлеровской коалиции. Она трижды применялась экипажами АДД при нанесении бомбардировочных ударов по объектам врага, принося ему колоссальные разрушения. Книга Голованова – сродни этой бомбе. Сброшенная на головы всех хулигов человека, который привёл страну к Победе над сильным и коварным врагом, поставившим силой оружия на колени всю Европу, эта книга, как та пятитонка, произвела

⁵ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная… - С. 6, 10.

значительные разрушения в лагере сталинских врагов отечественного разлива. Семь тысяч экземпляров книги – это семь тысяч пятитонных бомб. Но, учитывая тот факт, что книга практически разошлась, если можно так сказать, внутриведомственно, то есть главным образом среди ветеранов Дальней авиации, а они, за малым исключением, солидарны с мнением Голованова, результат взрывов не слишком эффективен. Пусть эта статья, растиражированная данной книгой, расширит поле поражения антисталинского стана. Пусть сильнее дует ветер истории, разнося мусор с могилы Иосифа Виссарионовича Сталина!

В ЛОНДОН И ВАШИНГТОН ЗА... ВТОРЫМ ФРОНТОМ

V.M. Молотов

В мае-июне 2007 года исполнилось 65 лет полёту наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон для участия в переговорах с лидерами Великобритании и США по вопросу открытия второго фронта в Европе. Событие в истории советской дипломатии уникальное и судьбоносное. Переговоры с Ф. Рузвельтом и дважды с У. Черчиллем были успешными. Повязав союзников их обещанием начать боевые действия против фашистской Германии на территории Франции в 1942 году, советское руководство в дальнейшем настойчиво и последовательно добивалось претворения его в жизнь. В конце концов, после длительных проволочек союзники в июне 1944 года начали вторжение на континент.

Открытие второго фронта значительно облегчило военное положение Советского Союза, сократило сроки завершения войны в Европе.

Полёт наркома в столицы западных союзников на отечественном бомбардировщике Пе-8 осуществил экипаж Авиации дальнего действия (АДД) под руководством командира корабля 746-го авиаполка Э. К. Пусэпа.

О событии шестидесятисемилетней давности рассказывает предлагаемая статья. К анализу привлечены новые и ранее опубликованные архивные документы, воспоминания непосредственных участников этого исторического события, работы советских дипломатов, историков и писателей.

Существенным фактором в деле разгрома фашистского блока государств в годы Второй мировой войны стала политика и практика стран антигитлеровской коалиции. Основными её участниками, как известно, были СССР, США и Великобритания. Военно-политический союз между ними формировался исходя из складывающейся международной обстановки, главным катализатором которой стала агрессия гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии против целой группы стран Европы и Азии.

Первой из великих держав в открытое противоборство с Германией вступила Англия. Это случилось 3 сентября 1939 года, на третий день после агрессии Гитлера против Польши. Положение Великобритании значительно ухудшилось после капитуляции Франции. Враг оказался у порога. Ближайшее будущее Англии зависело от дальнейших шагов Гитлера: или он решится форсировать пролив Па-де-Кале или направит свою агрессию на восток. Известие о нападении Германии на Советский Союз в Великобритании было встречено, как сообщал из Лондона советский посол И. М. Майский, с чувством огромного облегчения. Оно и понятно: вторжение германских войск на Британские острова стало весьма отдалённой перспективой или вообще невозможным. Эту мысль значительно позже выразил французский историк, специалист по английской истории Ф. Бедарида в книге «Черчилль»: «Вот почему воскресным утром 22 июня, когда Черчиллю сообщили о начале операции

«Барбаросса», он воспринял эту новость с ликованием и заявил, что вечером выступит с обращением на Би-би-си»⁶.

Становлению военно-политического союза между СССР, Великобританией и США во многом мешал груз прошлого. Тот враждебный настрой, который доминировал в политике ведущих капиталистических стран по отношению к первому в мире социалистическому государству буквально с первых дней Октябрьской революции, хотя с годами и потерял свою остроту, всё же незримо присутствовал в сфере политических отношений партнёров по антигитлеровской коалиции. Это в первую очередь относится к Великобритании. Советский историк В. Г. Трухановский отмечал: «Становление советско-английского союза было не лёгким и не простым делом. Советской дипломатии приходилось прилагать огромные усилия и проявлять выдержку, чтобы преодолеть политический и психологический барьер русофобства и антисоветизма, десятилетиями воздвигавшийся английскими правящими кругами»⁷.

Перед лицом всеобщей угрозы трём великим державам предстоял переход от конфронтации к сотрудничеству. В Лондоне и Вашингтоне хорошо понимали, что от противоборства на советско-германском фронте зависит судьба многих стран мира, в том числе Великобритании и США. Это хорошо понимало и советское руководство: без помощи со стороны США и Великобритании одолеть фашистскую Германию, покорившую половину Европы, будет весьма проблематично. Сотрудничество трёх великих держав, разделённых различием в социально-политическом государственном устройстве, – это веление времени. Этого требовали истинные интересы сторон. Железная логика развернувшихся событий в мире выводила США и Великобританию из сферы конфронтации с СССР на дорогу сотрудничества с ним.

В этом плане характерно уже упомянутое выступление премьер-министра Великобритании У. Черчилля по радио вечером 22 июня: «За последние 25 лет не было более последовательного противника коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нём. Но всё это бледнеет перед разворачивающимся сейчас зрелищем... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером – наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединённым Штатам, точно также как дело русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара... Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни»⁸.

Несомненно, это выступление премьера, означавшее коренной поворот от конфронтации в англо-советских отношениях к сотрудничеству, стало знаковым событием в его политической карьере. Бедарида отмечает: «Даже не поставив в известность военный совет, премьер-министр произнёс в тот же день в радиоэфире длинную речь, достойную великого государственного деятеля. Гарольд Николсон назвал этот образчик красноречия «шедевром».

Решительность такого шага со стороны премьера приобретает ещё большую значимость на фоне того факта, что далеко не все в Великобритании поддерживали этот поворот в отношениях с Советским Союзом. Ещё раз сошлёмся на мнение французского историка: «Руководящая элита скептически отнеслась к актам добной воли Черчилля и не верила в их успех. С одной стороны, британских чиновников скорее смущала, нежели воодушевляла мысль о возможном заключении союзнического договора с Советским Союзом. С другой стороны, большинство военных экспертов, учитывая неудачи Красной армии во время

⁶ Бедарида. Ф. Черчилль. – М., 2006. – С. 263.

⁷ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. – М., 1989. – С. 314.

⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945. (далее: Советско-английские отношения...). – Т. 1. – М., 1983. – С. 49

финской войны, ошибочно сходились во мнении, что войска вермахта подавят сопротивление Советской Армии в несколько недель»⁹.

Однако не стоит этот поворот во взаимоотношениях с Советским Союзом относить к некоей прозорливости Черчилля. Здесь всё гораздо проще: он, как никто другой, чутко уловил то, что нападение Германии на СССР – это, прежде всего, во благо самой Великобритании.

24 июня с аналогичным заявлением выступил президент Соединённых Штатов Америки. Здесь уместно привести мнение Г. Гопкинса – ближайшего помощника Рузвельта, наиболее трезвого политика из всего его ближайшего окружения: «Мы не за коммунизм, но мы против всего, за что выступает Гитлер. Он и его безбожные нацисты – главная угроза миру, справедливости и безопасности»¹⁰.

Солидарность Великобритании и США с Советским Союзом в борьбе с общим врагом, озвученная У.Черчиллем и Ф. Рузвельтом, дала повод И. В. Сталину уже 3 июля заявить, что «в этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки... Наша война за свободу нашего отечества сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов...»¹¹.

Весьма примечателен тот факт, что до вынужденного вступления в войну с фашистским блоком государств Советского Союза западные страны не сумели создать антигитлеровской коалиции, несмотря на то, что Вторая мировая война уже почти два года полыхала по земному шару. Англо-франко-польский союз существовал формально, а после оккупации Польши, и затем Франции, говорить о какой-то коалиции этих государств уже не приходилось. Формирование союза государств в борьбе с агрессорами началось только после 22 июня 1941 года. С первых дней Великой Отечественной войны СССР стал символом надежды для народов тех стран, которые подверглись оккупации со стороны фашистующих государств во главе с Германией.

Таким образом, после нападения Германии на СССР Черчилль, Рузвельт и Сталин официально заявили (22, 24 июня и 3 июля) о стремлении правительств и народов своих стран к взаимным действиям в борьбе против общего врага. Заявления о намерениях стали тем фундаментом, на котором начало возводиться здание интернациональной борьбы с агрессорами.

Однако от заявлений о намерениях до практических шагов в деле их реализации – дистанция огромного размера. Здесь нельзя не вспомнить весьма глубокой мысли В.И.Ленина о том, что «...интернационализм состоит не в фразах, не в выражениях солидарности, не в резолюциях, а в деле»¹².

Уже в первые недели войны советское правительство начало ставить перед союзниками вопрос о реализации своих обещаний. И надо признать, что после заявлений о намерениях практические дела на пути консолидации сил ведущих стран антигитлеровской коалиции в борьбе с общим врагом не заставили себя долго ждать. Они незамедлительно стали подкрепляться дипломатическими и юридическими шагами, установлением контакта руководителей стран путём личной переписки между ними, обменом различного рода делегациями и посланниками. При этом советское правительство делу сотрудничества стремилось придать характер договорного военно-политического союза.

27 июня 1941 года в Москву прибыла английская военная и экономическая миссия, а с 8 июля приступила к работе в Лондоне советская военная миссия во главе с генералом Ф. И. Голиковым. Советская и английская миссии стали практически решать порождённые войной проблемы. Американское правительство в этом плане заняло болеедержанную позицию,

⁹ Бедарида. Ф. Черчилль. – С. 263.

¹⁰ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. – М., 1958. – Т. 1. – С. 498.

¹¹ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 62.

¹² Ленин В. И. ПСС. – Т. 34. – С. 280.

ограничившись лишь направлением в Советский Союз личного представителя президента США Г. Гопкинса.

Во взаимоотношениях великих держав в военной сфере наметилось два основных направления: налаживание военно-технического сотрудничества и стремление подготовить и открыть сухопутный фронт борьбы на западе Европы. Что касается первого, то буквально с начала Великой Отечественной войны и Великобритания, и США стали оказывать Советскому Союзу посильную военно-техническую помощь. Здесь каких-либо серьёзных проблем, за исключением незначительных нюансов, не возникало. В дальнейшем, вплоть до апреля 1942 года, отношения между СССР, Великобританией и США в военной сфере развивались в основном по линии экономического сотрудничества. Первые поставки военных материалов в СССР имели для вооружённой борьбы советского народа, без всякого преувеличения, колоссальное значение. Вместе с тем, они оказывали и большое моральное воздействие на население – у людей, и не только в Советском Союзе, складывалось впечатление, что в этой жертвенной борьбе с врагами они не одни.

Что же касается открытия второго фронта, то это дело с самого начала натолкнулось на ряд сложностей технического характера и на отсутствие достаточной политической воли со стороны западных союзников, прежде всего руководства Великобритании.

Оценивая коалицию трёх великих держав с точки зрения второго фронта, Бедарида отмечает: «...стратегические взгляды союзников полностью расходились. Камнем преткновения стал вопрос об открытии второго фронта крупномасштабным наступлением во Франции. В то же время Сталин требовал от англо-американских союзников решительных эффективных действий, что было справедливым. Кроме того, прийти к согласию партнёрам мешал политический расчёт. Американцы подозревали англичан в стремлении закрепить свои имперские позиции в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Впрочем, немало политиков в окружении Рузвельта видели в Черчилле, прежде всего, старого тори викторианского пошиба, и в какой-то мере это не было лишено основания»¹³.

8 июля Сталин получил первое послание от Черчилля, в котором, в частности, отмечалось: «Мы сделаем всё, чтобы помочь вам, поскольку это позволяет время, географические условия и наши растущие ресурсы. Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить... Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласования будущих планов. Нам нужно лишь продолжать прилагать все усилия, чтобы вышибить дух из злодеев»¹⁴.

Это послание вручил Сталину прибывший 8 июля из Лондона вместе с военной и экономической миссией посол Великобритании в СССР С. Криппс. В ходе беседы с ним Председатель Совета Народных Комиссаров Советского Союза заметил, что «коалиции (во главе с Германией. – А. С.) нужно противопоставить коалицию»¹⁵.

В эти весьма тревожные и тяжёлые дни началась подготовка к выработке соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в военной сфере. В начале предполагалось принять по этому вопросу декларацию. Как только Криппс проинформировал об этом Черчилля, он 10 июля сообщил Сталину: «...мы всецело одобляем предложение, сделанное вами о согласованной англо-американской декларации».

Проект документа предусматривал во взаимоотношениях СССР и Великобритании два принципиальных положения: взаимопомощь без точного обозначения её размеров или характера и обязательство каждой стороны не заключать сепаратного мира с Германией¹⁶. Затем, стремясь придать этим вопросам более высокий государственный уровень, стороны пришли к выводу, что декларацию следует заменить соглашением, что и было сделано 12

¹³ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 279 – 280.

¹⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. (далее: Переписка...). – Т. 1. – М., 1986. – С. 17.

¹⁵ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 70

¹⁶ Переписка... – Т. 1. – С. 18.

июля в Москве. Документ получил название «О совместных действиях правительства СССР и Великобритании в войне против Германии».

У меня в руках уникальный документ – «Журнал посещений И. В. Сталина в его кремлёвском кабинете». В нём зафиксированы все государственные и политические деятели СССР и зарубежных стран, которые встречались с советским руководителем за весь период войны. Вот анализ этих записей, связанных с приёмом английского посла. 8 июля в кабинете у Сталина в период с 12 часов 55 минут до 13 часов 25 минут находился В. М. Молотов. В 13.30, то есть через пять минут, в кабинет вошли Криппс, секретарь посольства Денлоп и переводчик М. М. Потрубач. Находились они у Сталина до 14.35. Следовательно, Молотов на беседе не присутствовал. 10 июля состоялась новая встреча. Все трое вошли в кабинет в 14.00. Через десять минут вошёл Молотов. Все трое вышли в 15.05. Через 10 минут после этого кабинет покинул Молотов. Никого больше в этот день Stalin не принимал. 12 июля Криппс, Денлоп и Потрубач вошли в кабинет в 12.30. Молотов появился у Сталина за пять минут до их прихода. Вышли все в 13.00. 26 июля состоялась ещё одна встреча: Молотов вошёл в 16.25, остальные в 16.32. Все трое вышли в 17.50, а Молотов в 18.10. И в этот день никого кроме них Stalin не принимал. Этот анализ показывает, какое большое внимание было уделено руководством СССР в эти трудные дни вопросу советско-английских отношений.

В своём первом письме Черчиллю Stalin дал высокую оценку сближению СССР и Великобритании на пути военного сотрудничества: «Ваши послания положили начало соглашению между нашими правительствами. Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией»¹⁷.

Заключённое в Москве советско-английское соглашение о совместных действиях в войне стало первой крупной акцией на долгом и трудном пути формирования антигитлеровской коалиции. Можно сказать, оно стало практическим началом её создания. Трудности в этой работе Бедарида охарактеризовал следующим образом: «И полетели из Лондона в Москву и обратно бесчисленные послания, депеши, дипломатические ноты... Высокопоставленные чиновники и военные двух стран без конца совещались, лично сообщали друг другу последние новости, и всё это – под неусыпным контролем премьер-министра. Так продолжалось четыре года, на протяжении которых в отношениях двух союзников порой наступали тяжёлые периоды, менялись настроения. Британская и советская стороны согласовывали и тщательно распределяли боевые задачи, ни минуты друг другу не доверяя».

Это слишком категорично. Не думаю, что это истина в последней инстанции. Без абсолютного недоверия друг к другу вряд ли могли родиться те практические договорённости в сфере военного сотрудничества, которые имели место в период Второй мировой войны между СССР и Великобританией. Одну из них признаёт сам исследователь биографии английского премьер-министра. Буквально на этой же странице он пишет: «Единственно реальным воплощением сотрудничества двух держав стало подписание в мае 1942 года договора о военном союзе между Соединённым Королевством и Советским Союзом»¹⁸. В связи с этим, будет более правильным, если, оценивая советско-английское сотрудничество в период Второй мировой войны, мы будем говорить о том, что оно развивалось в атмосфере отсутствия **полного** доверия друг к другу.

Да оно полным вообще не могло и быть. И не только по причине многолетнего отчуждения друг от друга в связи с ненавистным английскому руководству социально-политическим строем в России (СССР). Оно не могло быть полным и по причине секретности, которая из потон веков укоренилась во взаимоотношениях между государствами в различных сферах. Тем более в такой чувствительной, как военная. Добившись соглашения в военном сотрудничестве, стороны не могут не приоткрыть дверь к тому или иному

¹⁷ Там же.

¹⁸ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 264 – 265.

военному объекту. И сразу возникает проблема: насколько можно приоткрыть эту дверь, что можно показать, а чего нельзя, о чём можно рассказать, а о чём лучше умолчать. Этим занимались всегда и везде, этим занимаются сейчас и будут заниматься всегда, покуда существуют государства, границы и армии.

Взаимоотношения СССР, с Великобританией и США в годы Второй мировой войны в военной сфере не были исключением. Как не была исключением и проблема чего можно и чего нельзя показывать. Вот документ, подтверждающий эти рассуждения. Он называется «Из указания МИД Великобритании поверенному в делах Англии в Вашингтоне по вопросу об отношении к Советскому Союзу». Документ имеет дату – 18 августа 1941 года.

«...Наше отношение к русским целиком строится на строго взаимной основе, с тем, чтобы заставить их показать нашим представителям в России свои военные заводы и другие объекты, в которых мы заинтересованы. Пока что русские у нас почти ничего не видели. В ближайшее время им будут показаны заводы, выпускающие стандартную продукцию, однако на экспериментальные объекты они допущены не будут...

Начальники штабов установили порядок. Согласно которому русским можно давать такую информацию или сообщение, которые, если даже и попадут в руки немцев, ничего последним не дадут... Ясно, что имеются некоторые заводы, куда они могут быть безопасно допущены... Надеемся, что американские власти не пойдут за те грани, которые мы сейчас соблюдаем»¹⁹.

Установление контакта между СССР и США по вопросам взаимодействия в военной сфере началось несколько позже. 2 августа 1941 года исполняющий обязанности государственного секретаря США С Уэллес передал послу СССР в Вашингтоне ноту, в которой советская сторона уведомлялась в том, что Соединённые Штаты Америки приняли решение «оказать всё осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против агрессии»²⁰. Первое послание Сталина Рузвельту было отправлено 4 августа. В нём речь шла о нейтрализации Финляндии и отхода её от военного сотрудничества с Германией²¹. Личное же послание Рузвельта Сталин получил лишь 30 сентября. А до этого Председатель Совмина принял Гопкинса, который подтвердил обещание президента «немедленно предоставить СССР всяческую помощь без каких-либо оговорок».

Авторы книги «Очерки истории Министерства иностранных дел России» верно подметили: «Показательно, что если обмен личными секретными посланиями между Сталиным и Черчиллем начался уже 6 июля, причём по инициативе последнего, то к американскому президенту первым обратился советский лидер, и это произошло только 4 августа»²².

Президент в это время находился в Ньюфаундленде. Здесь, в бухте Ардженшия, 9 августа началась встреча с Черчиллем. Через пять дней стороны подписали декларацию, которая стала называться Атлантической хартией. Бедарида оценивает её как «реферативный сборник постулатов либеральной демократии в англосаксонском варианте». И здесь же приводит весьма любопытную оценку этому документу, данную руководителем СССР: «Сталин не заблуждался на этот счёт, несколько недель спустя после встречи Черчилля с Рузвельтом в Пласенсия Бей он прозорливо заметил Идену: «Я-то думал, что Атлантическая хартия направлена против стран, стремящихся к мировому господству, а теперь вижу, что она направлена против СССР»²³. Тем не менее, 24 сентября советское правительство заявило о своём согласии с основными принципиальными положениями этого документа. На

¹⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. – Т. 2, кн. 2. – М., 1995. – С. 489.

²⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945. (далее: Советско-американские отношения). – Т. 1. – М., 1984. – С. 95.

²¹ Переписка... – Т.2. – С. 3.

²² Очерки истории Министерства иностранных дел России. – Т. 2. М., 2006. – С. 283.

²³ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 270.

Атлантической конференции был затронут также вопрос о поставках вооружения и материалов Советскому Союзу.

Позиция США и Великобритании по этому вопросу была отражена в совместном послании Рузвельта и Черчилля на имя Сталина. В нём отмечалось: «Мы воспользовались случаем... для того, чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых вы больше всего нуждаетесь... Потребности и нужды Ваших и наших вооружённых сил могут быть определены лишь в свете полной осведомлённости о многих фактах, которые должны быть учтены в принимаемых нами решениях. Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами»²⁴.

Такая конференция состоялась в Москве в период с 29 сентября по 1 октября. Это был первый форум трёх держав в условиях войны. На конференции стороны подписали протокол о военных поставках США и Великобритании Советскому Союзу. Представитель США на этой конференции А. Гарриман привёз Сталину первое личное послание от Рузвельта. Он писал: «Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий. Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимое для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный»²⁵.

В ответном письме Сталина, отправленном уже после Московской конференции, была выражена уверенность в том, что американской стороной «будет сделано всё необходимое для того, чтобы обеспечить реализацию решений Московской конференции возможно скоро и полно...»²⁶.

Уже 2 ноября посол США в СССР А. Штейнгардт вручил А. Я. Вышинскому памятную записку, в которой проинформировал, что в личном послании Рузвельта Сталину сообщается, что протокол конференции трёх держав в Москве президент получил, что все списки военного снаряжения и вооружения им одобрены, что отданы все необходимые распоряжения, чтобы поставки были начаты немедленно и производились в возможно наибольшем объёме. Далее в памятной записке сообщалось, что президент отдал распоряжение «о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду на сумму до 1 миллиарда долларов»²⁷.

Речь шла о ленд-лизе, законе, принятом Конгрессом США 11 марта 1941 года, в соответствии с которым президент имел право передавать в займы или в аренду вооружения странам, воюющим против фашистского блока. Следовательно, с ноября 1941 года действие закона о ленд-лизе было распространено, помимо Великобритании и Франции, и на Советский Союз.

Ещё не получив самого президентского послания, руководствуясь лишь памятной запиской, Сталин в ответном письме от 4 ноября выразил полное согласие с оценкой работы конференции трёх держав в Москве, данной Рузвельтом. Далее советский руководитель писал: «Ваше решение, господин президент, о том, чтобы предоставить Советскому Союзу беспроцентный заём на сумму в 1 миллиард долларов на оплату поставок вооружения и сырьевых материалов Советскому Союзу, Советское правительство принимает с искренней

²⁴ Переписка... – Т.2. – С. 3 – 4.

²⁵ Переписка... – Т.2. – С. 5.

²⁶ Там же. – С. 6.

²⁷ Там же.

благодарностью, как исключительно серьёзную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом»²⁸.

11 декабря Германия и Италия официально вступили в войну против США. С этого момента Соединённые Штаты Америки стали ещё одним участником Второй мировой войны и полноправным членом антигитлеровской коалиции. 1 января 1942 года в Вашингтоне представители 26 стран, в том числе три великие державы, подписали декларацию Объединённых наций. В ней содержалось коллективное обязательство использовать все ресурсы для активной борьбы против агрессоров, сотрудничать в войне и не заключать сепаратного мира с Германией. В феврале 1942 года США предоставили Советскому Союзу второй миллиард долларов для закупок вооружения и военных материалов.

Таким образом, анализ документов сконцентрированных в сборниках «Переписка...», «Советско-английские отношения...» и «Советско-американские отношения...» показывает, что одним из направлений в военном сотрудничестве великих держав стало взаимодействие в деле оказания военно-технической помощи СССР со стороны США и Великобритании. Дела здесь буквально с первых дней Великой Отечественной войны из сферы обещаний и заявлений быстро перешли в практическую реализацию. Несомненно, это была серьёзная поддержка той титанической борьбе, которую вёл Советский Союз, сдерживая агрессоров. Но этого было мало.

Военно-техническая помощь со стороны Великобритании и США в эти самые тяжёлые для СССР месяцы следовало дополнить участием сухопутных вооружённых сил союзников, и, прежде всего, Великобритании, в войне с Германией на европейском континенте. Речь идёт об открытии на Западе второго фронта борьбы, которого тогда так боялся Гитлер. При этом советское руководство считало, что англо-американские войска должны высадиться в таком месте, боевые действия с которого поставили бы под удар важнейшие военно-промышленные объекты Германии. Таким местом могла быть только территория Франции. Высадка в этом районе создала бы для агрессоров действительную, а не мнимую угрозу. Именно этот вариант места вторжения был наиболее эффективным. Он облегчил бы военное положение не только СССР, но и союзников, значительно сократил бы материальные затраты и людские потери, приблизил бы час окончательного разгрома агрессоров.

Советский посол в Великобритании И. М. Майский в своих воспоминаниях писал о том, что в первые дни, когда по дипломатическим каналам из Москвы практически никаких указаний не поступало, он, на свой страх и риск, сделал первый зондаж по вопросу открытия второго фронта в Европе. Ставясь прояснить позицию высшего руководства Великобритании по этой проблеме, он в качестве доступного для него объекта избрал лорда У. Бивербрука – министра снабжения в правительстве Великобритании. Документа, отражающего содержание беседы, в сборнике о советско-английских отношениях во время Великой Отечественной войны нет. Но об этом Иван Михайлович подробно писал в своих воспоминаниях. Встреча состоялась на пятый день после нападения Германии на Советский Союз. В процессе беседы советский посол главным аргументом выдвинул тезис о том, что открытие второго фронта во благо не только СССР, но и самой Англии, что в борьбе с Германией ей нужен союзник, что теперь в лице Советского Союза он появился.

Зондаж удался. Лорд идею Майского поддержал. Вот что по этому поводу писал советский посол: «О своём разговоре с Бивербруком я немедленно телеграфировал в Москву. Никаких возражений против моей инициативы не последовало. Напротив, нарком иностранных дел вызвал к себе Криппса (который сразу же после 22 июня вернулся в Москву) и, ссылаясь на сочувственное отношение Бивербрука к идее второго фронта, просил британского посла поставить этот вопрос перед британским правительством... Попытка Бивенбрука заинтересовать кабинет вопросом о втором фронте потерпела неудачу. Черчилль, как я и предполагал, отнёсся к этой идее отрицательно. Его поддержало большинство членов кабинета»²⁹.

²⁸ Переписка... – Т. 2. – С. 7 – 8.

²⁹ Майский И. М Воспоминания советского дипломата. – М., 1987. – С. 568 – 569.

Таким образом, мнение английского правительства по вопросу второго фронта в общих чертах советскому руководству стало известно уже в первые дни войны. Тем не менее, оно продолжало ставить этот вопрос. На самом высоком уровне он впервые обозначился в послании Черчиллю 18 июля. Это был первый ответ Сталина на два письма английского премьера от 8 и 10 июля. Письмо пришло в советское посольство в Лондоне. Майский его расшифровал, перевёл на английский, напечатал на машинке и лично вручил премьеру. Советский руководитель предлагал: «Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудности создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер ещё не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»³⁰.

Познакомившись с документом, Черчилль пожал плечами и сказал: «Вполне понимаю мистера Сталина и глубоко ему сочувствую, но, к сожалению, то, чего он просит, сейчас неосуществимо». После этого Майский и Черчилль вышли из кабинета в салон. Знакомя советского посла с Гопкинсом, премьер повторил то, что несколько минут назад сказал в своём кабинете: «Вот Stalin просит о создании второго фронта во Франции... Не можем мы этого сделать сейчас... не в состоянии...»³¹.

В ответном послании Сталину по поводу фронта на Западе Черчилль заявил: «Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу. Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями...». Фактически это был отказ от идеи второго фронта на территории Франции. Что же касается Севера, то здесь Черчилль обещал провести ряд военно-морских операций³².

Так впервые был поставлен на самом высоком уровне коренной вопрос во взаимоотношениях между СССР и Великобританией в военной сфере. И так впервые на самом высоком уровне отреагировал английская сторона на советское предложение.

В связи с вышеизложенным хотелось бы прокомментировать одно предположение, высказанное авторами фундаментального исследования «Очерки истории Министерства иностранных дел России»: «18 июля 1941 года в послании Сталина Черчиллю советской стороной впервые был поставлен вопрос о необходимости открытия второго фронта... Вероятно Stalin выставил требование открытия второго фронта, основываясь на оптимистической оценке намерений английского руководства, данной И. М. Майским (тот, в свою очередь, похоже, переоценил значение высказываний британских деятелей, которые в частных беседах говорили о возможности проведения «рейдов» на материк)»³³.

Так ли это? О состоянии советско-английских отношений в военной сфере вообще и об английской позиции по вопросу второго фронта в частности на конец августа 1941 года красноречиво говорит содержание телеграммы Майского в народный комиссариат иностранных дел. Советский посол информировал о своём разговоре по этим вопросам с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. Вот некоторые фрагменты из этого документа.

«В середине июля Советское правительство предлагало Британскому правительству создание второго фронта на Западе, однако по разным причинам, на которых я сейчас не хочу останавливаться, Британское правительство отклонило это предложение. Но если

³⁰ Переписка... – Т. 1. – С.19.

³¹ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. – С. 581 – 583.

³² Переписка... – Т. 1. – С. 20.

³³ Очерки истории министерства иностранных дел России. – Т. 2. – С.279.

Британское правительство считало невозможным открывать фронт во Франции, то, казалось бы, тем легче оно могло оказать нам поддержку в другой форме – в форме широкого снабжения необходимыми нам авиацией, оружием и тому подобное... На самом деле этого не случилось. Англия не открывает второго фронта и в то же время не даёт нам самолётов и оружия в сколько-нибудь серьёзных количествах... Что ещё мы имеем от Англии? Массу восторгов по поводу мужества и патриотизма советского народа, по поводу блестящих боевых качеств Красной Армии. Это, конечно, очень приятно (особенно после тех всеобщих сомнений в нашей боеспособности, которые господствовали здесь всего лишь несколько недель назад), но уж слишком платонично. Как часто слыша похвалы, расточаемые по нашему адресу, я думаю: «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей». С учётом всего сказанного выше надо ли удивляться чувствам недоумения и разочарования, которые сейчас всё больше закрадываются в душу советского человека? Ведь фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем... Иден говорил о том, что Англия ещё не готова к вторжению во Францию, что США в области производства оружия и самолётов раскачиваются очень медленно, что Британское правительство максимально разворачивает воздушное наступление на Германию... В этой связи Иден упомянул, что в ближайшем будущем англичане, по всей вероятности, начнут наступательные операции в Ливии»³⁴.

Что такое Ливия? Это зона имперских интересов Великобритании, не более. Давайте вдумаемся в содержание телеграммы Черчилля генералу Окинлеку от 19 июля 1941 года: «Если для восстановления положения в Киренайке мы не используем передышку, представившуюся нам благодаря тому, что немцы завязли в России, такая возможность может никогда больше не повториться»³⁵.

Где Ливия по отношению к оккупированной Европе? Неужели там, за три девять земель от самой Германии решалась задача её разгрома? Она решалась на европейском континенте, там, откуда расползлась коричневая чума. Германию надо было повязать восточным и западным сухопутными фронтами, следовало распылить её армию между советско-германским фронтом на Востоке и германо-англо-американским на Западе. Но этого союзники не понимали или намеренно не хотели понимать. Такая политика была на руку только агрессору, она не распыляла военный потенциал Германии, а наоборот помогала ей бить своих противников поодиночке.

Приведённый анализ документов и фактов, изложенных в мемуарах Майского опровергают предположение авторов коллективного труда «Очерки истории Министерства иностранных дел России». Никаких оптимистических оценок Майский не делал.

Суть такой политики англичан вскрыл Сталин ещё в августе 1941 года. В телеграмме послу СССР в Великобритании он резюмировал: «Английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам. Гитлеровцы хотят бить своих противников поодиночке – сегодня русских, завтра англичан. То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, николько не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, то нам надо быть осторожными в отношении англичан»³⁶.

Эту же мысль Сталин выразил в послании Черчиллю от 3 сентября, в котором второй раз поставил вопрос и втором фронте: «Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить противников поодиночке: сначала русских, потом англичан»³⁷.

³⁴ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 106 – 107.

³⁵ Там же. – С.516.

³⁶ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 109.

³⁷ Переписка... – Т. 1. – С. 28.

Приведя в этом письме факты потерь территории и утраты экономического потенциала страны, Сталин поставил вопрос: «Каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?». И сам на него ответил: «Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30 – 40 немецких дивизий...»³⁸.

Это послание Черчиллю вручил Майский. Премьер внимательно его прочитал, после чего между ним и послом завязалась беседа по содержанию послания Сталина. Иван Михайлович усилил некоторые положения письма, стремясь показать, в каких трудных условиях советский народ ведёт борьбу один на один с немецко-фашистскими войсками. Информируя Сталина о ходе беседы, Майский отразил реакцию Черчилля на проблему второго фронта: «Однако Черчилль и на этот раз повторил то, что я слышал от него раньше: вторжение во Францию невозможно. Он уже несколько раз обсуждал различные варианты такого вторжения с начальниками штабов, но каждый раз приходил к выводу о ничтожности шансов на успех. Пролив, который мешает немцам перепрыгнуть в Англию, также мешает англичанам перепрыгнуть во Францию. Делать же попытки десанта для того, чтобы провалиться, нет никакого смысла: это не принесёт пользы ни нам, ни англичанам. В общем, аргументы Черчилля тут были те же, какие он приводил в ответе на ваше июльское послание»³⁹.

Небезынтересно сравнить, как описана эта часть разговора Черчиллем: «Советский посол, которого сопровождал Иден, беседовал со мной полтора часа... Посол просил о немедленной высадке на побережье Франции или Нидерландов. Я изложил те веские соображения, по которым это было невозможно, а также объяснил, что это не принесло бы облегчения России... Майский не мог, разумеется, отказаться от своего призыва о немедленном открытии второго фронта, и дальнейшие споры по этому поводу были бесполезны»⁴⁰. Не обязательно быть военным человеком, чтобы понимать, что при постановке такого серьёзного вопроса, как высадка крупного десанта с форсированием пролива, слово «немедленно» совсем неуместно.

Помимо того, что это послание ушло адресату, второй его экземпляр был направлен в английское посольство в Москве. Криппс, лучше, чем кто-либо в Лондоне знаяший положение на советско-германском фронте, и по этой причине более трезво оценивающий те трудности, которые испытывал советский народ в борьбе с Германией, дал объективную оценку этому посланию. В телеграмме в Лондон он выразил свою точку зрения: «...заявление Сталина не является преувеличением, и что если мы не сможем предпринять сверхчеловеческих усилий, мы потеряем все преимущества от русского фронта, во всяком случае, на долгое время, а возможно, и навсегда»⁴¹. Так виделось Криппсу дело из Москвы. В Лондоне же «преимущества от русского фронта» пытались использовать в своих интересах в полной мере.

В своих мемуарах Черчилль пожурил Криппса: «Наш посол в Москве, вполне естественно, в самых сильных выражениях поддержал советский призыв». «Я вполне понимаю чувства, которые вы испытываете, наблюдая вблизи агонию России, но ни сочувствие, ни эмоции не могут опровергнуть те факты, которым нам приходится смотреть в глаза».

Посла следовало остудить. Уже 5 сентября Черчилль направил ему письмо, разъясняющее политику кабинета в вопросе о втором фронте: «Если бы было возможным произвести какую-либо успешную диверсию на французском или на нидерландском побережье, которая вынудила бы немцев отозвать войска из России, то мы бы отдали об этом приказ, не считаясь с самыми тяжёлыми потерями. Все наши генералы убеждены в том, что

³⁸ Там же. – С. 29 – 30.

³⁹ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 114.

⁴⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 3. – М., 1988. – С. 234 – 235.

⁴¹ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 516

это кончится только кровопролитными боями, в результате которых мы будем отброшены, а если нам удастся закрепиться на небольших плацдармах, то через несколько дней их все равно придётся оставить»⁴².

Через три дня Москва получила официальный ответ из Лондона: «...в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции»⁴³.

Более того, английский премьер не гарантировал, что и в 1942 году вторжение британской армии на европейский континент будет возможным. В начале октября английский посол в США Э. Галифакс в своей речи прямо заявил, что правительство Великобритании в настоящее время не собирается производить вторжение на континент⁴⁴.

13 сентября в очередном послании Черчиллю Сталин предлагает иной вариант прямой военной помощи со стороны Великобритании – о высадке 25 – 30 дивизий в Архангельске или в южных районах СССР. На это предложение вразумительного ответа не последовало. Больше в 1941 году вопрос об открытии второго фронта в Западной Европе руководители СССР перед правительством Великобритании не поднимали. А Черчилль о своём упорстве в этом вопросе поведал даже своей жене. Об этом он 28 октября написал Криппсу в Куйбышев «Я сказал ей, что о втором фронте не может быть и речи, и единственное, что мы будем в состоянии делать в течение долгого времени, – это посыпать в большом количестве все виды снабжения»⁴⁵.

И ещё один документ, красноречиво подтверждающий упорное нежелание английского руководства открывать второй фронт в Европе в первые месяцы германо-советской войны. Как уже упоминалось, в Москве в период с 29 сентября по 1 октября 1941 года состоялась конференция представителей СССР, США, и Великобритании по вопросам взаимных поставок военной техники и материалов. Английскую делегацию на переговорах возглавлял лорд У. Бивербрук. Его позиция по вопросу второго фронта в Западной Европе и реакция на неё английского руководства отражена в документе под красноречивым названием «Из сообщения лондонской резидентуры НКВД СССР о позиции правительства Великобритании в отношении открытия второго фронта» от 25 октября 1941 года. Вот его содержание.

«...Бивербрук по возвращении из СССР представил военному кабинету доклад о результатах Московской конференции, в котором высказался за немедленное открытие англичанами второго фронта на Западе. Кабинет ещё не рассматривал доклад, однако из бесед с членами кабинета выясняется, что никто из них предложение Биверброка поддерживать не намерен, так как против него категорически возражает Черчилль»⁴⁶.

Чем объяснить такую позицию английского лидера? Чтобы ответить на этот вопрос, следует «заглянуть» за занавеску его официальных ответов по вопросу второго фронта, отражённых в переписке со Сталиным. В этом нам помогут весьма тенденциозные, но откровенные мемуары самого Черчилля. Освещать раздел о взаимоотношениях между нашими странами после нападения Германии на СССР, английский премьер-министр начал с упрёков по поводу того, что Советский Союз в конце тридцатых годов пошёл на сговор с Германией, отдал Польшу на растерзание агрессору, что Англия одна, без советской помощи, сражалась с ним и так далее в этом же духе. Все эти факты, естественно, поданы с чисто своих имперских позиций. Здесь не место приводить аргументы противоположного толка, однако следует устами автора показать, как мнение английского лидера по поднятым им довоенным проблемам формировали его взгляд на советско-английские отношения на

⁴² Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 3. – С. 239.

⁴³ Переписка... – Т. 1. – С. 29 – 30.

⁴⁴ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 517.

⁴⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т.3. – С. 247.

⁴⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – С. 244.

заре зарождающегося сотрудничества, каким болезненным для него был переход от антисоветизма к деловому партнёрству.

Черчилль писал: «Их первым порывом было – затем это стало их постоянной политикой – потребовать всевозможной помощи от Великобритании... Не колеблясь, они стали в настоятельных и резких выражениях требовать от измученной и сражающейся Англии отправки им военных материалов, которых так не хватало её собственной армии... более того, уже летом 1941 года они требовали высадки англичан в Европе, любой ценой и невзирая на риск, с целью создания второго фронта. Мы не позволяли этим печальным и постыдным фактам влиять на наш образ мыслей и старались видеть только героические жертвы русского народа»⁴⁷.

Что тут можно сказать? О якобы нашем «первом порыве» и требовании «всевозможной помощи». Это телега впереди лошади. Первым ведь был порыв обещания. Давайте выделим из уже цитируемого выступления Черчилля по радио 22 июня одну фразу: «...мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только можем». Это было заявлено на весь мир. Повторно процитируем и фразу из первого послания Черчилля Сталину: «Мы сделаем всё, чтобы помочь Вам». Это написано 8 июля. Ну, а если ты дважды пообещал, да ещё плохо выполняешь это обещание, то негрешно от тебя и потребовать. Однако если внимательнее вчитаться в документы и оценить их непредвзято, то в посланиях Сталина фраз с оттенком требовательности нет. Там или просьбы, или слова благодарности. Его реакция на предложенную английскую помощь отмечена уже в первом послании Черчиллю 18 июля. Что касается проблемы второго фронта, затронутой в этом же письме, то в постановке вопроса никаких требований не было, а было предложение, которое начиналось вводными словами «мне кажется». А о поставках технического характера Сталин впервые высказался лишь 3 сентября, начав своё письмо словами «приношу благодарность».

Чем Черчилль, буквально с первых дней, мотивировал свой отказ от идеи вторжения на материк, какие он приводил основные аргументы, защищая свою позицию? Во-первых, трудностями десантной операции, которая должна быть обеспечена господством не только на море, но и в воздухе. Для её успешного осуществления необходима целая армада специальных десантных судов, способных перевозить по морю не только личный состав, но и технику, в том числе и танки. Достаточного количества этих средств ни у Англии, ни у Соединённых Штатов в это время, по мнению британского премьера, не было. По этому вопросу Черчилль в своих мемуарах даже сделал упрёк в адрес советского руководства: «Русские никогда ни в малейшей степени не понимали характера десантной операции». И вторая мотивировка отказа: «У нас в Англии ещё даже не было армии столь же крупной, столь же хорошо обученной и столь же хорошо оснащённой, как та, с которой мы должны были столкнуться во Франции»⁴⁸.

Эти два фактора являлись составной частью главной боязни Черчилля – потерять слишком много человеческих жизней своих соотечественников. Бедарида приводит в своей книге высказывание заместителя министра обороны США Д. Макклоя, которому весной 1944 года Черчилль заявил: «Никто не может обвинить меня в нежелании бороться и помочь советскому народу, но мысль о том, что на моих глазах погибнет всё молодое поколение Британии, невыносима»⁴⁹.

Что можно сказать в отношении этих черчиллевских аргументов? Они объективны, оспаривать их или отметать было бы несправедливо. Но, руководствуясь известным изречением о том, что тот, кто хочет решить ту или иную проблему, ищет способы, а тот, кто этого не хочет – ищет отговорки, следует заметить следующее.

Советское руководство прекрасно понимало, что английские вооружённые силы к проведению сухопутной операции на Западе Европы ещё не готовы, что для приведения их в такую готовность необходимо время. В 1941 году внимание советского правительства

⁴⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т.3. – С. 195.

⁴⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т.3. – С. 195.

⁴⁹ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 286.

концентрировалось главным образом на проблемах военно-экономической помощи со стороны союзников, вопрос же открытия второго фронта если и ставился, то он ни с какими сроками не связывался. Советская сторона лишь предлагала наиболее целесообразный район высадки. При этом речь шла не о масштабном вторжении, а об образовании плацдарма, что повлекло бы отвлечение какой-то части вражеских войск. Что касается водных транспортных средств, то в тех же воспоминаниях в разделе «Аппарат контратаки» автор упоминает о том, что ещё в 1940 году в Великобритании было наложено производство танкодесантных барж.

Советский историк В. Секистов, один из наиболее компетентных отечественных специалистов по этой проблеме, на основе многочисленных работ американских исследователей пишет: «А могли союзники осуществить высадку крупных сил во Францию в 1943 году? Да, для этого они располагали необходимыми силами и средствами... США имели в конце 1942 года 70 дивизий и более 230 отдельных батальонов, оснащённых военной техникой и вооружением; Англия располагала в метрополии 30 дивизиями и 25 отдельными бригадами, что превосходило количество дивизий вермахта, имевшихся тогда на Западе. У ВВС США и Англии было подавляющее количественное превосходство. И самое главное, США и Англия имели достаточно десантно-высадочных средств, чтобы высадить крупный десант на французском побережье»⁵⁰.

В октябре 1986 года в Москве состоялся советско-американский коллоквиум по некоторым проблемам Второй мировой войны. Одной из них был вопрос о втором фронте в Европе. Советские историки О. А. Ржепецкий, А. С. Орлов убедительно доказали, что у западных союзников имелись все материально-технические и людские возможности для вторжения на европейский континент в 1942 году⁵¹.

Так что все английские доводы, это всего лишь отговорки. А на деле вся причина в том, что английское руководство вынашивало планы высадки своих войск в Северной Африке, что и было сделано в 1942 году. Именно сюда ушли те людские и материальные ресурсы Великобритании, которые могли быть направлены на подготовку второго фронта в Западной Европе. Здесь была главная зона её политических и экономических интересов. Говоря о высадке в Африке, Гарриман отмечал: «западные союзники могли развернуть подобное наступление на побережье Нормандии или Британии. Им не хватило лишь желания нанести удар на Западе»⁵². Читай: им не хватило политической воли. Но зато был политический расчёт: теперь, когда Гитлер завяз на необъятных просторах России, его вторжение на Британские острова стало не то, что не проблематичным, оно практически стало невозможным. Из этого надо извлечь выгоду. Поэтому с вопросом открытия второго фронта можно и повременить.

Вот подтверждение этой политики. 10 июля 1941 года Черчилль уведомил морского министра: «Представляется совершенно необходимым отправить небольшую смешанную английскую эскадру в Арктику для установления контакта и для совместных действий с русскими военно-морскими силами... Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключённый Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта»⁵³.

В начале семидесятых годов в Лондоне и Балтиморе в пяти томах были изданы документы известного военного и политического деятеля США Д. Эйзенхауэра. Их анализ показывает, что высадка во Франции связывалась не с решением военно-технических задач, а с ходом вооружённой борьбы на советско-германском фронте⁵⁴.

⁵⁰ Военно-исторический журнал. – 1984, № 5. – С.78.

⁵¹ Военно-исторический журнал. – 1987, № 3. – С. 93.

⁵² Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 3. – С. 196.

⁵³ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 3. – С. 197 – 198.

⁵⁴ Более подробно см.: Военно-исторический журнал. – 1974, № 2. – С. 92.

В общем, та же циничная позиция тогдашнего сенатора Г. Трумэна: помогать тому и так, чтобы немцы и русские убивали друг друга как можно больше. С этим мнением не согласен Бедарида: «Вопреки бывшему некогда мнению, позиция Черчилля вовсе не была продиктована коварным умыслом обескровить Советский Союз,бросив его на произвол судьбы на Восточном фронте... Напротив, в 1942 – 1943 годах Черчилль лучше, чем кто бы то ни было, понимал, что для победы Великому альянсу нужны были все три участника, что англо-американские союзники не могли свергнуть нацистский режим без помощи Советского Союза – самой большой страны в мире»⁵⁵. Понимать-то понимал, но с открытием второго фронта, «наблюдая за великими жертвами русского народа», не спешил.

В атмосфере такой политики советское руководство, трезво оценивая возможности Великобритании, считало, что вопрос об открытии второго фронта перед английским правительством ставить надо. И чем раньше и настойчивее, тем лучше. Надо добиваться согласия, без него практических шагов не будет. Что же касается второго партнёра по антигитлеровской коалиции, то этот вопрос советское правительство перед президентом США не ставило.

Высоко оценивая военное снабжение со стороны союзников по антигитлеровской коалиции, советское руководство не могло удовлетвориться неопределенной позицией Великобритании в главном жизненно важном вопросе в сфере военного сотрудничества – в вопросе открытия второго фронта. Становилось очевидным, что Черчилль упорно отказывается удовлетворить справедливые просьбы советского правительства, что в деле открытия второго фронта Великобритания продолжает свою традиционную политику – по возможности вести войну чужими руками. Становилось очевидным, также, что отношения между СССР и Великобританией в военной сфере нуждаются в договорной основе. Об этом без особой дипломатии и совершенно откровенно писал Сталин Черчиллю 8 ноября 1941 года: «Я согласен с Вами, что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией, эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое – не существует определённой договорённости между нашими странами о целях войны...и второе – не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договорённости по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских отношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие»⁵⁶.

Английская сторона с пониманием отнеслась к предложению Сталина. С целью «произвести широкое рассмотрение проблем войны в целом», как писал Черчилль в ответном письме от 22 ноября, в Москву он откомандировал министра иностранных дел с группой высокопоставленных военных и других экспертов.

Переговоры по вопросу заключения между СССР и Великобританией союза в войне против Германии и послевоенном сотрудничестве проходили в Москве. Из-за отказа Англии признать западные границы СССР 1941 года стороны решили продолжить обмен мнениями в Лондоне. Майский получил право представлять на них советскую сторону.

Надо сказать, что советский посол много сделал для того, чтобы продвинуть вперёд дело переговоров. 8 апреля 1942 года в телеграмме в наркомат иностранных дел он сообщил, что был у Идена, который заявил, что: «Британское правительство было бы очень радо, если бы для подписания договора сюда приехал Молотов»⁵⁷. Руководитель советской военной миссии в посольстве СССР в Великобритании контр-адмирал Н. М. Харlamов так прокомментировал реакцию советского руководства на это предложение и ответную реакцию на неё английского руководства: «Однако по ряду причин он (Молотов. – С.А.) в то время не мог покинуть Москву и поручил вести (скорее: продолжить. – С.А.) переговоры И.

⁵⁵ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 285.

⁵⁶ Переписка... – Т. 1. – С. 42.

⁵⁷ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 217.

М. Майскому. В Лондоне ответ советского наркома явно пришёлся не по вкусу, особенно Идену»⁵⁸. Переговорный процесс продолжался.

11 апреля 1942 года в вопросе второго фронта произошло поистине историческое событие. От разговоров и туманных обещаний союзники, наконец, перешли к конкретным предложениям. Инициативу в этом затянувшемся деле проявил президент Соединённых Штатов Америки. Это становится ясным из содержания двух телеграмм, направленных послом Советского Союза в США М. М. Литвиновым. В первой телеграмме посол сообщил, что в его отсутствии Рузвельт вызвал А. А. Громыко, которому вручил текст личного послания Сталину и объяснил, что «хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта. Он считает, что это можно сделать летом этого года, не откладывая. Рузвельт, по мнению Громыко, явно имел в виду открытие второго фронта»⁵⁹.

Во второй телеграмме Литвинов сообщал: «Чем больше поражений японцы наносят англичанам и американцам, тем громче становятся требования общественности относительно второго антигитлеровского фронта. Уступая этим требованиям, президент отправил в Лондон Маршалла и Гопкинса». В этой же телеграмме посол спрашивал: «Если Вы почему-либо не пожелаете лететь сюда, то не предложите ли президенту встретиться в Лондоне, где вопросы могут быть обсуждены и с англичанами? В этом случае я буду просить разрешения прилететь в Лондон для встречи с Вами»⁶⁰.

Надо отметить, что позиция президента по вопросу открытия второго фронта в Европе определилась несколько раньше. В послании Черчиллю от 18 марта он сообщил: «...я предполагаю направить Вам через несколько дней более определённый план совместного наступления в самой Европе». И здесь же весьма любопытное откровение: «Я знаю, что Вы не будете возражать против моей грубой откровенности, если сообщу Вам, что, как я думаю, я лично могу столкнуться со Сталиным лучше, чем ваше министерство иностранных дел или мой государственный департамент. Stalin не выносит надменности ваших высших руководителей. Он исходит из того, что я ему нравлюсь больше, и я надеюсь, что он будет продолжать так думать»⁶¹.

В приведённых документах президент США говорит о втором фронте совершенно конкретно. Если же попробовать определить, когда он впервые поставил этот вопрос, то, вполне очевидно, что это произошло 16 декабря 1941 года. В послании Сталину он писал: «По моему мнению, крайне важно предпринять немедленно шаги с целью подготовки почвы для **совместных действий** (выделено мной. – A.C.) не только на ближайшие недели, но также для окончательного поражения гитлеризма». В этом же послании Рузвельт, так же впервые, выразил свое желание о личной встрече и понимание того, что «это в настоящее время невозможно»⁶².

12 апреля Stalin получил послание от президента США. В вопросе более тесного военного сотрудничества Ф.Рузвельт в силу ряда причин не только проявил понимание трудного положения СССР, но и значение в его облегчении прямого использования вооружённых сил союзников. Он писал: «Я имею в виду весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооружённых сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте. Этой цели я придаю огромное значение».

Понимая, что из-за географического расстояния между Москвой и Вашингтоном со всеми вытекающими из этого факта последствиями личная встреча со Сталиным невозможна, президент предложил «обдумать вопрос о возможности направить в самое ближайшее время в Вашингтон господина Молотова и доверенного генерала. «Я предлагаю

⁵⁸ Харламов Н. М. Трудная миссия. – М., 1983. – С. 100.

⁵⁹ Советско-американские отношения – Т. 1. – С. 158.

⁶⁰ Там же. – С. 159.

⁶¹ Тайны истории. Секретная переписка Черчилля и Рузвельта в годы войны. – М., 1995. – С. 228.

⁶² Переписка... – Т.2. – С. 10.

такую процедуру, – писал далее президент, – не только из соображений секретности, которая является столь необходимой, но и потому, что мне нужен Ваш совет, прежде чем мы примем окончательное решение о стратегическом направлении нашей совместной военной акции»⁶³.

Следует привести ещё один документ, подтверждающий более объективную по сравнению с Черчиллем позицию президента США в вопросе второго фронта. За неделю до официального изложения своей точки зрения по этому вопросу в послании Сталину, 3 апреля, он писал английскому премьеру: «Дорогой Уинстон! То, о чём расскажут Вам Гарри (Гопкинс. – С. А.) и Дж. Маршалл, я разделяю всем сердцем и умом. Ваш народ и мой требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше снаряжения, чем Вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута. Беритесь за это! Сирия и Египет будут в большей безопасности, даже если немцы разузнают про наши планы»⁶⁴.

О чём же рассказали Черчиллю Гопкинс и Маршалл? 8 апреля они прибыли в Лондон и привезли обширный меморандум, который был подготовлен американским Комитетом начальников штабов по вопросу второго фронта в Европе. Вполне естественно, он был одобрен президентом США. Об этом говорит его фраза из предыдущего документа: «я разделяю всем сердцем и умом». План вторжения предусматривал два срока: отдалённый – 1 апреля 1943 года и так называемы «срочный» – на сентябрь или октябрь 1942 года, на тот случай, если понадобится спасать Советский Союз от полного разгрома.

Этот документ весьма красноречиво свидетельствует о решимости Рузвельта в вопросе второго фронта в Европе переходить от слов к конкретным делам. Об этом даже говорит название первого раздела документа: «Операция на Западе Европы». В нём, в частности, отмечалось: «Западную Европу предпочитать в качестве театра для организации первого крупного наступления Соединённых Штатов и Великобритании. Только там могут быть полностью развернуты их объединённые ресурсы на суше и на море и оказана максимальная поддержка России. Решение начать это наступление должно быть принято немедленно (выделено мной. – А. С.). Из-за огромных приготовлений, необходимых во многих направлениях... Без ущерба для основных обязательств на других театрах эти силы могли быть переброшены к 1 апреля 1943 года. Поскольку вторжение в таких масштабах не может быть организовано в лучшем случае раньше 1 апреля 1943 года, нужно подготовить и поддерживать на уровне требования момента план немедленных действий, осуществляемых теми войсками, которыми можно располагать в тот или иной момент. Возможно, что это придётся осуществить в качестве чрезвычайной меры либо: а) с целью использовать неожиданный крах Германии, либо б) «в порядке жертвы», чтобы предотвратить неизбежное крушение русского сопротивления... В течение осени 1942 года удастся, вероятно, перебросить и обеспечить не более пяти дивизий. В этот период главное бремя ляжет на плечи Соединённого Королевства»⁶⁵.

Что можно сказать о содержании этого документа? Советская позиция, за исключением некоторых нюансов, выраженная устами американского президента!

Из приведённых документов видно, что инициатива в деле создания второго фронта в Европе исходила от президента США; что в этом вопросе он занимал более реалистичную позицию, чем Черчилль; что причиной этой реалистичности, помимо всего, стали поражения США от Японии; что президентское стремление к открытию второго фронта в определённой степени обусловлено требованиями американской общественности. Как бы там ни было, но позиция Рузвельта в этом вопросе совпадала с мнением советского руководства, которое в открытии второго фронта в Европе видело самую значимую поддержку со стороны союзников в деле борьбы с фашистской Германией.

⁶³ Там же. – С. 16.

⁶⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 144 – 145.

⁶⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 144 – 145.

На основе этих документов можно, также, резюмировать, что приглашение Молотову посетить Лондон и Вашингтон пришло в Москву почти одновременно – 8 апреля из Англии и 12 апреля из США. Однако следует заметить, что идея пригласить представителей советского правительства в Вашингтон у Рузельта возникла немногим раньше того официального приглашения, которое было выражено в послании Сталину от 12 апреля. В телеграмме, отправленной в Лондон 1 апреля, он выразил надежду, «...что Россия с энтузиазмом воспримет этот план, и, получив от Вас сообщение, я намерен просить Сталина немедленно прислать двух специальных представителей для встречи со мною». А уже позже, в послании Сталину, Рузельт персонифицировал это предложение на конкретного человека – Молотова. В ответном послании от 17 апреля Черчилль идею президента одобрил⁶⁶.

В письме от 12 апреля президент также информировал Сталина о том, что он послал в Англию своего личного представителя Гопкинса для переговоров с Черчиллем по проблеме высадки англо-американских войск в Европе.

Как проходили эти переговоры в Лондоне? Идею второго фронта, изложенную в меморандуме, американская сторона в послании Черчиллю сжато изложила так: «1). Английская и американская освободительные армии должны высадиться в Европе в 1943 году. А как иначе могли бы они высадиться крупными силами, если не из Южной Англии? Не должно предприниматься ничего, что могло бы помешать этому, и нужно делать всё, что способствует этому. 2). Тем временем, когда русские ведут гигантские бои изо дня в день против главных ударных сил германской армии, мы не можем оставаться в бездействии. Мы должны вступить в бой с врагом»⁶⁷.

Вот как в восторженных тонах оценил американский меморандум Черчилль: «Мы от всего сердца согласны с Вашей идеей концентрации сил против главного врага, и мы с радостью принимаем Ваш план...Кампания 1943 года – ясное дело, и мы немедленно начинаем составление совместных планов и подготовку к ней...Я согласен с предложением в Вашей телеграмме от 2 апреля о том, что Вам нужно попросить Сталина прислать двух специальных представителей повидаться с Вами немедленно и поговорить о Ваших планах»⁶⁸.

Не менее восторженно оценил результаты переговоров в Лондоне и Рузельт. В послании Черчиллю от 22 апреля он писал: «Я восхищён соглашением, достигнутым между Вами, Вашими военными советниками и Маршаллом и Гопкинсом... Я считаю, что это мероприятие приведёт Гитлера в большое уныние и, вполне возможно, станет средством, с помощью которого будет достигнуто его падение...Я получил сердечное послание от Сталина, в котором говорится, что для переговоров со мной он посыпает Молотова и одного генерала. Я предлагаю, чтобы, до того как поехать в Англию, они прибыли сюда. Дайте мне знать, если у Вас имеется другая точка зрения на этот счёт. Я весьма доволен посланием Сталина»⁶⁹.

Это мнение американского президента расходится со свидетельством Литвинова, который 21 апреля имел встречу с Рузельтом. Сообщая советскому послу о возвращении Гопкинса и Маршалла из Лондона, он дал понять, что «их миссия была неудачной. Британский военный кабинет, включая Черчилля, высказывался за второй фронт, но Генеральный штаб – против...Рузельт далее сказал, что англичане в принципе за второй фронт, и при этом сам рассмеялся. Они хотят отложить на 1943 год, но американцы настаивают, чтобы создать второй фронт теперь же. Ввиду этого Рузельт считает желательным, чтобы Вы остановились в Лондоне на обратном пути, ибо Вы сможете тогда говорить и от его имени и оказать двойное давление на англичан»⁷⁰. Трудно понять, кто тут дальше от истины – Литвинов, или Черчилль с Рузельтом.

⁶⁶ Тайны истории. – С. 233, 242.

⁶⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 153.

⁶⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 150.

⁶⁹ Тайны истории. – С. 244.

⁷⁰ Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 164 – 165.

Вскоре, однако, от восторженных оценок не осталось и следа. А англичане от этой договорённости вообще отказались. Трухановский на этот счёт приводит любопытные сведения: «Решение было принято вопреки желанию Черчилля, и вскоре он и другие английские руководители по существу от него отказались. Американцы считали, что англичане их провели. Генерал Исмей пишет в своих воспоминаниях, что во время переговоров все были полны энтузиазма, и никто не заявлял о своём несогласии... Черчилль сознательно ввёл в заблуждение американских представителей. Исмей замечает: «Американцы сочли, что мы поступили в отношении их вероломно». В вопросе о втором фронте Черчиллем было допущено много вероломства, причём в отношении Советского правительства значительно больше, чем в отношении американского»⁷¹. Но об этом советское руководство узнало несколько позже.

Итак, в деле открытия второго фронта в Европе в апреле 1942 года наметились существенные подвижки. Советская сторона с удовлетворением восприняла инициативу Рузельта и не могла не принять его предложения направить Молотова в Вашингтон. Тем более что теперь этот визит можно было совместить с продолжением переговоров по советско-английскому договору в Лондоне. От поездки туда для их завершения и подписания документа, как уже отмечалось, нарком несколько дней назад отказался.

Вполне естественно, прежде чем согласиться на визит в Вашингтон, следовало прояснить тот круг вопросов, который намерен поставить президент во время переговоров. 13 апреля Литвинову в Вашингтон ушла телеграмма следующего содержания: «Мы считаем правильным, что, прежде чем решать вопрос о поездке Молотова в Вашингтон, желательно узнать, какие конкретно вопросы Рузельт намерен поставить на обсуждение при встрече. Поэтому предлагаем Вам обратиться к Рузельту с соответствующим запросом. В. Молотов»⁷².

Выполняя поручение, Литвинов добился аудиенции у президента. О её результатах он донёс наркому 14 апреля. По главному вопросу – открытию второго фронта – удалось выяснить, что: «Он со своими советниками пришёл к заключению о необходимости оказания нам помощи созданием нового фронта против Гитлера... Они пришли к варианту о высадке во Франции... С целью подтолкнуть Англию туда посланы Гопкинс и Маршалл с поручением указать англичанам, что второй фронт является абсолютно необходимым... Предполагается с июля усилить наступление авиации, а к сентябрю подготовить наземные вооружённые силы. План ещё не окончательно одобрен Англией»⁷³.

С предложением американского президента о направлении наркома иностранных дел СССР в Вашингтон для переговоров Stalin согласился. 20 апреля он проинформировал Рузельта: «Советское правительство согласно, что необходимо устроить встречу В. М. Молотова с Вами для обмена мнений по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время. В. М. Молотов может приехать в Вашингтон не позже 10 – 15 мая с соответствующим военным представителем. Само собой понятно, что Молотов побудет также в Лондоне для обмена мнений с Английским Правительством»⁷⁴.

21 апреля Литвинов сообщил Молотову технические условия полёта наркома иностранных дел в Вашингтон. «Они могут предоставить Вам «Клипер» на 8 человек, а направление может быть выбрано Вами любое. Гопкинс рекомендовал южное направление через Африку, так как на северном климатические условия неподходящие. Он подтвердил желание президента, чтобы Вы прямо приехали сюда»⁷⁵.

Тем временем в Лондоне переговоры между СССР и Великобританией о союзе и взаимопомощи в войне и послевоенном сотрудничестве подошли к стадии завершения. Однако их результаты полного удовлетворения советской стороне не дали. 22 апреля Stalin

⁷¹ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. – С. 318.

⁷² Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 160.

⁷³ Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 162 – 163.

⁷⁴ Переписка... – Т. 2. – С. 16 – 17.

⁷⁵ Советско-американские отношения... – С. 165 – 166.

проинформировал Черчилля: «На днях Советское правительство получило от г. Идена проекты двух договоров между СССР и Англией, существенно отличающиеся в некоторых пунктах от текста договоров, фигурировавших во время пребывания г. Идена в Москве. Ввиду того, что это обстоятельство ведёт к новым разногласиям, которые трудно исчерпать в порядке переписки, Советское правительство решило, несмотря на все трудности, направить в Лондон В. М. Молотова для исчерпания путём личных переговоров всех вопросов, тормозящих подписание договоров. Это тем более необходимо, что вопрос о создании второго фронта в Европе, поставленный в последнем послании Президента США г. Рузвельта на моё имя с приглашением В. М. Молотова для обсуждения этого вопроса, требует предварительного обмена мнений между представителями наших правительств»⁷⁶.

В ответном послании премьер-министр Великобритании приветствовал это решение и выразил уверенность в том, что «мы сможем проделать много полезной работы»⁷⁷.

Анализ переписки руководителей трёх союзных держав с начала Великой Отечественной войны по май 1942 года по вопросам военного сотрудничества показывает, что: наиболее активно оно шло в сфере оказания Советскому Союзу материально-технической помощи; попытки руководства СССР добиться согласия со стороны Великобритании на открытие в Западной Европе второго фронта и хоть как-то облегчить тяжесть этой беспримерной борьбы, натолкнулись на всякого рода оговорки; союзники с открытием второго фронта в Европе явно не торопились; решить эту жизненно-важную для нашей страны проблему путём переписки между руководителями трёх держав стало практически невозможно; нужны переговоры, причём как можно на более высоком уровне; пренебрегать открывшейся возможностью ускорить открытие второго фронта путём прямых дипломатических переговоров ни в коем случае не стоит; для переговоров в Лондоне и Вашингтоне понадобится как минимум две недели; в тяжелейших на тот период условиях войны на такой срок оторваться от руководства страной Сталин не может; выполнение этой миссии следует возложить на Молотова, как на второе лицо в государственной структуре управления; значительная удалённость Москвы от пунктов переговоров и обширное оккупированное врагом пространство между Москвой, Лондоном и Вашингтоном делало авиационный способ доставки группы советских людей единственным возможным.

Таким образом, к маю 1942 года поездка наркома иностранных дел СССР с группой советников для переговоров с союзниками по вопросу открытия второго фронта в Западной Европе стала реальностью. Кроме этого советским дипломатам предстояло завершить переговорный процесс и подписать договоры между СССР и Великобританией о союзе в войне с Германией, а также заключить соглашение с США о принципах взаимопомощи.

В процессе переписки Сталина с Рузвельтом, встречи Литвинова с президентом США и его переписки с наркоматом иностранных дел сложилась формула полёта Молотова за границу: лететь в Вашингтон через Лондон, а возвращаться в Москву прямо из США. Вполне естественно решался и другой вопрос: на самолёте какой страны осуществить эту ответственную миссию? Эта проблема было отнюдь не второстепенной.

Обращаясь к Сталину 12 апреля с просьбой направить Молотова в Вашингтон, президент США обещал предоставить в его распоряжение «хороший транспортный самолёт». 4 мая в очередном послании в Москву Рузвельт проинформировал, что как только ему станет известен маршрут, американская сторона примет меры к незамедлительному предоставлению транспорта.⁷⁸

Что думал Сталин по поводу предложения президента о предоставлении Молотову американского самолёта сказать трудно. Здесь можно только предположить: предложение Рузвельта слишком большого восторга у советского руководителя не вызвало. Это предположение строится на основе того, что Советский Союз имел реальную возможность

⁷⁶ Переписка... – Т. 1. – С. 55.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Переписка... – Т. 2. – С. 17.

обеспечить полёт Молотова через океан своими собственными силами, силами советской дальнебомбардировочной авиации (ДБА). И об этом Сталин прекрасно знал.

ДБА встретила Великую Отечественную войну, будучи 5-м управлением ВВС Красной Армии. В первые трудные месяцы войны она понесла большие потери. Причиной стало неэффективное управление частями ДБА, когда они, выделенные в распоряжение командиров наземных частей, использовались не по своему прямому назначению. И винить здесь никого не следует, так складывались обстоятельства на всех участках советско-германского фронта. После успешного завершения Московской битвы, позволившей Красной Армии и всему советскому народу перевести дух, многие виды и рода Вооружённых Сил Советского Союза подверглись реорганизации. Она коснулась и ВВС. Не вдаваясь в подробности, следует сказать о главном, а именно: из состава ВВС была изъята ДБА и подчинена непосредственно Ставке. Сменив вывеску на АДД, она стала одним из родов ВВС. Постановление ГКО по этому вопросу было принято 5 марта 1942 года. С этого дня руководство боевой работой АДД осуществляла Ставка Верховного Главнокомандования. Генерал-майор авиации А. Е. Голованов, как командующий, по вопросам её боевого применения получал указания лично от Верховного. Сталин руководил боевой работой АДД предметно и целеустремлённо. В своих воспоминаниях Голованов неоднократно упоминал об этом.

В состав АДД входил 746-й авиаполк, вооружённый отечественными бомбардировщиками дальнего действия ТБ-7. С февраля 1942 года он стал называться Пе-8. Формирование полка под номером 412-й (затем 432-й) началось в конце июня 1941 года по личному указанию Сталина. Вот как этот факт описан в истории полка: «29 июня командование одной из частей НИИ ВВС КА полковник Лебедев и полковник Новодранов были вызваны в Кремль и приняты Сталиным. При беседе присутствовал Молотов. Несмотря на напряжённую обстановку, на грозную опасность, нависшую над нашей Родиной, Сталин и Молотов были настроены бодро, ни тени сомнения и нервозности не чувствовалось в их поведении и разговоре. Так вспоминает эту встречу полковник Лебедев»

- Ну, садитесь, рассказывайте, как у вас дела с самолётами и кадрами? – такой фразой встретил нас Сталин.

Я докладывал первым. Коротко, строго, не занимая ненужными подробностями время Сталина, я рассказал о наших машинах. Сталин неоднократно прерывал меня вопросами, он интересовался каждой деталью, обнаруживая глубокие знания авиационной техники. В эту встречу вопросы организации части и её боевой работы были обсуждены всесторонне. Аэродром, базы, высоты, маршруты, вооружение кораблей. Особо Сталин интересовался количеством летчиков и штурманов, могущих летать на ТБ-7. Предложил немедленно приступить к подготовке. Прежде, чем выйти на боевую работу, каждый должен быть всесторонне проверен. Дал задание ещё раз проверить боевые качества самолёта – сходить на полный радиус действия, замерить скорости и расход топлива, испытать самолёт с бомбовой нагрузкой по боевому профилю. На этом же совещании были приняты по всем вопросам организации полка конкретные решения. Был вызван нарком авиационной промышленности Шахурин, который в свою очередь получил от Сталина чёткие указания⁷⁹.

Эта запись в истории полка, особенно дата, вызывает у меня большое сомнение. Обратимся к уже упомянутому «Журналу посещений И. В. Сталина в его кремлёвском кабинете». В нём, как отмечалось ранее, зафиксированы все советские государственные и военные руководители, которые встречались со Сталиным по вопросам ведения боевых действий Красной Армии за период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. Большим недостатком этого, не могу не повторить – **уникального** – документа, является отсутствие инициалов у фамилий посетителей.

⁷⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО), ф.25-го гв. ап, оп. 637318, д. 1, л. 7.

29 и 30 июня Стали вообще никого не принимал, в эти два дня он готовил «Директиву Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» и своё выступление по радио 3 июля 1941 года.

Но, может быть, эта встреча состоялась накануне? Обратимся к анализу посещений за 28 июня. В 19 часов 35 минут первым, кто встретился со Сталиным, стал Молотов. Последним, в 24.00 был принят В. Н. Меркулов. Всего в этот день в кабинете Сталина побывал 21 человек. Среди них командующий ВВС П. Ф. Жигарев, и два лётчика-испытателя – П. М. Стефановский и С. П. Супрун. Больше никто из авиаторов в этот день в кабинете Сталина не присутствовал. Ни В. И. Лебедев, ни Н. И. Новодранов (командир второго полка 81-й авиадивизии), ни А. И. Шахурин. Накануне, то есть 27 июня, Шахурин побывал у Сталина дважды. Встречались они и 1 июля. Выходит, что в истории полка отражён факт, которого на самом деле не было? Такой вывод можно было бы сделать, если бы ограничиться анализом посетителей только за 28 июня. Но не будем торопиться.

Командиром создаваемой новой авиационной части был назначен полковник В. И. Лебедев. Формировался полк и готовился к боевым действиям темпами военного времени. Уже 10 августа в составе 81-й авиадивизии под руководством Героя Советского Союза М. И. Водопьянова экипажи полка взяли курс на Берлин. Боевую задачу ставил лично Stalin, он же собственноручно подписал приказ на вылет. Полёт оказался неудачным. Главная причина – несовершенство авиационных моторов.

А теперь вернёмся к прерванному рассуждению. В записи посещений за 29 июня зафиксировано: в 01.55 в кабинету вошли Шахурин и Марков, нет сомнения, что А. И. Шахурин это нарком авиационной промышленности, а И. В. Марков – это главный инженер 81-й авиадивизии; в 02.00 к ним присоединились Шевелёв и, как помечено в журнале, командир бомбардировочного полка Лебедев, нет сомнения, что М. И. Шевелёв – это начальник штаба 81-й авиадивизии; в 02.10 в кабинет вошли Петров и Водопьянов, нет сомнения, что И. Ф. Петров – это заместитель командующего ВВС, а М. И. Водопьянов – командир этой же авиадивизии; в 02.30 к ним присоединился Кузнецов, нет сомнения, что это командующий ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов. Все эти семь человек вышли из кабинета Сталина в одно и то же время – в 03.35. Вполне очевидно, Stalin обсуждал с посетителями вопросы нанесения бомбардировочных ударов по Берлину, намеченных на август 1941 года. Следовательно, командир полка В. И. Лебедев действительно в кабинете у Сталина был, а вот присутствие Н. И. Новодранова в Журнале посещений не зафиксировано. Судя по всему, дата приёма Сталиным командира 412-го дбап в истории пока перепутана, а именно: не 29 июня, а 29 июля.

О сам самолёте Пе-8. В этой машина был воплощён весь опыт предшествующей работы по созданию тяжёлых самолётов, начиная с «Ильи Муромца». Созданный в 1936 году, он воплотил в себе последние достижения советской науки в области самолётостроения, и имел превосходные лётно-тактические данные. Машина отличалась от всех тогда существовавших тяжёлых самолётов совершенством своих аэродинамических форм. Это было достигнуто за счёт постановки удачного профиля крыла, применения гладкой обшивки с потайной клёпкой. На Пе-8 впервые в мире была решена проблема центрального наддува и задача уборки шасси. Самолёт имел мощное стрелково-пулемётное вооружение.

Однако первые самолёты этой серии имели слабые моторы. Этот недостаток был выявлен в боевых условиях, при нанесении бомбардировочных ударов по Берлину в августе 1941 года и последующих дальних полётах. Пожалуй, следует привести несколько документов, характеризующих их состояние. 11 ноября 1941 года Голованов направил командующему ВВС Красной Армии следующую докладную: «Вылеты не дальние цели, произведённые на самолёте ТБ-7 с мотором М-30, показали, что в существующем состоянии эти моторы совершенно непригодны для дальних полётов. Из шести самолётов только один корабль (командир Перегудов) дошёл до цели, остальные не выполнили задание из-за отказа моторов. У Перегудова за 200 километров до цели отказал один мотор, но он продолжал полёт и бомбил Берлин, идя на трёх моторах. При возвращении отказал ещё один, и лётчик

три часа тянул на свою территорию на двух моторах. Моторы М-30 первого выпуска работали достаточно надёжно, поэтому считаю, что нынешние дефекты указывают на недоброкачественное изготовление деталей и халатную сборку моторов последних выпусков. Прошу самолёт с моторами М-30 от боевых вылетов временно отстранить»⁸⁰.

И ещё один документ, характеризующий те меры, которые принимались командованием 81-й авиадивизии по устранению недостатков в моторах этой модификации. В ноябре командир соединения Голованов подписал приказ такого содержания: «Эксплуатация самолётов ТБ-7 с моторами М-30 показала ряд дефектов, которые создали условия невозможного использования данной материальной части в условиях боевой работы. В связи с этим командиру 432-го авиаотряда выделить в распоряжение командира 433-го авиаотряда летчиков майора Угрюмова и лейтенанта Бидного для проведения полётов с целью определения дефектов и доводки моторов М-30 до возможной эксплуатации в боевых условиях на полный радиус действия. В программе полётов предусмотреть всестороннее определение качества мотора и его агрегатов, а также установление моторесурса. Программу составить инженеру дивизии военному инженеру первого ранга Маркову»⁸¹.

Устранение дефектов в моторах, как в полку, так и на заводе № 124, продолжалось параллельно с боевой работой. И вновь следует сказать, что все это делалось под контролем со стороны Верховного. К весне 1942 года самолёты Пе-8 стали надёжными в эксплуатации. К этому времени в авиаотряде, который базировался в Раменском под Москвой, таких машин было 11.

В пользу советского самолёта для полёта через океан говорили и сравнительные лётно-технические данные Пе-8 с основными тяжёлыми самолётами американских ВВС. Скажем, Боинг B-17 имел дальность 5085 километров, а Пе-8 с мотором М-40Ф – 6500⁸². А вот сравнительная таблица основных лётно-технических данных Пе-8 и B-24 «Либерейтор».

	Пе-8	B-24
Экипаж	11	8
Взлётная мощность мотора	1700 л.с.	1200 л.с.
Нормальный полётный вес	27 000 кг	25400 кг
Максим. бомб. нагрузка	6000 кг	5808 кг
Практический потолок	8000 м	10500 м
Предельная макс. скорость	422 км в час	487 км в час
Длина разбега	450 м	995 м
Скороподъёмность	6,10 м/сек	5,6 м/сек
Дальность с 4000 кг	4600 км с 2270 кг	3540 км ⁸³ .

Хорошо зная всю трудную историю создания и доводки Пе-8 до нормального состояния, все положительные и негативные факты его боевого применения и лётно-технические качества, Сталин вынашивал мысль о полёте Молотова в Вашингтон именно на этом самолёте. Начиная с весны 1942 года, он начал выяснять у Голованова возможность использования Пе-8 для дальних полётов в качестве пассажирского самолёта. Как-то он спросил у командующего АДД о возможности полёта в канадский город Квебек. Выслушав доклад Голованова, сказал: «Может быть, нам с вами придётся слетать в Квебек. Но это между нами»⁸⁴.

Вероятно, этот зондаж был навеян предложением Рузвельта в послании от 12 апреля о личной встрече. Президент писал: «Такая встреча, дающая возможность личной беседы, была бы чрезвычайно полезна для ведения войны против гитлеризма. Возможно, что, если

⁸⁰ ЦАМО, ф. 2004, оп. 1, д. 154, л. 147.

⁸¹ ЦАМО, ф. 2004, оп. 1, д. 154, л. 149.

⁸² ЦАМО, ф. 35, оп. 11285, д. 268, л. 1.

⁸³ Там же, оп. 11333, д. 36, л. 99.

⁸⁴ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная. – М., 2004. – С. 184.

дела пойдут так хорошо, как мы надеемся, мы с Вами сможем провести несколько дней вместе будущим летом близ нашей общей границы возле Аляски»⁸⁵.

Некоторое время спустя Верховный вновь поинтересовался, сколько понадобится времени, чтобы слетать в Квебек и обратно с двухдневной остановкой. Голованов дал пояснение. «Не знаю, – писал командующий, – удовлетворил ли Сталина мой ответ, но к вопросу о полёте в Квебек он в разговорах со мной не возвращался. Вскоре, однако, Сталин осведомился у меня:

- Как лучше и быстрее попасть в Вашингтон самолётом?»⁸⁶.

Попросив время подумать, командующий, прикинул все возможные варианты. Здесь было о чём поразмыслить, ведь за весь период войны подобная задача ставилась впервые. Самым безопасным мог быть маршрут через Аляску, однако этот путь будет слишком долгим. Второй вариант – через Иран. Это тоже не короче, но главное сомнение в том, как отнесутся государства, над территориями которыми нужно будет пролетать. Ведь от каждого из них надо будет добиваться разрешения на пролёт их воздушного пространства. Да и эта волокита с промежуточными посадками. А что если напрямую в Лондон через линию фронта? Конечно это более опасный вариант, но зато путь самый короткий. В конце концов, Голованов остановился на маршруте полёта из Москвы в Лондон и далее через Исландию и Канаду в Вашингтон.

Кратчайший путь в Англию, принятый Головановым, без всякого сомнения, был более привлекательным. Но и дерзость этого замысла была великая. Перелёт экипажем линии фронта на дальнем бомбардировщике – явление привычное. Но одно дело, если этот перелёт с бомбами и совсем другое – с пассажирами, да ещё такого ранга. А то, что этот ранг будет действительно высокий, Голованов не сомневался – ведь задача поставлена самим Верховным.

Вариант полёта через линию фронта вызвал у Сталина некоторое недоумение. Однако, выслушав соображения командующего, он в заключении сказал: «Мы вам верим и на вас полагаемся. Действуйте, как найдёте нужным, так как вы в первую очередь несёте за всё ответственность. Но об этом полёте никто знать не должен. Нужно только что-то придумать, чтобы найти для него легальный повод»⁸⁷.

Было решено осуществить пристрелочный полёт в Лондон. А повод для легализации полета в Англию и апробации маршрута нашёлся. С весны 1942 года между военными ведомствами СССР и Великобритании начались переговоры по вопросу закупки английских двухмоторных торпедоносцев «Альбимейл». Для того чтобы принять окончательное решение по вопросу поставок этих самолётов для BBC Красной Армии необходимо было предварительно ознакомиться на практике с тактико-техническими свойствами торпедоносца, как говорится, посмотреть и пощупать.

Под этим предлогом стали готовить для полёта в Англию два экипажа 746-го авиаполка – командиров кораблей С. А. Асямова и Э. К. Пусэпа.

Памятуя о том, что о предстоящем полёте никто не должен знать, Голованов в подборе экипажа принял самое активное участие. В своих мемуарах он писал: «Выбор остановился на Сергея Андреевиче (здесь ошибка, надо: Александровиче. – A.C.) Асямове, которого я хорошо знал по совместной работе и полётам в Восточной Сибири. По характеру Асямов был человеком чкаловского «покроя», безупречно владеющим полётом в любых условиях и не теряющимся в самой сложной обстановке. Три года проработали мы вместе на Севере, и я не знал ни одного случая, когда в чём-либо можно было упрекнуть Асямова, разве только в том, что он был весьма напорист в полётах, но никогда эта напористость не была причиной каких-либо происшествий. Перед войной он работал в полярной авиации. Она ему, как видно, была больше по душе. Вторым пилотом к Асямову мы определили более спокойного по характеру, тоже полярного лётчика Пусэпа, а штурманами назначили Штепенко и

⁸⁵ Переписка... – Т. 2. – С. 16.

⁸⁶ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 185.

⁸⁷ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 186.

Романова»⁸⁸. Здесь следует дать уточнение. Полёт в Англию должен был осуществить один экипаж. Готовилось же два. Расчёт был на то, что полетит тот экипаж, самолёт которого будет лучше подготовлен.

Все вопросы подготовки экипажа к полёту в Лондон решал командир полка Лебедев. Ни он, ни экипажи истиной цели задания не знали. Все были уверены, что это всего лишь прелюдия к последующей доставке в Англию группы лётчиков ГВФ для перегонки в СССР самолётов «Альбимейл».

Вот как описывает эту ситуацию один из участников этого полёта Э. К. Пусэп: «В один из солнечных апрельских дней командующий авиацией дальнего действия генерал-лейтенант Александр Евгеньевич Голованов вызвал неожиданно к себе в штаб меня и командира другого корабля Сергея Александровича Асямова. Одновременно с нами с нашего полка были вызваны и два штурмана: Александр Павлович Штепенко и Сергей Михайлович Романов». Уже в кабинете командующий сказал: «Мы решили поручить вам выполнение важного задания. Полетите за границу. Проверьте тщательно материальную часть, чтобы ни сучка, ни задоринки, и доложите о готовности. Срок вылета будет дан дополнительно»⁸⁹.

«За границу» экипажи Пусэпа и Асямова летали и до этого. Их экипажи появлялись над Берлином, Данцигом, Кенигсбергом. Правда, при бомбардировании этих объектов противника их самолёты пересекали не государственную границу, а линию фронта. Как бы там ни было, а полёт предстоял ответственный. Его успех прямо зависел от работы материальной части. Инженеры и техники тщательнейшим образом проверяли работу моторов и приборов, устранили выявленные дефекты, подтягивали гайки, латали пробоины, полученные в боевых вылетах, чистили фюзеляж, крылья и кабины.

Тем временем в работу вступили советские и английские службы обеспечения перелёта. 20 апреля 1942 года командующий АДД генерал А. Е. Голованов через НКИД СССР запросил сведения об аэродроме посадки на территории Великобритании

21 апреля заместитель наркома иностранных дел Советского Союза А. Я. Вышинский получил эти сведения. Аэродром имел две бетонированные дорожки в полторы тысячи ярдов. Расположен в трёх милях севернее Данди и в двенадцати милях северо-западнее Люкарс. Посол Великобритании в СССР А. К. Керр просил, чтобы самолёт прибыл к месту посадки в дневное время и чтобы советский штаб ВВС за 48 или 24 часа передал все сведения о полёте для того, чтобы английское командование могло предупредить пункты ПВО⁹⁰. (**Полный текст документа вынесен в Приложение за № 1**). Эти же сведения поступили и по военной линии⁹¹.

Перевод этого документа оказался не вполне доброкачественным. Командование ВВС сделало повторный запрос. Это подтверждается следующим сообщением старшего помощника наркома иностранных дел С. Козырева: «Товарищам Новикову и Голованову. Взамен ранее посланного направляется исправленный перевод английского ответа на ваш запрос об аэродроме»⁹². Кроме этого у руководства ВВС возникли вопросы в отношении некоторых обозначений с английской символикой. Керру и по этому вопросу пришлось давать разъяснения: «Срочно. Британское посольство, Куйбышев. Апрель, 23, 1942. Уважаемый господин Вышинский. Возник вопрос о том, что означает термин «J. F. F.», указанный в параграфе 2 (J) моего письма Вам от 21 апреля относительно полёта советского самолёта в Англию. С этим вопросом я обратился по телеграфу в министерство иностранных дел, от которого в настоящее время я получил ответ, говорящий о том, что этот вопрос касается опознавательного приспособления, но что нет необходимости обращать особое

⁸⁸ Там же. – С. 186.

⁸⁹ Пусэп Э. К. Тревожное небо. – Красноярск, 1975. – С.156.

⁹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП), ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л.4.

⁹¹ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 1, л.9

⁹² АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, л. 2.

внимание на этот пункт, поскольку советский самолёт может быть опознан без этого приспособления»⁹³.

В связи с тем, что советская сторона ответ на запрос английского посольства от 21 апреля затянула, Керр вынужден был вновь обратиться к Вышинскому со следующим письмом. «Моё правительство очень желает знать, когда оно может ожидать ответы на вопросы, содержащиеся в моём письме Вам 21 апреля (несколько изменённые моим письмом от 23 апреля) касательно предполагаемого полёта советского самолёта в Англию.

Оно отмечает, что крайне важно, в целях безопасности, чтобы самолёт не вылетал до тех пор, пока оно не получит эти ответы. Я добавил бы, что ему должно быть дано время до того, как полёт начнётся, чтобы подтвердить получение ответа. Я снова хотел бы обратить ваше внимание на предпоследний параграф моего письма от 21 апреля касательно предварительного извещения о запрашиваемом полёте. Сердечно Ваш А. К. Керр»⁹⁴.

25 апреля начальник штаба АДД полковник М. И. Шевелёв проинформировал Козырева: «Посылаю ответ на присланные нам запросы и прошу, в свою очередь, запросить ответ на прилагаемый список вопросов». Штаб интересовался наличием запасных аэродромов на территории Великобритании. Английская сторона предоставила запрашиваемые данные незамедлительно (**документы № 2 и № 3 Приложения**).

Ознакомившись с документом, Голованов на отдельном листе синим карандашом дописал ещё два пункта: «7. Будет ли предоставлена возможность пользования радиомаяками и характер их работы и данные, которыми они работают. 8. Нельзя ли получить фактическую карту района, куда должен прибыть самолёт»⁹⁵.

27 апреля в штаб BBC и АДД во ВЧ из Куйбышева поступила информация об имевшем месте сношения между заместителем наркома иностранных дел СССР Вышинским и главой посольства Великобритании в Москве Керром: «Я получил ответ на некоторые вопросы, содержащиеся в Вашем письме от 25 апреля относительно полёта советского самолёта в Шотландию. Приспособлений для ночных полётов на аэродроме Тилинг не имеется. Для посадки ночью не пригоден. Дополнительные аэродромы Ист Форчун и Питерхед. Радиопеленгации с земли не будет. Лондонские власти просили меня настаивать на том, чтобы прибытие самолёта было обязательно днём. Лондонские власти хотели бы также получить подтверждение того, чтобы самолёт, который полетит, отвечал описаниям, данным в вашей телеграмме. Они также хотели бы знать его регистрационный номер и точное направление, от которого он предполагает приблизиться к британскому берегу. Лондонские власти согласны с тем, что самолёт должен вылететь ночью»⁹⁶. В Архиве внешней политики найден более полный текст этого документа. Он выносится в **Приложение под номером 4**.

В тот же день исполняющий обязанности английского посла в СССР Л. Баггаллей передал в Куйбышев сведения о погоде: «Уважаемый господин Вышинский, метеорологическое предсказание погоды для Северной Англии и северной части Северного моря за 24 часа, кончившееся в 14.00 британского летнего времени 28 апреля: небольшая облачность или её отсутствие, видимость около десяти миль». Во второй телеграмме английские службы управления полетами просили, чтобы советские авиаторы в своей работе вели счисление времени по Гринвичу⁹⁷.

И ещё одни сведения, обеспечивающие полёт в Великобританию, поступили в этот день из английского посольства (**документ № 5 Приложения**).

28 апреля произошёл дальнейший обмен вопросно-информационными документами. Полковник Шевелёв направил на имя Козырева следующие вопросы: «1. Сведения по радиосвязи и радионавигации, полученные для обеспечения перелёта 27 апреля 1942 года, нами поняты. 2. Просим не позднее 19.00 28 апреля подтвердить, что эти же данные

⁹³ Там же, л. 9.

⁹⁴ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка № 6, л. 19.

⁹⁵ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка № 6, л. 15.

⁹⁶ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 2, л. 2.

⁹⁷ Там же, л. 12.

сохраняют свою силу на ночь с 28 на 29 апреля. 3. Если сообщённые нам данные будут изменены, просим все изменения вручить нам не позднее 19.00 28 апреля. 4. Просим подтвердить аэродром прибытия, что радиопередатчик самолёта будет работать позывными 9 TW на частоте 3. 325 килоциклов»⁹⁸.

Откликаясь на запрос штаба АДД, Керр сообщил некоторые изменения в позывных знаках и частотах (**документ № 6 Приложения**).

Таким образом, к вечеру 28 апреля 1942 года все подготовительные мероприятия по обеспечению перелёта (сведения о внешних опознавательных отличиях советского самолёта, о параметрах основного и запасных аэродромов Великобритании, условия радиосвязи и радионавигации) обе стороны завершили. Погодные условия в ночь на 29 апреля также позволяли начать перелёт советского самолёта Пе-8 из Москвы в Лондон.

Тем временем в Раменском стало известно, куда и зачем предстояло экипажам лететь. Пусэп по этому поводу писал: «Асямов сообщил мне под величайшим секретом, что наше правительство якобы закупило у англичан партию бомбардировщиков и что нам предстоит в ближайшее время перебросить в Англию экипажи ГВФ для перегонки этих самолётов в Советский Союз. Наш же полёт предпринимается для того, чтобы определить, насколько этот маршрут пригоден для этих целей и как мы сумеем его выполнить»⁹⁹.

28 апреля командир авиаполка приказал готовить к полёту самолёт Асямова. Это сообщение, вполне естественно, вызвало на лице Энделя Карловича немой вопрос. Полковник Лебедев поспешил успокоить лётчика, сказав, что он и его штурман Романов тоже полетят с Асямовым, но остальной экипаж и самолёт Пусэпа должны быть в готовности.

Низкие рваные облака беспрерывной чередой проплывали над аэродромом Раменское. Временами срывался дождь. В сумерках к готовому к вылету самолёту подъехала легковая машина. Четверо пассажиров из наркомата иностранных дел поднялись на борт Пе-8. Дальнейшие события Пусэп описал так: «Медленно катится самолёт Асямова вслед за трактором на взлётную. Мой сиротливо ожидает на опушке леса. На нём также всё в полной стартовой готовности: моторы прогреты и опробованы, экипаж готов к вылету. Вот самолёт Асямова на старте. «По местам!» – командует Асямов. Экипаж – двенадцать человек – быстро занимает свои рабочие места. Забираюсь на место второго пилота и я»¹⁰⁰.

Как протекал полёт, и когда приземлились на английском аэродроме Тилинг, видно из донесения командира корабля и штурмана на имя командующего АДД, которое поступило в штаб из Наркомата иностранных дел: «1. Сегодня в 4 часа по Гринвичу самолёт благополучно приземлился на аэродроме Тилинг. 2. Вылетел из Москвы в 19 часов 05 минут, прибыл к аэродрому Тилинг в 2 часа 15 минут. 3. Приземлился в 4 часа 00 минут. В течение одного часа 45 минут самолёт кружил вокруг аэродрома, так как прибыл до рассвета, а аэродром не имеет ночного старта. Соседний военный аэродром приглашал наш самолёт к посадке, но командир решил выждать рассвета и приземлился на аэродроме Тилинг. 4. Весь путь от Москвы до аэродрома прошли за 7 часов 10 минут. Летели над Швецией и северной частью Дании. За всё время в пути не произошло никаких происшествий. Самолёт в полном порядке. 5. В 6 часов 25 минут по Гринвичу семь человек (включая четверых из команды самолёта) вылетели с аэродрома Тилинг на приготовленном для них аэроплане в Лондон, где и приземлились в 9 часов 05 минут. Старший помощник наркома С. Козырев. 29 апреля 1942 года»¹⁰¹.

О том, как протекал полёт видно и из сведений журнала радиосвязи экипажа самолёта с радиостанциями АДД и Лондона.

«22.14. Самолет: «Как слышно? Вас слышу хорошо».

22.15. Радиостанция АДД: «Всё понятно, слышимость хорошая».

⁹⁸ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л 36.

⁹⁹ Пусэп Э. К. Тревожное небо. – С. 158.

¹⁰⁰ Там же. – С. 159.

¹⁰¹ ЦАМО, ф. 39, оп 11515, д. 2, л. 14; АВП, Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л 49.

- 22.27. Самолёт: «Слышу хорошо, матчасть в норме».
- 22.28. Станция: «Всё понятно».
- 22.34. Самолёт: «Прошли исходный пункт маршрута в 19.30. Матчасть в норме».
- 23.02. Самолёт: «В 20.00 прошли Калинин на высоте 3000 м. Матчасть исправна».
- 23.49. Самолёт: «В 20.28 прошли Осташков на высоте 4000 метров».
- 00.25. Самолёт: «Всё великолепно».
- 01.53. Самолёт: «Нахожусь над островом Готека Санден. 4000 метров».
- 02.23. Самолёт: «Нахожусь Мотала. 4000 метров. Матчасть нормально»,
- 02.44. Самолёт: «Нахожусь у Гётеборга. 4000 метров».
- 05.32. Радиостанция АДД: «Где находитесь? Как слышите?».
- 06.02. Самолёт: «Сейчас будет посадка. Великолепно. Матчасть исправна».
- 06.05. Самолёт: «Ваша слышимость от громкой до очень громкой. Сейчас будет посадка. Всё прекрасно. Матчасть исправна».
- 06.17. Английская р/станция: «Прошли аэропорт. Темно. Ждите»
- 06.25. Самолёт: «Понятно, друг! Огни старта скверные».
- 06.34. Радиостанция АДД: «С посадкой ждите до рассвета».
- 06.45. Радиостанция АДД: «Садитесь только наверняка»¹⁰².

Что же произошло, почему экипаж прибыл к аэродрому посадки так рано? Выходит, он нарушил требование англичан подойти к аэродрому на рассвете? Нет, причина в другом. Объяснение мы находим в книге Пусэпа: «Синоптики предсказали нам крепкий встречный ветер. По договорённости с англичанами, нам полагалось садиться утром на рассвете. В соответствии с прогнозом погоды было рассчитано и время вылета. Однако встречного ветра не было, наоборот – он дул нам в спину, и мы прилетели к шотландским берегам на два часа раньше, чем нужно»¹⁰³.

Как только советский самолёт благополучно завершил перелёт, на имя Вышинского немедленно ушла следующая информация: «Срочно, секретно. Британское посольство, Куйбышев. 29 апреля 1942 года. Уважаемый господин Вышинский. Мы только что получили телеграмму из Лондона, говорящую о том, что советский самолёт произвёл посадку на аэродроме в 6 часов сегодня 29 апреля, и вылетел в Хендон, около Лондона, через 2,5 часа после посадки. Искренне Ваш А. К. Керр». Вышинский ответил: «Уважаемый господин Керр. Я только что получил Ваше письмо от 29 апреля, уведомляющее меня о благополучном прилёте самолёта в Англию. Прошу принять мою глубокую благодарность за Ваше любезное сообщение»¹⁰⁴.

По прилёту экипаж был принят советским послом в Лондоне. Поздравив лётчиков с благополучным прилётом в Англию, а Пусэпа с днём рождения (ему исполнилось 33 года), Майский сообщил о желании офицеров советской военной миссии и Королевских BBC познакомиться с самолётом Pe-8.

Чтобы дать возможность как можно большему числу офицеров улететь на десятиместном самолёте «Фламинго», решили, что для организации показа бомбардировщика будет достаточно одного члена экипажа. Но кому лететь в Данди? Организовать визуальный осмотр самолёта может любой, тем более что часть экипажа находилась на аэродроме посадки. Конечно, командир корабля мог решить эту проблему чисто военным методом: приказал – и баста. Но дело в том, что Асямова, Пусэпа и Штепенко военными сделала война. Поэтому в экипаже царил полувоенный дух. Проблему решили традиционным русским способом – на спичках. В руке Асямова их было четыре. Когда Пусэп, Штепенко и Романов вытащили свои, в зажатых пальцах командира корабля осталась спичка с надломанной головкой. Она оказалась судьбоносной.

¹⁰² АВП, Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 48.

¹⁰³ Пусэп Э. К. Тревожное небо. – С. 162.

¹⁰⁴ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл.47, 48.

О благополучном завершении перелёта Пе-8 доложили Сталину. Он остался доволен. Однако хорошо начавшийся визит советских авиаторов в Англию совершенно неожиданно завершился трагедией. О ней стало известно 1 мая. О том, что произошло накануне отражено в донесении заместителя заведующего 10-м отделом НКИД М. Юнина: «По сообщению посла СССР в Англии товарища Майского и главы нашей военной миссии в Лондоне адмирала Харламова командир самолёта майор Асямов в сопровождении члена военной миссии полковника Пугачёва, инженера второго ранга Баранова и помощника военного атташе по воздушной части майора Швецова 30 апреля в 9 часов утра вылетели из Лондона в Тилинг на английском самолёте типа «Фламинго». На самолёте кроме наших товарищей и четырех человек английского экипажа находился офицер связи воздушного министерства Вильтон и офицер связи подполковник Эдмандс (оба разведчики). Самолёт благополучно прибыл в Тилинг, а затем вылетел в Ист Форчун (как сообщило воздушное министерство для осмотра аэродрома и самолёта), куда прибыл также благополучно. Из Ист Форчуна самолёт вылетел в Лондон и в полёте в районе Йорка, в ста милях от Лондона, с ним произошла авария, в результате которой все 10 человек погибли. Причина аварии посольству неизвестна, и по заявлению воздушного министерства последнее также не знает подробностей катастрофы.

К месту катастрофы на автомобиле выехали товарищи Харламов, военные атташе Скляров, Стукалов и советник посла Новиков. Товарищ Харламов сообщил посольству, что самолёт воспламенился в воздухе и начал разрушаться на части. Очевидно, что-то произошло в баках с горючим. Все 10 человек, находящиеся в самолёте, сгорели. Тела сильно обезображенны, и установить личность погибших очень трудно. Товарищ Харламов и его спутники опознали наших товарищей по остаткам одежды и другим признакам. Тела погибших завтра будут доставлены в Лондон и преданы кремации. Приезжавший в посольство бригадир Файербрес для выражения сочувствия от имени Генерального штаба, предложил Харламову лично или назначенному им лицу принять участие в комиссии по расследованию причин гибели самолёта»¹⁰⁵.

В этот же день из Лондона в НКИД СССР пришла дополнительная информация о катастрофе. Копию донесения М. Юнин направил Головакову: «Товарищ Харламов, вернувшись с места катастрофы, доносит следующее. «1 мая лично расследовал обстоятельства катастрофы. Опросом свидетелей установлено: В 17. 25 30 апреля двухмоторный пассажирский самолёт типа «Фламинго», на котором летели члены миссии, был замечен на высоте 400 – 500 метрах в районе аэродрома Линтел, близ Йорка. В момент, когда самолёт находился в нормальном полёте, появилась струя дыма со стороны левого мотора. Лётчик сделал разворот в сторону аэродрома, очевидно, пытаясь дотянуть до него. Во время разворота произошло воспламенение центрального бака, в результате чего отвалилась целиком левая консоль. Неуправляемый самолёт перешёл в крутое пикирование и с разворотом, с углом близким к 90 градусам, ударился о землю и сгорел. Весь экипаж в составе десяти человек погиб. Оторванное крыло упало на расстоянии 500 метров от места катастрофы. С момента появления дыма до начала разрушения самолёта, по показаниям очевидцев, прошло не более пяти секунд. Причину воспламенения бензина можно установить только предположительно, так как самолёт сгорел дотла»¹⁰⁶.

Хотелось бы поправить бывшего начальника штаба АДД генерал-лейтенанта авиации М.И.Шевелёва. В своей книге, которая увидела свет уже после смерти автора, рассказывая о первом полёте Пе-8 в Англию, он допустил ошибку. Марк Иванович писал: «Долетели они благополучно до Великобритании, сели в Шотландии, доставили туда экипажи для приёмки самолётов. Встретили их на правительственном уровне, встречал и наш посол. Англичане пригласили Асямова прилететь в Лондон и представиться в посольстве. И тут произошла трагедия. Самолёт, на котором вылетел Асямов с четырьмя английскими офицерами, в районе аэродрома при плохой видимости наскочил на линию электропередач. Машина

¹⁰⁵ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д.2, л. 59.

¹⁰⁶ Там же, д. 1, л. 61.

сгорела и погиб наш командир корабля Асямова»¹⁰⁷. Вполне очевидно, что эти сведения значительно расходятся с теми, которые отражены в документах.

Писатель Ф. И. Чуев, многократно встречавшийся с Головановым и помогавший готовить к изданию его мемуары, оставил по этому случаю следующее свидетельство Пусэпа: «В 1971 году вместе с маршалом Головановым мне довелось быть на тридцатилетнем юбилее дальнебомбардировочного авиационного полка, в списки которого навечно зачислен майор С. Асямов. Там я познакомился с Энделем Карловичем Пусэпом, седым, усатым ветераном... Был торжественный ужин, и я сидел за столом рядом с Пусэпом. Эндель Карлович – маленький, собранный, он и за столом всё делал как-то по-особому аккуратно, тщательно

- Мы среди экипажа решили разыграть на спичках, – сказал он мне, – кому лететь с англичанами в Тилинг. Я вытащил спичку с головкой, и это означало, что полетит Серёжа Асямов. А то бы сейчас он тебе рассказывал об этом, а не я...»¹⁰⁸.

Да, на месте Серёжи Асямова мог быть не только Пусэп, но и Штепенко или Романов. Нелепо, на чужбине погиб один из талантливейших лётчиков АДД Сергей Александрович Асямов, погибли офицеры советской военной миссии. Судя по фактам, изложенным в донесениях из Лондона, всё произошло в считанные секунды, настолько быстро, что никто не воспользовался возможностью спастись. А она была. Это становится ясным, когда знакомишься с интересным фактом, о котором упоминает Пусэп, рассказывая в своей книге о самолёте, на котором они накануне перелетали в Лондон: «Нас подвезли к непривычному на вид самолёту. Это был десятиместный пассажирский «Фламинго», получивший имя этой красивой птицы из-за непомерно высокого шасси. Внутри нам понравилось. Садясь на свое место, пассажир привязывался ремнями, не замечая, что одновременно с этим оказывался снабжённым парашютом. Лишь вставая с места, он чувствовал парашют за своей спиной»¹⁰⁹. Значит, никто из пассажиров не успел даже встать. Их судьбу и судьбу членов английского экипажа решили секунды.

Гибель командира корабля поставила экипаж в трудное, но не безвыходное положение. Трудное потому, что огромный и тяжеловесный Пе-8 в своём управлении требовал четыре пилотских руки. Их же после гибели Асямова осталось только две. А не безвыходное, потому, что тот, кто отправлял экипаж в Лондон, поступил весьма предусмотрительно – на борту самолёта было не просто два лётчика, а два командира корабля. Это-то и пришлось Голованову объяснять Сталину. Командующий писал:

«Известие о гибели Асямова произвело сильное впечатление на Сталина. Он долго молчал, а потом, покачав головой, сказал:

- Да, хорошие у нас союзники, ничего не скажешь! Гляди в оба и в обе стороны. – Вновь помолчал и спросил: – Ну что же нам теперь делать? Встреча с Рузвельтом должна обязательно состояться! Вы ещё что-нибудь можете предложить?

- Могу, товарищ Сталин, – ответил я, так как вопрос этот нами уже был продуман. – Лётчик Пусэп, находящийся сейчас в Англии, является командиром корабля. Он полярный лётчик, привыкший по многу часов летать на Севере без посадки, да и во время войны ему приходилось подолгу быть в воздухе, поэтому он один приведёт самолёт домой. Здесь мы пополним экипаж, и можно будет отправиться в путь.

- Вот как! А вы уверены в этом?

- Да, уверен, товарищ Сталин.

- Ну что же, действуйте»¹¹⁰.

В Лондон от Голованова ушли соответствующие указания. Причём некоторые из них, связанные с обеспечением обратного полёта, ушли на имя командира Асямова, то есть до его гибели. «Срочно, совершенно секретно. Из штаба АДД. В НКИД СССР, старшему

¹⁰⁷ Шевелёв М. И. Арктика – судьба моя. – Воронеж, 1999. – С. 119.

¹⁰⁸ Чуев Ф. И. Ветер истории. Роман-газета – 1999, № 14. – С. 39.

¹⁰⁹ Пусэп Э. К. Тревожное небо. – С. 164.

¹¹⁰ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 188.

помощнику наркома тов. Козыреву. Прошу передать прилагаемую телеграмму в Лондон для командира самолёта майора тов. Асямова. Начальник штаба АДД полковник Шевелёв.

Совершенно секретно, шифром, в Лондон полпреду для командира самолёта тов. Асямова.

Прогноз погоды в ночь с 1 на 2 мая.

По маршруту преобладание малооблачной погоды с увеличением над районом Ютландии средних облаков до 8 – 10 баллов, высотой 2 000 – 2.500 метров. Ветер на высоте 3 – 5 километров на участке Лондон – Кенигсберг 60 – 30 км/час, в северо-восточной четверти, Кенигсберг – Москва северный и северо-западный 30 – 50 км/час.

В Москве утром 2 мая малооблачно, дымка, видимость 2 – 3 километра с постепенным улучшением до 10 километров. Ветер у земли слабый северо-западный.

Сигнал «я свой» до 06.00 2 мая в светлое время две зелёные ракеты, 3 – 5 левых кренов, в темноте – одна зелёная ракета, 3 – 5 коротких сигналов бортогнями.

До 06. 00 3 мая в светлое время две красные ракеты, покачивание с крыла на крыло 3 – 5 раз, в тёмное время одна красная ракета, 3 – 5 коротких сигналов бортогнями»¹¹¹.

Да, не предполагал экипаж, что так неблагополучно завершится их кратковременный визит в столицу Великобритании, что нужно будет везти печальную весть семье Асямова и личному составу пока. Но те, кто отрывается от земли, постоянно находятся на грани риска. Небо – строгий экзаменатор.

Получив указания из Москвы, экипаж стал готовиться к вылету на Родину. Место второго пилота Пусэп предложил штурману Романову. Отказа не последовало. Сергей Михайлович этим делом увлекался, все в экипаже об этом знали. Знало и начальство, но на это нарушение закрывало глаза, хорошо понимая, что в лётном деле всякое бывает.

У линии фронта на Пе-8 напал немецкий истребитель. Пришлось отбиваться. Попав под огонь задних установок, фашистский лётчик прекратил атаки. Из членов экипажа никто не пострадал, но самолёт получил несколько незначительных пробоин.

Экипаж ещё находился в воздухе, а на рабочий стол Вышинского уже легла информация из Куйбышева. Керр сообщал: «Уважаемый господин Вышинский. Ссылаясь на моё письмо от 29 апреля, я только что информирован министерством иностранных дел о том, что советский самолёт, который прилетел в Англию 28 апреля, вылетел в свой обратный путь в СССР 1 мая в 19 часов 07 минут по среднему Гринвичскому времени и что предполагаемое время его прибытия – 2 часа 07 минут по среднему Гринвичскому времени». В Куйбышев ушла любезная благодарность: «Уважаемый господин Керр. Я только что получил Ваше письмо от 2 мая 1942 года, извещающее меня о вылете из Англии советского самолёта и о времени его предполагаемого прибытия в Москву. Благодарю Вас за столь любезное сообщение, которое я немедленно довёл до сведения своего правительства»¹¹².

Розовым утром сели в Раменском. «Вскоре мы поняли, – писал Пусэп, – какова была действительная цель этого полёта. Это был экзамен на аттестат зрелости. Экзамен нам, экипажу, а также и моторам и кораблю. Успешный исход полёта давал командованию уверенность, что мы сумеем выполнить и новое, неизмеримо более сложное и ответственное задание»¹¹³.

Голованов говорил Чуеву: «Англичане-то не знали, что Пусэп – тоже командир корабля. Представляешь, как они удивились, когда тяжёлый четырёхмоторный бомбардировщик с одним пилотом поднялся в воздух и через несколько часов благополучно приземлился в Москве!»¹¹⁴

А более «сложного» и «ответственного» задания долго ждать не пришлось. О благополучном возвращении экипажа в Москву командующий АДД при первой же встрече в Кремле доложил Сталину. На его вопрос можно ли лететь в Соединённые Штаты, Голованов

¹¹¹ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 51.

¹¹² Там же, л. 52.

¹¹³ Пусэп Э. К. Тревожное небо. – С. 176.

¹¹⁴ Чуев Ф. И. Ветер истории. – С. 40.

дал утвердительный ответ. «Взглянув внимательно на меня, сказал, что в Америку полетит Вячеслав Михайлович Молотов.

— Этого никто не должен знать, — продолжал Сталин, — Чем быстрее будет организован полёт, тем лучше. Ответственность за этот полёт лежит лично на вас»¹¹⁵.

Понимая свою личную ответственность за выполнение возложенной на него задачи, учитывая предупреждение Верховного о том, что об этом полёте никто не должен знать, Александр Евгеньевич до максимума сузил круг лиц, принимавших участие в подготовке экипажа к дальнему рейсу. А задание, действительно, было и ответственное и сложное. Ответственность порождалась высоким рангом пассажира. Молотов — это второе лицо в государстве. Его полёт в Америку — это не прогулка, он должен решать какие-то важные государственные задачи. Ну а сложность заключалась в том, что подобное задание в условиях войны приходилось выполнять впервые, экипажу предстояло дважды пересечь линию фронта, дважды пройти над океаном, совершив на незнакомых аэродромах несколько промежуточных посадок. В самом экипаже у командующего никаких сомнений не было. Ему только нужно было подобрать на правое сиденье толкового лётчика. Лучшей кандидатуры, чем В. М. Обухов не было. Василий Михайлович в это время был командиром корабля, Голованов его знал ещё по боевой совместной работе в 212-м авиаполку, которым стал командовать ещё до начала войны. За выбором последовало решение: вторым пилотом в экипаже Пусепа должен быть Обухов. Это однозначно!

Остальные члены экипажа: А. Я. Золотарёв, В. И. Дмитриев, И. П. Гончаров, С. К. Муханов, Г. Ф. Белоусов, Б. П. Низовцев, П. В. Сальников, Д. М. Кожин.

5 мая Пусэпа, Обухова, Штепенко и Романова вызвали в штаб АДД. Выслушав доклад командира корабля о полёте в Лондон и уточнив подробности гибели Асямова, командующий сказал: «В ближайшие дни вам предстоит выполнить весьма ответственное задание. Подготовьте корабль возможно тщательнее... А там, за границей, придётся отказаться от чужих самолётов»¹¹⁶.

Из разговора с командующим стало понятно, что вновь предстоит ответственный полёт, что это вновь связано с за границей. Но вот куда? Но вот с кем? Ответы на эти вопросы стали ясны экипажу через несколько дней. 8 мая командир авиаполка Лебедев получил следующие указания Голованова: «Сообщите командиру и штурману самолёта, что весьма вероятно от них потребуется дальний полёт из Англии в Северную Америку. Полёт следует провести по маршруту: Шотландия — Фарерские острова — Исландия — Гренландия — Ньюфаундленд и далее по существующим авиационным трассам. Все необходимые данные о промежуточных аэродромах, приводных станциях, радио и световых маяках, командир корабля должен получить в полпредстве СССР в Лондоне»¹¹⁷.

Руководствуясь приказанием Голованова, командир авиаполка поставил задачу экипажу. Штепенко и Романов вновь отправились в штаб АДД, получили карты двух полушарий Земли, уточнили маршрут. Экипаж начал подготовку к полёту.

У командующего никаких сомнений в том, что задание экипажем будет выполнено успешно не было. В предстоящем трудном деле его больше всего беспокоила материальная часть самолёта, особенно моторы. Выдержат ли? Сколько раз в условиях боевой работы они подводили многих лётчиков, сколько нелепых и напрасных жертв понёс авиаполк из-за их несовершенства! Сколько сил, нервов и материальных затрат было отдано на их доработку! Моторы, моторы — вот головная боль командующего, да не только у него. Ведь кроме мелочей иных запасных деталей на борт самолёта не возьмёшь. Да и в Англии и США их никто не предоставит, ибо Пе-8 — это чисто советское творение.

Для тщательной подготовки самолёта Пе-8 № 42066 с моторами АМ-35 «А» к выполнению специального задания Голованов своим приказом назначил авторитетную комиссию, председателем которой стал главный инженер АДД генерал-майор инженерно-

¹¹⁵ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. — С. 189.

¹¹⁶ Пусэп Э. К. Тревожное небо. — С. 178.

¹¹⁷ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 2, л. 8.

авиационной службы Марков. Кроме него в состав комиссии вошли: командир 746-го авиаполка полковник Лебедев, старший инженер авиаполка инженер-майор С. И. Ануров, штурман майор Романов, начальник особого отдела Полковников, инженер по эксплуатации Центрального аэродрома имени Фрунзе военный инженер третьего ранга Платонов, инженер по винто-моторной группе авиаполка инженер-капитан Золотарёв и старший борттехник полка инженер-капитан Дмитриев.

Произведя осмотр самолёта, подготовленного к выполнению специального задания, комиссия составила акт. Утром 11 мая он лёг на стол командующего: «Самолёт получен 746-м авиаполком на заводе № 22 НКАП 31 марта 1942 года. На 11 мая произведено одиннадцать полётов с налётом 24 часа 30 минут. Комиссия произвела осмотр планера и винто-моторной группы самолёта, произвела контрольное опробование моторов на земле, осмотрено и проверено электро-радио оборудование, поверено состояние вооружения и наличие боезапаса, поверено дополнительное кислородное питание и всё остальное специальное оборудование самолёта.

Выводы: самолёт полностью подготовлен к полёту и находится в исправном состоянии. На борту самолёта установлено дополнительное кислородное питание. Самолёт заправлен горючим Б-78 и маслом «МС». 10 мая самолёт проверен в контрольном полёте, продолжительностью 45 минут. Дефектов при осмотре на земле и в полёте обнаружено не было. Заключение: самолёт № 42066 по своему состоянию пригоден для выполнения специального задания»¹¹⁸.

После осмотра самолёта комиссией, его опломбировали и поставили усиленную охрану.

В это время шёл интенсивный обмен телеграммами и депешами между первым заместителем наркома иностранных дел СССР, посольством Великобритании в Куйбышеве и штабом АДД, отражающим подготовку сторон к полёту. 8 мая начальник штаба АДД Шевелёв, ставший к этому времени генералом, направил Козыреву следующий документ:

«Прошу сообщить товарищу Майскому наши предложения о порядке связи с самолётом во время следующего полёта.

1. Радиостанция самолёта будет работать позывными 2 КВХ.

2. Английская радиостанция будет работать позывными сигналами D5R на частоте 3475 килоциклов.

3. Просим слушать самолёт на частоте 3475 килоциклов и отвечать на запрос на этой же частоте от 15 до 20 и от 45 до 50 минут каждого часа.

4. Переговоры будут вестись по международному «Q» коду.

5. Передача самолёту погоды будет производиться антенной радиостанцией по таблице, составленной в Данди во время прошлого прилёта нашего самолёта.

6. Английская радиостанция начнёт слушать наш самолёт на установленной в пункте 3 частоте не позднее, чем за 4 часа до назначенного времени прилёта самолёта.

7. Сведения о частоте и позывных английских радиомаяков и радиопеленгаторных пунктов сообщаются нам не позже чем в 19 часов московского времени в день, назначенный для вылета.

Просим подтвердить согласие с нашими предложениями»¹¹⁹.

10 мая в 13 часов 40 минут из Куйбышева на имя Вышинского пришла по ВЧ телеграмма от британского посла: «Уважаемый господин Вышинский! Ссылаясь на Ваш запрос, посылаю меморандум, содержащий инструкцию для полёта советского самолёта, который, как мне дали понять в Лондоне, начнётся сегодня в 22 часа по местному времени. МИД просило меня сообщить им номер самолёта, который отправится в полёт, и описать его внешний вид. Я буду признателен Вам, если Вы сообщите мне всю эту информацию вовремя для того, чтобы по телеграфу препроводить её моему правительству до начала полёта.

¹¹⁸ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 2, л. 7.

¹¹⁹ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 54.

Сердечно Ваш Арчибалд Клар Керр»¹²⁰. Инструкция экипажу вынесена в **Приложение (документ 7)**.

Из содержания документов видно, что полёт экипажа Пусэпа в Лондон планировался в ночь на 11 мая. Но ни в эту, ни в последующие ближайшие ночи разрешения на вылет не было. Голованов объясняет причину задержки так: «Можно было и вылетать, но оказалось, что в данном случае это не так-то просто. С приёмом самолёта в Англии не торопились, ссылаясь на метеорологию, которая, как известно, может быть хорошим помощником при подобных обстоятельствах, хотя сами англичане летали. Вылет неоднократно назначался и отменялся»¹²¹.

Голованов здесь неправ. Погода действительно была нелётная. И ни где-то на маршруте или у берегов Великобритании, а в Москве. И видно это не из английских источников, а из советских.

Вот сообщение заместителя Керра Баггаллея из Куйбышева: «Уважаемый господин Вышинский, ссылаясь на сегодняшнее утреннее письмо посла о предстоящем полёте советского самолёта в Англию, я прилагаю метеорологическую сводку погоды, которую мы только что получили из Лондона.

Метеосводка с 10 на 11 мая. Для северной части Северного моря и восточного побережья Шотландии до 50 миль внутрь территории для периода времени с 22 часов среднего Гринвичского времени 10 мая до 6 часов среднего Гринвичского времени 11 мая. Ветер на поверхности слабый. Ветер на высоте 10 тысяч футов – северо-западный, 15 миль в час. Видимость хорошая. Ниже – облачность от 5/10 до 8/10 с основанием в две тысячи футов»¹²². Как видим погода вполне сносная.

А вот сообщение Вышинского Керру: «Я только что получил Ваше письмо от 10 мая сего года и меморандум, содержащий инструкцию для полёта самолёта. Благодарю Вас за столь любезное сообщение, которое я немедленно довёл до своего правительства. Я должен, однако, Вас уведомить, что, ввиду изменчивой погоды в районе Москвы, полёт сегодня, 10 мая, не состоится. Вероятнее всего полёт состоится в ночь с 11 на 12 мая или с 12 на 13 мая. Данные, касающиеся внешнего вида самолёта, остаются те же, что были Вам мною сообщены 25 апреля сего года. Просьба оставить прежние данные полёта или же заблаговременно сообщить обо всех возможных изменениях»¹²³.

А данные внешнего вида самолёта Москва всё же сообщила: «Самолёт четырёхмоторный, сверху окрашен в чёрный цвет и зелёный, краска нанесена камуфляжными пятнами, нижняя поверхность крыльев окрашена в жёлтый цвет»¹²⁴.

Прошли сутки. Теперь погода оказалась нелётной у берегов Шотландии. Это видно из той информации, которую направил Баггаллей на имя Вышинского: «Министерство иностранных дел только что информировало о том, что в связи с неблагоприятными условиями в Шотландии для ночи с 11 на 12 мая, навигационные приспособления на это время не будут обеспечены и что советский самолёт не ожидается в это время. Министерство иностранных дел добавляет, что советское посольство в Лондоне информировано об этом. Я посыпаю метеосводку, которую министерство иностранных дел одновременно направило нам»¹²⁵. Сводка вынесена в **Приложение (документ № 8)**.

Кроме этого в этот же день Керр сообщил новые позывные и частоты для маяка «А». Тем самым он выполнил свое обещание, данное в письме от 10 мая. Сведения о радиомаяке вынесены в **Приложение (документ № 9)**.

В последующие дни взаимный обмен информацией о состоянии погоды и изменениях позывных и частот радиомаяка «А» обеими сторонами производился регулярно.

¹²⁰ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 2, л. 15.

¹²¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 189.

¹²² АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 55.

¹²³ Там же, л. 59.

¹²⁴ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 1, л. 18.

¹²⁵ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 63.

15 мая из Куйбышева пришла очередная информация от Керра о некоторых дополнительных деталях перелёта: «Мне известно, что господин Майский прошлой ночью посетил министерство авиации и обсудил возможность приземления самолёта вблизи Лондона, а также о передаче метеорологических сведений. Но приземление вблизи Лондона или где-либо южнее Восточного Форчун является наиболее опасным по оперативным соображениям и что эта точка зрения получила одобрения заместителя начальника авиационного штаба и господина Майского. МИД сообщило мне, что сведения о погоде в дальнейшем будут посыпаться, как обычно, через наше посольство и советское посольство в Лондоне:

- предварительное предсказание по данным на полночь, двойное летнее время, для следующей ночи;
- предсказание, подготовленной к 09 часам 00 минутам, двойное летнее время, каждое утро для следующей ночи.

Мне известно, что господин Майский сообщил вышеуказанную информацию советскому правительству сегодня рано утром»¹²⁶.

Информация о состоянии погоды в Шотландии продолжала поступать в Москву ежедневно. На основе её анализа вплоть до 19 мая решения на вылет не принималось. Для наглядности основные параметры погоды за период с 10 по 19 мая сведены в таблицу.

Период	Ветер на высоте 10 000 футов	облачность	видимость	рекомендации
На 11 мая	15 миль в час	от 5 до 8 баллов	хорошая	не вылетать
На 12 мая	30 миль в час	10 баллов	плохая	не вылетать
На 13 мая	30 миль в час	10 баллов	плохая	не вылетать
На 14 мая	20 миль в час	9 баллов	хорошая	не вылетать
На 15 мая	20 миль в час	10 баллов	плохая	не вылетать
На 16 мая	15 миль в час	10 баллов	умеренная	не вылетать
На 17 мая	40 миль в час	10 баллов	хорошая	не вылетать
На 18 мая	35 миль в час	10 баллов	хорошая	не вылетать ¹²⁷

В эти дни, когда к вылету Пе-8 в дальний рейс было всё готово, и его задерживала лишь погода, Сталин решил проинформировать президента США о том, что полёт Молотова будет осуществлён на советском самолёте. В послании от 15 мая он писал: «Поездка В. М. Молотова в США и в Англию состоится с отсрочкой на несколько дней ввиду изменчивой погоды. Выяснилось, что эта поездка может быть осуществлена на советском самолёте, как в Англию, так и в США. Необходимо при этом добавить, что Советское правительство считает нужным осуществить поездку Молотова без какой-либо предварительной огласки в печати до возвращения Молотова в Москву... Что касается места остановки Молотова в Вашингтоне, то я, как и Молотов, выражаем Вам признательность за сделанные Вами предложения»¹²⁸.

Через несколько дней после отправки этого послания погода, наконец, наладилась, и англичане дал «доброе» на приём советского самолёта. Вот что сообщил Керр в 15 часов 45 минут 19 мая Вышинскому: «Ссылаясь на моё письмо, адресованное вам ранее сегодня, я прилагаю при сём экземпляр полученных нами сведений дополнительных метеорологических предсказаний в ночь с 19 на 20 мая. Детали работы маяка «А» на этот период времени были сообщены в моём письме вчера. Дополнительные детали остаются такими же, какими они были в моём письме от 10 мая. Я ещё раз был бы Вам благодарен, если бы Вы были столь любезны сообщить мне, как только это представится возможным, о том, вылетит ли самолёт сегодня ночью.

¹²⁶ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 2, л. 15.

¹²⁷ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, лл. 69 – 108.

¹²⁸ Переписка... – Т. 2. – С. 18.

Метеосводка для северной части Северного моря и восточного берега Шотландии до 50 миль вглубь территории для периода времени с 19 на 20 мая 1942 года.

Ветер на поверхности юго-западный от 15 до 20 миль в час. Ветер на высоте 10 000 футов юго-западный 40 миль в час. Облачность от 3/10 до 6/10, с основанием от 2 000 футов до 3 000 футов. Проходящие слабые дожди. Видимость хорошая»¹²⁹.

Основываясь на этом прогнозе, вылет был назначен на вечер 19 мая. После ужина экипаж направился на аэродром. Пусэн писал: «Вокруг нашего самолёта стоял десяток легковых автомобилей. У входа в самолёт занималась экипированием группа людей в гражданском. Выходя из машины, я внимательно всматривался в их лица. Взгляд остановился на Голованове и одевающемся в меховой комбинезон человеке в пенсне. Застегнув молнию, он обернулся к нам. Этого человека знал каждый из нас. Вячеслав Михайлович Молотов – народный комиссар иностранных дел СССР. Меня представили высокому гостю.

- Молодой какой, а уже майор, – улыбнулся, протянув мне руку, Молотов. – Выходит, теперь мы все в его подчинении?

- Выходит, что так....Приказывать он умеет и доставит вас точно к месту назначения, – тоже улыбаясь, ответил генерал Голованов. Я доложил о готовности к старту»¹³⁰.

Приблизительно так описывает этот момент и штурман Штепенко: «Вдали на дороге, выходящей из соснового леса, блестя в лучах заходящего солнца, показалась колонна легковых автомобилей. Среди приехавших мы сразу узнали командующего авиацией дальнего действия генерал-лейтенанта Голованова и рядом с ним, к своему удивлению – Вячеслава Михайловича Молотова. «Провожать, наверное, кого-нибудь приехал. – Подумал я. – Но кто же наши пассажиры?». Голованов, приняв рапорт от командира самолёта, подозвал к себе обоих штурманов и всех троих представил товарищу Молотову»¹³¹.

Полёт на боевом бомбардировщике, где для пассажиров нет элементарных удобств, даже мест для сидения, – дело не только не комфортное, но даже утомительное. Голованов писал: «К этому следует добавить многочасовое пребывание нетренированного человека на большой высоте в самолёте, где нет герметики, а это значит, нужно пользоваться кислородным прибором, а также и то, что в таком самолёте температура внутри равна температуре наружного воздуха, то есть десяткам градусов ниже нуля. Вячеслав Михайлович Молотов не только не имел никакой тренировки, но весьма смутно представлял себе предстоящие условия полёта. Но ничего не поделаешь: предстоящие задачи были важны, поэтому лишениями и неудобствами пришлось пренебречь. Закусив на аэродроме, наш пассажир, как и сопровождающие его лица, надел лётный меховой комбинезон, унты, шлем, в общем, всё, что положено для полёта, и решительно влез в самолёт. Здесь был проведён инструктаж по пользованию кислородными приборами и по другим необходимым техническим вопросам, который давал гарантию нормальной жизнедеятельности пассажиров, конечно, при соответствующем наблюдении за ними со стороны членов экипажа»¹³².

А наблюдение было поручено стрелку центральной орудийной башни Кожину, который в самолёте располагался над пассажирами и по этой причине находился ближе к ним, чем другие члены экипажа. Кто же ещё поднялся вместе с Молотовым на борт самолёта в качестве пассажиров? Полными сведениями, к сожалению, автор не располагает. Установлено, что в качестве военного эксперта в команду Молотова вошёл генерал-майор Ф. М. Исаев. Кроме него в командировку были направлены сотрудник МИДа М. М. Юнин и две женщины – Мария и Вера. По одним сведениям они якобы технические работники канцелярии наркома, по другим – одна из них медицинская сестра. В состав делегации входил и переводчик В. Н. Павлов. На борт самолёта он не поднимался, так как уже

¹²⁹ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 113.

¹³⁰ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 179 – 180.

¹³¹ «Красный сокол», 1944, сентябрь.

¹³² Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 189 – 190.

находился в Лондоне. Улетел он туда с экипажем Асямова. Имена остальных пассажиров установить пока не удалось.

Владимир Николаевич Павлов – один из самых высококвалифицированных переводчиков аппарата МИДа. Весьма лестную характеристику ему, как специалисту, дал посол Великобритании в СССР Арчибалд Кларк Керр. 19 апреля 1942 года заместитель наркома иностранных дел Советского Союза В. Я. Вышинский записал в своём дневнике: «...Керр очень хвалил прекрасные знания Павловым английского языка, но заметил, что ему необходимо навести, так сказать лоск на эти знания. Было бы хорошо, если бы Павлов, – заметил, шутя, Керр, – попрактиковался в Лондоне или пробыл хотя бы один месяц в английском посольстве. Это бы ему сильно помогло. Я также ответил шуткой, что эта возможность ещё не исключена»¹³³.

Трудно сказать знал ли Вышинский в это время о предстоящем полёте Молотова в Лондон и Вашингтон или нет. Если не знал, то отвечая Керру, как в воду глядел.

Шевелёв в своей книге упоминает о такой детали: «Мы тревожились за самого Молотова – человек пожилой, полёт будет на большой высоте, а машина негерметизированная. На борт взяли несколько баллонов с кислородом, полетел с ним врач, который следил за состоянием здоровья»¹³⁴.

Кроме Шевелёва о враче в составе команды наркома никто больше не упоминает. Поэтому этот факт вызывает у меня некоторые сомнения. Они ещё больше увеличиваются, когда тут же читаешь о том, что якобы у прибывшего на аэродром Молотова полковой врач спросил, поел ли он перед дальней дорогой. Узнав, что нарком этого просто не успел сделать, авиационное начальство засуетилось. Сошлись на том, что ему следует приготовить яичницу. Её долго ждали на КП. Оказалось, что один из сопровождающих, которому поручили проследить за приготовлением этого блюда, чуть ли не просвечивал каждое яйцо. А дальше следует процитировать: «Наконец, повар получил добро. Три яйца разбили удачно, а в четвертом оказалось какое-то пятнышко. Немедленно выбросили всю яичницу, а яиц больше не оказалось. Надо было тогда бежать на станцию. Но это долго. Молотов нервничал – пора садиться в самолёт. Тогда ему предложили стакан чая, он выпил, и они, наконец, улетели»¹³⁵.

Ну что можно сказать по этому поводу? Ни Голованов, ни Пусэп, ни Штепенко в своих воспоминаниях об этом не пишут. Голованов упоминает только о том, что пассажиры не аэродроме перекусили. Люди, знакомые с правилами аэродромной жизни, никогда не поверят в то, что яичницу Молотову готовили в столовой, а он её ожидал на КП аэродрома. Не проще ли отвезти наркома в столовую и в нормальных условиях накормить? А просмотр одним из пассажиров яиц чуть ли не под микроскопом?... И чтобы в лётной столовой не было яиц?... Кстати, Пусэп в своей книге пишет, что они всем экипажем на ужине ели именно её, яичницу. Ну, пусть не оказалось. Война все же. Но зачем бегать на какую-то станцию, да ещё тогда, когда время вылета на исходе? Можно же было заменить пресловутую яичницу бутербродами. Байка, да и только!

После взлёта вошли в сплошную облачность. Пробивали её долго. Штепенко писал: «Наконец, забравшись на высоту 6000 метров, мы вырвались из холодного фронта с его мощными тучами и грозами. Вверху расстипалось ясное звёздное небо. Мы вздохнули с облегчением и принялись за астрономию. По высоте Полярной звезды определили широту, по высоте звезды Вега – долготу. Астрономические измерения проконтролировали по радиомаяку и радиопеленгатору и отметили на карте наше расчётное место»¹³⁶.

А о том, как вели себя пассажиры в полёте, как заботились о них члены экипажа, можно узнать из книги Пусэпа. Вот крупицы из неё.

¹³³ АВП, ф. Референтура по Англии, оп. 26 д. 4, папка 74, л. 99.

¹³⁴ Шевелёв М. И. Арктика – судьба моя. – С. 119.

¹³⁵ Там же. – С. 120.

¹³⁶ Штепенко А.П. Особое задание. – М. 1944. – С.12.

«Все в масках, дышат кислородом. Стрелок центральной башни Кожин...регулярно, через каждые пятнадцать минут, проверяет состояние их и не даёт им уснуть! Спать опасно... Когда над линией фронта луч прожектора стал шариться по облакам вокруг самолёта, а зенитки начали обстрел, Кожин вышел на связь:

- Пассажиры интересуются, что это там сверкает?
- Разрывы зениток, – лаконично сообщаю я.
- Они спрашивают: есть ли опасность для нас?
- Никакой, – как всегда спешит с ответом Штепенко.

...Пассажиры успокоились. То у одного, то у другого закрывались глаза. Но всевидящий Кожин был неумолим. Нелёгкое это было путешествие для непривычных к таким полётам работникам наркомата иностранных дел. Температура в центральном отсеке фюзеляжа, где были поставлены весьма примитивные временные сиденья, мало чем отличалась от наружной. А за бортом самолёта мороз доходил до сорока градусов.

- Товарищ майор! С одной пассажиркой плохо – она пытается снять маску, – доносится в наушниках тревожный голос Кожина.

- Смените маску! Ни в коем случае не позволяйте её снять...
- Пассажиры хотят знать, где мы сейчас находимся? – снова подаёт голос Кожин.
- Справа спереди огни Швеции.

...Снизившись ещё на пятьсот метров, даю команду Кожину: можно снять маски и пассажирам.

- Товарищ майор! Спрашивают, почему мы летим на север? – вновь задаёт вопрос Кожин. Я успокаиваю пассажиров: через сорок минут сядем на аэродроме Тилинг»¹³⁷.

Перелёт экипажа из Москвы на уже знакомый аэродром Тилинг завершился благополучно. Штурман зафиксировал: «20 мая в 4 часа 55 минут, через 10 часов 15 минут после взлёта, закончился первый этап нашего пути посадкой в намеченном пункте. Мы покрыли расстояние в 2700 километров. На аэродроме, где мы сделали посадку, был выстроен почётный караул из взвода шотландских стрелков. Представитель английского министерства иностранных дел и советский посол тепло встретили наших пассажиров и поздравили с благополучным прибытием в Великобританию. В. М. Молотов ответил краткой приветственной речью. Шотландские стрелки красиво взяли ружьё «на караул»¹³⁸. После торжественной церемонии пассажиры и часть экипажа поездом отправились в Лондон.

Руководитель советской военной миссии в Великобритании Харламов вспоминал: «Молотов прилетел в Англию 20 мая. Мы с Майским встретили его на середине пути между Лондоном и Данди. В Лондоне советскую делегацию встречали Иден и Кадоган и тут же повезли в загородную резиденцию Черчилля – Чекерс. По традиции там останавливались только особо почётные гости... В тот же вечер в Чекерсе в честь советской делегации был устроен обед с участием многих членов правительства. За столом говорил главным образом Черчилль. Он был явно в ударе. После обеда Черчилль увёл Молотова и Майского в свой кабинет»¹³⁹.

В советском посольстве работник военной миссии полковник Стукалов рассказал о результатах расследования катастрофы «Фламинго», унёшшей жизни советских людей: «Причиной явилась авария правого мотора. Оборвавшийся шатун пробил картер мотора, в котором мгновенно взорвались пары перегретого масла. Горячие осколки картера и шатуна пробили бензиновый бак... произошёл второй, ещё более мощный взрыв. Самолёт развалился в воздухе»¹⁴⁰.

На следующий день командир корабля и штурманы вернулись в Данди. Отсюда в сопровождении двух английских истребителей «Харрикейн» перелетели на шотландский аэродром Прествиц, один из лучших на западном побережье Англии. Главное его

¹³⁷ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 184 – 187.

¹³⁸ Штепенко А.П. Особое задание. – С. 14.

¹³⁹ Харламов Н. М. Трудная миссия. – С. 103.

¹⁴⁰ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 193.

преимущество, по сравнению с Тилингом, это широкая и достаточно длинная взлётно-посадочная полоса. Отсюда стартовали все самолёты, направляющиеся в США. Экипаж стал готовиться к перелёту через океан.

О том, какое любопытство к нашему самолёту проявили англичане, описал штурман Штепенко: «Появление мощного советского бомбардировщика над берегами Шотландии было большим событием для многочисленного населения. Сотни людей сбежались посмотреть на нашу машину. А мы были рады продемонстрировать её нашим союзникам. Нечего скромничать – нам было, что показать им. Приготовленное для стоянки нашего корабля место мы безошибочно определили ещё будучи в воздухе – по большой толпе у ангаров. Со всех концов аэродрома туда мчались автомашины, сбегались люди, неслись велосипедисты. Был час послеобеденного перерыв. Рабочие из близлежащих мастерских толпами валили к стоянке. Казалось, нам просто не дадут прирулить к месту – так много было народа... Нашему кораблю было отведено место в одном ряду с четырёхмоторными гигантами «Галифаксами», «Боингами», «Либерейторами». Но и среди этих гигантов наш корабль выглядел молодцом. Он был больше и выше других самолётов. Моторы выключены. Мы спустились по лесенкам на землю. Бесчисленные толпы хлынули к нашему кораблю. Любопытство у всех было накалено до предела, каждому хотелось посмотреть, пощупать заморскую птицу с красными звёздами. Люди облепили самолёт, забирались внутрь, заглядывали в стволы пушек, пулемётов, щупали многочисленные сложные приборы»¹⁴¹.

Позже, в изданной в 1944 году книге, штурман добавил к этому эпизоду такой факт: «Наконец, комендант аэродрома, который сначала тоже поддался чувству любопытства, вспомнил о своих обязанностях и установил порядок. Была выставлена охрана. Она очертила вокруг самолёта квадрат и дальше черты публику не пускала»¹⁴².

Из периода подготовки экипажа к старту в США следует отметить два момента. В один из дней позвонил полковник Стукалов и сообщил командиру корабля, что англичане настойчиво советуют Молотову для обеспечения более безопасного перелёта через океан взять на борт двух их специалистов – навигатора и радиста. Пусэп постарался убедить полковника, что делать это, как раз с точки зрения безопасности, не стоит, что это никому не нужный дополнительный груз минимум в двести килограмм. Но главное не это, главное в том, что эти экипажные должности уже сдублированы: на борту два штурмана и два радиста.

Убедить Стукалова командиру корабля удалось, а вот Стукалову Молотова – нет. Вечером этого же дня позвонил нарком и сказал: «Ваше мнение мне доложили, но мне кажется, что опытный радист нам не помешает». Стало понятно, что сопротивляться этой абсурдной идеи бесполезно. Вскоре экипаж был представлен английский радист Кемпбелл.

И второй момент. Пока Молотов занимался своим делом усилиями членов экипажа при активной помощи сотрудников советской военной миссии и английских специалистов центральному отсеку Пе-8 придали салонный вид – установили мягкие сиденья и постелили ковёр. С завершением этих работ экипаж и самолёт были готовы к дальнейшему полёту.

А тем временем в Лондоне народный комиссар иностранных дел СССР вёл трудные переговоры с представителями английского правительства. 21 мая состоялось две встречи. На утреннем заседании Молотов изложил цель своего приезда: для обсуждения и принятия решения по ряду вопросов, среди которых были договор между Советским Союзом и Англией и проблема второго фронта в Европе. Вот некоторые извлечения из 31-й папки фонда Молотова «Лондонские переговоры».

«Запись беседы с Черчиллем 21 мая 1942 года. Присутствовали Эттли, Иден, Кадоган, Сарджент, Файбрэс, Майский, Павлов.

Черчиль. Приветствует тов. Молотова и его советников и выражает своё удовольствие по поводу его приезда в Лондон. Черчиль спрашивает тов. Молотова как прошёл полёт.

Молотов. Благодарит и отвечает, что перелёт прошёл благополучно.

¹⁴¹ «Красный сокол». – 1943, январь.

¹⁴² Штепенко А.П. Особое задание. – С. 17.

Черчилль. Выражает Молотову сожаление по поводу катастрофы с английским самолётом, в котором погибли сотрудники военного атташе советского посольства в Лондоне.

Молотов. Отвечает, что это очень печальный факт, но происшествия в авиации всегда возможны.

Молотов говорит, что хотел бы сказать несколько слов в связи со своим приездом в Лондон, он говорит, что он уполномочен своим правительством вести переговоры с английским правительством и высказать мнение советского правительства по двум основным вопросам, для обсуждения которых он приехал в Англию. Затем по второму из этих вопросов он, Молотов, направляется в США.

Первый вопрос касается двух договоров, протокола, а также письма по польскому вопросу, проекты которых обсуждались во время переговоров в декабре в Москве между Иденом, тов. Сталиным и им. Второй вопрос – это вопрос открытия второго фронта на Западе.

Молотов указывает, что он готов признать важность первого вопроса и готов уделить ему всё необходимое время, но он должен заявить, что советское правительство считает особо важным вопрос о втором фронте на Западе. Инициатива постановки вопроса о втором фронте в данном случае исходит не от советского правительства. Этот вопрос поставил на рассмотрение в самом срочном порядке президент США Рузвельт. В своём послании на имя Сталина Рузвельт заявил, что ввиду невозможности осуществить в ближайшее время его встречу с товарищем Сталиным, он считает желательным мой приезд в Америку. Так как советское правительство не сомневается, что вопрос о втором фронте особенно касается СССР и Великобритании, то советское правительство, дав согласие на него, Молотова, поездку в США, вместе с тем признало необходимым, чтобы он, Молотов, мог обсудить этот вопрос с Черчиллем и Иденом в Лондоне перед отъездом в США.

Молотов напомнил о том, что сегодня исполнилось 11 месяцев, т. е. почти год с начала исключительно напряжённой германо-советской войны, что подчёркивает важность вопроса, поставленного Рузвельтом. Мы признаём важность этого вопроса не только с точки зрения СССР, но и с точки зрения Англии и Америки. Он, Молотов, понимает, что вопрос о втором фронте, это вопрос военный. В связи с этим, вместе с ним приехал генерал-майор Исаев, который достаточно посвящён в детали этого вопроса. Но он хотел бы подчеркнуть, что вопрос о втором фронте в первую очередь политический вопрос. И ему, Молотову, кажется, что рассмотрение этого вопроса, как здесь в Англии, так и в США, должно получить именно такой характер.

Черчилль. Относительно обсуждения вопроса о втором фронте Черчилль предлагает ограничиться на данном совещании общими замечаниями по этому вопросу и затем встретиться завтра утром для более подробного рассмотрения вопроса на заседании, на котором будут присутствовать начальники британских штабов. Он будет рад, если Молотов пригласит на это совещание советских генералов. Записал В. Павлов. Запись проверена Молотовым 6 июня 1942 года»¹⁴³.

В своём отчёте на имя Председателя СНК Молотов писал: «При этом я подчеркнул особую важность и срочность вопроса о втором фронте, сославшись на инициативу Рузвельта, в связи с приглашением меня в США по этому вопросу... По вопросу о втором фронте Черчилль на утреннем заседании сделал краткое заявление, смысл которого сводится к тому, что Британское и Американское правительства в принципе решили создать такой фронт в Европе с максимально доступными им силами и в возможно кратчайший срок и к этому они энергично готовятся. Однако Черчилль уклонился от какого-либо уточнения этих общих формулировок, не преминув сослаться на большие технические трудности, связанные с реализацией второго фронта. Для обсуждения данного вопроса Черчилль предложил 22

¹⁴³ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 334, папка 31, лл. 8 – 11.

утром устроить специальное обсуждение с участием начальников английских штабов, а также Исаева»¹⁴⁴.

22 мая переговоры были продолжены у Черчилля. Они полностью были посвящены главной проблеме в советско-английских отношениях, проблеме второго фронта. Вот кто, в соответствии с протоколом заседания от 22 мая, принимал в них участие: с советской стороны – Молотов, Майский, Соболев, Исаев; с английской стороны – Черчилль, Иден, Эттли, Кадоган, адмиралы Дэдли и Паунд, генерал-лейтенант Ней, главный маршал авиации Портал, генерал-майор Исмей, бригадир Л. С. Холлис. Переводили: Файбрэс и Павлов. Вот как, в соответствии с протоколом, они начались:

«Черчилль, открывая заседание, заявил, что Молотов вчера высказал мнение, что вопрос о втором фронте является не только военно-техническим, но и политическим вопросом. Он, Черчилль, просил бы Молотова изложить взгляд советского правительства на второй фронт.

Молотов говорит, что вопрос о втором фронте в Западной Европе – это не новый вопрос. Он поднимался ещё десять месяцев тому назад. В последнее время он был поставлен по инициативе Рузвелльта, который обратился в апреле к товарищу Сталину с просьбой направить его, Молотова, в Вашингтон для переговоров с ним о втором фронте. При этом Рузвелльт выразил пожелание, чтобы с ним, Молотовым, был направлен генерал. Это приглашение было принято советским правительством. Хотя инициатива принадлежит в данном случае США и Рузвелльту, но, как предполагает Советское правительство, главная задача организации второго фронта вначале может пасть на Великобританию. Поэтому Советское правительство считало необходимым, чтобы он, Молотов, перед поездкой в США обсудил эти вопросы с британским правительством и выяснил точку зрения английского правительства на этот вопрос в данный момент»¹⁴⁵.

Нарком иностранных дел СССР изложил позицию советского правительства по этой проблеме. В концентрированном виде она сводилась к следующему: «Могут ли союзники Советского Союза, и в первую очередь Великобритания, оттянуть с нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос разгрома Гитлера был бы решён в 1942 году, и, во всяком случае, этот разгром был бы тогда предрешён уже в текущем году. Могут ли это сделать союзники? Нам бы хотелось, чтобы правительство Великобритании ответило на этот вопрос»¹⁴⁶.

Из протокола совещания видно, что, отвечая на вопросы Молотова, Черчилль стал подробно разъяснять те трудности, которые сопряжены с высадкой десанта на побережье Франции. Главным препятствием, как и прежде, остаётся отсутствие у союзников достаточных транспортных средств. В частности Черчилль отметил: «Однако нельзя ожидать, что США будут располагать необходимыми вооружёнными силами раньше конца 1942 года и что в этом году мы будем располагать большим количеством десантных средств, в которых столь сильно нуждаемся... В 1943 году мы будем располагать значительно большим количеством судов, и мы смогли бы высадиться на побережье противника на пяти или шести пунктах... Ясно, что если бы ради действий во что бы то ни стало, мы предприняли бы операцию, которая окончилась бы несчастьем и дала бы противнику случай ликовать за наш счёт, то это не принесло бы пользы ни делу России, ни делу союзников в целом»¹⁴⁷.

Надо отметить, что содержание переговоров, отражённое в официальном протоколе, не претерпело каких-либо серьёзных изменений при описании их Черчиллем в своих мемуарах. Однако в них опущен один существенный момент. Ознакомившись с мнением английского правительства по проблеме второго фронта, Молотов попытался выяснить, насколько

¹⁴⁴ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 221.

¹⁴⁵ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 52, папка № 5, л. 1.

¹⁴⁶ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 225.

¹⁴⁷ Советско-английские отношения... – Т. 1. – С. 226, 227.

позиция Великобритании по обсуждаемому вопросу совпадает с позицией США. Наркому это было крайне важно узнать накануне предстоящей встречи с Рузвельтом. Черчилль ответил, что «американское правительство разделяет желание и решимость Английского правительства возможно скорее и возможно большими силами вторгнуться на европейский континент. Английское правительство рассчитывает произвести эту операцию в 1943 году, когда для этой цели, как Англия, так и США, будут располагать 1 – 1,5 миллиона американских и английских войск.... Если бы высадка десанта была возможна в 1942 году, то Америка не смогла бы принять в этом активное участие из-за недостатка войск и десантных средств»¹⁴⁸. Каков Черчилль! Такие рассуждения и оценки были бы уместны, если бы инициатива в деле открытия второго фронта исходила от правительства Великобритании. Это, во-первых. И, во-вторых, премьер дал понять Молотову, что Соединённые Штаты Америки к участию в высадке войск в 1942 году не будут готовы. Переговоры показали, что в 1942 году у союзников необходимых сил для вторжения не будет.

Осознавая, что вопрос о втором фронте является наиважнейшим, и что затягивание переговоров о договоре отрицательно скажется на его решении, советская сторона, сделав ряд уступок, решила подписать этот документ. Договор «О союзе в войне против Германии и ее сообщниках в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» был подписан Молотовым и Иденом 26 мая. Руководители внешних ведомств СССР и Великобритании обменялись речами.

Главное в этом договоре – обязательство сторон не заключать сепаратного мира с Германией. Этого боялся, прежде всего, Черчилль. Бедарида отмечает: «После войны Черчилль рассказывал, что в эти годы испытаний он большего всего боялся – по крайней мере, до середины 1943 года, – как бы Сталин не заключил с Гитлером сепаратного мира»¹⁴⁹.

Что же касается кардинального вопроса в советско-английских отношениях, вопроса открытия второго фронта в Европе, то он так и не был решён. Он был отнесён на предполагаемую встречу Черчилля с Молотовым на его обратном пути из Вашингтона. Эта новая деталь в плане заграничной командировки наркома возникла уже в процессе советско-английских переговоров в Лондоне.

22 мая активно работали военные. Английская сторона показала генералу Исаеву образцы высадочных средств, комментируя этот показ их наличием и перспективным изготовлением некоторых из них. Запись беседы с начальником английских комбинированных операций вице-адмиралом Маунтбэттеном вынесена в **Приложение (документ № 10)**.

23 мая Молотов имел встречу с Иденом. На ней присутствовали Майский, Соболев, Павлов, Кадоган, Сарджент, Файбрэс. «...Далее Иден говорит, что он хотел бы сделать предложение, касающееся обсуждения польского вопроса. До завтрака он говорил с Черчиллем. Срок отъезда Молотова в Америку, вероятно, будет зависеть от погоды. Черчилль обратился к Сталину с посланием, в котором он выразил благодарность за приезд Молотова в Лондон. Он, Иден, говорит, что английское правительство надеется, что Молотов по возвращении из Америки мог бы остановиться в Лондоне на несколько дней и поработать вместе с ним, Иденом, над разрешением польского вопроса. По мнению премьера, это лучше было бы сделать именно после возвращения Молотова из Америки.

Молотов отвечает, что план его поездки утверждён правительством. Он должен прибыть в Англию, чтобы кончить вопросы, касающиеся англо-советских отношений, а затем выехать в Америку для решения вопросов, касающихся советско-американских отношений, и возвратиться после этого в Москву. Таков план. Он, Молотов, считал бы целесообразным придерживаться порядка – кончить начатое дело, то есть закончить работу, не останавливаясь на полдороге. Он, Молотов, хотел бы закончить обсуждаемый вопрос в той степени, которая будет приемлема английскому правительству. За приглашение

¹⁴⁸ Там же. – С. 227

¹⁴⁹ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 265.

Черчилля остановиться на обратном пути в Москву в Лондоне он, Молотов, выражает благодарность»¹⁵⁰.

Об этом нарком проинформировал Сталина 23 мая: «Черчилль и Иден настаивают также на том, чтобы после США я снова заехал в Англию и, с учётом результатов моих бесед с Рузвельтом, ещё раз обсудил с ними интересующие обе стороны вопросы, что об этом Черчилль хочет просить Сталина. Я ответил на это, что планом моей поездки предусмотрено, что из США я лечу прямо в СССР, что изменить это может только Москва»¹⁵¹.

А просьба Черчилля на имя Сталина, о которой говорил Иден, действительно ушла в Москву 24 мая: «Я уверен, что если бы г-н Молотов мог вернуться из Америки через Англию, то это было бы крайне полезно для общего дела. Мы тогда смогли бы продолжить наши переговоры, которые, как я надеюсь, поведут к развитию тесного военного сотрудничества между нашими тремя странами. К тому же я смогу тогда снабдить его самыми последними сведениями о наших военных планах. Я надеюсь, наконец, что мы тогда смогли бы также продвинуть ещё дальше политические переговоры. По всем этим соображениям я весьма надеюсь, что Вы согласитесь на то, чтобы г-н Молотов вновь посетил нас на обратном пути домой»¹⁵².

Согласие Сталина английский премьер получил через Молотова на следующий день. Это видно из записи беседы советского наркома с Черчиллем и Иденом 25 мая. «...Молотов вручил Черчиллю послание тов. Сталина, в котором Stalin давал согласие на вторичную остановку Молотова на обратном пути из Америки. Черчилль и Иден были чрезвычайно довольны, и премьер тут же дал понять, что ему очень хотелось бы встретиться с господином Сталиным. Молотов поддержал это намерение премьера и высказал мысль о том, что встреча была бы, несомненно, очень полезна и интересна, и что тов. Stalin был бы рад повидать Черчилля. Черчилль ожидался и воскликнул: «Вот, очистим север Норвегии и на завоёванной территории устроим наше свидание, а может быть и свидание трёх – с участием Рузвельта»¹⁵³.

27 мая в очередном послании Сталину Черчилль дал общую оценку завершившемуся первому этапу англо-советских переговоров: «Встреча с г-ном Молотовым доставила мне большое удовольствие, и мы сделали многое в смысле устранения препятствий между нашими двумя странами. Я весьма рад, что он возвращается этим путём, ибо нас ждёт ещё хорошая работа, которую надо будет проделать»¹⁵⁴.

Надежду на благополучное разрешение всех оставшихся нерешённых вопросов Stalin выразил в послании Черчиллю от 28 мая: «Я Вам очень признателен за дружеские чувства и добрые пожелания, выраженные Вами по поводу подписания нами нового договора... Я также надеюсь, что Ваша встреча с Молотовым при его возвращении из Соединённых Штатов даст возможность выполнить работу, оставшуюся ещё невыполненной»¹⁵⁵.

Таким образом, в заграничной командировке наркома иностранных дел СССР возник новый и существенный нюанс: после встречи в Вашингтоне ему вновь предстояло вернуться в Лондон. Вполне естественно, этот нюанс касался и экипажа.

Предварительные результаты переговоров с советским посланником Черчилль немедленно сообщил в Вашингтон ещё тогда, когда Молотов находился в Лондоне: «На этой и на прошлой неделе мы с Молотовым очень хорошо поработали. Договор был подписан вчера во второй половине дня в атмосфере большой сердечности с обеих сторон. Молотов – настоящий государственный деятель и обладает свободой действий весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться. Пожалуйста, сообщите мне Ваши впечатления». В ответной

¹⁵⁰ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 334, папка 31, л. 76.

¹⁵¹ Советско-английские отношения. – Т. 1, – С. 230.

¹⁵² Там же. – С. 231.

¹⁵³ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 334, папка 31, л. 106.

¹⁵⁴ Там же. – С. 243.

¹⁵⁵ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 334, папка 31, 243.

телеграмме Рузвельт просил премьера срочно проинформировать его о том, что говорили Молотов и Черчилль друг другу по вопросу второго фронта. Уже на второй день эти сведения ушли в Вашингтон¹⁵⁶.

В процессе работы Молотова в английской столице он встретился с лордом У. Бивербруком. Это произошло 24 мая в советском посольстве. Беседа с членом военного кабинета Великобритании в определённой мере помогла советскому наркому понять, кто есть кто в вопросе открытия второго фронта в Западной Европе.

«Бивербрук. Выразил Молотову благодарность за то, он его принял и спросил, как прошёл полёт.

Молотов. Ответил, что рад видеть Бивербрука. Перелёт прошёл благополучно.

Бивербрук. Ответил, что из США он тоже летел на самолёте на большой высоте, пользуясь кислородом. Перелёт был весьма удобным. В Америке, он, Бивенбрук встречался с Рузвельтом и был у него в тот момент, когда посол писал телеграмму с приглашением Молотова в Вашингтон. Рузвельт является активным сторонником второго фронта. Он отличный человек для беседы по этому вопросу. Хелл, Уэллес, Гопкинс, генерал Маршалл – тоже хорошие люди. Адмирал Кинг – удовлетворительный человек. Но Рузвельт лучше всех. Он одобрил его, Бивербрука, речь о втором фронте. В общем, американское правительство идёт впереди своего народа. В Англии – другое дело: народ, общее мнение и широкие военные круги хотят второго фронта, а правительство тормозит это дело и отстаёт от своего народа. Правительство стало неповоротливым, как это было и в прошлую мировую войну, благодаря тому, что оно утонуло в организационной работе»¹⁵⁷.

Первый этап работы Молотова в столице Великобритании был завершён. Можно было лететь дальше.

К броску через океан экипаж подготовился основательно, большую помощь он получил от английских коллег. Об этом писал Штепенко: «Трудно суммировать все наши работы по подготовке перелёта через океан, которые мы провели на этом аэродроме. Во всяком случае, мы в изобилии получили на нём абсолютно всё, что нам было необходимо, и тщательно подготовили полёт до конечного пункта нашего маршрута – до Вашингтона. При вылете из Москвы, изучая карту всего перелёта, мы считали, что в аeronавигационном отношении участок нашего маршрута, проложенный через океан, будет самым сложным и тяжёлым. Здесь же, собрав все необходимые материалы, тщательно их изучив, мы изменили это мнение. Полёт от СССР до Шотландии был, несомненно, наиболее сложным и трудным. Дальнейший наш полёт из Англии до Вашингтона настолько полно и хорошо обеспечивался и контролировался с земли, что для того, чтобы не прибыть туда, заблудиться и так далее, нужно было быть просто очень большими неудачниками»¹⁵⁸.

Он же в книге рассказал о том, что предстоящий дальний полёт, с точки зрения немецкого воздушного противодействия, был практически безопасен. Это обстоятельство позволило пойти на значительное облегчение полётного веса бомбардировщика. С корабля сняли бронеспинки, бронеплиты, по одному комплекту боеприпасов для пушек и пулемётов. А в связи с тем, что маршрут лежал над достаточно обширным водным пространством, на борт погрузил для каждого пассажира воздушные жилеты и две надувные резиновые лодки (клипперботы).

Преодолеть расстояние от Англии до США без промежуточных посадок Пе-8 был не в состоянии. Поэтому ещё при разработке маршрута полёта в Москве такая промежуточная посадка была предусмотрена в столице Исландии Рейкьявике.

Чуев приводит интересный факт: «Когда самолёт подготовили к дальнейшему полёту, в диспетчерской аэродрома появилась необычная надпись мелом на доске: «Самолёт ТБ-7, командир Пусэп, прибыл из Советского Союза, направляется в Исландию». Да, следующая

¹⁵⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 163.

¹⁵⁷ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 334, папка 31, л. 160.

¹⁵⁸ «Красный сокол». – 1943, январь.

посадка намечалась в Исландии, а конечный пункт маршрута английской службе движения знать было необязательно»¹⁵⁹.

Стартовали с аэродрома Прествик 27 мая в 7 часов 20 минут. На высоте двух с половиной тысяч метров, держа курс на Фарерские острова, пробили облачность. Дальнейший полет протекал при весьма благоприятных условиях. Радиосредств было вполне достаточно: приводная станция и радиопеленгатор Прествика, а также четыре приводных станции на маршруте. За весь период перелёта в Исландию пассажиры проявили беспокойство только один раз. Это произошло во время манёвра корабля при выборе наиболее выгодного направления посадки. Кожин запросил: «Товарищ Молотов спрашивает, чем вызваны такие сложные эволюции самолёта и к чему должны готовиться пассажиры?». Командир корабля ответил радисту: «Передайте наркому, что минут через тридцать пассажиры могут сесть за обеденный стол в Рейкьявике. Пробивались под облака над океаном. В горах это значительно сложнее»¹⁶⁰.

Посадка на аэродроме Рейкьявика оказалась сложной. Помимо того, что бетонная полоса не превышала тысячи метров, она ещё оказалась перегружена множеством самолётов. Они стояли и слева и справа. Свободное пространство между ними было настолько узким, что лётчикам пришлось проявить всё своё мастерство в полной мере. Сели в узком коридоре филигранно, в притирочку к бетонке и стоящим по разные стороны крыльев Пе-8 самолётам. 1590 километров воздушного пути осталось позади.

После посадки произошло событие, характеризующее мощь советского бомбардировщика. Без прямого цитирования из воспоминаний командира корабля здесь не обойтись: «Не успели мы ещё остановиться, как рядом с нами появляется шустрый «виллис». Стоявший в нём во весь рост офицер выразительно размахивает флажками.

- Сколько весит ваш самолёт? – переводит его вопрос Романов.

- Двадцать пять тонн.

Услышав ответ, офицер качает головой, предупреждая, чтобы мы рулили точно по тем плитам полосы, по которым он будет ехать впереди нас.

- Иначе продавите бетон и можете поломать свой самолёт, – кричит дежурный»¹⁶¹.

В столице Исландии по погодным условиям пришлось задержаться на два дня. На трети сутки, когда наметилось её улучшение, запланировали вылет. Но пока к нему готовились, в самом Рейкьявике её Величество погода преподнесла сюрприз – на проветриваемом со всех сторон острове установился полный штиль. Об этом красноречиво говорил безжизненно обвисший матерчатый полосатый ветроуказатель. Укороченная взлётная полоса в безветрии становилась ещё короче. Парировать этот серьёзный недостаток можно было только за счёт горючего. Весь его навигационный излишек слили. Пусэн объехал на дежурной машине взлётную полосу. На том её конце, который уходил в сторону океана, никаких препятствий не было. В эту сторону он и принял решение взлетать. Каким он был не то, что трудным, а просто смертельно опасным, никто лучше самого командира корабля не расскажет.

«Моторы заревели на максимальной мощности, и самолёт резко рванул влево. Скорость движения самолёта ещё настолько мала, что руль поворота бездействует. Убираю газ правому мотору. Но убираю больше, чем следовало и самолёт круто разворачивает вправо, а там совсем рядом стоят морские разведчики... Мать честная! Сейчас начнёт их считать конец нашего крыла... Рывком прибавив до отказа обороты правой группе моторов, нажимаю сколько было силы на левую педаль руля поворота. Разворот вправо прекращается, но мимо консоли правого крыла в ужасающей близости проносятся носы «Каталин». Изо всех сил крутнув влево штурвал, с облегчением вижу, как поднялось правое крыло, а носы «Каталин» мелькают уже под крылом... Корабль стал слушаться рулей, и скорость дошла почти до необходимой для отрыва от земли. Кончилась полоса. Впереди крутой обрыв к

¹⁵⁹ Чубов Ф. И. Ветер истории. – С. 41.

¹⁶⁰ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 208.

¹⁶¹ Там же. – С. 210.

оceanу... Потянув штурвал на себя чуть энергичнее, чем обычно, «повесил» корабль в воздухе. Мелькнула тёмная полоска земли, отделяющая аэродром от обрыва, и... самолёт стал медленно «приседать», опускаясь всё ближе и ближе к бурунам прибоя... Когда, оторвавшись от земли, мы вдруг провалились за обрывом вниз и скрылись с глаз, мало кто из видевших это надеялся, что мы оттуда ещё снова вынырнем»¹⁶².

Перелёт прошёл без особых осложнений, правда, долго не удавалось связаться с аэродромом посадки. Когда же это, наконец, удалось сделать, выяснилось, что аэродром Гандер из-за тумана не принимает. Но можно садиться на канадском аэродроме Гус-Бей. Там благополучно и приземлились.

О том, как вели себя пассажиры на этом участке перелёта, расскажут скучные зарисовки штурмана: «В пассажирской каюте к этому времени установился обычный распорядок. Вячеслав Молотов, надев пенсне, углубился в чтение. Остальные пассажиры сидели группами и оживлённо беседовали. Кислородные маски валялись небрежно, засунутые куда попало: пассажирам было обещано, что кислорода в этом полёте не потребуется»¹⁶³.

Кроме этого некоторые детали перелёта на этом участке маршрута привёл в своей книге «Ветер истории» Чуев: «Дальнейший полёт проходил над океаном, и «мистеру Брауну», как и другим пассажирам, пришлось надеть на себя «Мисс Мэй» – спасательный воротник, который, когда его надували, оттопыривался на груди и, по утверждению, знатоков, был очень похож на бюст голливудской кинозвезды мисс Мэй.

- Дали нам резиновые лодки, скамеечки поставили, – вспоминал Молотов.

- Мне рассказывал Пусэп, – говорю я Молотову, – что англичане, разрабатывавшие маршрут от Лондона до Америки, дали вам такую конечную точку, чтобы вы там не сели. Но во время промежуточной стоянки в Рейкьявике Пусэп познакомился с американским полковником Арнольдом, который, узнав, что русские собираются сесть на острове Ньюфаундленд, сказал: «Не летите туда. Вы там не сядете. Там всё время меняется погода. Садитесь вот здесь, – и Арнольд отметил на карте аэродром Гус-Бей. – Только никому не говорите, что я вам посоветовал. Это наш секретный аэродром. Там ещё идёт строительство, условия спартанские, но виски и консервы имеются. Я знаю, кого вы везёте, – добавил американский полковник. – Не летите на Ньюфаундленд, куда вам предлагают англичане, вы там в тумане разобьётесь, а в Гус-Бее сядете нормально».

«Я, конечно, – признался Пусэп, – летел по трассе, утверждённой командованием. – на Ньюфаундленд. Вдруг этот американец – провокатор? Но летел осторожно и убедился, что он прав. Отвернулся от туманов и сел в Гус-Бее, что было полной неожиданностью для союзников. Когда американцы спрашивали нас, как мы нашли их аэродром, мы отвечали: «По сигналам радиовещательных станций». Никогда не забуду полковника Арнольда.

- Вот этого я не знал, – говорит Молотов. – Да, англичане очень не хотели, чтобы я летел к Рузельту.

Можно себе представить, что творилось на аэродроме Гус-Бей, когда приземлился невиданный бомбардировщик с красными звёздами! Среди подбежавших к самолёту оказались украинцы и русские аляскинцы, строительные рабочие.

- На борту – народный комиссар иностранных дел Советского Союза! – сказал командир корабля.

Подъехал начальник базы и сразу пригласил всех за общий стол. Недостатка ни в спиртном, ни в консервах не было – и в этом оказался тоже прав полковник Арнольд. После многочисленных тостов за победу советско-американского оружия и за американо-советскую дружбу пошёл обмен сувенирами.

- Пуговицы от мундиров, зажигалки, даже спички переходили из рук в руки – вспоминал Пусэп»¹⁶⁴.

¹⁶² Пусэп Э. К. Тревожное небо. – С. 216 – 217.

¹⁶³ Штепенко А.П. Особое задание. – С. 44.

¹⁶⁴ Чуев Ф. И. Ветер истории. – С. 41.

После посадки аэродром затянуло туманом, но по маршруту, как сообщили синоптики, до самого Вашингтона ясно. Поэтому после обеда и заправки самолёта решили лететь дальше. Полёт прошёл нормально. Правда, Главное управление воздушных сообщений Канады передало на борт самолёта предложение произвести посадку на аэродроме в Монреале, а затем в сопровождении «Боинга-17» лететь в Вашингтон. После короткого совещания командир принял решение от приглашения произвести посадку в Монреале отказаться.

На аэродроме в Вашингтоне садились в жару. Штепенко писал: «До Вашингтона оставались последние три сотни километров. Дымка над землёй всё более сгущалась, облака становились всё ниже и ниже. Мы летели на высоте 300 метров и бреющим полётом проносились над лесистыми холмами. Температура в самолёте доходила до 35 градусов и выше. Мы все изнывали от жары. Перегрев моторов достиг такой степени, когда продолжать полёт становилось невозможным. Моторы захлебывались, из них было кипящее масло. В густой дымке почти бреющим полётом мы вихрем, с грохотом и рёвом, пронеслись над огромным портовым городом Балтимора»¹⁶⁵.

Американцы встретили советских людей тепло. Вот как описал этот момент командир корабля: «Наркома встречают государственный секретарь США Кордель Хелл и полномочный посол СССР в США Максим Максимович Литвинов. Усевшись в автомобили вместе с другими пассажирами, они тут же уехали. Мы оказались в тесном кольце гомонящих встречающих. Нам что-то говорят, жмут руки, обнимают, хлопают нас по плечам. Людей становится больше. Подходят, обхлопав нас по плечам, отходят, их заменяют другие... И так без конца. Никто из встречающих не понимает по-русски, мы – по-английски. Тянутся руки с блокнотами, ручками. Нужны автографы»¹⁶⁶.

А вот зарисовка этого момента, сделанная штурманом: «Весть о прилёте советского самолёта-бомбардировщика молниеносно разнеслась по всему аэродрому. С ангаров, мастерских и ближайших зданий к нашему самолёту толпой валил народ, и мы подверглись такому дружному нападению любознательных американцев, что в первые минуты прямо-таки ничего не могли понять. Огромная толпа со всех сторон облепила самолёт... Нас обнимали, пожимали руки, называли фамилии, знакомились, что-то спрашивали»¹⁶⁷.

Первая встреча Молотова с Рузвельтом состоялась сразу же по прибытии самолёта в Вашингтон 29 мая. С аэродрома на машине Молотов прибыл к Рузвельту вместе с Хеллом, Литвиновым и Павловым. На первой предобеденной встрече присутствовал и Гопкинс. Разговор в основном шёл о советских оборонительных мероприятиях на Камчатке и о войне США и Англии в бассейнах Тихого и Атлантического океанов¹⁶⁸. В процессе беседы вопроса второго фронта стороны не затрагивали. Эта проблема подробно рассматривалась в этот же день во время обеда и после него.

В ходе обмена мнениями выяснилось, что лично Рузвельт за открытие второго фронта в 1942 году. Он считает, что вторжение в Европу может быть произведено через Англию. Однако военные, принимая эту точку зрения, считают, что в этом деле есть серьёзные трудности. Главная из них – это транспортная проблема. Подготовка переброски войск из США в Англию, а затем через Канал во Францию требует серьёзных усилий в дополнительном строительстве десантных средств. А для этого понадобится время. По мнению американского военного руководства «операция вторжения в Европу с гарантией успеха могла бы быть осуществлена в 1943 году».

Рузвельт «убеждает американских военных пойти на риск и произвести высадку 6 – 10 дивизий во Франции. Пусть не будет гарантии, что эта операция будет успешной. Надо идти на жертвы, чтобы помочь СССР в 1942 году. Возможно, что придётся пережить Дюнкерк и потерять 100 – 120 тыс. человек. Однако эта операция будет иметь очень большое значение в

¹⁶⁵ «Красный сокол». – 1944, сентябрь.

¹⁶⁶ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 229.

¹⁶⁷ Штепенко А.П. Особое задание. – С. 58.

¹⁶⁸ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 60, папка 6, л. 6.

смысле своего влияния на моральное состояние немцев. Она облегчит положение и поднимет выше дух Красной Армии»¹⁶⁹.

Понимая искренне стремление Рузвельта хоть чем-то помочь Советскому Союзу в 1942 году, Молотов, однако, сказал, что этого явно недостаточно и подчеркнул, «что вопрос о втором фронте – это вопрос больше всего политический, и он должен быть решён не военными, а государственными деятелями»¹⁷⁰.

Таким образом, уже в первый день работы позиции Рузвельта и Молотова по главному вопросу советско-американских отношений прояснились. Наркому стало ясно, что открытием второго фронта в 1942 году Рузвельт искренне желает помочь Советскому Союзу, но со стороны военных он наталкивается не на сопротивление, а, по крайней мере, на нежелание действовать энергично и решительно. Воистину: кто не желает что-то делать, тот ищет причину. Совершенно неожиданно этот вывод Молотова подтвердил ни кто иной, как специальный помощник президента.

На 30 мая было назначено специальное совещание по проблемам второго фронта в более широком составе, с присутствием военных. Накануне её, поздно вечером, в 23 часа, без всякой предварительной договорённости Гопкинс пришёл к Молотову. Он сказал, что «Рузвельт очень горячий сторонник второго фронта в 1942 году. Но американские генералы считают положение Советского Союза на фронте в 1942 году прочным и не видят острой необходимости во втором фронте. Поэтому он рекомендовал бы Молотову нарисовать завтра мрачную картину положения в СССР, чтобы американские генералы почувствовали серьёзность положения. Предварительно за полчаса до начала совещания, он рекомендовал бы переговорить с Рузвельтом и указать ему на серьёзность положения на советско-германском фронте. Если Молотов последует его совету, то это будет весьма полезно для быстрого решения вопроса о создании в 1942 году второго фронта. Молотов ответил, что положение на нашем фронте действительно серьёзно. Молотов поблагодарил Гопкинса за совет и сказал, что он охотно побеседует с Рузвельтом за полчаса до начала совещания»¹⁷¹.

Секретное совещание проходило 30 мая. С американской стороны присутствовали Рузвельт, Маршалл, главнокомандующий военно-морским флотом США адмирал Э. Д. Кинг и переводчик Кросс. С советской стороны в беседе принимали участие Литвинов, Соболев, Беляев, Акулин, Павлов. Уже первые слова президента ещё раз убедили наркома в его искренних стремлениях помочь с открытием второго фронта именно в 1942 году. Свои рассуждения по этому вопросу он адресовал больше военным, чем Молотову. Обратимся к документу:

«Рузвельт сообщает присутствующим, что Молотов был в Лондоне. Он прибыл в Вашингтон по приглашению Рузвельта для обсуждения вопроса о втором фронте в Западной Европе. Насколько ему, Рузвельту, известно, Молотов был очень любезно принят английским правительством, но он не получил никакого определённого ответа на вопрос об открытии второго фронта в этом году. Задача Молотова состоит в том, чтобы добиться определённых результатов. Мы полагаем, что имеются основания для открытия второго фронта в 1942 г. Причина необходимости открытия второго фронта в 1942 г. вызывается неблагоприятным положением на советско-германском фронте... имеется опасность, что в результате превосходства немцев в вооружении советские армии будут вынуждены отступить, оставив Москву и нефтяные источники Баку. Это возможное вынужденное отступление советских армий приведёт к значительному ухудшению общего положения союзников. Это относится к 1942 г, а не к 1943 г. Цель состоит в том, чтобы предпринять операции с задачей оттянуть с советско-германского фронта 40 дивизий и попытаться сделать это в 1942 году»¹⁷².

¹⁶⁹ Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 179.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. – С. 180.

¹⁷² Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 181 – 182.

Молотов сразу же заметил разницу между началом данного совещания и того, которое несколько дней назад проходило в Лондоне. Такой преамбулы у Черчилля и в помине не было. Английский премьер сразу предоставил слово Молотову, давая ему возможность самому обрисовать трудное положение на советско-германском фронте, заведомо ставя наркома в положение просителя. В отличие от него, Рузвельт сам дал оценку военного положения Советского Союза, подчеркнув, что это в равной степени грозит и союзникам, а главное, сразу дал понять присутствующим, что он, как президент, за открытие второго фронта и не когда-нибудь, а именно в 1942 году.

Поддерживая тональность вступительного слова президента, и выполняя обещание, данное поздно вечером Гопкинсу, Молотов, включившись в беседу, сосредоточил внимание присутствующих на тезисе о том, что открытие второго фронта в Европе это настоятельная необходимость не только для Советского Союза, но также во благо и в интересах, как Англии, так и США. Он сказал, что между созданием второго фронта в 1942 и 1943 годах есть большая разница. Весь смысл рассуждений наркома сводился к тому, что не получив в 1942 году поддержки союзников в виде отсутствия второго фронта, Советский Союз, вполне возможно, не выдержит удара, и это, в свою очередь, будет чревато и для союзников.

И вновь слово документу: «В этом случае в 1943 г. советский фронт не будет решающим фронтом. Наши силы будут подорваны. Силы Гитлера во многом возрастают. Трудности союзников увеличатся не только потому, что не будет такого сильного противника для германской армии, как Красная Армия в 1942 г., но и потому, что Гитлер будет опираться более уверенно на часть территории СССР, включая нефтяные районы... В 1943 году мы можем не иметь и половины преимуществ, которыми мы обладаем в настоящее время. Поэтому отсрочка второго фронта до 1943 года чревата риском для СССР и большой опасностью для США и Англии. В 1943 году Гитлер может опереться на важные нефтяные источники СССР, и вся тяжесть борьбы упадёт на плечи Англии и США»¹⁷³.

Президент поддержал Молотова в этих рассуждениях, а затем прямо спросил Маршалла «может ли Молотов передать Сталину, что американское правительство готовится к созданию второго фронта в 1942 году, и что мы надеемся на создание второго фронта в 1942 году?». Маршалл заявил, что военные делают все возможное в решении этого вопроса, но главная трудность – это проблема переброски войск. Конкретного ответа от военных Молотов так и не получил. В конце встречи нарком заявил, что он доложит Сталину и Советскому правительству относительно того, что он слышал от Рузвельта, Кинга и Маршалла в части оценки перспектив создания второго фронта в Европе¹⁷⁴.

Описывая атмосферу переговоров в Вашингтоне, следует заметить, что в Соединённых Штатах вообще и даже в ближайшем окружении президента имелись влиятельные силы, которые призывали не доверять русским, пытались препятствовать процессу улучшения американо-советских отношений. Более того, в США были, как отмечает американский историк Р. Шервуд, «значительные группы людей, ненавидящих Советы до такой степени, что они желают победы Гитлера над Россией»¹⁷⁵. В такой атмосфере Рузвельту было нелегко отстаивать свою точку зрения по вопросам второго фронта в Европе.

О своём удовлетворении ходом переговоров Рузвельт поспешил уведомить Черчилля. 31 мая он сообщил: «Я полагаю, что визит Молотова – это настоящий успех, так как нам удалось создать обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика. Его отъезд будет отложен ещё на два или три дня. Он совершенно ясно выразил свою подлинную тревогу по поводу ситуации в последующие 4 или 5 месяцев, и я считаю, что это беспокойство искреннее, а не показное, для того чтобы нажать на нас. Я серьёзно считаю, что положение русских непрочно и может неуклонно ухудшаться в течение ближайших недель. Поэтому я более чем когда-либо хочу, чтобы в связи с операцией «Болеро» (кодовое название операции по подготовке к вторжению

¹⁷³ Там же. – С. 182 – 183.

¹⁷⁴ Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 187.

¹⁷⁵ Шервуд Р.Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. – Т. 1. – С. 500.

в Европу через Ла-Манш. – *A. C.*) были предприняты определённые действия уже в 1942 г. Все мы понимаем, что из-за погодных условий эта операция не может быть отложена до конца года... Я буду телеграфировать Вам, когда Молотов уедет, и я особенно озабочен тем, чтобы он увёз с собой некоторые реальные результаты своей миссии и сейчас дал Сталину благоприятный ответ. Я склонен думать, что сейчас все русские чуточку приуныли. Однако важно то, что мы, может быть, окажемся и, вероятно, уже находимся перед реальными неприятностями на русском фронте и должны учитывать это в наших планах»¹⁷⁶.

Весьма полезным был обмен мнениями по проблеме второго фронта в Европе между Молотовым и Гопкинсом во время беседы в советском посольстве 1 июня после завтрака, устроенного в его честь. Она укрепила вывод наркома в том, что специальный помощник президента является его искренним сторонником в этом вопросе. Вот мнения сторон.

«Гопкинс хотел бы, чтобы Молотов полностью понял причины, почему Рузвельт не мог прямо сказать, что американцы пойдут во Францию в 1942 г. Он, Гопкинс, уверен и Маршалл тоже уверен, что президент хочет этого в 1942 г. Позиция Рузвельта в настоящее время определяется тем, что он осознаёт серьёзность положения на советско-германском фронте. Гопкинс обнадёжен результатами визита Молотова в Вашингтон и считает, что шансы на успешное разрешение задачи второго фронта в 1942 г. поднялись далеко за 50 %. На месте Молотова он, Гопкинс, был бы доволен результатами переговоров».

«Молотов отвечает, что убедился в желании помочь СССР и создать второй фронт. Это произвело на него, Молотова, очень хорошее впечатление. Он знает, что вопрос о втором фронте нельзя сразу решить. Но он, Молотов, не скроет, что он хотел бы больше ясности в этом вопросе»¹⁷⁷.

После беседы с Гопкинсом состоялась ещё одна встреча Молотова с Рузвельтом. Обсуждался широкий круг проблем относящихся к сфере взаимоотношений с рядом стран Европы и Азии. В конце беседы нарком вновь поднял вопрос о втором фронте. Молотов задал президенту совершенно чёткий вопрос: «Что он может ответить в Лондоне и Москве на вопрос, что он привез с собой из Вашингтона?» Рузвельт ответил, «что в Москве он заявил бы, что американское правительство стремится и надеется на создание второго фронта в 1942 году... В Лондоне, он Рузвельт, сказал бы, что американское правительство ожидает приезда Маунтбэттена и Портала, с тем, чтобы получить их согласие на второй фронт в этом году. Рузвельт говорит, что он один не может решить вопрос о втором фронте. Необходимо проконсультироваться с Англией, которая должна будет в случае открытия второго фронта понести наибольшие жертвы»¹⁷⁸.

Во время встречи с Рузвельтом Молотов вручил президенту пожелания советского правительства в деле поставок в Советский Союз боевой американской техники. Они сводились к следующим просьбам: «1. Организацию ежемесячно одного каравана судов из портов Америки непосредственно в Архангельск с конвоированием военно-морскими силами США. 2. Ежемесячную поставку своим лётом через Африку по 50 бомбардировщиков Б-25 со сдачей в Басре или Тегеране. 3. Доставку в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 150 бомбардировщиков Бостон-3. 4. Доставку в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 3 000 грузовиков»¹⁷⁹.

По итогам переговоров Молотова с Рузвельтом американская сторона подготовила коммюнике. Нарком направил его текст в Москву. В телеграмме от 2 июня Stalin рекомендовал внести в этот документ следующие корректизы: «Мы считаем целесообразным иметь два проекта коммюнике: один – о переговорах в Англии, а другой – о беседах в США. Мы считаем далее абсолютно необходимым, чтобы в обоих коммюнике, помимо всего

¹⁷⁶ Тайны истории. – С. 253 – 254.

¹⁷⁷ Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 194.

¹⁷⁸ Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 192.

¹⁷⁹ АВП, ф. Молотова, оп. 4, д. 60, папка 6, л.40.

прочего, был, также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому вопросу имеется полная договорённость»¹⁸⁰.

3 июня народный комиссар иностранных дел СССР имел беседу с государственным секретарём США Хеллом. На ней речь зашла о содержании текста американского коммюнике. Молотов, выполняя указание Сталина, предложил отразить в нём факт, что в ходе переговоров стороны обсуждали и проблему второго фронта в Европе. Хелл пообещал передать это предложение на рассмотрение президента. 12 июня, уже после отлёта Молотова из США, советско-американское коммюнике о переговорах в Вашингтоне было опубликовано в печати. В нём стороны отразили: «Народный комиссар иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик, прибыл в Вашингтон во второй половине дня пятницы 29 мая, и был гостем президента в течение нескольких дней. Пребывание его в Вашингтоне дало возможность дружеского обмена между президентом и его советниками с одной стороны и господином Молотовым и его помощниками, включая посла господина Литвинова, с другой. Беседы носили самый сердечный характер. Они включали обсуждение со всех точек зрения всех важных сторон военного положения и методов военного строительства.

В числе участников переговоров были: советский посол в США господин Максим Литвинов, господин Гарри Гопкинс, начальник штаба армии США генерал Джордж К. Маршалл и главнокомандующий Военно-Морским флотом США адмирал Эрнст Д. Кинг. господин Карделл Хэлл, государственный секретарь участвовал в последующих переговорах по военным вопросам.

При переговорах была достигнута полная договорённость в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году. Кроме того, были подвергнуты обсуждению мероприятия по увеличению и ускорению поставок Советскому Союзу самолётов, танков и других видов вооружения из США. Далее обсуждались основные проблемы сотрудничества Советского Союза и Соединённых Штатов в деле обеспечения мира и безопасности для свободолюбивых народов после войны. Обе стороны с удовлетворением констатировали единство взглядов во всех этих вопросах.

По окончании визита президент попросил господина Молотова передать от его имени господину Сталину его мнение, что эти беседы принесли большую пользу в смысле установления базы для более близких и плодотворных отношений между обоими правительствами для достижения общих целей Объединённых наций. В настоящее время господин Молотов возвратился в Москву»¹⁸¹.

Итогом визита Молотова в Вашингтон стало выработанное совместными усилиями «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Соединённых штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». В этом документе есть такая фраза: «...оборона Союза Советских Социалистических республик против агрессии жизненно важна для обороны Соединённых Штатов Америки». 11 июня 1942 года это Соглашение подписали Государственный секретарь США К. Хэлл и Посол СССР в Вашингтоне М. Литвинов¹⁸².

Визит Молотова в Вашингтон и итоги советско-американских переговоров были высоко оценены Рузельтом в послании Черчиллю 6 июня: «Я очень доволен визитом. Он проявил больше сердечности, чем я ожидал, и я уверен, что теперь он гораздо лучше понимает обстановку, чем в момент прибытия сюда. Должен признать, что я с большой озабоченностью смотрю на русский фронт...»¹⁸³. Через два дня о результатах переговоров президент проинформировал и Сталина: «Я очень благодарен Вам за то, что Вы послали г-на Молотова для встречи со мной, и я с нетерпением ожидаю сообщения о его благополучном возвращении в Советский Союз. Визит к нам был весьма удовлетворительным». 12 июня

¹⁸⁰ Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 195.

¹⁸¹ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 58, папка № 6, л. 10.

¹⁸² Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 199.

¹⁸³ Тайны истории. – С. 255.

Сталин направил президенту ответ: «Советское правительство, так же как и Вы, господин Президент, считает, что результаты визита В. М. Молотова в США были вполне удовлетворительны»¹⁸⁴.

Пока шли переговоры, экипаж Pe-8 решал весьма трудную задачу. При посадке командир корабля приземлил машину на несколько десятков метров дальше, чем положено от торца посадочной полосы, и в конце пробега вынужден был воспользоваться тормозами, при этом сделал это весьма энергично. В условиях высокой температуры этого оказалось достаточно, чтобы, как выразился борттехник Александр Золотарёв, «содрать» с протектора левого колеса несколько слоёв резины. Случись это на родном аэродроме, больших проблем не возникло бы. Здесь же эта неприятность принимала иную окраску. Выручил ни кто иной, как сам министр обороны США Г. Стимсон, который утром 1 июня вместе с группой офицеров прибыл на аэродром для осмотра бомбардировщика. Он-то и приказал командиру аэродрома Траубриджу оказать советскому экипажу содействие в ремонте самолёта.

В деле устранения серьёзной неприятности было два варианта: или заменить вышедшую из строя покрышку новой, или латать старую. Очень быстро выяснилось, что подобного размера покрышек в США нет, а вот фирма «Гудрич» из Детройта готова заняться ремонтом, но для этого ей нужно было минимум три дня. Делать нечего, надо соглашаться. Весьма любопытный факт, также характеризующий размеры советского бомбардировщика, приводит в своей книге Пусэн. Для отправки покрышки в Детройт выделили самолёт. «Покрышку подкатывают к его входному люку, но, сколько ни пытаются затолкнуть её в самолёт, она неходит. Мистер Траубридж машет рукой, и самолёт отруливает на свое место. Немного погодя подают другой самолёт и... всё повторяется сначала и тоже без успеха... Лишь четвёртый или пятый самолёт обладает входным люком нужных размеров, и наша «больная» улетела в Детройт»¹⁸⁵.

О случившемся командир корабля доложил Молотову. Нарком отнёсся к этому известию с пониманием. Да и сроки ремонта его вполне устраивали, они не выходили за рамки того времени, которое, как он предполагал, должно было уйти на переговорные дела.

Примечательным событием в дни пребывания экипажа в Вашингтоне стал приём у президента. Это произошло 31 мая. Вот скучные зарисовки, сделанные командиром корабля: «Светлые волосы и открытое добродушное лицо, обращённое к нам, располагает к себе. Одет более чем скромно: светло-серые брюки, китель из отбеленного льняного полотна, из-под которого выглядывает сорочка. Мягкие парусиновые туфли. Вот и весь костюм президента.

- Поздравляю вас с благополучным прибытием из-за океана, – сказал нам Рузвельт. – Благодаря этому я имею удовольствие беседовать с таким прекрасным собеседником, как мистер Молотов. Привозите его к нам почаще. Надеюсь, что вы благополучно доставите мистера Молотова обратно в Москву. Особенно поздравляю ваших навигаторов, которые приводили вас в точно намеченное место»¹⁸⁶.

Интересный факт относительно периода пребывания Молотова в Вашингтоне приводит Чуев: «Один из американских дипломатов спросил нашего сотрудника посольства:

- Почему вы назвали своего министра иностранных дел «мистер Браун». По-английски – коричневый, а не мистер «Рэд» – красный, что было бы правильнее?

- Наверно, потому, что фамилия Браун в Америке так же распространена, как Иванов в России, – ответил наш дипломат»¹⁸⁷.

Через три дня, как и было обещано фирмой «Гудрич», самолёт из Детройта прибыл подремонтированный протектор. Контрольный облёт самолёта сделали перед самым отлётом из Вашингтона. О том, с каким теплом и вниманием отнеслись американцы к советским лётчикам, рассказал Александр Штепенко: «Штурманская кабина на бомбардировщике – святая святых... Разморенные жарой мы, штурманы, поленились перед вылетом ещё раз всё

¹⁸⁴ Переписка... – Т. 2. – С. 18.

¹⁸⁵ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 237.

¹⁸⁶ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 234.

¹⁸⁷ Чуев Ф. И. Ветер истории. – С. 45.

осмотреть и очень пожалели об этом. Наша кабина, наш алтарь, был чьей-то заботливой щедрой рукой превращён в...магазин. Вся кабина была забита свёртками, ящиками, пакетами, корзинами, бутылками, папиросами, апельсинами, яблоками, лимонами, шоколадом, бутербродами всяких сортов, обмундированием, парашютами, резиновыми поясами и ещё массой всякой мелочи. На приборном щитке стояла большая корзина с пивом, на ручках управления радиополукомпаса висели пакеты с сыром и колбасой. Да и вообще ни одной ручки не было видно из-за груды всяких пакетов. В кабине пахло лимонами, апельсинами и яблоками»¹⁸⁸.

Стартовали в полдень, при температуре воздуха в 35 градусов, а в радиаторах она зашкаливала за 60. Впервые, как отмечал командир корабля, он взлетел без предварительного опробования моторов на старте. Взлёт был тяжелейший: «Корабль, пробежав почти до конца двухкилометровую взлётную полосу, очень неохотно и тяжело оторвался от земли. Плотность воздуха ничтожно мала. Земля тянула нас, и мы дольше, чем когда-либо раньше, шли бреющим полётом, еле перетягивая через верхушки деревьев и невысокие строения вблизи аэродрома. Набрав метров двадцать высоты, пришлось снизить обороты двигателей: в радиаторах закипела вода. Маневрируем между горками и строениями, пока моторы немного остывают. Минут через пять дали двигателям максимальные обороты и поднялись на 300 метров. Это уже лучше»¹⁸⁹.

Шли, держа курс на остров Ньюфаундленд, в начале в сплошных облаках, затем в дожде. Но перед самым аэродромом Гандер облачность оборвалась, словно обрезанная. Снижающийся четырёхмоторный «Либерейтор» подсказал направление посадки. Следуя за ним, мягко коснулись бетонной полосы. Щадя покрышку левого колеса, Пусэн погасил скорость без торможения. Надежду на продолжение полёта после небольшого отдыха охладили синоптики. Почти трое суток, по погодным условиям, провели члены экипажа и пассажиры у гостеприимных хозяев аэродрома. Лишь 7 июня синоптики Гандера дали разрешение на вылет. За время пребывания в США члены экипажа не раз удивлялись страсти американцев к сувенирам. На Ньюфаундленде они убедились в этом ещё раз. Одному офицеру пригляделся даже красовавшийся на груди Пусэна орден Красной Звезды, и он, немного смущаясь, сказал, что с удовольствием получил бы эту звёздочку на память о встрече с советскими лётчиками. Эндель Карлович онемел, не зная, что ответить. Выручил Молотов:

- Приезжайте к нам, повоюёте у нас, и мы вам дадим такую звёздочку с удовольствием¹⁹⁰.

Полёт над океаном оказался неимоверно трудным. Вот как этот отрезок пути описал Штепенко: «Вскоре самолёт вошёл в тёмные, густые, мокрые облака, скрывшие от нас и солнце и океан. На большом корабле день превратился в ночь. Радиомаяк затух. Радиосвязь прекратилась. Во всём большом мире мы были одни, со всех сторон окружённые грозной стихией. Вода ручьями текла с потолка и заливалась вещи и приборы, забиралась за шею, текла по спине, и холодные капли её доходили до ног. Было темно, холодно, неуютно и беспокойно. Стрелка термометра подошла к нулю. Стёкла покрылись белым льдом. На кромке крыльев слой льда становился всё толще и толще. По штурманской кабине застучали срывающиеся с винтов ледяные осколки. Наша большая, мощная машина стала неуклюжей, неповоротливой, и вот-вот она совсем откажется от выполнения своих обязанностей»¹⁹¹.

А вот что, как бы продолжая мысли Штепенко, писал командир корабля: «Штурманы колдуют над папкой прогноза погоды. Радисты бесплодно постукивают время от времени ключом и безнадёжно вздыхают... Золотарёв и Дмитриев в две пары глаз следят за режимом работы двигателей. Экономить каждую каплю бензина – вокруг этого вертятся все их старания. Пассажиры спят. Только светлое пятно лампочки над головой наркома говорит о

¹⁸⁸ Штепенко А.П. Особое задание. – 64.

¹⁸⁹ Пусэн Э. К. Тревожное небо. – С. 243.

¹⁹⁰ Полярники в Отечественной войне. – М., 1945. – С. 40.

¹⁹¹ «Красный сокол». – 1944, сентябрь.

том, что он что-то читает... В мгновение ока нас заливает яркий солнечный свет... А впереди чуть левее нашего курса сверкают грозные ледники и пики долгожданной Гренландии... Теперь, когда большая часть пути осталась за кормой, меньшая, на два часа, не вызывает никаких опасений. Тем более что есть устойчивая двухсторонняя связь с аэродромом посадки, с Рейкьявиком»¹⁹².

И в такой обстановке члены экипажа умудрялись шутить: « - Лётчики, доверните вправо 15 градусов, – просит Штепенко. – Почему так много? – спрашивает Пусэп. – Если 15 много, доверните три раза по пять, – отвечаю я. – Ну, это дело другое!»¹⁹³.

Обстановка на аэродроме без изменений – по-прежнему по обе стороны посадочной полосы вплотную друг к другу, словно по ниточке, выстроились самолёты. В этот узкий коридор, как и прошлый раз, Пусэп филигранно вписал свой Пе-8. Раскрепощённая машина долго катилась по бетонной полосе, гася скорость.

Синоптическая обстановка над Исландией и Англией подсказывала – затягивать время вылета, дабы не задержаться в Рейкьявике на несколько суток, не следует. Командир корабля доложил обстановку наркому. Получив согласие на вылет, дал команду экипажу тщательно осмотреть бомбардировщик. Штурманы предложили лететь на Прествик напрямую, минуя Фарерские острова. На том и порешили. И уже через 4 часа 15 минут Пе-8 благополучно приземлился на английском аэродроме.

Пассажиры уехали с Майским, а экипаж остался в Прествике. Утром следующего дня Молотов вызвал командира корабля и штурманов в советское посольство. Выслушав доклад Пусэпа о прогнозе погоды и о готовности экипажа и самолёта к завершающему этапу полёта, нарком сказал, что англичане предлагают возвращаться в Москву через Африку. Пусэп от этого варианта категорически отказался. Решили проконсультироваться с Головановым. Командующий мнение командира корабля поддержал.

В этот же день утром советская и английская делегации продолжили прерванные переговоры. Кроме Молотова и Черчилля на встрече присутствовали Майский, Соболев, Иден, Эттли и Кадоган. Разговор продолжался в течение двух часов. Центральным, по крайней мере, для советской стороны, и на этом этапе переговоров был вопрос о втором фронте. Молотов подробно изложил позицию Рузвельта по этой проблеме. Когда же Вячеслав Михайлович передал мнение президента о том, что тот готов рискнуть новым Дюнкерком, Черчилль прервал наркома и в сильном возбуждении сказал, что «он ни за что не пойдёт на новый Дюнкерк и на бесплодную жертву в 100 тыс. человек, кто бы не рекомендовал ему это сделать»¹⁹⁴.

После обсуждения некоторых других вопросов стороны вновь вернулись к «самому важному», как выразился Черчилль. По этому вопросу делегации встречались несколько раз. Вечером состоялся обед. В течение трёх часов после него стороны продолжали обмениваться мнениями. Черчилль старался убедить Молотова и Майского в том, что в 1942 году открытие второго фронта невозможно. Советский нарком неоднократно излагал своё видение проблемы, но премьер был непреклонен. Убедить его в необходимости открыть второй фронт в 1942 году во благо всех заинтересованных сторон так и не удалось. Блага для англичан в этом вопросе премьер видел в другом: чем на дольше удастся оттянуть вторжение на континент, тем больше жизней соотечественников будет сохранено.

В телеграмме Сталину от 10 июня Молотов изложил позицию английского премьера по этому вопросу. Вот некоторые его мысли: «Он (Черчилль. – A. C.) не хочет вводить нас в заблуждение. Он хочет, чтобы мы только знали, на что мы можем рассчитывать... Британское правительство подготавливает в ближайшие месяцы десант шести дивизий на континент... однако, заранее не может сказать, состоится ли данная операция и когда именно... что касается 1943 года, то Англия и США собираются в течение него бросить на континент Европы 40 – 50 дивизий, возможно, сразу в пяти-шести пунктах, для чего

¹⁹² Пусэп Э. К. Тревожное небо. – С. 253.

¹⁹³ Штепенко А. С. Особое задание. – С. 75.

¹⁹⁴ Советско-английские отношения... – Т.1. – С. 244.

американцы пришлют сюда до 1 миллиона солдат. Сейчас ведутся усиленные приготовления для этих будущих операций»¹⁹⁵.

Блага для англичан в этом вопросе премьер видел в другом: чем на дольше удастся оттянуть вторжение на континент, тем больше жизней соотечественников будет сохранено. В конце телеграммы Сталину Молотов резюмировал: «Итог, следовательно, такой, что Английское правительство обязательства по созданию второго фронта в этом году на себя не берёт, а заявляет, и то с оговорками, что оно готовит как бы опытную десантную операцию»¹⁹⁶.

В этот же день Молотову вручили памятную записку. В этом официальном документе была изложена позиция правительства Великобритании по второму фронту. Ничего нового в этом вопросе документ не отразил. А накануне Иден вручил советскому наркому английский проект совместного коммюнике (**документ № 11 Приложения**). Его текст несколько отличается от того, который 12 июня был опубликован в столицах СССР и Великобритании. В опубликованном, а отличие от английского, было заявлено: «Во время переговоров В. М. Молотова с премьер-министром Великобритании г-ном У. Черчиллем между обеими сторонами была достигнута полная договорённость в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»¹⁹⁷. Это то положение, на котором настаивал Сталин, оценивая результаты переговоров в Вашингтоне.

О том, как расценил сам Черчилль эту формулировку и о том, что он предпринял сразу же после подписания коммюнике, знали в то время всего несколько человек. Широкой общественности эти факты стали известны позже, уже после войны, с выходом в свет воспоминаний Майского и мемуаров самого Черчилля.

Вот классический пример двойных стандартов в политике. Британский премьер писал: «Я считал чрезвычайно важным, что бы при этой попытке ввести в заблуждение врага мы не ввели в заблуждение нашего союзника. Поэтому в то время как составлялось коммюнике, я лично вручил Молотову в зале заседаний кабинета в присутствии ряда моих коллег памятную записку, из которой ясно следовало, что, мы делаем всё от нас зависящее для разработки планов, мы не связываем себя обязательством действовать и мы не можем дать никакого обещания. Когда в дальнейшем Советское правительство выступало с упрёками, и когда Stalin лично ставил передо мной этот вопрос, мы всегда вынимали эту памятную записку и указывали на слова «следовательно, мы не можем дать обещания»¹⁹⁸.

А как же быть со словами, зафиксированными в англо-советском коммюнике: «...между обеими сторонами достигнута п о л и я (разрядка моя. – A.C.) договорённость в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году» (выделено мной. – A.C.)? Да и в самой памятной записке совершенно чётко сказано: «Мы ведём подготовку к высадке на континенте в августе или в сентябре 1942 года»¹⁹⁹. Выходит, что положение коммюнике о полной договорённости между СССР и Великобританией по вопросу второго фронта, это всего лишь попытка ввести в заблуждение противника. Что ж, отражённое в коммюнике «обещание» Черчилля, открыть второй фронт в Европе в 1942 году, Гитлера в заблуждение, несомненно, ввело. Но не только его.

Оценку этому факту дал Голованов: «Вернувшись в Лондон, Молотов возобновил переговоры с Черчиллем об открытии второго фронта. Получив снова отказ, нарком сообщил ему о коммюнике уже подписанном Рузвельтом. Разумеется, Черчилль не мог допустить, чтобы коммюнике об открытии второго фронта вышло без его участия. В конце концов, он придумал такой ход: коммюнике, в которое был включён вопрос о создании второго фронта в Европе в 1942 году, подписал, но тут же вручил советской стороне закрытое письмо,

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. – С. 247.

¹⁹⁷ Там же. – С. 249.

¹⁹⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 164.

¹⁹⁹ Там же. – С. 165.

содержащее такое число оговорок и поправок к коммюнике, которое фактически сводило его не нет»²⁰⁰.

В связи с затронутым вопросом публикации в Москве и Лондоне советско-английского коммюнике, хотелось бы привести весьма характерный факт, который отражает отношение советской стороны к проблеме тщательной отработки в документах подобного рода каждой фразы, каждого слова.

Всё время, пока Молотов совершал дипломатический вояж в Лондон и Вашингтон, прессы СССР, Великобритании и США хранила молчание. Мир узнал об этой поездке лишь после возвращения наркома в Москву. В этот день были опубликованы в «Правде» и речи Идена и Молотова при подписании 28 мая в Лондоне англо-советского договора. В текст речи наркома вкраилась ошибка. Она касалась искажения всего лишь одного слова. В этот же день заведующий вторым Европейским отделом НКИД СССР К. В. Новиков направил Молотову записку следующего содержания: «Вячеслав Михайлович! Обращаю Ваше внимание на существенную ошибку, допущенную в отпечатанном тексте вашей речи. Вместо слова «работы», как у Вас в речи, напечатано «борьбы». Проверяю где и кем допущена эта ошибка». Реакция Молотова: «Исправлять особо не надо, но при перепечатке надо дать правильный текст»²⁰¹.

Англо-советские переговоры, проходившие в Лондоне в два этапа, на пути народного комиссара иностранных дел СССР в Вашингтон и обратно, завершились. Можно было возвращаться в Москву.

Пока шли переговоры между Молотовым и Черчиллем, а экипаж готовился к последнему этапу своей заграничной командировки, интенсивно трудились и службы обеспечения полёта. 8 июня из Лондона Голованову передали радиограмму: «Воздушное министерство сообщило нашему послу в Лондоне, что оно хотело бы для обратного полета самолёта в СССР получить в нужное время следующие данные: предварительный прогноз на неделю; прогноз погоды к 22 часам нынешнего дня вылета самолёта сроком на 36 часов; в день вылета прогноз погоды к 18 часам сроком на 18 часов. Если самолёт будет возвращаться по старому курсу, то ему при наступлении темноты надо быть не менее чем за 100 миль от датских берегов. Англичане считают, что немцы в Дании имеют хорошую истребительную авиационную и зенитную артиллерию. Над Северным морем англичане могут прикрывать самолёт своей истребительной авиацией. Так как период темноты будет продолжаться всего лишь три с половиной часа, примерно над Балтийским морем или несколько восточнее, самолёту придётся идти при дневном свете. Помощник наркома Ленский»²⁰².

9 июня Ленский сообщил Голованову: «Ежедневно, начиная с 10 июня, шлите в Лондон данные с расчётом относительно нашего ночного полёта в Москву»²⁰³.

10 июня Голованов получил ещё одну телеграмму. На этот раз от командира корабля: «Сообщите данные связи для перелёта, закажите средства ЗОС, ШВРС-15, ПАР Клин, ПАР Загорск, ПАР Раменское, радиомаяк Серпухов, позывные и волны Москвы, самолёта и сигнал «я свой». Погода нужна с облачностью»²⁰⁴. Все эти сведения немедленно были отправлены в Лондон через посольство Великобритании в Куйбышеве (**Документ № 12 Приложения**).

11 июня Ленский передал из Лондона Голованову телеграмму Пусэпа: «Кислородом обеспечен на 6 – 7 часов на предельной высоте»²⁰⁵.

Заявка командира корабля – «погода нужна с облачностью» – была продиктована только одним: стремлением максимально обезопасить перелёт бомбардировщика через

²⁰⁰ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 192.

²⁰¹ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 53, папка 6, л. 12.

²⁰² ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 2, л. 47.

²⁰³ Там же, – л. 45.

²⁰⁴ Там же, – л. 13.

²⁰⁵ Там же, – л. 47.

линию фронта. В день отлёта из Лондона синоптики просьбу командира корабля выполнили: на маршруте сплошная облачность, да ещё попутный ветер. Однако хорошее известие омрачило небольшое происшествие – перед стартом лопнула покрышка хвостового колеса. «Дутик» – такое у него авиационное имя – в запасе у борттехников имелся. Пока его меняли, ушли драгоценные двадцать минут. Именно их и не хватило для того, чтобы пересечь линию фронта в тёмное время суток. Повысив бдительность и забравшись на высоту 8500 метров, подошли к озеру Ильмень. За ним как раз и проходила линия фронта. Прошли её благополучно в лучах восходящего солнца. И хотя до посадки на Центральном аэродроме ещё оставалось более часа полёта, уже можно было сказать: «дома!».

В описании полёта из Лондона в Москву у Пусэпа не упоминается о том, что уже над своей территорией Пе-8 был атакован советским истребителем. Не думаю, что такой факт не остался в памяти командира корабля. Скорее всего, это стремление редактора убрать из книги негатив. Этот неприятный случай отразил в своих воспоминаниях Голованов: «Надо сказать, что ко всем прочим сложностям этого полёта, возвращающийся самолёт в районе Калинина был атакован своим истребителем, принявшим наш самолёт за вражеский. Очередью был сбит радиокомпас и в нескольких местах пробит самолёт. К счастью, пострадавших не оказалось. Попытка найти исполнителя атаки, выражаясь военным языком, успеха не имела»²⁰⁶. Этот факт отразил и Чуев: «Полёт был очень тяжёлым и по метеоусловиям, и по боевой обстановке, когда советский бомбардировщик атаковали вражеские истребители, а уже перед самой Москвой, в районе Рыбинска, был обстрелян нашим «ястребком». Но мастерство головановских асов и Бог были на нашей стороне»²⁰⁷.

Экипаж и пассажиров встречало почти всё руководство АДД: командующий Голованов, начальник штаба Шевелёв и главный инженер Марков. Поздравили с благополучным возвращением и отлично выполненным заданием. Поблагодарили за совместную многодневную работу и Молотов. Когда работники МИДа, довольные тем, что трудности перелёта остались позади, уехали, генерал Шевелёв предложил экипажу остаться для отдыха в Москве. Лётчики дружно отказались и попросили разрешения вернуться в Раменское. Возражать командование АДД не стало.

С нетерпением ожидал возвращения в Москву В. М. Молотова и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Весьма интересные детали этого ожидания мы находим в воспоминаниях адъютанта А. Е. Голованова, впоследствии генерал-майора авиации Е. А. Усачёва. Он писал:

«Было ясное июньское утро, около пяти часов. Звонок «кремлёвки». Снимаю трубку и представляюсь, как инструктировал Александр Евгеньевич. Слышу негромкий голос с характерным акцентом:

- Здравствуйте, это Сталин говорит. Произвёл ли посадку самолёт?

- Нет, – отвечаю, – не произвёл, но хорошо вижу лётное поле, стоянку и встречающих.

Трубка была положена. Через несколько минут последовало ещё два звонка Сталина и мой отрицательный ответ на эти вопросы. Смотрю в окно. Наконец, вижу севший и рулящий к стоянке самолёт, впереди чёрный маленький «опель», показывающий экипажу ТБ-7 направление для зарулования на стоянку. Как выяснилось позднее, в автомобиле находился наш начальник штаба Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Шевелёв Марк Иванович. Увлёкшись этим зрелищем, я вскочил на подоконник и наблюдал.

Звонок «кремлёвки». Не слезая с подоконника, снимаю трубку и, не успев раскрыть рот, слышу уже знакомый голос Сталина и тот же вопрос. Взволнованно и громко докладываю:

- Да, вот он! Вижу, как сел!

И. В. Сталин засмеялся, видимо, из-за моего молодого голоса и возбуждённого тона. Сказал «спасибо» и положил трубку»²⁰⁸.

²⁰⁶ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 192.

²⁰⁷ Чуев Ф. И. Молотов. – С. 84.

²⁰⁸ Главный маршал авиации Голованов. – М., 2001. – С. 243.

Особо важное правительственные задание экипаж Пусэпа выполнил с честью. За период с 19 мая по 12 июня экипаж, покрыв расстояние в 17120 километров, находился в воздухе 42 часа 46 минут. Географическое изображение маршрута вынесено в **Приложение (документ № 13)**. Участки маршрута, места посадок и физические данные полёта сведены в таблицу и вынесены в **Приложение (документ № 14)**.

Уже на следующий день после возвращения в авиаполк экипаж ушёл на боевое задание. Перед вылетом прочитали в «Правде» официальное сообщение о переговорах в Лондоне и Вашингтоне под общим заголовком «Укрепление боевого содружества Советского Союза с Великобританией и Соединёнными Штатами Америки». В этом же номере была помещена информация о первых в стране митингах трудящихся в поддержку этой акции советского правительства. Все были полны надежды на скорое открытие второго фронта в Европе. Но тогда никто не знал, что от зародившейся надежды, порождённой завершившимися переговорами между СССР и западными союзниками, до реального открытия второго фронта пройдут долгие два года. Не знали тогда этого и члены экипажа, усилиями которого была осуществлена эта дипломатическая миссия.

За то время, пока экипаж выполнял государственное задание особой важности, на базе их родного авиаполка была развернута авиаадивизия. В её историческом формуляре записано: «В развитии постановления ГКО № 1694 о восстановлении производства самолётов ТБ-7 с моторами АМ 35«А» на аэродроме Раменское (Кратово) назначенный командир 45-й авиационной дивизии полковник Лебедев В. И. начал формировать управление авиаадивизии и 890-й авиаполк на самолётах ТБ-7. Основными кадрами для формирования явились кадры 746-го авиаполка. К 10 июня закончилось формирование управления 45-й авиаадивизии»²⁰⁹. В истории соединения отмечено, что оно формировалось по личному указанию Сталина.

Будет правильным, если я продолжу рассказ о работе экипажа Пусэпа на благо укрепления сотрудничества СССР со своими партнёрами по антигитлеровской коалиции. Если первый полёт в Лондон в апреле 1942 года был осуществлён под прикрытием знакомства с английскими торпедоносцами «Альбимейл» для принятия решения об их закупке, то через полгода, когда это решение окончательно созрело и перешло в практическую плоскость, возникла необходимость переброски в Англию советского лётного состава для организации перегонки закупленных самолётов.

Постановлением ГКО № 2591 от 7 декабря 1942 года эта обязанность была возложена на командующего АДД. По указанию Голованова командование 45-й авиаадивизии выделило для этих целей экипаж командира эскадрильи 746-го авиаполка майора Пусэпа. Это и понятно: воздушную трассу в Лондон он обкатал уже дважды. Конкретная подготовка к выполнению задания началась в третьей декаде февраля 1943 года, после того, как начальник Управления ГВФ генерал-лейтенант авиации Ф. А. Астахов сообщил в ЦК ВКП (б) Н. С. Шиманову о том, что самолёт Pe-8 для полёта в Англию ещё не готов²¹⁰.

К этому времени в составе экипажа появились новые лица. К третьему полёту в Англию готовились: командир корабля Э. К. Пусэп, штурман С. М. Романов, второй пилот М. В. Родных, помощник штурмана С. Ф. Ушаков, инженер по эксплуатации А. Я. Золотарёв, бортовой техник А. Н. Рачинский, помощник борттехника В. И. Дмитриев, авиатехник П. А. Пастухов, бортовой радиостроитель Р. М. Тылинский, воздушные стрелки-радисты С. К. Муханов и Я. А. Сморгунов.

Штурманы Романов и Ушаков наметили маршрут полёта: Раменское – Бологое – Гдов – линия фронта – Прествик. 11 февраля начальник ГУ ГВФ обратился к Голованову со следующим письмом: «В связи с предстоящим полётом вашего самолёта Pe-8 в Англию для доставки экипажей воздушная миссия Англии в СССР через своего представителя подполковника Элисона поставила меня в известность о необходимости дать им для сообщения в Англию не позже чем за пять дней до вылета сведения об опознавательных

²⁰⁹ ЦАМО, ф. 20109, оп. 1, д. 1., л. 2.

²¹⁰ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф.9527, оп. 1, д. 2003, л. 50.

признаках самолёта, маршруте подхода к Англии, изображение силуэта самолёта, частоты, позывные и порядок связи самолёта с радиостанцией Англии»²¹¹.

Сведения об опознавательных признаках Пе-8 были направлены немедленно: «Хвостовой номер самолёта изображён цифрой 10 светло-голубой краской. Размер цифр по высоте 105 сантиметров. С нижней стороны плоскостей красные звёзды размером 190 см. На киле красные звёзды размером 90 см. На фюзеляже с правой стороны между хвостовым оперением и входной дверью красные звёзды размером 90 см. С левой стороны фюзеляжа красная звезда размером 150 см. Окантовка звёзд шириной 1,5 см. На плоскостях сверху звёзд нет. Окраска самолёта: сверху и с боков зелёная с тёмным криволинейным камуфляжем, снизу – черная»²¹².

Через несколько дней Астахов проинформировал Голованова: «По сообщению главы английской воздушной миссии полковника Чешайр, им получено из Англии согласие на перелёт из СССР в Англию самолёта Пе-8 в ночь с 7 на 8 марта»²¹³.

О том, как конкретно шла подготовка, и когда в действительности состоялся полёт, видно из докладной Астахова на имя заместителя наркома иностранных дел Вышинского от 24 марта: «Перелёт самолёта Пе-8 из Москвы в Англию подготавливается с 24 февраля по 7 марта. Переговоры об условиях полёта велись с главой британской военной миссии в Москве полковником Чешайр. В ходе переговоров от Чешайр были получены исчерпывающие данные о маршруте подхода к Британским островам, режиме полёта над территорией Англии, сигнал «я свой самолёт», список английских радиостанций и порядок работы с ними, перечень запасных аэродромов, радиомаяков, радиопеленгаторов и светомаяков.

Было получено также указание, что самолёт должен прибыть в район Бервека к началу рассвета, включить специальную английскую радиостанцию на борту за 90 – 100 миль от берега Англии для сигнализации береговой обороны и установить радиосвязь с контрольным пунктом на восточном побережье Британских островов. В свою очередь через полковника Чешайр в Англию были сообщены подробные сведения о самолёте, его опознавательных признаках и именной состав экипажа.

Первый срок вылета самолёта был назначен в ночь на 8 марта. Однако вследствие неблагоприятных метеорологических условий, вылет был отменён, о чём полковник был поставлен в известность. В последующем до 13 марта британская военная миссия в Москве ежедневно предупреждала о предполагаемом вылете самолёта и от неё получали данные по обеспечению полёта на каждый день.

Полковник Чешайр настаивал на сообщении ему маршрута полёта и времени вылета самолёта из Москвы. Однако, учитывая, что маршрут проходит через территорию Швеции, мы сознательно уклонились от сообщения ему этих сведений.

Перед вылетом от полковника был получен условный сигнал «я свой самолёт» на 14 марта, сигналы ракетами, таблицы шифра для связи, данные светомаяков, и уточнены данные по радиосвязи. Все эти сведения были вручены экипажу самолёта Пе-8 в ночь на 14 марта. В 00 часов 04 минуты самолёт вылетел из Москвы. О предполагаемом полёте самолёта Пе-8 был поставлен в известность военный атташе в Англии тов. Харламов с просьбой принять меры к обеспечению встречи»²¹⁴.

Воспоминания командира корабля Пусэпа о боевой работе в годы Великой Отечественной войны завершаются описанием полётов в Англию и Вашингтон в апреле и мае 1942 года. Полёт в Лондон в марте 1943 года, к сожалению, в его книге не отражён. Однако у нас есть возможность подкрепить только что сделанное документальное его описание воспоминаниями одного из членов экипажа. Помощник штурмана корабля Сергей Фёдорович Ушаков в 1982 году издал книгу «В интересах всех фронтов». Полёт в Лондон в марте 1943 года в ней отражён.

²¹¹ РГАЭ, ф. 9527, оп. 1, д. 2004, л. 74; ЦАМО, ф. 39, оп. 11510, д. 20, л. 38.

²¹² РГАЭ, ф. 9527, д. 2003, л. 76.

²¹³ ЦАМО, ф. 39, оп. 11510, д. 20, л. 38.

²¹⁴ РГАЭ, ф. 9527, д. 2004, л. 189.

Из книги мы узнаём, что в период подготовки к полёту бомбардировщик пришлось хотя бы элементарно приспособить для перевозки пассажиров. Все более или менее пригодные места самолёта, в том числе и бомбовые отсеки, были использованы для установки двадцати сидений, позволивших пассажирам расположиться в них с парашютами. К каждому такому сидению технические специалисты подвели шланги для кислородных масок.

Книга воспоминаний генерал-полковника авиации Ушакова даёт возможность познакомиться с некоторыми деталями этого полёта. «Вышли на Клин и оказались между двумя слоями облаков, которые хорошо прикрывали наш самолёт снизу и сверху... Пусэп решил не усложнять условий полёта для пассажиров и предложил полёт на высоте 4000 метров. Но этим он сильно затруднил условия самолётования нам, штурманам. Земли не видно, звёзд тоже. Идём в режиме радиомолчания. Следовательно, даже пеленга с аэродрома запросить нельзя. Сложнее обстановки не придумаешь... Мы с Сергеем Романовым с нетерпением ожидали, когда же облачность наконец прекратится и покажется земля или звёзды и можно будет восстановить сначала общую, а затем детальную ориентировку. Проходит час, другой, третий. Таких полётов, когда столько времени вынужден сидеть без дела, у меня раньше не было. Но вот облачность внизу резко оборвалась... Вышли в море. Теперь в течение двух с половиной часов надо заниматься только астрономической навигацией... На высоте 1000 метров пересекли береговую черту, а в 6 часов 48 минут по московскому времени наш самолёт произвёл посадку на одной из полос международного аэропорта Прествик, покрыв расстояние в 2700 километров»²¹⁵.

После выполнения задания и возвращения экипажа в Москву, возникла потребность повторить полёт в Англию. 2 апреля Астахов обратился к Голованову со следующим письмом: «В соответствии с постановлением ГКО от 7 декабря 1942 года прошу выделить один самолёт Пе-8 для переброски перегоночных экипажей ГВФ из Москвы в Англию в количестве 20 человек. Все экипажи полностью подготовлены к отправке и могут вылететь в любое время по готовности вашего самолёта. Желательный срок выполнения 4 - 5 апреля 1943 года»²¹⁶.

Командующий, понимая значимость каждого экипажа бомбардировщика Пе-8 для боевой работы, сделал всё от него зависящее, чтобы эту по сути дела транспортную задачу с АДД сняли. Судя по его ответу Астахову, он этого добился: «Сообщаю, что вопрос о дальнейших полётах самолёта Пе-8 в Англию должен мной тов. Маленкову Г. М. Маленков предложил вам до решения этого вопроса доложить ему лично, что делается Аэрофлотом для организации полётов в Англию своими силами»²¹⁷.

Так, в интересах укрепления боевого сотрудничества Советского Союза с западными партнёрами по антигитлеровской коалиции, завершился третий полёт в Лондон экипажа командира корабля Пусэпа на бомбардировщике Пе-8 в годы Великой Отечественной войны.

В историческом факте полёта наркома иностранных дел СССР на советском бомбардировщике в Лондон и Вашингтон в мае-июне 1942 года чётко просматриваются два аспекта – дипломатический и авиационный. Успешным ли оказался визит Молотова в столицы союзников по антигитлеровской коалиции? Принёс ли он советскому руководству тот результат, на который оно рассчитывало? Как справился экипаж с поставленной задачей? Как оценены его действия в этом историческом деле? Как выдержал трудный экзамен бомбардировщик Пе-8 отечественного производства? На все эти вопросы лучше всего ответить документами и оценками, которые даны в книгах самими участниками тех событий, видными политиками Великобритании и США, историками и писателями.

Вначале ответим на авиационные вопросы. За успешное выполнение столь ответственного задания, вполне естественно, все члены экипажа были достойны правительственные наград. И они последовали, причём почти сразу после возвращения в Москву. 20 июня большая группа лётного и технического состава АДД Указом Президиума

²¹⁵ Ушаков С. Ф. В интересах всех фронтов. – М., 1982. – С. 120 – 124.

²¹⁶ ЦАМО, ф. 39, оп. 11510, д. 20, л. 56; РГАЭ, ф. 9527, оп. 1, д. 2003, л. 142.

²¹⁷ РГАЭ, ф. 9527, оп. 1, д. 2004, л. 193.

Верховного Совета СССР была награждена орденами и медалями СССР. Среди них и весь состав экипажа. Командир корабля Пусэп, штурманы Штепенко и Романов стали Героями Советского Союза. Ордена Ленина удостоились Обухов, Дмитриев и Золотарёв. Орден Красного знамени получили трое – Кожин, Гончаров и Муханов. На груди Белоусова, Низовцева и Сальникова засиял орден Красной Звезды.

Кроме членов экипажа орденом Красной Звезды был награждён начальник службы ЗОС батальона авиационного обеспечения 746 авиаполка техник-лейтенант Пронев Семён Петрович. Это он при полёте экипажа лично сопровождал и встречал пеленгаторной станцией Pe-8, передав на борт самолёта 9 самолётоприводов.

По вопросу награждения экипажа надо поправить Пусэпа. В своей книге «Тревожное небо» он писал, что якобы звание Героя Советского Союза ему, Штепенко и Романову было присвоено «за выполнение дальнего ответственного полёта». Это не совсем так. А дело обстояло таким образом. 22 апреля 1942 года, когда в деле полёта Молотова в Лондон и Вашингтон делались только первые практические шаги, и когда экипаж о предстоящем полёте ещё совершенно ничего не знал, командир и военком 746-го авиаполка подписали наградные листы на Асямова, Пусэпа, Штепенко и Романова. При этом Романов был представлен к ордену Ленина, а остальные – к званию Героя Советского Союза. В наградных листах каждого была отмечена боевая работа, совершенная с начала Великой Отечественной войны по 22 апреля.

К моменту первого вылета экипажа под руководством Асямова в Англию 28 апреля, наградные материалы уже были в штабе АДД. Находились они там и после возвращения, теперь уже под командованием Пусэпа, из Вашингтона 12 июня. И только после этого они были направлены в Президиум Верховного Совета СССР. Этот вывод подтверждается такими двумя фактами. 15 июня, то есть на третий день после прилёта в Москву, представление на звание Героя Советского Союза Штепенко подписал командующий и член Военного совета АДД. В этот же день они подписали представление и на Романова, при этом степень награды, определённой командиром авиаполка, они повысили, сделав заключение, что штурман достоин звания Героя Советского Союза. Резолюции на наградном листе на Пусэпа командования АДД нет, документ, минуя штаб АДД, каким-то образом сразу попал в ПВС и был реализован. Таким образом, это высокое звание Пусэп, Штепенко и Романов получили за совокупность всей боевой работы с начала Великой Отечественной войны и за этот беспримерный полёт с наркомом иностранных дел СССР.

Что касается Асямова, то этим же Указом от 20 июня он, как и было определено полковником Лебедевым, получил звание Героя Советского Союза. Но он об этом так и не узнал. По слухам награждения личного состава 746-го авиаполка правительственные наградами 22 июня состоялось торжественное собрание. На нём было оглашено предложение экипажа Пусэпа о зачислении Асямова почётным лётчиком 45-й авиадивизии. Собрание постановило: «Просить Военный совет АДД зачислить почётным лётчиком 45-й авиадивизии Героя Советского союза майора Асямова Сергея Александровича, погибшего при выполнении правительственного задания, с включением его в списки 746-го авиаполка»²¹⁸. 8 июля начальник политического отдела авиадивизии старший батальонный комиссар Ю. И. Николаев направил генералу Г. Г. Гурьянову следующее представление: «Прошу Вас решением Военного совета удовлетворить просьбу личного состава частей 45-й авиадивизии о зачислении почётным лётчиком 45-й авиадивизии Героя Советского Союза Асямова С. А., погибшего при выполнении правительственного задания»²¹⁹.

В послевоенные годы по красавице реке Лене ходил теплоход, надпись на борту которого говорила о том, что красноярцы хранят память о своём выдающемся земляке. В море Лаптевых есть остров Петра. Одна из его бухт носит имя Асямова.

Копии наградных листов на членов экипажа, удостоенных звания Героя Советского Союза вынесены в **Приложение под общим документом № 15**.

²¹⁸ ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 2, л. 89.

²¹⁹ Там же, л. 88.

Как уже отмечалось, к ордену Ленина из экипажа были представлены три человека. Вот что писало командование авиаполка в наградном листе на правого лётчика Обухова: «В действующей армии с июня 1941 года. За период Великой Отечественной войны имеет 22 боевых вылета. Отличный лётчик, латает днём и ночью в сложных метеорологических условиях. Неоднократно попадал под сильный огонь ЗА и прожекторы, проявляя при этом исключительное мужество и спокойствие. Специальное правительственные задание по перелёту СССР – Англия – США – Англия – СССР выполнял в качестве второго лётчика, имея за это время налёт 60 часов. Полёт протекал в сложных метеорологических условиях. Длительные полёты при полном отсутствии видимости земли, большие водные пространства требовали от лётчика исключительного мастерства в технике пилотирования. С этой задачей товарищ Обухов справился блестяще. Задание было выполнено отлично. Вывод: за отличное выполнение правительственного специального задания и личное мужество, проявленное при этом, достоин правительственной награды – ордена Ленина»²²⁰.

В наградном листе на орден Ленина Золотарёву отмечалось: «В подготовке самолёта № 42066 для выполнения правительственного задания Золотарёв принимал непосредственное участие, а также лично участвовал в перелёте в качестве второго борттехника. Благодаря технически грамотной эксплуатации самолёта была обеспечена безотказная работа материальной части и успешно выполнено правительственное задание»²²¹.

Уже никого нет в живых из членов экипажа. Ведь 67 лет назад, когда они держали курс на Лондон и Вашингтон, всем им было от 20 и выше. Пусэпу и Обухову к тому времени исполнилось по 33 года, Романову – 34, а Штепенко 38 лет. Все они прошли войну от первого немецкого залпа 22 июня 1941 года до победного советского 9 мая 1945 года.

Не дожил до этой славной даты всего четыре дня Василий Михайлович Обухов, ставший 13 марта 1944 года тоже Героем Советского Союза. Погиб он при выполнении специального задания в городе Джизак (Узбекистан). 6 мая 1945 года из отдела кадров штаба АДД в военный комиссариат Железнодорожного района Москвы поступило сообщение: «Прошу известить гражданку Обухову Капитолину Ивановну, проживающую в городе Москве по улице Ново-Рязанской, дом 21, квартира 7 о том, что её муж заместитель командира авиационной эскадрильи 25-го гвардейского авиационного полка Герой Советского Союза гв. майор Обухов Василий Михайлович, выполняя специальное задание командования, погиб при автомобильной катастрофе». В ЦАМО хранится акт медицинской экспертизы за номером 352, который проливает свет на причину смерти лётчика: «В присутствии капитанов медицинской службы Кадыграб и Капитонова, понятых санитарок морга Бурцевой и Герасимовой судэкспертом Зарицкой Е. М. произведено вскрытие трупа Обухова для определения причин его смерти... Смерть Обухова последовала от травм головы и тела, сопровождавшихся переломом основания черепа, переломом рёбер слева, переломом костей таза и разрыва печени. Запаха алкоголя при вскрытии не обнаружено»²²². О причине автомобильной катастрофы и сути спецзадания сведений нет.

Тело покойного было доставлено в город Балашов для захоронения. Четверо детей Василия Михайловича остались сиротами: Евгений двенадцати лет, Галина – десяти, Зинаида – восьми и Виктор пяти лет.

О том, как награждённые получали в Кремле Золотые Звёзды Героев, написал Александр Штепенко: «Вызов в Кремль за получением правительенных наград. От нашего аэродрома до Москвы сорок километров. Едем на большом голубом автобусе и всю дорогу, боясь опоздать, просим шофёра гнать быстрее, – приехали за полтора часа до назначенного времени. Дошла очередь до нашего экипажа. Вот уже Пусэп стоит перед Калининым. За ним Романов... Меня вызывают. Рука у Михаила Ивановича тёплая, а глаза добрые-добрьи. Я не выдержал и от имени нашей группы, от всего сердца скал обо всём самом дорогом и светлом, что переполняло нас, и заверил Михаила Ивановича, что мы,

²²⁰ ЦАМО, ф. 20109, оп. 2, д. 8, л.6.

²²¹ Там же, л.7.

²²² Там же, ф. 18-й ва, оп. 7110, д. 21, л. 206.

летчики, в боевом полёте не будем так волноваться, как здесь в Кремле. Калинин улыбнулся, ещё раз пожал мне руку, и я пошёл на своё место. Руки дрожали так, что ни орден Ленина, ни Золотой звезды привернуть себе не смог – спасибо Пусэп сделал это»²²³.

Из состава экипажа двое оставили воспоминания о своих фронтовых маршрутах, уделив значительное внимание и правительльному заданию в мае-июне 1942 года. Эти воспоминания мной уже цитировались. О полёте через океан Штепенко рассказал в очерке «СССР – Англия – США». Он публиковался в нескольких номерах газеты АДД «Красный сокол» в январе 1943 года. На эту публикацию обратило внимание издательство литературы на иностранных языках. Его начальник полковой комиссар К. Касрадзе обратился к начальному политического отдела АДД полковнику С. К. Приезжеву со следующей просьбой: «Нами намечено создание ряда книг, предназначенных к опубликованию на иностранных языках, популярных среди читателей героических дел Красной Армии. В частности, имеется ввиду подготовить две книги о советской авиации – бомбардировочной и истребительной. Объём книги не менее 150 страниц на машинке. Надеюсь, что товарищ Штепенко согласиться написать такую книгу и закончит работу над ней, несмотря на свою загруженность, в феврале-марте».

Приезжев поставил задачу начальному политического отдела 45-й авиадивизии. Николаев сообщил в политотдел АДД: «Майор Штепенко принял решение написать книгу, с 10 февраля приступает к этой работе. Воспринял это предложение охотно. Ему будет оказана всяческая помощь»²²⁴.

Так Александр Павлович вступил на писательскую стезю. Летом 1944 года записи маститого штурмана были опубликованы в пятом и шестом номерах журнала «Октябрь» под заголовком «Особое задание». В сентябре в «Красном соколе» появилась рецензия на неё майора А.Хапаева. Корреспондент газеты отмечал: ««Особое задание» читается с большим интересом. Этому в значительной степени способствует то, что автор записок умеет наблюдать и умеет из всего виденного выбрать наиболее интересное и яркое, и в живой, доходчивой форме преподнести это читателю. Автору ««Особого задания»» не чуждо чувство юмора, благодаря этому обычные и невыразительные на первый взгляд эпизоды, прочитываются с особым интересом. Но самое главное, что придаёт дневнику А. Штепенко особую ценность – это документальность. В книге рассказывается только о том, что было в действительности, в ней нет ничего вымысленного и выдуманного».

Вскоре записи штурмана под таким же названием были опубликованы отдельной книгой. Теме своей боевой работы Александр Штепенко посвятил такие свои произведения: «Ночные охотники», «На дальнем бомбардировщике», «Курс на Кенигсберг», «Так держать», «Записки штурмана».

К литературному творчеству Эндель Карлович Пусэп приступил гораздо позже. Работу над своими воспоминаниями он завершил в 1974 году. В следующем году книга с разрывом в несколько месяцев вышла в Москве и Красноярске. Второе издание более полное. Половина книги посвящена полёту в Лондон и Вашингтон.

Литературно-творческая деятельность командира и штурмана экипажа объясняется рядом причин. В основе многих из них может лежать лишь предположение. Но одна всё же очевидна. Уникальный по тем временам перелёт советского экипажа через океан стал широко известен всей стране. Способствовали этому корреспонденты газет и журналов, а также писатели.

Первым, уже в середине июня 1942 года, в Раменском появился корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов. Направляя его в полк дальников, редактор не раскрыл сути задания, сказав лишь, что следует побеседовать с одним из экипажей об их недавнем дальнем спецперелёте. Каково же было удивление Симонова, когда он узнал, что на самом деле представлял этот спецполёт. Предполагалось, что подготовленный корреспондентом материал будет опубликован в родной газете, но по неизвестным причинам

²²³ Штепенко А.С. Так держать. – М. 1951. – С. 180.

²²⁴ ЦАМО, ф. 18-й ва, оп. 11499, д. 22, л. 37.

он не «пошёл». Уже после войны, причём далеко не сразу, зарисовки, сделанные писателем в июне 1942 года, вошли в его «Военный дневник».

В нём он писал: «Неожиданное газетное задание свело меня с хорошими, интересными людьми – с Пусэпом и его штурманами Александром Павловичем Штепенко и Сергеем Михайловичем Романовым. Все трое имели за плечами помногу лет службы в авиации и помногу боевых вылетов – на Берлин, Кенигсберг, Данциг и другие дальние цели. Рассказывали они о полёте в Америку откровенно, не скрывая трудностей. Молотова хвалили за выдержку и спокойствие. О себе говорили мало, главным образом о тех случаях, когда без этого никак не обойдёшься, рассказывая об обстоятельствах полёта... В моих блокнотах остались записи разговоров с лётчиками, сделанные тогда же, вскоре после полёта, и мне хочется привести несколько отрывков из этих записей. Думается, что они дают некоторое представление и о времени, и о нравственном облике людей»²²⁵.

И мне, вслед за писателем, по этим же соображениям хочется привести несколько отрывков... из этих отрывков. Они дополняют некоторыми новыми фактами уже описанный полёт в Лондон и Вашингтон.

Из рассказа Штепенко: «Мы залезли в кабину. Ну, думаем, вlipли. Погода по маршруту была по прогнозу отвратная, но зато благоприятная в месте посадки, поэтому не отложили, остановились на этом дне. Обыкновенный военный самолёт, холодно – до 30 градусов; на высоте восемь тысяч метров люди стали замерзать, стали укрывать их, чем могли – чехлами, промасленными или нет, всё равно. Летели через грозу. У Пскова шли на 7800 метрах. Разрывы зениток ложились далеко внизу; прожекторы светили только в разрывы облаков. Из-за встречного ветра полёт удлинился на два часа. Была опасность нехватки бензина, поэтому вышли к берегу ближе, чем собирались, и дальше пошли по берегу. Свыше четырёх часов шли в кислородных масках. Одной из секретарш сделалось дурно, ей хотелось сдёрнуть маску, но стрелок, наоборот, только прибавил ей кислороду».

Из рассказа Романова: «В Исландии сели на только что выстроенный аэродром. Камни, ветер, холод, и, как нам сказали, теплее здесь не бывает. Ледники, дикая природа, отсутствие растительности. Американские офицеры просили нас взять письма и опустить их в Америке. Мы взяли письма и таким образом неожиданно для себя стали почтальонами... Когда летели из Канады в Вашингтон, под конец устали так, что уже казалось, что самолёт не летит, а стоит на месте... У Рузвельта всё по-деловому: карты, старый шкаф с книгами, стол, два кресла, телефоны».

Из рассказа Пусэпа: «Молотов спросил меня – готов ли самолёт? Как я себя чувствую и как я смотрю на сегодняшнюю погоду? Я доложил, что всё в порядке. Генерал сказал мне – не спешите, делайте всё основательно и добротно. И я помнил это всю дорогу. В одном из моторов у нас стало пробивать масло, и я приказал второму лётчику, капитану Обухову, идти прямо на берег – до него оставалось восемьсот километров, – а потом идти уже вдоль берега. На земле Молотов спросил нас – почему так долго шли вдоль берега, не ошиблись ли штурманы в курсе? Я объяснил всё, как было. Когда вернулись, он поблагодарил нас, сказал мне: «Спасибо, что хорошо довезли туда и обратно»²²⁶.

В августе 1943 года в полку побывал Александр Фадеев. Его общение с лётчиками оказалось более обширным, на кончике его пера оказалось более десяти самых знаменитых на тот период авиаторов. В их числе были и герои трансатлантического перелёта – Пусэп и Штепенко. Каких-либо деталей полёта в Вашингтон писатель в своих зарисовках не зафиксировал, он дал лишь несколько штрихов, характеризующих их лётное мастерство и внешний вид. Вот они.

«Эндель Пусэп. Бывший полярник. Выдающийся лётчик. Полёты на города Германии. За один месяц (август 1942 г.) семь раз бомбил Кенигсберг, Данциг... И четырнадцать раз другие объекты. Мастер полётов «вслепую», прекрасно маневрирует под огнём, в снежных и

²²⁵ Симонов К. М. Собрание сочинений. – М., 1984. – Т. 10. – С. 120 – 121.

²²⁶ Там же. – С. 121 – 124.

грозовых тучах. Он – белесый, малого роста, коренастый, светлоглазый, и очень хороша улыбка на чудесном его лице».

«Штепенко Александр Павлович. Был штурманом у Пусэпа... Дважды водил корабль Москва – Англия. Москва – Англия – США. Несколько раз горел, спасался на парашюте. Много раз участвовал в бомбардировке Берлина, Кенигсберга, Данцига». Кроме этого писатель зафиксировал некоторые детали из рассказов о полётах лётчика на Берлин и штурмана на Кенигсберг²²⁷.

15 августа 1943 года газета «Красная звезда» опубликовала подборку коротких рассказов о боевой работе лётного состава 45-й авиадивизии. В беседе с корреспондентом газеты Пусэп поделился впечатлениями годичной давности: «На своём сухопутном самолёте я дважды пересекал Атлантический океан. Внизу кипели волны высотой в шестиэтажный дом, плыли льдины из Гренландского моря, крутились вихри воздушных потоков, несли с севера арктический холод, а с юга тропическую жару. Ну, ничего, лечу, знаю, что моя «лошадка» вывезет... И вывезла хорошо, только уже на самом аэродроме подвела меня: копыта расковались. От страшной жары расплавилась резина на шинах, и не удалось мне с шиком подкатить к подъезду. Нужно было сменить колесо. Американский инженер говорит: «Таких больших колёс у нас нет, но можем быстро отремонтировать, а завод за 600 миль от аэродрома – нужно везти колесо на самолёте, а оно не влезает».

Здесь же короткая фраза штурмана Штепенко: «Тяжёлый корабль в его руках, как смычок в руках скрипача-виртуоза». И ещё более короткая фраза самого корреспондента: «К таким виртуозам принадлежит и сам Штепенко».

В послевоенные годы о членах экипажа Пе-8, выполнившего в годы войны уникальный полёт, писалось относительно много. Это статьи в газетах и журналах, очерки в региональных сборниках о Героях Советского Союза, это отдельные зарисовки в книгах военачальников, дипломатов, исследователей истории авиации и писателей.

Вполне естественно, самой важной в этом ряду публикаций стали воспоминания командующего АДД главного маршала авиации А. Е. Голованова. Во всех трёх изданиях (журнал «Октябрь», книгах «Записки командующего» и «Дальняя бомбардировочная») этому полёту уделено большое внимание. Воспоминания Александра Евгеньевича в этом плане ценные, прежде всего, тем, что они освещают ту его сторону, о которой мог рассказать только он. С марта 1942 года АДД была подчинена Ставке, её боевой работой руководил лично Сталин. Именно от него Голованов, или по телефону или при встречах в Кремле, получал указания по нанесению бомбардировочных ударов частей и соединений АДД по объектам глубокого тыла противника, а также по выполнению ответственных, государственного уровня, полётах отдельных экипажей. Идея полёта Молотова в Англию и США зарождалась на самом высоком уровне. Его доставка в Лондон и Вашингтон на советском самолёте была поручена Голованову лично Верховным. О том, как это происходило, мог рассказать только командующий АДД. Строго соблюдая секретность в этом деле, он лично подбирал экипаж, контролировал его подготовку, а затем, с начала полёта и до его завершения, следил за поэтапным ходом его ответственной работы. Он лично провожал и встречал экипаж и его пассажиров. Все эти сведения в воспоминаниях Главного маршала авиации имеют историческую значимость и вписаны в канву данной статьи. Здесь же остаётся только процитировать ту итоговую оценку выполненной работе, которую дал Александр Евгеньевич, рассказывая об этом полёте.

«Три важных документа, подписанные в Вашингтоне и Лондоне, которые нарком иностранных дел привёз в Москву, оказали положительное влияние на ход войны, сторицей окупили все перипетии и опасности, связанные с полётом. Договор с Англией был утверждён специально созванной сессией Верховного Совета СССР»²²⁸.

Свидетелем вылета экипажа Пе-8 с аэродрома Раменское в мае 1942 года стал известный лётчик-испытатель Герой Советского Союза М. Л. Галлай, в то время ещё совсем

²²⁷ Юность. – 1961, № 12. – С. 88.

²²⁸ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. – С. 192.

молодой сотрудник Отдела испытаний ЦАГИ. В своей книге «Третье измерение» он так описал этот момент: «Был тихий тёплый летний вечер 1942 года. Тяжёлые корабли уже ушли на задание. Все – кроме одного. Он остался стоять у начала взлётной полосы, непривычно окружённый охраной. Не успели мы прокомментировать между собой это обстоятельство, как новые события привлекли к себе наше внимание. На аэродром подъехала вереница машин, достаточно пышная даже по нормам мирного времени, а во время войны совсем необычная. Несколько чёрных лимузинов подъехали к воздушному кораблю. Вокруг его фюзеляжа зашевелилась толпа людей – военных и гражданских. Потом толпа отхлынула от самолёта, быстро втянулась в автомобили и отъехала немногого поодаль... Закрутились винты, бомбардировщик вырулил на старт, взлетел и ушёл на запад, вслед за своими товарищами»²²⁹.

Вполне естественно, что тогда, провожая взглядом одиноко взлетающий в вечерних сумерках самолет Пе-8, Марк Лазаревич не мог знать, какую миссию предстояло выполнить экипажу и его пассажирам. Об этом он узнал позже, когда начавшийся на его глазах полёт был успешно завершён. Вполне естественно, также, что он, работая над книгой, не мог не дать этому полёту своей оценки: «Для её выполнения (задачи. – А. С.) пришлось дважды пролетать над оккупированной, охваченной огнём войны Европой, над водами Атлантики, ледниками Гренландии. Пересекать штормовые фронтальные зоны. Садиться на промежуточных аэродромах наперегонки с затягивающим лётное поле туманом. Взлетать при почти ураганном боковом ветре, когда форма и размеры аэродрома не позволяли тяжёлому Пе-8 выполнять разбег как полагается – строго против ветра. На обратном пути маршрут полёта пролегал с запада на восток – навстречу движения солнца, – и продолжительности короткой летней ночи не хватало для того, чтобы пройти весь перегон из Лондона в Москву от начала до конца в темноте. К тому же ветер на высоте полёта оказался не совсем таким, как рассчитывали в своём прогнозе синоптики... В результате рассвет застал машину... над занятой врагом территорией! Так и пришлось нашим товарищам, имея правительственную делегацию на борту, пересекать линию фронта в свете лучей утреннего солнца, надеясь лишь на скорость и высотность своей машины. Да, не легко было выполнить этот перелёт! Но экипаж... сумел преодолеть все трудности и успешно выполнил выпавшее на его долю государственное важное задание»²³⁰.

О полёте Пе-8 в Лондон и Вашингтон рассказал в своей книге «Крылатые люди» ещё один лётчик-испытатель – И. И. Шелест. Вот некоторые мысли автора, оценивающие трудности полёта. Взяв за отправную точку фразу из послания Сталина Черчиллю – «Советское правительство решило, несмотря на все трудности, направить...» – Игорь Иванович писал: «Тогда, в труднейший для нас год войны, с уровнем летательной техники – по отношению к сегодняшнему дню – сорокалетней давности, нужно было не только пересечь Атлантику, но и дважды пересечь линию фронта, в течение многих часов лететь над оккупированной немцами Европой на высоте около семи тысяч метров (иногда приходилось подниматься и на восемь с лишним тысяч метров. – А. С.), с кислородной маской на лице и при температуре в кабине, как и за бортом, минус сорок градусов. Вот почему это предприятие можно причислить к дерзновеннейшим».

«Как ни тщательно готовился этот перелёт, на пути экипажу встретились такие трудности, что только в силу необычайной энергии и мастерства лётного состава не произошло катастрофы. Но всё – и грозу, и две тысячи километров над территорией, оккупированной врагом, и взлёт на перегруженном самолёте в Рейкьявике с ограниченной полосы, сбегающей прямо в океан, и посадку на строящийся аэродром в Канаде за несколько минут до того, как он закрылся непроницаемым для глаза туманом, и перегрев двигателей в тридцатиградусную жару при подлёте к Вашингтону, когда приходилось по очереди выключать их, – всё это сумел преодолеть замечательный экипаж АДД во главе с

²²⁹ Галлай М. Л. Третье измерение. – М., 1973. – С. 332.

²³⁰ Там же. – С. 333 – 334.

командиром Энделем Пусэпом. Дипломатическая миссия, сыгравшая огромное значение, состоялась»²³¹.

Несколько новых фактов относительно полёта Пе-8 в Лондон и Вашингтон зафиксировано в книге Ю. В. Идашкина «Небо его мечты». Из неё мы узнаём о количестве человек в молотовской команде и некоторые персональные имена: «Их было девять, в том числе две женщины (машинистка и медсестра). Десятый член делегации – переводчик В. Н. Павлов уже находился в Англии, он прилетел туда первым рейсом с экипажем Асямова... В ходе работы с книгой мне удалось встретиться с одним из участников этого памятного рейса – бывшим сотрудником НКИД СССР М. М. Юниным. И несколько деталей, увиденных глазами пассажира, мне хотелось бы изложить»²³².

Юнин подтвердил тот факт, что перед вылетом пассажиров накормили прямо на аэродроме. Об этом писал и Голованов. Есть основания считать, что так и было. Трудно представить себе, чтобы пассажирам перед дальней дорогой не предложили ужин. Этот факт дополнительно опровергает байку Шевелёва о пресловутой яичнице под микроскопом. И второй момент. Сидевший у самого иллюминатора Юнин, наблюдал, как правая плоскость стала блестеть, покрываясь плёнкой масла. Пассажир своими наблюдениями ни с кем не поделился. Экипаж спокойно занимался делом, никакой суеты или волнения не замечалось.

Говоря о книгах, в которых отражён полёт наркома иностранных дел СССР на советском бомбардировщике в Лондон и Вашингтон, следует сказать, что этот факт описан даже в художественной литературе. Речь идёт о романе С. А. Дангулова (сотрудник отдела печати НКИД. – А. С.) «Кузнецкий мост». Он публиковался в нескольких номерах журнала «Дружба народов». В переписке со мной Эндель Карлович упомянул об этом факте, однако встречался он с писателем или нет сказать трудно. Скорее всего, да, так как в романе детали этого события переданы исторически верно. Пожалуй, только один факт – присутствие на аэродроме перед отлётом Молотова из Москвы фотокорреспондентов – можно отнести к фантазии автора. Как писатель он на это имел полное право. Не точны и даты перелётов из пункта в пункт. Во всём остальном Савва Артемьевич проявил себя, как добросовестный историк. В связи с этим я имею полное право воспроизвести в этой статье некоторые оценки писателя, касающиеся полёта Молотова за рубеж в мае-июне 1942 года.

«В середине мая миссия Молотова собралась за океан, намереваясь сделать остановку на Британских островах. Полёт предполагалось осуществить в строжайшей тайне. Молотову было дано имя Бауэр, а самой миссии соответственно «миссия Бауэра»... У лётчиков была нелёгкая задача – пересечь линию фронта на пути в Великобританию, а затем совершить не менее дерзкий рывок через океан».

«С той довоенной поры, когда быстро крыльй моноплан Коккинаки пересёк Атлантику и приземлился где-то близ Ньюфаундленда, советские лётчики по этому маршруту не летали. Может поэтому, когда возникла мысль о встрече, а она принадлежала Рузвельту, президент предложил советской миссии, направляющейся в США, американский самолёт – у лётчиков США был опыт трансатлантических перелётов. Но Сталин сказал «нет». Для России это был уже вопрос престижа, и она не могла позволить, чтобы столь ответственная миссия, какой была миссия Молотова, направлялась в США на американском самолёте».

Накануне 65-летия полёта экипажа Пусэпа в Лондон и Вашингтон я получил от своего друга Любиша Гройч, югослава, проживающего в Таллине, вырезку из какой-то местной газеты. Статья называется «Эндель Пусэп – человек, которого мы помним...». К сожалению, Любиша не написал, как называется газета. Но название самой статьи и многоточие в его конце говорит о том, что газета относится к изданиям левого толка. Процитирую некоторые места из этой статьи.

«Сегодня об этом событии, о подвиге эстонца Энделя Пусэпа в Эстонии предпочитают не вспоминать, а если и вспоминают, то с какой-нибудь очередной ложью, нагромождённой вокруг имени легендарного лётчика... О шахматисте Пауле Кересе говорят, что это был

²³¹ Шелест И. И. Крылатые люди. – М., 1980. – С. 129, 131.

²³² Идашкин Ю. В. Небо его мечты. – М., 1986. – С. 99.

великий эстонец, в память о нём в Эстонии проходят торжественные события, приглашаются шахматные гроссмейстеры с мировыми именами. А Пусэп, сделавший так много для страны и для Эстонии, в частности, не просто забыт своей страной. Мог ли он подумать в те годы, когда, рискуя собственной жизнью, спасал других, могли ли мы все, понимающие высокую цену его подвига, всего того, что он делал, представить себе, что настанут времена, когда его имя будет беззастенчиво, беспардонно использоваться, если надо скомпрометировать каких-либо политиков или деятелей, осмелившихся положить цветы на его могилу. Но цветы всё равно приносят. И в майские дни венки, корзины с цветами приносили на его могилу и представители ветеранских организаций, и люди, знавшие его, и те, кто гордится им, несмотря ни на что. Он тоже в определённой степени, спустя годы после смерти, стал жертвой пересмотра времён, событий, позиций и т.д. И это очень горько. Это несправедливо по отношению к человеку, чьей славой, чьими подвигами могли бы гордиться его народ, его страна. Но это не отменяет и высокой значимости, именно общечеловеческого звучания того, что сделано им».

Что тут сказать? Ни убавить, ни прибавить. Остаётся только выразить непоколебимую уверенность в том, что этот чёрный период забвения пройдёт, что вернётся время, когда Герои, подобные Пусэпу, вновь займут в памяти эстонского народа самый высокий пьедестал почёта и уважения. А нам, кому дорого имя великого эстонца, необходимо сделать все возможное, чтобы память о нём не исчезла со страниц советского периода нашей истории. В это «всё возможное» внесла свой достойный вклад и Нелли Кузнецова – автор только что процитированной статьи. От россиян, для которых память о Герое Советского Союза Энделе Карловиче Пусэпе священна, низкий ей поклон.

В эпицентре исторического события в деле открытия второго фронта в Европе оказался экипаж советского бомбардировщика Пе-8. Правительственное задание он выполнил отличнейшим образом. Прекрасно зарекомендовал себя и отечественный бомбардировщик Пе-8. Сверх дальний полёт самолёта под номером 42066 с только что поступившими в активную эксплуатацию моторами АМ 35«А» показал их надёжность. После этого полёта у лётного состава 45-й авиадивизии доверие к бомбардировщику многократно возросло. Особенно с большим удовлетворением восприняли известие о благополучном завершении многотысячекилометрового трансатлантического перелёта сотрудники ОКБ и трудовой коллектив завода № 124. Он весьма убедительно продемонстрировал высокие лётно-технические качества Пе-8 как дальнего бомбардировщика. Судя по всему тот вал «болезней», который преследовал самолёт и особенно его моторы с самого начала боевой эксплуатации, остался позади. Усилиями инженеров, техников, рабочих ОКБ и завода Пе-8 стал вполне надёжной боевой машиной. В историю авиации дальнего действия периода Великой Отечественной войны экипаж Пусэпа вписал одну из ярких страниц, если не самую яркую.

И ещё об одном. Сам полёт, посадки в Лондоне, Вашингтоне и промежуточных аэродромах стали своеобразной демонстрацией возможностей советской авиации. Авиационные специалисты Великобритании и США с нескрываемым любопытством следили за посадкой и взлётом советского экипажа, с нескрываемым восхищением осматривали советский бомбардировщик. Славный экипаж командира корабля Э. К. Пусэпа поднял престиж отечественной авиации в целом и её ударной силы – АДД на более высокий уровень.

Журнал «Вестник воздушного флота» в номере 12 за 1949 год отмечал: «Советский самолёт, появившийся в дни Великой Отечественной войны на английских и американских аэродромах, его замечательные лётно-технические качества, произвели большое впечатление на зарубежных конструкторов и авиаторов. Не меньшее восхищение вызвали в Англии и США умелые действия экипажа «Петляков-8», уверенно проведшего свою машину над территорией, занятой врагом, смело преодолевшего все трудности дальнего беспосадочного полёта из Москвы в Англию, Америку и обратно». Хорошая оценка, но вполне очевидно, что слово «беспосадочного» в этой цитате неуместно.

Рассмотрим, далее, оценки дипломатического аспекта визита Молотова в столицы западных союзников, которые отражены в сборниках документов, воспоминаниях самих участников переговоров, высокопоставленных чиновников правительства США и Великобритании, а также в работах историков и дипломатов.

Прежде всего, важно прояснить, как оценивал итоги встречи сам Молотов – главный участник этих событий, – как он оценивал роль в деле открытия второго фронта своих партнёров по переговорам.

Если говорить об оценках, сделанных им по горячим следам, то следует сказать о том, что первая из них была дана в беседе с президентом Чехословакии Э. Бенешем ещё в Лондоне при встрече 9 июня: «**Молотов** сказал, что он считает свою поездку в Англию и США в основном удачной. Вопрос о втором фронте если не решён окончательно, то, во всяком случае, наиболее ответственные люди Англии и США за ускоренное открытие второго фронта. Одному СССР трудно вынести тяжесть всей военной машины Гитлера, и если не будет в этом году второй фронт, то на будущий год Германия настолько усилится, а СССР настолько ослабнет, что открытие второго фронта в Европе станет более трудным делом, чем теперь, несмотря на то, что Америка и Англия смогут за это время улучшить свою подготовку»

Бенеш целиком согласился с этим мнением и сказал, что он прилагает все усилия к тому, чтобы убедить англичан и американцев открыть второй фронт. По его мнению, второй фронт будет открыт в сентябре этого года»²³³.

Встреча с Бенешем проходила в советском посольстве в Лондоне по инициативе чехословацкого президента. В этот же день состоялась беседа наркома СССР и с председателем Французского национального комитета генералом де Голлем и комиссаром по иностранным делам этой организации Дежаном. В процессе встречи де Голль подчеркнул, «что он сам лично и большинство французского народа сознают, что надо всецело поддерживать военные усилия Красной Армии и что голлисты производят сейчас много важных военных акций, которые могут обеспечить высадку англо-саксонских войск во Франции и открыть второй фронт.

Молотов дал краткую характеристику двум течениям, которые имеются в Англии по поводу второго фронта, и подчеркнул, что, исходя из хорошо понятых национальных интересов, англичане должны бы пойти на открытие второго фронта в этом году, чтобы поскорее закончить эту войну.

Де Голль сказал, что он лично во всех беседах с англичанами и американцами высказывает ту же мысль и настаивает на скорейшем открытии второго фронта»²³⁴.

Через неделю после возвращения в Москву Молотов имел беседу с послом США господином У. Стэндли. На вопрос, считает ли он Рузвельта реалистом, нарком ответил: «Рузвельт является дальновидным человеком. Рузвельт является горячим сторонником и сильно сочувствует идеи создания второго фронта»²³⁵. Пожалуй, это всё, что можно отнести к периоду войны.

В послевоенный же период молотовских оценок больше. Как известно, сам он мемуаров не писал, и такого наследства не оставил. Но к этому жанру вполне можно отнести книгу советского писателя и публициста Ф. И. Чуева «Молотов». Данная книга – результат многочисленных встреч Феликса Ивановича с Вячеславом Михайловичем. Писатель начал встречаться с «полудержавным властелином» (эти слова вынесены автором в подзаголовок книги) с 1969 года. Одна встреча сменила другую. Шли годы, росло количество встреч. 30 апреля 1986 года Чуев был у Молотова в больнице. После посещения писатель на чистой странице дневника написал номер следующей встречи – 140-й. Обвёл эту цифру красным карандашом. Она состоялась… в день похорон Молотова 12 ноября 1986 года. 139 встреч, каждая по четыре-пять часов. В дневнике писателя они отражены на пяти тысячах страниц

²³³ АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 53, папка 6, л. 175.

²³⁴ Там же, д. 48, папка № 5, л. 8.

²³⁵ Советско-американские отношения… – Т. 1. – С. 205.

машинописного текста. Темы бесед разнообразные. Его собеседнику было, что рассказать Чуеву, ведь он пережил одиннадцать руководителей страны – родился при Александре III, умер при Горбачёве. Он работал с Лениным, являлся членом Военно-революционного комитета по подготовке Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде, занимал высокие посты в партии и правительстве, 36 лет был членом Политбюро, 11 лет возглавлял советское правительство, в годы Великой Отечественной войны занимал должности наркома иностранных дел, заместителя Председателя Совета министров, заместителя Председателя ГКО.

Вполне понятно, что в процессе этих бесед не могла быть не затронута такая страница нашей истории, как полёт в Лондон и Вашингтон в мае-июне 1942 года. Оценивая это событие по отношению к Молотову в личном плане, Чуев во вступительной статье «От автора» отмечал: «В разные периоды он сам не раз рисковал жизнью, не щадя прежде всего себя. Чего стоит только его полёт в Лондон и Вашингтон в 1942 году над оккупированной немцами территорией»²³⁶.

Тираж книги невелик, обладателями этого уникального произведения стали всего 13 тысяч человек. Поэтому в данной статье следует из книги Чуева извлечь все подробности, отражающие оценки Молотовым своей работы в Лондоне и Вашингтоне. Вот некоторые его мысли.

«В 1942 году я был участником всех переговоров по второму фронту, и я первый не верил, что они его могут сделать. Я был спокоен и понимал, что это совершенно для них невозможная вещь. Но, во-первых, такое требование нам было политически необходимо, а, во-вторых, из них надо было выжимать всё. И Сталин тоже не верил, я в этом не сомневаюсь. А требовать надо было! И для своего же народа надо. Люди же ждут, какая-нибудь помочь ещё будет или нет? Для нас их бумажка имела громадное политическое значение. Ободряла, а это тогда много значило».

«Но если б они начали второй фронт не в 1944-м, а в сорок втором или в сорок третьем, им тоже было бы очень трудно, но колоссально бы нам помогли!».

«Сталин дал ещё указания, чтобы мы требовали от них оттянуть тридцать – сорок дивизий. И когда я к Рузвельту приехал и сказал, в душе подивился тому, что он ответил: «Законное, правильное требование...» Он без всяких поправок согласился с моим коммюнике, что второй фронт будет открыт в 1942 году. Но это в глазах своего народа тоже позор, ведь большинство-то в народе честные люди, и, когда от имени государства обещают открыть второй фронт, а потом явно делают другое, люди видят, что таким руководителям верить нельзя. А нам это разочарование в империалистах выгодно. Это всё нужно учесть. Я, например, не сомневался, а тем более Сталин никакого доверия к ним не имел. Да, конечно. Но мы их упрекали! И правильно».

«Я считал нашей громадной победой мою поездку в 1942 году и её результаты, потому что мы ведь знали, что они не могут пойти на это, а заставили их согласиться и подписать».

«Недаром англичане при наших миллионах жертв потеряли всего немногим более 200 тысяч. Вот для чего им это надо. И вот такой человек (Черчилль. – А. С.) был и нашим ненавистником, и сознавал, и старался использовать. Но и мы его использовали. Заставили в одной упряжке бежать»²³⁷.

Одним из главных, после Молотова, участником переговоров в Лондоне стал Иван Михайлович Майский. Его воспоминания уже цитировались в данной статье. Здесь же есть необходимость отразить мнение видного советского дипломата по вопросу второго фронта и отношению к нему Черчилля и Рузвельта.

«Только когда США вступили в войну, а вопросы снабжения были в основном урегулированы, создались условия для постановки во главу угла проблемы второго фронта (подчёркиваю постановки, ибо для разрешения её потребовалось ещё очень много времени). Вот почему последующие полтора года – 1942 и первая половина 1943 г., – в течение

²³⁶ Чуев Ф. И. Молотов. – М., 1999. – С. 9.

²³⁷ Там же. – С. 81 – 86.

которых я ещё продолжал работать в Англии в качестве посла СССР, прошли под знаком острой борьбы вокруг данной проблемы».

«На протяжении 1942 – 1943 гг. в англо-советских отношениях происходило немало иных событий... но всё-таки в качестве основного, доминирующего момента над всеми дипломатическими вопросами тех дней господствовала проблема второго фронта».

«На протяжении 1941 – 1943 гг. я имел много разговоров с Черчиллем о военной стратегии вообще, о втором фронте в частности, и меня всегда поражало его однобокое упорство в защите раз составленных взглядов. Он был похож на дятла, который умеет выстукивать только одну ноту».

«Конкретно рассуждения Черчилля означали, что он по-прежнему против стратегии штурма и за стратегию длительной осады. Правда, результатом его стратегии должно было быть удлинение сроков войны и увеличение людских жертв и материальных потерь Советского Союза, да и ряда других стран, оккупированных немцами, но такие соображения не очень беспокоили британского премьера. Теперь, год спустя после нападения Гитлера на нашу страну, для Черчилля было ясно, что СССР не рухнет под ударами германских армий, что он способен оказать им серьёзное сопротивление, и он успокоился: не было надобности в экстренном порядке идти на помощь России, чтобы предупредить развал Восточного фронта (что было бы невыгодно для Англии), можно было вернуться к своим имперским делам... Ведь в политике капиталистические государства руководствуются не сантиментами, не какими-либо высокими идеями, а грубо-эгоистическими интересами, нередко весьма жёсткими расчёты. Сколько бы горячих слов ни говорили буржуазные министры, эти слова всегда скрывают лишь холодный камень собственной выгоды».

«Оставалась известная надежда только на США, куда Молотов отправился из Лондона... Рузвельт оказался как будто бы более податливым, чем Черчилль, и в результате между американской и советской сторонами было согласовано коммюнике, в котором имелась фраза: «При переговорах была достигнута полная договорённость в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.» На обратном пути из США в Москву Молотов ещё раз остановился в Лондоне и продолжил переговоры о втором фронте с Черчиллем. Последний согласился внести в англо-советское коммюнике о визите Молотова в Англию ту же самую фразу о втором фронте в 1942 г., которая содержалась в американо-советском коммюнике».

«Я знал, что Рузвельт склонен к скорейшему открытию второго фронта в Северной Франции, но Черчилль этому упорно сопротивляется. Я знал также, что между обеими сторонами по данному вопросу происходят длительные и сложные переговоры, но долгое время исход их для меня был неясен. Только в середине июля я наконец убедился, что в этом поединке Лондон – Вашингтон Черчилль одержал победу»²³⁸.

Свидетелем работы советских дипломатов на поприще второго фронта, а иногда и участником переговоров с англичанами, являлся начальник советской военной миссии контр-адмирал Харламов. Его книгу «Трудная миссия» о работе в Лондоне мы уже также цитировали. А миссия действительно была трудной. Своей частью в это определение вошли и те трудности, которые сопровождали советско-английские переговоры на пути в Вашингтон и обратно.

Николай Михайлович отмечал: «Как известно, во время посещения наркомом Лондона и Вашингтона был предрешён вопрос о создании в 1942 году второго фронта в Европе. И это нашло отражение в англо-советском коммюнике. Впрочем, Черчилль вскоре заявил, что он не связывает себя определённым обязательством в отношении даты открытия второго фронта. Здесь уместно сказать, забегая несколько вперёд, что на очередном совещании, состоявшемся 20 – 25 июля в Лондоне, представители США и Англии приняли окончательное решение: вместо высадки в Северной Франции осуществить десантную

²³⁸ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. – С. 636, 660, 664 – 665, 669.

операцию в Северной Африке. Это решение принималось в одностороннем порядке, без ведома Советского Союза»²³⁹.

А как оценивал стремление советского правительства добиться от союзников открытия второго фронта главный переговорщик с английской стороны премьер-министр Великобритании? Эти оценки отражены в мемуарах. Они весьма интересны.

«И всё же до сих пор по вопросу о втором фронте извергаются целые потоки глупостей и лжи. Убедить Советское правительство не было, разумеется, ни малейшей надежды, ни тогда, ни в любое другое время».

«Советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную *услугу* (выделено мной. – A.C.), сражаясь в своей собственной стране за свою собственную жизнь. И чем дальше они сражались, тем в большем долгу они нас считали. Это была не беспристрастная точка зрения»

«Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной *пользы* (выделено мной. – A.C.) нам оно не принесло. Немецкие армии были столь сильны, что казалось, они могут в течение многих месяцев по-прежнему угрожать вторжением в Англию, ведя одновременно наступление в глубь России».

«Однако, не желая хотя бы в малейшей степени оспаривать вывод, который подтвердит история, а именно, что сопротивление русских сломило хребет германских армий и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации, справедливо указать на то, что более года после вступления России в войну она нам казалась *обузой* (выделено мной. – A.C.), а не подспорьем».

«Нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар свою собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника – угрюмого, ворчливого, жадного и ещё так недавно безразлично относящегося к тому, выживем мы или нет»²⁴⁰.

Можно было бы привести массу доказательств, опровергающих мнение английского лидера по вопросу «услуг», «пользы» и «обуз». Но давайте предоставим такую возможность самому автору этих оценок. Вот некоторые выдержки из его посланий Сталину и Рузвельту, а также из совместных посланий Сталину премьер-министра и президента. Некоторые из них уже цитировались в тексте данной статьи.

Из посланий Сталину в 1941 году.

От 8 июля: «Мы все здесь рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление неспровоциированному и безжалостному вторжению нацистов. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение. Мы сделаем всё, чтобы помочь Вам».

От 21 июля: «Я был весьма рад получить Ваше послание и узнать из многих источников о доблестной борьбе и многочисленных сильных контратаках, при помощи которых русские военные силы защищают свою родную землю».

От 26 июля: «Мы наблюдаем с восхищением и волнением за всей замечательной борьбой Ваших армий».

От 28 июля: «Великолепное сопротивление русских армий в защите родной земли объединяет всех нас... Искренне благодарю Вас за понимание, с которым Вы, будучи всецело занятых Вашей великой борьбой, относитесь к нашим трудностям, которые мешают нам сделать больше. Мы сделаем всё, что в наших силах».

От 30 августа: «Не могу не выразить вновь восхищения британского народа великолепной борьбой русских армий и русского народа против нацистских преступников».

От 12 октября: «Словами не выразить наших чувств по поводу Вашей колоссальной героической борьбы – мы надеемся скоро засвидетельствовать это делами».

От 7 ноября: «Я не стану тратить слова на комплименты, ибо Вы уже знаете от лорда Бивербрука и г-на Гарримана то, что мы думаем о Вашей борьбе».

²³⁹ Харламов Н. М. Трудная миссия. – С. 105.

²⁴⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 3. – С. 195, 203, 206, 208, 229.

От 22 ноября: «Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть, не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов»²⁴¹.

Из совместного послания Сталину Рузвельту и Черчилля

15 августа 1941 года: «Мы полностью сознаём, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза»²⁴².

Из посланий Рузвельту.

От 4 марта 1942 года: «Весь левантайско-каспийский фронт теперь полностью зависит от успеха русских армий. Боюсь, что весной немцы нанесут России самый страшный удар».

От 7 марта: «Всё предвещает возобновление весной широкого немецкого наступления в России, а мы очень мало можем сделать для того, чтобы помочь единственной стране, которая ведёт тяжёлые бои с германскими армиями».

От 17 апреля: «Не следует ли сделать публичное заявление о том, что наши две страны полны решимости вместе двинуться в Европу в благородном братстве по оружию в великой борьбе за освобождение измученных народов»²⁴³.

Сколько тут эмоций, восторгов и лучезарного оптимизма! Как ловко замаскировано стремление английского руководства столь долго уклоняться от прямого столкновения с главными силами противника! Как эти оценки противоречат тому, что написано этим же человеком в послевоенных мемуарах, в которых автор старается убедить читателей в том, что все события в мире в то время вращались вокруг оси британской политики. Неужели политика и впрямь грязное дело?

Более трезво на проблему второго фронта смотрели некоторые высокопоставленные чиновники из правительства США и Великобритании. Американский посол в СССР Стэндли 22 июня 1942 года, после упомянутой встречи с Молотовым, в телеграмме на имя президента и государственного секретаря США писал: «Исходя из того, каким образом Советское правительство и народ воспринимают то, что здесь считается торжественным обязательством со стороны США и Великобритании создать второй фронт в 1942 году, у меня складывается убеждение, что, если такой фронт не будет создан быстро и в широком масштабе, вера советского народа в искренность наших целей и стремление к совместным действиям будет столь сильно подорвана, что это причинит неисчислимый ущерб делу Объединённых Наций»²⁴⁴.

17 сентября 1942 года в Куйбышев через Каир и Тегеран на военном американском самолёте С-87 под названием «Гулливер» прилетел специальный представитель Рузвельта господин Уэнделл Уилки. Уже на следующий день вместе с работниками МИДа и американского посольства он посетил авиационный завод № 18. Около трёх часов знакомился он с предприятием и беседовал с рабочими. Уилки задавал им много различных вопросов, а те, в свою очередь, спрашивали его о втором фронте. О том, как он отвечал на этот вопрос говорится в отчёте, составленном заведующим отдела американских стран Г. Зарубиным: «Я приехал в СССР для того, чтобы лично убедиться и выяснить, в чём наиболее нуждается Советский Союз, с тем, чтобы приехав в Америку, принять меры к ускорению и увеличению помощи».

Как видим, ответы рабочим были уклончивы, прикрытие туманом неконкретных обещаний. Трудно поверить, что господин в ранге специального представителя президента США не знал, что Рузвельт в вопросе открытия второго фронта в Европе уже отошёл от того обещания, которое дал Молотову всего три месяца назад.

После осмотра цехов завода в кабинете директора состоялся скромный завтрак. В беседе с главным инженером Уилки попросил откровенно сказать, что думают рабочие о

²⁴¹ Переписка... – Т. 1. – С. 17 – 44.

²⁴² Советско-американские отношения... – Т. 1. – С. 102.

²⁴³ Тайны истории. – С. 216, 218, 242.

²⁴⁴ Советско-американские отношения... – С. 487.

Соединённых Штатах Америки. «Главный инженер не задумываясь, сразу же ответил, что все рабочие в первую очередь думают, где же наши союзники и когда же, наконец, будет открыть второй фронт. От такого ответа все присутствующие громко рассмеялись, и видно было, что Уилки был поставлен в затруднительное положение и ничего не смог ответить главному инженеру».

Вечером Уилки присутствовал на балете «Лебединое озеро». В антракте выходил в фойе и разговаривал со зрителями, главным образом с военными, задавал различного рода вопросы, среди которых были такие: «Удастся ли Красной Армии вернуть потерянные территории, не заключим ли мы мир с немцами, победим ли мы наших врагов?». Зарубин зафиксировал: «Все военнослужащие отвечали Уилки, что свою советскую землю мы не намерены никому отдавать, заключать мир с Гитлером мы не собираемся, и будем драться до последнего человека, пока враг не будет изгнан с советской земли, и чем скорее будет открыт второй фронт, тем скорее враг будет разбит. Уилки остался очень доволен такими ответами».

19 сентября на пароходе «Максим Горький» Уилки выехал в Ставрополь на Волге, где осмотрел совхоз имени Степана Разина. Побывал он в амбараах с зерном, скотном дворе, конюшне, выезжал в поле. И везде беседовал с рабочими. После знакомства с хозяйством, директор пригласил всех гостей к себе на квартиру отведать совхозную продукцию. «За обедом директор предложил тост за здоровье Уилки и всех присутствующих, за здоровье Рузвельта и за победу над врагом, а в конце речи выразил уверенность в быстрейшем открытии второго фронта. Уилки поблагодарил и предложил тост за дружбу народов США и СССР и за здоровье Сталина»²⁴⁵.

Приведённые факты говорят о том, как советские люди летом и осенью 1942 года жили надеждой открытия второго фронта, и, с другой стороны, как такой высокопоставленный чиновник из аппарата президента США не мог дать на этот животрепещущий вопрос вразумительного ответа.

10 октября 1942 года советник посольства СССР в США А. А. Громыко имел беседу с помощником министра иностранных дел Соединённых Штатов Америки доктором Х. Уайтом: «...В разговоре о военной ситуации и о втором фронте Уайт выразил сомнения о возможном открытии союзниками второго фронта в ближайшем будущем в Европе. Заметив, что он не военный человек и не может, конечно, знать планов военного командования, он сообщил, что насколько можно судить по настроению, преобладающему среди американских военных, какой-то новый фронт, возможно в самом ближайшем будущем, будет открыт, но где-то в другом месте, но не на европейском континенте. По его мнению, американские военные хотя и консерваторы, но всё же настроены агрессивнее, нежели англичане»²⁴⁶.

За год до вторжения союзных войск во Францию военный министр США, не без влияния побед Красной Армии под Сталинградом и Курском, пришёл к выводу, что медлить с открытием второго фронта больше нельзя. Он писал президенту: «В свете послевоенных проблем, перед лицом которых мы окажемся, такая позиция... представляется крайне опасной. Мы, как и Великобритания, дали ясное обязательство открыть действительный второй фронт. Мы не можем рассчитывать, что хоть одна из наших операций, представляющих собой булавочные уколы, может обмануть Сталина и заставит его поверить, что мы верны своим обязательствам»²⁴⁷.

Министр снабжения Англии лорд Бивербрук, пожалуй, самый последовательный сторонник открытия второго фронта в 1942 году, будучи в США ещё до прилёта Молотова в Лондон, в своём выступлении заявил: «Для оказания помощи России, нужно нанести удар, сильный удар, несмотря ни на что. Что бы ни случилось, такие удары окажут настоящую

²⁴⁵ АВП, ф.0129, оп. 26, д. 11, папка 144, л. 38 – 42.

²⁴⁶ Там же, ф. Референтура по Англии, оп. 26, д. 4, папка 74, л. 33.

²⁴⁷ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании 28 ноября – 1 декабря 1943 г. – М., 1984. – С. 8.

помощь, и будут представлять наш вклад в дело борьбы на русском фронте»²⁴⁸. Позже Бивербрук ушёл в отставку по состоянию здоровья, однако подлинной причиной, как писал его биограф А. Тейлор, стала его «помощь Советской России»²⁴⁹.

Позицию Великобритании по вопросу второго фронта объективно выразил исследователь официальной истории английской внешней политики в период Второй мировой войны Л. Вудворд: «... мы рассматриваем русскую войну не как войну, имеющую к нам прямое отношение, а просто как войну, в которой мы хотим помочь любым возможным способом, не нанося ущерба нашим собственным интересам»²⁵⁰.

Несколько иную позицию занимает французский историк Бедарида, неоднократно цитируемый нами. Он пишет: «Как бы то ни было, переставшие быть секретными архивные материалы и великое множество позднейших исторических исследований показали, что Черчилль никогда не противился открытию второго фронта во Франции, ведь от этого зависело освобождение Европы. Однако он считал – и с ним были согласны все британские военачальники, – что проведение этой операции возможно лишь только в том случае, если военному и экономическому потенциалу гитлеровской Германии будет нанесён ощутимый урон. Вот почему Черчилль прилагал огромные усилия, чтобы отложить на максимально возможный срок высадку войск на французских берегах». Что правда, то правда: переставшие быть секретными архивные материалы и последние исторические исследования, часть из которых приведена в данной статье, показывают, что Черчилль слишком долго противился открытию второго фронта в Европе

Таковы некоторые оценки непосредственных участников переговоров, некоторых государственных деятелей США и Великобритании, дипломатов и историков по проблеме второго фронта в Европе.

С известной долей сомнения можно заключить, что итог дипломатических переговоров оказался в основном успешным. Встречи Молотова с Черчиллем и Рузвельтом стали серьёзным этапом в деле дипломатического нажима СССР на своих союзников по антигитлеровской коалиции по вопросу второго фронта. Руководители США и Великобритании дали согласие на вторжение в 1942 году, советскому наркому удалось повязать их словом.

Однако второй фронт в Европе не был открыт ни в сорок втором, ни даже в сорок третьем. И лишь когда обозначилась реальная перспектива разгрома гитлеровской Германии одним Советским Союзом, а это стало очевидным уже к концу 1943 года, только тогда англичане и американцы перешли к реальным действиям. Обещание союзников, данное в июне 1942 года, стало реализовываться лишь через двадцать четыре месяца. От начала постановки советской стороной вопроса об открытии второго фронта до конкретного обещания прошёл год. От договорённости до её реализации 6 июня 1944 года – ещё два. Итого три года. И только одиннадцать месяцев союзники по антигитлеровской коалиции держали Германию в тисках, сдавливая её с Востока и Запада, вплоть до соединения на Эльбе. Трудно сказать, насколько раньше состоялась бы эта встреча, начни союзники своё давление с Запада, скажем в июле 1941 года. Но это уже из сферы сослагательного наклонения.

По своему вкладу в дело разгрома фашистской Германии и её союзников второй фронт стал действительно вторым. И открыт он был в то время, когда больше был нужен западным союзникам, чем СССР. Эту точку зрения выражают даже некоторые западные историки. Одну из них приводит в своей статье «Правда и вымысел об открытии второго фронта в Европе» Секистов: «Некоторые буржуазные авторы признают, что второй фронт в это время больше нужен был не русским, а западным союзникам. Настал момент, отмечал Брюс (американский историк. – А. С.), когда промедление с открытием второго фронта означало бы ещё большую утрату для Запада... К лету 1944 года создалась обстановка, которая

²⁴⁸ Харламов Н. И. Трудная миссия. – С. 98.

²⁴⁹ Тайны истории. – С. 212.

²⁵⁰ Советско-английские отношения... – С. 516 – 517.

позволяла Советской Армии не только изгнать захватчиков со своей земли, но и без помощи западных союзников, опираясь на мощное движение Сопротивления в странах Европы, завершить разгром фашистской Германии и её сателлитов»²⁵¹.

Здесь уместно поставить ряд вопросов и попробовать на них ответить. Успешными ли были вторжение группировки союзных войск на европейский континент и последующие их боевые действия на Западном фронте? Можно ли считать открытый в июне 1944 года второй фронт главным фронтом Второй мировой войны, как это делают некоторые западные политики и историки?

Сама операция высадки, несомненно, в истории Второй мировой войны относится к уникальным. Что же касается боевых действий, учитывая соотношение противоборствующих сил на Восточном и Западном фронтах, а также те трудности, с которыми столкнулись союзники в Арденнах, то они высоких эпитетов не заслуживают. Второй фронт в Европе, без всякого сомнения, сыграл свою положительную роль в деле разгрома агрессоров, но далеко не ту, которую он мог сыграть, если бы был открыт раньше.

Сошлюсь на мнение советского историка Секистова: «Второй фронт в Европе не сыграл той важной исторической роли, которую ему могла бы принадлежать, если бы он был открыт в 1942 или в 1943 году. Безусловно, что фашизм был бы разгромлен гораздо раньше и народы понесли бы от него меньшие жертвы. Но второй фронт был создан в Европе лишь летом 1944 года, когда судьба третьего рейха уже была предрешена победами Советской Армии»²⁵².

Главным фронтом Второй мировой войны был советско-германский фронт. В одном из секретных посланий Черчиллю Рузвельт отмечал: «Русский фронт является нашей самой большой опорой». Ему вторил небезызвестный Макартур: «Я согласен с президентом в отношении первостепенного значения русского фронта». Американский историк Р. Вигли: «Высадка англо-американских войск в Северной Франции стала возможной исключительно благодаря жертвам и тяжкой борьбе русских»²⁵³. Даже некоторые историки буржуазные толка (эта реплика не случайна, так как в нынешней России уже выпестованы свои историки буржуазного толка) склонны считать, что в целом успешные действия союзников на пространстве к западу от Берлина, во многом были связаны с эффективными действиями Красной Армии. К ним следует отнести английского историка Ч. Уилмота. Основываясь на соотношении сил перед высадкой, когда из 320 дивизий вермахта, находящихся за пределами рейха, 206 были скованы Красной Армией, он в работе «Борьба за Европу» делает вывод о том, что даже в это время основная мощь Германии была повёрнута на Восток, что «если бы не русские, сидевшие у немцев на шее, то вторжение определённо потерпело бы неудачу»²⁵⁴.

В это время США и Великобритания продолжали оказывать Советскому Союзу материально-техническую помощь и вести эффективную воздушную войну против Германии. Они вступили с ней в наземное противоборство на Севере Африки и Юге Италии. Нет спора, всё это облегчало борьбу советского народа. Однако для СССР это было делом второстепенным. Ведь непреложным являлся тот факт, что до 1944 года на всех англо-американских фронтах Второй мировой войны союзникам противостояло немногим более шести процентов сухопутных сил Германии²⁵⁵. Следовательно, основное ослабление немецко-фашистской военной машины происходило на советско-германском фронте. Именно поэтому советское правительство считало, что самой эффективной помощью Красной Армии могло стать открытие второго фронта, и не где нибудь, а именно в Европе. И именно в 1942 году. Но политику воевать чужими руками лидеры США и Великобритании провели до грани и степени возможного. Об этом стремлении правительства

²⁵¹ Военно-исторический журнал. – 1984, № 5. – С.79.

²⁵² Военно-исторический журнал. – 1972, № 7. – С.48.

²⁵³ Там же. – С. 74 – 75.

²⁵⁴ Ch. Wilmot. The Struggle for Europe. – London, 1977. – P. 13.

²⁵⁵ Война, история, идеология. – М., 1974. – С. 149.

Великобритании откровенно пишет тот же Уилмот. Оно, по его мнению: «...было вполне готово к тому, чтобы война продлилась немного дольше»²⁵⁶.

После окончания Второй мировой войны и по сей день западные историки, особенно историки США, стремятся преднамеренно исказить историю втором фронте, пытаются доказать, что действия англо-американских войск в Северной Африке и Италии это и есть второй фронт. Это вопреки истине и фактам.

Боевые действия союзных войск в этих районах в советском понимании не были и не могли быть подлинным вторым фронтом. Руководство СССР никогда не ставило перед союзниками вопрос о начале боевых действий их войск в каком-либо районе земного шара, кроме европейского континента. Советское руководство с июля 1941 года идею второго фронта связывало только с территорией Северной Франции, то есть с таким районом, который находился вблизи жизненно-важных центров фашистской Германии. Даже не военному человеку вполне понятно, что начало боевых действий союзников именно в этом районе кардинально изменило бы военно-политическую обстановку в мире, гораздо более осложнило бы положение агрессоров и более эффективно облегчило бы положение Советского Союза. Да и сам термин «второй фронт» – это чисто советское понятие, его ввёл в оборот Сталин ещё тогда, когда о высадке в Северной Африке и не думали. Именно так понимали эту проблему тогда и Черчилль с Рузвельтом. Иначе как понимать директиву президента США, отданную Комитету начальников штабов в марте 1942 года о разработке плана вторжения во Францию через Ла-Манш и его обсуждение англо-американскими военными в Лондоне? Или как понимать обсуждение этой проблемы в посланиях между руководителями трёх великих держав, в которых вторжение во Францию понималось как второй фронт в Европе? Стремление исказить географический смысл второго фронта, это ни что иное, как попытка обелить тот демарш союзников, который они предприняли после обещания, данного в июне 1942 года.

Проволочки с открытием второго фронта со всеми вытекающими для Советского Союза негативными последствиями лежат на совести лидеров Великобритании и США. Если попытаться определить степень этой вины каждого персонально, то можно сказать, что в период выработки решения более реалистичную позицию занимал президент США. Он, как оценил Молотов в беседе с послом США в СССР Стэнди, был «горячим сторонником» этого дела. Однако от идеи, горячо поддержанной в июне 1942 года, до практических действий в июне 1944 года понадобилось ровно два года.

Президенту США не хватило воли, чтобы убедить своих военных предпринять энергичные меры в деле скорейшего создания дополнительных транспортных средств для переброски войск и техники в Англию, ему не хватило настойчивости сломить явное желание своего партнёра по антигитлеровской коалиции английского премьера, желания, замешанного на пещерном антисоветизме, как можно дольше затягивать открытие второго фронта в Европе. В процессе переписки с английским премьером, уже после завершившихся переговоров с Молотовым, президент очень быстро сдал свои позиции. Позабыв о своих горячих убеждениях по поводу открытия второго фронта в Европе, о своих обещаниях Молотову, он уже 15 июля в инструкции отправляющимся в Лондон трём мушкетёрам (выражение Рузвельта. – А. С.) Маршаллу, Кингу и Гопкинсу указывал: «Со времени визита Черчилля в Вашингтон военная и стратегическая обстановка изменилась настолько значительно, что стало необходимым достичь соглашения между англичанами и нами о совместных оперативных планах... Если операция «Следжеммер» (кодовое название вторжения на континент в 1942 году для облегчения положения на советско-германском фронте) окончательно и определённо сошла со сцены, то я хочу, чтобы вы обсудили обстановку в мире, какой она будет к тому времени, и определили другое место для американских войск, где они будут участвовать в боевых действиях в 1942 г.»²⁵⁷.

²⁵⁶ Ch. Wilmot. The Struggle for Europe. – P. 146.

²⁵⁷ Тайны истории. – С.262.

Следует отметить, что общественное мнение США в определённой степени отличалось от столь быстро изменённой позиции президента. Это видно из содержания нескольких документов, найденных в Архиве внешней политики РФ. 24 июля 1942 года вице-консул СССР в Лос-Анджелесе А. А. Скорюков направил заместителю наркома СССР, чрезвычайному и полномочному послу СССР в США М. М. Литвинову информацию об общественном мнении в Соединённых Штатах Америки по вопросу открытия второго фронта (**документ № 16 Приложения**). А 4 сентября из советского посольства в США в наркомат СССР диппочтой поступила «Аннотация доклада вице-консула СССР в Лос-Анджелесе тов. Скорюкова «Общественное мнение об открытии второго фронта и о новом соглашении СССР и США» (**документ № 17 Приложения**). 14 августа 1942 года от советника посольства СССР в США А. А. Громыко на имя В. М. Молотова поступило донесение под названием «Вопрос о втором фронте и военная подготовка США» (**документ № 18 Приложения**). 13 ноября 1942 года им же была направлена на имя заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского информация о результатах промежуточных выборов в США. В ней также затрагивается проблема второго фронта в Европе (**документ 19 Приложения**).

Что касается Черчилля, то его согласие на открытие второго фронта в Европе особой искренностью не отличалось. Это неоднократно подтверждалось цитируемыми здесь документами и оценками. Следует ещё привести слова советского историка Трухановского, одного из основных специалистов в этом вопросе: «Обязательство Черчилля... как оказалось в последствии и как яствует сейчас из опубликованных документов, было заранее рассчитанным обманом Советского правительства»²⁵⁸. И действительно не успел Молотов прилететь в Москву, как Черчилль отправился в Вашингтон... уговаривать Рузельта отказаться от обещаний, данных советскому наркому. И уговорил. Премьер-министр сказал президенту, что «мы твёрдо придерживаемся мнения о том, что в этом году не будет значительной высадки во Франции, если только мы не собираемся оставаться там» и если «нельзя составить такой план, к которому питал бы доверие сколько-нибудь значительный ответственный орган», то настало время заново взглянуть на «Джимнаст» (кодовое название планируемого вторжения в Северную Африку)»²⁵⁹. Ратуя за открытие второго фронта в Северной Африке, Черчилль писал 8 июля Рузельту: «Ни один английский генерал, адмирал или маршал авиации не может рекомендовать «Следжхэммер» в качестве осуществимой в 1942 году операции... поспешная акция в 1942 г., вероятно, окончится поражением и решительно снизит возможность проведения хорошо организованной крупной акции в 1943 г. И я уверен, что «Джимнаст» – это гораздо более надёжный шанс для эффективного облегчения действий на русском фронте в 1942 г. Это всегда соответствовало Вашим намерениям. Фактически это Ваша доминирующая идея. Это настоящий второй фронт 1942 г.... Это самый безопасный и в высшей степени полезный удар, который может быть нанесён этой осенью»²⁶⁰.

Уже в июле в результате англо-американских переговоров в Лондоне стороны решили начать десантную операции в... Северной Африке. Ничем иным, как политикой двуличного Януса, это назвать нельзя. В пятом томе «Истории второй мировой войны» дана оценка такой позиции союзников по антигитлеровской коалиции: «Так правительства США и Великобритании в одностороннем порядке отказались от открытия второго фронта в Европе в тяжёлый для Советского Союза период. Отвлечение их вооружённых сил для действий в Северной Африке практически исключало возможность высадки в Европе в 1943 году»²⁶¹.

Операция высадки англо-американских войск на Севере Африки получила кодовое наименование «Торч». Любопытные сведения о её подготовке приводятся в одной из статей «Военно-исторического журнала». Её автор Ю. Неподав писал: «В начале лета 1942 года в

²⁵⁸ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. – С. 321.

²⁵⁹ Тайны истории. – С. 257 – 258.

²⁶⁰ Тайны истории. – С. 258 – 259.

²⁶¹ История второй мировой войны 1939 – 1945. – Т. 5. – М., 1975. – С. 73 – 74.

здании «старого арсенала» в Вашингтоне в строжайшей тайне собралось 12 высших офицеров – представителей союзного командования. Они прибыли сюда поодиночке, соблюдая все меры предосторожности. На совещании, продолжавшемся более двух часов, присутствующим под большим секретом было сообщено о том, что англо-американские войска должны начать подготовку к высадке в Северной Африке... Началась подготовка. Очень тщательная и продолжительная. Свыше ста дней в портах Англии и США накапливались войска и различные материалы. К октябрю 1942 года солдаты уже пришивали «последнюю пуговицу», ибо подходил срок начала операции²⁶².

Чернила на подписях советско-американских и советско-английских документов, зафиксировавших обещание союзников открыть фронт борьбы с фашистской Германией на территории Франции ещё не высохли, пыль, поднятая покидавшим английский аэродром Пегасус с советской дипломатической делегацией во главе с Молотовым ещё не осела, а подготовка к высадке английских и американских войск на Севере Африки уже началась.

В дневнике Первого секретаря посольства СССР в Великобритании К. Е. Зинченко есть такая запись: «19 июня 1942 года завтракал с заведующим американским агентством «Ассошиэйтед Пресс» майором Боннэл и его помощником Мидлтоном. Оба высказали мнение о том, что в связи с ухудшением ситуации в Ливии вопрос об открытии второго фронта в 1942 году отпадает»²⁶³.

Роль Черчилля в вопросе выбора географического места сухопутного фронта борьбы с блоком фашистских государств вскрыл французский историк Бедарида: «В декабре 1941 года перед англо-американскими союзниками встал ключевой вопрос: какую стратегию избрать?... Однако сразу же между стратегическими партнёрами стали возникать разногласия. Три года тянулся этот трансатлантический спор, отмеченный частыми ссорами и взаимным непониманием... Премьер-министр совершил настоящий подвиг – сумел навязать американцам на целых два года, 1942 и 1943, свою стратегию, в центре которой находился Средиземноморской бассейн. Американские же военачальники предпочитали предпринять активные военные действия по ту сторону Ла-Манша... Неудивительно поэтому, что планы ведения военных действий, предлагавшиеся американцами, бесцеремонно отвергались британским руководством во главе с Черчиллем... Все эти проекты подвергались непрерывному огню критики и возражений со стороны начальников британского штаба, причём часто эти возражения были хорошо аргументированы, а для критики имелись веские основания. Итак, американские предложения были отвергнуты, вместо них в июле 1942 года Черчилль добился принятия совершенно другого стратегического плана – плана высадки англо-американского десанта в Северной Африке... Итак, союзники вернулись к средиземноморской, стало быть периферийной, стратегии, столь дорогой сердцу Черчилля. И это несмотря на возражения генерала Маршалла, начальника американского штаба, высмеивавшего «попытку потушить адское пламя снежками». В свою очередь государственный секретарь Соединённых штатов по военным вопросам Стимсон говорил, что англичане ведут войну по принципу «заколи врага булавкой»²⁶⁴.

И далее, давая оценку позиции Черчилля в деле открытия второго фронта, французский историк пишет: «Чувство реальности, столь характерное для Черчилля, не позволяло ему забывать о насущных проблемах Великого альянса. Он лучше всех понимал, что за три года войны, которую вёл так называемый «Запад», то есть с июня 1941 года до июня 1944 года, девяносто три процента убитых солдат вермахта приходилось на долю Красной армии... Черчилль всегда первым признавал, что необходимым условием победы над грозной трёхсторонней коалицией Германия – Италия – Япония, победы в этой борьбе титанов, было объединение усилий Великобритании, Соединённых Штатов и Советского Союза. Однако это убеждение ни в коей мере не расслабляло его упорный антикоммунизм».

²⁶² Военно-исторический журнал. – 1967, № 6. – С. 106.

²⁶³ АВП, ф. Референтура по США, оп. 26, д. 143, папка № 6, л. 27.

²⁶⁴ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 278, 280.

Ещё как понимал! И старался сделать всё от него зависящее, чтобы этот процент был как можно выше. Хорошими помощниками ему в этом деле были чувство реальности и антикоммунизм. И далее Бедарида привёл афоризм Черчилля: «Хуже союзников может быть только война без союзников»²⁶⁵. Из этой формулы Черчилль постарался извлечь для англичан всё возможное.

А как расчётливо для себя выбрали союзники время вторжения в Африку: в то время, когда Гитлер предпринял новое наступление на южном фланге советско-германского фронта, повлекшего за собой новое ухудшение военного положения СССР. Не трудно себе представить, что если бы союзники в это время предприняли вторжение не в Африку, а на европейский континент, то такого трудного положения в районе Сталинграда Красная Армия не испытывала бы. Находятся историки, которые цинично заявляют (например, американец К. Хоув), что решение союзников отложить «тот второй фронт, которого требовал Сталин», позволило «...сконцентрировать более быстрое продвижение сил генерала Макартура в юго-западной части Тихого океана»²⁶⁶. В общем, политика обещаний: на словах отдавать предпочтение операциям непосредственно против Германии, а на деле направлять значительные людские и материальные ресурсы в другие, второстепенные, районы борьбы с ней.

Приняв решение, вопреки договорённости с В.М.Молотовым о высадке во Франции, о вторжении англо-американских войск в Африку, руководители Великобритании и США поставили себя в весьма трудное положение: рано или поздно об этом надо будет сказать И.В.Сталину. Судя по всему, августовский визит У.Черчилля в Москву своей главной целью имел именно эту задачу. Понимая всю щекотливость своего положения, премьер-министр призвал американского президента на помощь: «Мне бы очень хотелось, – писал он Ф. Рузельту 5 августа 1942 года, – иметь Вашу помощь и поддержку в своих переговорах с Джо...(так У.Черчилль называл И.В.Сталина. – A.C.). У меня несколько неприятная задача»²⁶⁷.

Да, миссия была не из приятных. Вот что писал У.Черчилль в своих мемуарах: «Я размышлял о своей миссии в это угрюмое, зловещее, большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал всё это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нём было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году». Это было всё равно, что везти кусок льда на Северный полюс»²⁶⁸.

В помощь У.Черчиллю Ф.Рузельт направил своего представителя – Гарримана. Оба они уже во время первой встречи 12 августа пытались убедить И.В.Сталина в том, что вторжение в Северную Африку принесёт большую пользу общему делу борьбы с нацизмом, чем высадка на севере Франции. В ответ советский руководитель приводил свои доводы. Обмен мнениями был продолжен на следующий день. В ходе встреч стороны обменялись памятными записками. В советской И. В. Сталин отмечал: «В результате обмена мнений в Москве, имевшего место 12 августа с.г., я установил, что Премьер-Министр Великобритании г. Черчилль считает невозможным организацию второго фронта в Европе в 1942 году. Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предрешена во время посещения Молотовым Лондона и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г. Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с восточного фронта на Запад, создание на Западе серьёзной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году...

²⁶⁵ Бедарида Ф. Черчилль. – С. 271.

²⁶⁶ Военно-исторический журнал. – 1975, № 12. – С. 106.

²⁶⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 211.

²⁶⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 212.

Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1943 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования... Но мне, к сожалению, не удалось убедить господина Премьер-Министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Черчилля»²⁶⁹.

Да, убедить не удалось, ибо к этому времени вторжение в Африку было продуманной и спланированной англо-американской стратегией. В ответной памятной записке У. Черчилль отмечал: «Самым лучшим видом второго фронта в 1942 году, единственной возможной значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является «Торч». Если эта операция может быть осуществлена в октябре, она окажет больше помощи России, чем всякий иной план»²⁷⁰.

О ходе переговоров в Москве У. Черчилль регулярно информировал Ф. Рузельта. Вот некоторые его фразы. От 16 августа: «Эта поездка была моим долгом. Теперь им известно самое худшее»²⁷¹. От 17 августа: «В конце концов они проглотят эту горькую пилюлю»²⁷².

Таким образом, визит премьер-министра Великобритании в Москву в августе 1942 года завершил переговорный процесс по вопросу второго фронта в Европе, начатый визитом В. М. Молотова в Лондоне и Вашингтоне в мае-июне. Обещание союзников стало всего лишь бумажной страшилкой: «Публичное заявление, которое могло бы внушить немцам опасения и, следовательно, задержать как можно больше их войск на Западе, не принесло бы вреда»²⁷³.

Подведём итоги. С нападением фашистской Германии на СССР стала складываться антигитлеровская коалиция. Её ядром стали три великие державы планеты – СССР, США и Великобритания. Основы антифашистского союза государств были заложены к октябрю 1941 года. Официальное оформление военного сотрудничества стран, борющихся против фашистского блока государств, произошло с подписанием Декларации Объединённых Наций 1 января 1942 года. К концу апреля 1942 года в этом союзе было уже 29 государств.

Одной из центральных проблем в складывающейся антигитлеровской коалиции была проблема второго фронта в Западной Европе. Она возникла буквально сразу после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Инициатива в этом деле принадлежала руководству Советского Союза. С развитием военных действий и по мере укрепления антигитлеровской коалиции вопрос второго фронта в Европе приобретал всё большее значение. Его открытия ожидали не только народы Европы и Азии, но практически все страны мира. С ним, так или иначе, связывали надежды на сокращение сроков войны все миролюбивые силы планеты. В решении проблем создания второго фронта борьбы с агрессорами огромную роль сыграла активная внешнеполитическая деятельность советского правительства. Её составной частью стал визит наркома иностранных дел Молотова в Лондон и Вашингтон в мае-июне 1942 года. Обещание союзников открыть второй фронт в Европе в 1942 году, отражённое в подписанных советско-английском и советско-американском коммюнике, стало завершающим этапом в деле создания антигитлеровской коалиции.

Стремление союзников не торопиться с открытием второго фронта, а извлечь из этой стратегии максимальную для себя выгоду, носило плановый характер. В отношении к этой мировой проблеме проявилось истинное лицо политических кругов Великобритании и США. Оба лидера союзников повинны в том, что данное обещание, начать вторжение в 1942 году, не было выполнено. Более открыто своё нежелание выражал Черчилль. Он был и более решителен в его отстаивании. В 1987 году в Нью-Йорке проходил американо-советский

²⁶⁹ Там же. – С. 224.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Там же. – С. 233.

²⁷² Тайны истории. – С. 278.

²⁷³ Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 4. – С. 164.

симпозиум по проблемам второго фронта. В докладах американских историков М. Столера и А. Кокрана прозвучало признание того, что второй фронт не был открыт в обещанные сроки из-за узости интересов влиятельных кругов США и Англии в определённых районах: английских – в Средиземноморье, американских – в зоне Тихого океана²⁷⁴.

Трудно оценить, во что обошлась, с точки зрения людских и материальных потерь, Советскому Союзу такая политика. Однако очевидно то, что эти потери, открай союзники второй фронта хотя бы в 1943 году, были бы гораздо меньшими.

В конце мая 1944 года советский военный атташе в Лондоне Харламов получил неожиданное предложение прибыть на заседание комитета начальников штабов. За длинным столом сидели фельдмаршал А. Брук, главный маршал авиации Ч. Портал, адмирал флота Э. Каннингхэм. Новость, которую ему сообщило высокопоставленное собрание, ошеломила советского адмирала: на днях союзники предпримут вторжение во Францию. Харламов получил приглашение присутствовать при высадке в качестве наблюдателя. Позже в своих мемуарах Николай Михайлович писал: «Этого события ждали советские воины, сражавшиеся один на один с основными силами фашистской Германии и её сателлитов. Невольно подумалось: если бы это известие получить год, а ещё лучше – два года тому назад! Сколько бы жизней было спасено! Сколько полей было бы не вытоптано сапогами фашистских орд! Сколько городов осталось бы целыми! Сколько детей увидели бы своих отцов! Сколько матерей обняли бы своих сыновей!»²⁷⁵.

В деле открытия второго фронта советская сторона сделала всё от неё зависящее. Дипломатический марафон от постановки этой проблемы перед союзниками в начале войны завершился подписанием коммюнике, в котором США и Великобритания дали согласие на открытие второго фронта. Это было достижение, это была победа. И здесь вновь следует повторить слова Молотова: «Я считал нашей громадной победой мою поездку в 1942 году и её результат, потому что мы ведь знали, что они не могут пойти на это, а заставили их согласиться и подписать». И тут же: «Конечно, мы не верили в такой второй фронт, но должны были его добиваться. Мы втягивали их: не можешь, а обещал... Вот такими путями. У нас других путей не было помочь нашей армии и нашей победе. И терпение надо было колоссальное иметь»²⁷⁶.

Следует в заключении сказать и вот о чём. В начале Второй мировой войны блоку фашистских государств не противостояла сколько-нибудь сплочённая коалиция. Она начала создаваться после вынужденного вступления в войну Советского Союза. Советское руководство с первых дней войны развернуло активную дипломатическую работу по привлечению в антигитлеровскую коалицию всех сил, способных противостоять агрессорам. Частью этой дипломатической работы, причём, самой ответственной и плодотворной, стал визит наркома иностранных дел СССР в Лондон и Вашингтон. В результате переговоров с руководителями США и Великобритании в мае-июне 1942 года был заключён англо-советский договор о союзе в войне против Германии и советско-американское соглашение о взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Этими двумя актами был завершён процесс создания антигитлеровской коалиции. В дальнейшем в ходе войны в этот союз вошло порядка пятидесяти государств земного шара. Он стал одним из основных источников победы сил мира над силами реакции.

²⁷⁴ Военно-исторический журнал. – 1988, № 4. – С.

²⁷⁵ Харламов Н.М. Трудная миссия – С. 192 – 193.

²⁷⁶ Чубов Ф.И. Молотов. – С. 82.

В этом исторический итог визита наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон в мае-июне 1942 года. Обеспечил его доставку к местам переговоров экипаж Авиации дальнего действия Героя Советского Союза Э. К. Пусэпа.

Приложение

Документ № 1

«Британское посольство. Куйбышев. 21 апреля 1942 года.

Уважаемый господин Вышинский.

Я только что получил от министра иностранных дел следующий ответ на вопрос, поставленный вами мне вчера вечером относительно предполагаемого полёта советского самолёта в Англию.

Самолёт должен произвести посадку на аэродроме Тилинг, который имеет бетонированную дорожку, протяжением в полторы тысячи ярдов. Аэродром расположен в трёх милях севернее Данди и двенадцати милях северо-северо-западнее Люкарс.

Необходимы следующие сведения:

- а) описание самолёта, его цвет и знаки;
- б) предполагаемый маршрут самолёта при непосредственном подходе к Люкарс;
- в) какими световыми или пиротехническими сигналами с самолёта можно будет пользоваться;
- г) управляет ли радиопередатчик самолёта кварцем или же осциллятором;
- д) снабжён ли самолёт рамочной антенной направленного действия;
- е) каков диапазон частоты передач;
- ж) каков диапазон частоты приёмника;
- з) оборудован ли самолёт аппаратурой для направления полёта, действующим по принципу лучей Лоренца;
- и) будет ли самолёт оборудован прибором J. F.F.;
- к) будет ли экипаж самолёта пользоваться международным кодом «Q» для радиосвязи.

Необходимо, чтобы самолёт прибыл днём. Желательно получить извещение о полёте за 48 часов, в крайнем случае, извещение необходимо иметь за 24 часа, чтобы предупредить органы ПВО. По получении указанных выше сведений, будут сообщены все детали сигналов, порядок опознавания и прочее.

В случае, если какие-либо из указанных вопросов не ясны советским органам в Москве, я предложил им связаться с полковником Чешайр, руководителем секции Британской военной миссии в Москве.

Искренне Ваш Арчибалд Кларк Керр».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 4 - 5.

Документ № 2

«1. Самолёт четырёхмоторный, сверху окрашен в зелёный и черный цвета, краска нанесена камуфляжными пятнами, нижняя поверхность крыльев окрашена в голубой цвет. На фюзеляже и на крыльях нанесены красные звёзды.

2. Если для привода будет выделена длинноволновая радиостанция, самолёт пойдёт на эту станцию, затем от станции прямо на аэродром.

3. Самолёт может давать световой сигнал бортовыми огнями и цветными ракетами (красного, белого и зелёного цвета).

4. Частота радиопередатчика задаётся генератором независимого возбуждения без кварцевой стабилизации.

5. На самолёте установлен радио-полукомпас с диапазоном от 1000 до 170 килогерц.

6. Диапазон волн передатчика от 25 до 120 метров.

7. Диапазон волн приёмника от 25 до 1800 метров.

8. Оборудования системы Лоренца на самолёте нет.

9. Экипаж имеет возможность пользоваться «Q» кодом для радиосвязи.

Прошу, в свою очередь, выяснить следующие вопросы.

1. Будет ли выделена длинноволновая радиостанция для непрерывной работы, чтобы самолёт мог идти на неё с помощью радиополукомпаса, или будет применена система радиопеленгации с земли.

2. Если будет выделена длинноволновая радиостанция, просим сообщить:

- точные географические координаты этой радиостанции;

- на какой волне и какой мощностью будет работать эта станция;

- какой тип передачи, позывные сигналы этой станции (незатухающие, модулированные, тональные, комбинированные);

- желательно, чтобы эта радиостанция была расположена возможно ближе к аэродрому посадку.

3. Если будет применена система радиопеленгации с земли, просим сообщить все необходимые данные по радиопеленгации.

4. Какая радиостанция будет выделена для радиосвязи с самолётом, её мощность, позывные, на какой волне будет работать эта радиостанция.

5. Желательно получить более подробное описание аэродрома посадки (расположение полос, расположение высоких зданий, мачты вблизи аэродрома и т. п.) на случай посадки в плохих метеоусловиях.

6. На случай плохих метеоусловий на данном аэродроме, просим дать запасные аэродромы в радиусе 500 километров, с указанием методов радиопривода на эти аэродромы».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 15 – 16.

Документ № 3

«1. **Аэродром Тилинг** около Данди на севере Шотландии, 56 градусов 31 минута северной широты, 2 градуса 58 минут западной долготы, высота над уровнем моря 397 футов, магнитное склонение 13 градусов W (запад), две цементные дорожки в 50 ярдов шириной, одна 1300, а другая 1500 ярдов длины; к северу от аэродрома холмы до 1500 футов высоты.

2. **Ист Форчун**, местечко Нор Бервик недалеко к востоку от Эдинбурга, 56 градусов северной широты, 2 градуса 43 минуты западной долготы, высота над уровнем моря 95 футов, склонение 13 градусов 43 минуты W (запад), три тармаковые дорожки по 50 ярдов

шириной, длина двух дорожек по 1100 ярдов. Одной 1700 ярдов, превалирующий ветер западно-юго-западный, холмы к югу от аэродрома до 1500 футов высоты, труба 150 футов полмили на север.

3. Питерхед, 3 мили к западу от Питерхеда (порт к северу от Абердина) 57 градусов 31 минута северной широты, 1 градус 48 минут западной долготы, высота над уровнем моря 150 футов, магнитное склонение 12 градусов 52 минуты W (запад), постоянные ориентиры вблизи аэродрома ночью гавань, дно водохранилища гавани Питерхед в одной миля к востоку и железная дорога 300 ярдов к северу, три тормаковых дорожки по 50 ярдов ширины, длина одной дорожки 1272, второй 1367 и третьей 1470 ярдов, превалирующий ветер юго-западный, препятствий нет.

4. Дайс около Абердина (в 6 и $\frac{1}{4}$ мили от этого шотландского центра), 57 градусов 15 минут северной широты, 2 градуса 15 минут западной долготы, высота над уровнем моря 237 футов, магнитное склонение 12 и $\frac{1}{2}$ градуса W (запад), три цементные дорожки по 50 ярдов ширины, длина первой 1000, второй 1000 – 1250, третьей 1000 – 1430 ярдов, преобладающий ветер южный, препятствие – холм к западу от аэродрома на расстоянии 1,5 миль, высота 550 футов, холм на юго-западе от аэродрома на расстоянии около двух миль, высота 600 футов над уровнем аэродрома.

5. Степень удобства аэродромов в порядке нумерации. Все они военные

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 11 – 12.

Документ № 4

«Британское посольство. Куйбышев, 27 апреля 1942 года.

Уважаемый господин Вышинский.

1. В настоящее время я получил ответ на некоторые вопросы, содержащиеся в Вашем письме от 25 апреля, относительно полёта советского самолёта в Шотландию.

2. Нижеследующее является описанием посадочной площадки в Тилинге, как запрашивалось в пункте 5 Вашего письма:

(1) Положение: широта – 56 градусов 32 минуты северная; долгота – 02 градуса 58 минут западная; аэродром находится на высоте 500 футов над уровнем моря, имеет две дорожки по 50 ярдов шириной каждая.

(2) Положение и длина: восток, северо-восток-запад, юго-запад, 1500 ярдов; запад, северо-запад-восток, юг-восток, 1300 ярдов.

(3) Периметр трека 35 футов, ширина неполная, но связывает концы дорожек.

(4) Не имеется препятствий в непосредственной близости к аэродрому, за исключением нескольких деревьев на северном конце дорожки, находящейся на востоке, северо-востоке-западе и юго-западе.

(5) Холмы высотой до 1500 футов в 1,5 милях на север от аэродрома, тянутся на юго-запад.

(6) На аэродроме только дорожка. Остальная поверхность непригодна. Аэродром находится всё ещё в распоряжении контракторов, чьи машины стоят на этом участке, но не дорожках.

(7) Приспособлений дляочных полётов не имеется.

(8) Аэродром не пригоден для посадки ночью.

3. Нижеследующее является специальными дополнительными аэродромами, как запрашивалось в пункте 6 Вашего письма (в случае необходимости):

Ист Форчун: широта 56 градусов 00 минут северная, долгота 02 градуса 42 минуты западная;

Питерхед: широта 57 градусов 00 минут северная, долгота 01 градус 42 минуты западная.

4. Ответы на вопрос относительно радиотелеграфных приспособлений, точно так же, как и позывные, которые должны быть использованы самолётом, а также и метеорологическая сводка, следуют. Телеграмма, однако, сообщает, что радиопеленгов с земли не будет.

5 Лондонские власти просили меня настаивать на том, чтобы прибытие самолёта было обязательно днём.

6. Они также просили меня сообщить, что команда самолёта должна быть проинструктирована о порядке пользования различными зелёными огнями Верей, как опознавательными сигналами.

7. Лондонские власти хотели бы также получить подтверждение того, чтобы самолёт, который полетит, ответил на описание, данное в параграфе № 1 Вашей телеграммы. Они также хотели бы знать его регистрационный номер и точное направление, от которого он предполагает приблизиться к британскому берегу.

8. Если эти детали, и дальнейшие детали, указанные в вышеприведённом параграфе № 4 будут своевременно сообщены команде самолёта, то лондонские власти соглашаются с отлётом самолёта этой ночью. Сердечно Ваш А. К. Керр».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 22 – 24.

Документ № 5

«Секретно. Посольство Великобритании. Куйбышев, 27 апреля 1942 года.

Уважаемый господин Вышинский.

1. Я получил нижеприведённую дополнительную информацию относительно приготовлений в связи с полётом в Шотландию.

2. Главное управление самолётом происходит из г. Розайт (группа № 18 Королевских Воздушных сил).

(1) от 7 часов по среднему Гринвичскому времени до 19 часов по среднему Гринвичскому времени на 6 000 килоциклах;

(2) от 19 часов по среднему Гринвичскому времени до 17 часов по среднему Гринвичскому времени на 3 215 килоциклах.

3. Позывной сигнал: S5K, мощность 2 киловатта.

4. Этот позывной сигнал должен быть применён для передачи сведений на самолёт и с самолёта. Самолёт должен поддерживать слушающую вахту на контрольной частоте периодами в 5 минут, каждые 10 минут и 40 минут после каждого часа.

5 Пеленгация имеется в Дайс. Позывной сигнал ВК5. Положение: 57 градусов 12 минут северной широты и 02 градуса 07 минут западной долготы (около 10 километров к северо-западу от Абердина). Частота – 4110 килоциклов, мощность – 2 киловатта.

6. Пеленгаторные указания могут быть получены:

Тилинг: позывной сигнал – X7S, частота – 4 630 килоциклов. Положение: 56 градусов 31 минута северной широты и 02 градуса 58 минут западной долготы.

Ист Форчюн: позывной сигнал – 1 (один) РР, частота – 4990 килоциклов. Положение: 56 градусов 00 минут северной широты и 02 градуса 42 минуты западной долготы.

Люкарс: позывной сигнал – Y6J, частота – 3595 килоциклов. Положение: 56 градусов 23 минуты северной широты и 02 градуса 54 минуты западной долготы.

Мощность всех передатчиков – 250 ватт (не имеется никаких пеленгаторных приспособлений в Питерхеде).

7. Радиомаяки имеются в следующих местах:

(а) 54 градуса 35 минут западной долготы;

(б) 57 градусов 32 минуты западной долготы.

8. Каждый маяк передаёт один позывной сигнал на четырёх частотах одновременно от 20 часов 30 минут по среднему Гринвичскому времени до, примерно, четырёх часов по среднему Гринвичскому времени. Если необходимо, то этот период будет расширен. Тип передатчика: беспрерывная волна. Характеристика: длинное тире, за которым следует позывной сигнал каждую минуту.

9. Позывные сигналы меняются каждую ночь. Для ночи с 27 на 28 апреля 1942 года позывные сигналы следующие: маяк (а) – позывной сигнал RR7, частоты: 394, 454, 654 и 825 килоциклов; маяк (б) – позывной сигнал НН7, частоты: 208, 378, 603 и 727 килоциклов

Мощность маяков – 1 киловатт.

10. Маяк с передачей сигналов ручным ключом мощностью 250 ватт будет иметься в Люкарсе, давая туже характеристику. Позывной сигнал – ВВ7, частота: 287 килоциклов.

11. Самолёт должен применять радиопозывной сигнал – 9ТW.

12. Международный «Q» код и средне Гринвичское время должны употребляться всё время.

13. Чтобы помочь опознанию самолёта, необходимо, чтобы, когда последний будет, примерно, в 100 километрах от берега, чтобы он передал своё положение группе № 18 по контрольной частоте.

Сердечно Ваш – за посла Леси Баггаллей.

Примечание переводчика Потрубач: позывные сигналы даны латинским шрифтом».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 30 – 32.

Документ № 6

«Уважаемый господин Вышинский.

В дополнение к моему вчерашнему письму, сообщавшему о радиотелеграфных приспособлениях и сведениях для полёта в Шотландию, я сообщаю следующие изменения в позывных знаках и частотах, упоминавшихся в указанном письме. Изменения должны быть сделаны для ночи с 28 на 29 апреля 1942 года.

Тилинг: пеленгаторная частота для ночи – 4920 килоциклов (вместо 4630); маяк (а): частоты для ночи следующие – 302, 430, 625, 705; позывной знак для ночи – КК7

2. Не имеется никаких изменений для маяка (б) и радиопеленгаторного маяка на аэродроме Люкарс, нет никаких изменений и в других сведениях.

3. Я прилагаю сводку погоды для периода времени, оканчивающегося в 14 часов британского летнего времени. Сердечно Ваш А. К. Керр.

Передано по ВЧ тов. Козыреву 28 апреля в 18 часов 20 минут.

Сводка погоды

Нижеследующее является метеорологическим предсказанием погоды для Северной Англии и северной части Северного моря за 24 часа, окончившиеся в 14 часов двухстороннего летнего времени (английское летнее время) 29 апреля.

Ветер на поверхности земли: юго-восточный, свежий; ветер на 10 000 футах восточно-юго-восточный, скорость 35 миль в час.

Вначале небольшая облачность или отсутствие облачности, затем повышение облачности на высоте 2 000 футов в ночь на 29 апреля и завтра (29 апреля). Видимость хорошая.

Риск очень низких слоистых облаков в южной части района завтра (29 апреля)».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 42.

Документ 7

«Секретно. Инструкция, относящаяся к полёту советского самолёта из Советского Союза в Великобританию в ночь на 11 мая 1942 года.

Общая часть

- (1) Советский самолёт должен пользоваться ответным знаком (сигналом) 2 КВХ
- (2) Международный «Q» код и Гринвичское среднее время должны быть в употреблении всё время.
- (3) Метеорологические сведения будут доставляться советскому самолёту в соответствии с кодом, о котором уже договорился обслуживающий персонал (обслуживающий беспроволочную связь) во время визита с 28 на 29 апреля.

Главное управление самолётом

(4) Главное управление самолётом осуществляется штабом группы № 18 Королевских Воздушных сил, позывной сигнал D5R, частота 3475 килоциклов.

- (5) Следующие аэродромы будут также наблюдать на частоте 3475 килоциклов:

 - **Тилинг** – позывной сигнал X5S;
 - **Ист Форчун** – позывной сигнал 1PP;
 - **Питерхед** – позывной сигнал M6M.

(6) Использование частоты 3475 килоциклов должно держаться до минимума, поскольку оно является частотой, приемлемой для бомбардировочных операций.

(7) Советский самолёт должен поддерживать наблюдение на частоте 3475 килоциклов периодами в 5 минут каждые 15 минут и 45 минут после каждого часа.

Высокая частота радиопеленгатора

(8) Средства высокой частоты радиопеленгатора доступны в:

Дайс – позывной сигнал BK5, частота 4110 килоциклов;

Тилинг – позывной сигнал X7S, частота 4920 килоциклов;

Ист Форчун – 1PP, частота 4990 килоциклов;

Люкарс – YGJ, частота 3595 килоциклов.

(9) Положение этих станций остаётся таким же, как оно было дано в параграфах 5 и 6 письма господина Керра от 27 апреля на имя господина Вышинского.

(10) **Тилинг** и **Ист Форчун** будут передавать пеленги советскому самолёту на частоте 3475 килоциклов.

(11) На аэродроме **Питерхед** средств высокой частоты радиопеленгатора не имеется.

Радиомаяки

(12) Радиомаяки доступны в положениях, данных в параграфе 7 письма господина Керра от 27 апреля на имя господина Вышинского.

(13) Позывные и частоты этих маяков следующие:

Маяк «А» (для ночи с 10 на 11 мая):

(i) до 23 часов Гринвичского времени – позывные NN7, частоты – 230, 267, 636 и 714 килоциклов;

(ii) от 23 часов до 24.30 Гринвичского времени – позывные KK7, частоты – 302, 430, 654 и 732 килоциклов;

(iii) после 2 часов 30 минут Гринвичского времени – позывные ZZ7, частоты – 176, 471, 469 и 732 килоциклов.

Примечание: имеется сомнение, вызванное погрешностью шифра, является ли частота 471 правильной.

Маяк «В» и **Люкарс**

Эти маяки будут работать так же, как для полёта с 28 на 29 апреля (смотри параграфы 9 и 10 письма Керра от 27 апреля на имя господина Вышинского).

(14) Если вылет задержится, для маяка «А» будут препровождены новые позывные и частоты.

Опознавательные знаки

(15) Чтобы помочь в опознавании, советский самолёт должен сообщить своё положение штабу группы № 18 на контрольной частоте, когда он будет находиться, примерно, в ста километрах от берега.

(16) Пиротехнический опознавательный сигнал самолёта должен быть в виде серии зелёных цветов «Верей».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 56 – 58.

Документ № 8

«Метеосводка для Северного моря и восточного побережья Шотландии до 50 миль вглубь территории для периода времени с 22 часов среднего Гринвичского времени 11 мая до 6 часов среднего Гринвичского времени 12 мая.

Ветер на поверхности восточно-северо-восточный, скорость от 20 до 25 миль в час. Ветер на высоте 10 000 футов юго-восточный или восточно-юго-восточный, скорость 30 миль в час. Облачность 10/10 с основанием от 300 до 600 футов в южной части с дождём и местной грозой. Облачность 10/10 с основанием от 600 до 1000 футов на Крайнем Севере с дождём местного значения. Видимость плохая в Южной Шотландии с туманом местного значения, но хорошая (видимость) на Крайнем Севере.

Дальнейшие перспективы: метеорологические условия, возможно, улучшатся для ночи с 12 на 13 мая. В связи с неблагоприятными условиями погоды для ночи с 11 на 12 мая настойчиво рекомендуется не делать попытки вылета в течение этого времени»

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 63 – 64.

Документ № 9

«Сведения о радиомаяке «А» в ночь с 11 на 12 мая.

До 21 часа 30 минут среднего Гринвичского времени:

позывные – RR7

частоты – 302, 430, 469, 625 килоциклов;

От 21 часа 34 минут до 23 часов 59 минут среднего Гринвичского времени:

позывные – PP7

частоты – 176, 230, 496, 625 килоциклов;

От 00 часов 04 минуты до 02 часов 30 минут среднего Гринвичского времени:

позывные – NN7

частоты – 230, 454, 732, 742 килоциклов;

После 02 часов 34 минут:

Позывные – ZZ7

Частоты – 267, 302, 654, 825».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, л. 66.

Документ № 10

1. Показали образцы высадочных средств и сообщили их количество:
 - а) катера на 25 человек. Имеют 25 катеров;
 - б) болиндера на 35 человек. Имеют 117 штук (будут иметь к 1. июля 135);
 - в) лёгкие вспомогательные катера для прикрытия, вооружённые одной мортирой и двумя крупнокалиберными пулемётами. Имеют 26 (будут иметь 36);
 - г) тяжёлые вспомогательные катера. Имеют 24 штуки.;
 - д) баржи для перевозки танков, каждая берёт один шестнадцатитонный танк. Имеют 72 баржи. Начиная с июня, будут получать из Америки по 10 барж в месяц;
 - е) болиндера для перевозки танков, каждый берёт 10 танков «Матильда» или 6 танков «Черчилль». Имеют 63 единицы. К 1 августа будут иметь 100 штук;
 - ж) Строят в Америке болиндера для перевозки танков вместимостью 25 средних танков каждый. Имеют три единицы. К апрелю 1943 года будут иметь 200 штук.

2. При наличии этих высадочных средств Маунтбэттен заявил, что могут высадить войск одновременно только 12 000 человек.

3. В 1943 году смогут высадить одновременно около 100 000 человек и 9 000 танков.

4. Заявил, что сейчас недостаёт истребителей дальнего действия (с подвесными баками) и что в 1943 году будут иметь 60 эскадр.

5. Согласился с тем, что высадку надо производить на европейский берег.

Товарищ Исаев указал ему, что они могут использовать для высадки вспомогательный флот, на что Маунтбэттен ответил, что наличие специальных средств может им дать основание для высадки десанта, ссылаясь на отсутствие вооружения на кораблях вспомогательного флота и на их большую осадку, что затрудняет подход к берегу.

В течение всей беседы подчёркивал, что они хотят нам помочь и что как только они будут готовы к этому, немедленно будут делать, а в 1942 году смогут проводить только диверсионные операции, одну малую операцию каждые две недели и одну большую каждые шесть недель. Одновременно указал, что этими операциями они рассчитывают оттянуть часть авиации с нашего фронта.

6. В течение всей беседы старался подчеркнуть, что они не могут делать больших операций по технической неподготовленности. Неоднократно указывал, что бомбардировка (например, Росток) делается ими целеустремлённо с задачей помочь нам.

7. После такой постановки вопроса товарищ Исаев указал ему, что тогда вы активизируйте действия ваших воздушных сил, разрушая его промышленные и железнодорожные узлы.

8. Маунтбэттен обещал активизировать действия авиации и проводить комбинированные операции интенсивнее, чтобы заставить немцев оттянуть часть авиации с нашего фронта на запад.

Наши замечания:

1. Все цифры по высадочным средствам были, видимо, специально подготовлены, чтобы доказать этим невозможность высадки в этом году. Ссылку на нехватку истребителей дальнего действия также выставляют, как аргумент невозможности делать высадку в этом году.

2. Совещание не имело практического смысла, так как явилось продолжением последовательного доказательства невозможности проведения операции в этом году».

Документ № 11

В продолжение переговоров, состоявшихся в Москве в декабре 1941 года между Председателем СНК господином И. В. Сталиным и народным комиссаром иностранных дел господином В. М. Молотовым, с одной стороны, и министром иностранных дел господином Антонио Иденом, с другой, по вопросам ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе, в Лондоне между 21 и 26 мая и снова по возвращении господина Молотова после переговоров с Президентом Рузвельтом и Правительством Соединённых Штатов между 9 и (пропуск. – A. C.) июня состоялись дальнейшие переговоры между господином Винстоном С. Черчиллем и господином Молотовым.

Переговоры закончились подписанием 26 мая Договора о союзе в нынешней войне и взаимной помощи после войны, опубликованного сегодня. Переговоры охватили широкий круг вопросов, в которых взаимно заинтересованы оба правительства, включая в особенности вопрос, связанный с интенсивным ведением войны до окончательной и полной победы над Германией и странами, объединившимися с ней в актах агрессии в Европе. Координация планов, направленных на достижение этой цели, составляла часть тех вопросов, которые были обсуждены.

Оба правительства согласились с тем, что результаты совещаний с господином Молотовым, как здесь, так и в Вашингтоне, будут иметь далеко идущее значение и принесут чрезвычайно большую пользу как им, так и делу объединённых наций».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 50, папка № 5, лл. 39 – 40.

Документ № 12

«Командиру корабля майору Пусэп.

Данные по радиосвязи те же, что были 19 мая. Повторяю: волна земли основная 161, запасная – 157. Позывной UFY. Волна самолёта основная 142, запасная – 149. Позывной ТЕТ. Ключи радиопередающей таблицы: горизонтальный – 0618497532, вертикальный – 0736951524, метеокод – 2681309754.

Данные ЗОС до 20 июня: Клин – 675, позывной БШ, Загорск – 725, позывной ВФ, Раменское – 287, позывной БИ, маяк Монино – 387, позывной МГ.

Данные ШВРС-15, время московское. В ночь с 11 на 12 июня: 20.07 – 24.00 частота 827, позывной НУ; 24.07 – 03.00 частота 859, позывной ГД; 03.00 – 07.00 частота 886, позывной РД. В ночь с 12 на 13 июня: 20.04 – 24.00 частота 804, позывной ДН; 24.07 – 03.00 частота 909, позывной ВГ; 03.00 – 07.00 частота 859, позывной ВР. В ночь с 13 на 14 июня: 20.07 – 24.00 частота 886, позывной НУ; 24.07 – 03.00 частота 827, позывной ГД; 03.00 – 07.00 частота 804, позывной РД. В ночь с 14 на 15 июня: 20.07 – 24.00 частота 886, позывной ОВ; 24.07 – 03.00 частота 827, позывной ОВ; 03.07 – 07.00 частота 909, позывной ОВ.

Сигнал «я свой». 11 июня: в светлое время 2 зелёные ракеты и 3 – 5 левых кренов, в тёмное время – одна зелёная ракета и 3 – 5 сигналов бортовыми огнями. 12 июня: в светлое время зелёная и красная ракеты и 3 – 5 покачиваний с крыла на крыло, в тёмное время – одна красная ракета и 3 – 5 продолжительных миганий бортовыми огнями. 13 июня: все сутки одна зелёная ракета и в светлое время 3 – 5 правых кренов, в тёмное время – короткий сигнал бортовыми огнями, повторенный 3 – 5 раз. 14 июня: в светлое время 2 красные ракеты и

покачивание с крыла на крыло, в ночное время – одна белая ракета и 3 – 5 коротких сигнала бортовыми огнями. 15 июня сигналы такие же, как 13 июня.

Прогноз погоды по территории Московской, Калининской, Смоленской и югу Ленинградской областей на 11 – 13 июня 1942 года.

Погода над этой территорией в течение 11 – 13 июня будет определяться продвижением частично циклона с Финского залива к востоку и циклона с системой фронтов с Центральной Европы на северо-восток.

На период от 18 часов 11 июня до 19 часов 12 июня:

А). По Московской области и восточным районам Калининской и Смоленской областей – небольшая высокая и средняя облачность высотой выше 1 000 метров, видимость хорошая, ветер у земли юго-западный, 10 – 15 км/час, на высоте 3 километра – западный, 30 – 40 км/час.

Б). По Ленинградской области и западным районам Калининской и Смоленской областей – облачность значительная до полной (7 – 10 баллов), слоисто-кучевая и слоисто-дождевая, высота около 600 метров, верхняя граница облаков до 4 километров (многоярусная). Ночью местами дождь с понижением облаков до 300 метров и с ухудшением видимости до 2 – 4 километров. Ветер у земли юго-западный. 15 – 20 км/час, на высоте 3 километра – западный, 30 – 40 км/час. В облаках слабое обледенение (преимущественно на высоте 1 – 2 километра).

На период от 9 часов 12 июня до 19 часов 13 июня.

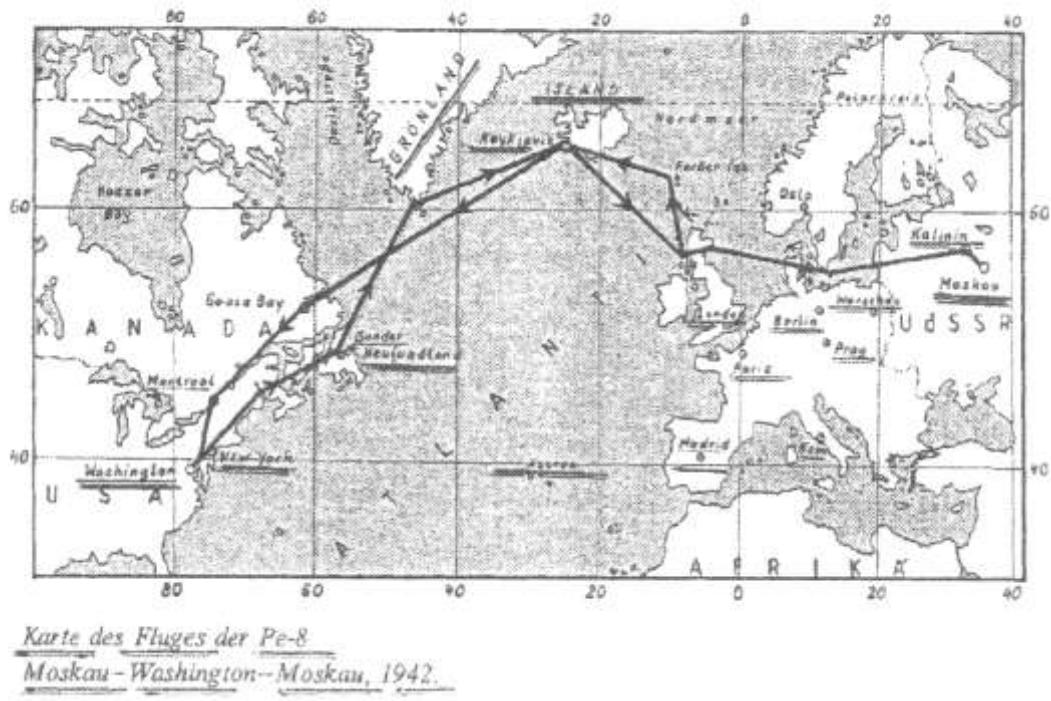
По всей территории погода неустойчивая. Меняющаяся облачность от прояснений до значительной и сплошной высотой до 200 – 300 метров. Видимость 4 – 10 километров и больше с ухудшением в дожде до двух километров. Переход ветров в Ленинградской области на северную четверть 3 – 5 баллов в остальных областях. Ветер неустойчивый, переходящий от южных к северным, 2 – 4 балла, временами до 5 баллов. Температура в южных районах Ленинградской области ночью 4 – 7 градусов, днём 9 – 12 градусов, в остальных областях температура днём 12 июня 18 – 22 градуса, в ночь на 13 июня 6 – 9 градусов, днём 13 июня 14 – 18 градусов».

PS. На обороте листа с этой метеосводкой рукой Голованова красным карандашом написано: «При полёте в ночь с 11 на 12 июня наиболее благоприятный циклон, находящийся в Балтике, надлежит проходить верхом. Севернее оси маршрута верхняя граница облачности будет ниже, южнее оси – выше. Погода Москвы к моменту посадки малооблачная».

АВП, ф. Секретариат Молотова, оп. 4, д. 55, папка 6, лл. 115 – 117.

Документ № 13

Географическое изображение маршрута.

Документ № 14

**Маршрут полёта Москва – Лондон – Вашингтон – Лондон – Москва
(19 мая – 12 июня 1842 года)²⁷⁷**

Участки маршрута полёта	Расстояние в км	Скорость км/час	Время полёта (расчётное)
Москва – Тилинг	2600	400	6 час.30 мин.
Тилинг – Фарерские острова	600	400	1 час 30 мин.
Фарерские острова – Рейкьявик	760	400	1 час 54 мин.
Рейкьявик – Гус-Бей	2400	400	6 час. 30 мин
Гус-Бей – Монреаль	1280	400	3 час. 20 мин.
Монреаль – Вашингтон	800	400	2 часа.
Всего	8440		21 час 04 мин.
Вашингтон – Гандер	2080	400	5 час. 12 мин.
Гандер – мыс Гренландии	1600	400	4 часа.
Мыс Гренландии – Рейкьявик	1200	400	3 часа.
Рейкьявик – Тилинг	1200	400	3 часа.
Тилинг – Москва	2600	400	6 час. 39 мин.
Всего	8680		21 час 42 мин.

²⁷⁷ Таблица составлена бывшим штурманом Дальней авиации С.С. Михединым, летавшим в послевоенные годы с одним из прославленных лётчиков 45-й авиадивизии, Героем Советского Союза С.С. Сугаком.

Документ №15

Наградные листы на Героев Советского Союза экипажа Э.К. Пусэпа

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ПУСЭП Эндель Карлович
 2. Звание майор 3. Должность, часть командир корабля
746 авиационного полка ДД.
- Представляется к награде - званию Герой Советского Союза
4. Год рождения 1909г. 5. Национальность астронец 6. Партийность чл. ВКП(б) с 1940года.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) - Участвовал в боях с белофинами.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
 9. С какого времени в Красной Армии с 1928г. 10. Кем призван РВК
11. Чем раньше награжден (за какие отличия) орденом "Красное Знамя" и орденом "Красная Звезда".
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи
П/о Кратово, Московской обл., п/яц II.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. Пусеп является летчиком. Летает днем и ночью в сложных метеоусловиях. В действующей армии с июля месяца 1941г.

За этот период имеет 30очных боевых вылетов по ближним и дальним тылам пр-ка, в т.ч. 1 вылет за Берлин, 2 вылета на Данциг, Кенигсберг, Вильно и другие крупные объекты противника.

За это время имеет 163 часа ночного боевого налета, при этом сбросив по целям противника 100000 кгр. бомб и свыше 3-х миллионов листовок на русском и немецком языках.

За отличное выполнение боевых заданий награжден орденом "Красное Знамя". После награждения имеет 27 боевыхочных вылетов. В воздухе инициативен, является золотым и настойчивым командиром при выполнении боевых заданий командования.

Выполняя боевое задание в сложных метеоусловиях, при неоднократном обледенении и сплошной облачности, т. Пусеп уверенно ведет самолет для уничтожения врага.

- 2.

Неоднократно корабль подвергался обстрелу ЗА пр-ка, т. ПУСЭП искусно маневрируя ,уверенно и точно выводил корабль на боевой курс и успешно поражал цель.

При ночном бомбометании жл. дор. узла Витебск при сильном противодействии ЗА, прожекторов и истребителей противника, экипаж корабля отлично выполнил задание, при этом был сбит истребитель противника.

Уходит от цели только тогда, когда все бомбы сброшены точно по цели.

Так например, при бомбометании жл. дор. узла г.Смоленск с высоты 4000 метров, при сильном противодействии ЗА крупного и среднего калибра и 30-ти мощных прожекторов, корабль т.Пусэпа сделал четыре захода ,бросив бомбы крупного калибра точно по цели, чем вызвал большие разрушения и пожары.

Отличный организатор. Умело организует работу на корабле. Дисциплинированный и культурный командир. Политически развит хорошо. Активно участвует в партийно-массовой работе. Делу партии Ленина-Стилина и Социалистической Родине предан.

ВЫВОД: За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых заданий достоин высшей правительенной награды - присвоения звания Героя Советского Союза.

КОМАНДИР ПОЛКА
ПОЛКОВНИК -ЛЕБЕДЕВ- подпись

ВОЕНКОМ ПОЛКА
ПОЛКОВОЙ КОМИССАР /БРИЗГИН/
подпись

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ПОДПОЛКОВНИК -ИВАЩЕНКО -подпись

22 апреля 1942г.
/Гербовая печать/.

По данному представлению майору ПУСЭП Эндель Карловичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.6.1942года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Леница и медали "Золотая Звезда".

ОСНОВАНИЕ: Арх.МО СССР, ф.53, оп.793756, д 39.лл.II9-I20.
отп.Чурюкина.

КОПИЯ В ФРН: ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА 1 ОТДЕЛА
ПОДПОЛКОВНИК *Г.Тараевский*
(ТАРАКОВ)

21 марта 1968г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, ини и отчество ШТЕПЕНКО Александр Павлович

2. Звание майор

3. Должность, чисть штурман эскадрильи 746
авиационного полка ДД.

Представляется к награде - званию Героя Советского Союза.

4. Год рождения 1904 г. 5. Национальность украинец 6. Партийность чл. ЭКП(б) с 1941 г.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) участвовал в боях с белофиннами.

8. Писает ли ранения и контузии в отечественной войне нет.

9. С какого времени в Красной Армии с 1926 г.

10. Какими РВК призван

11. Чем раньше награжден (за какие отличия) 1. Орденом трудового "Красного Знамени".

2. Орденом "Красного Знамени". 3. Медалью "За трудовое отличие".

12. Постоянный настоящий адрес представляемого к награждению к адрес его семьи

П/о Кратово, Московская область, п/ящ. II.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. ШТЕПЕНКО является квалифицированным отличным штурманом. Являясь штурманом эскадрильи, умел учить и передает свой опыт и знания штурманам и бомбардиром АЭ. Летал с командиром корабля Героем Сов. Союза ВОДОЛЬЯНОВЫМ, сейчас летает с ком-ром корабля т. АСАНОВЫМ. Имеет за время Отечественной войны 28 боевых вылетов ночью, с налетом 153 часа по близким и глубоким тылам противника, в т.ч. на Берлин 1 вылет, 2 вылета на Данциг, Кенигсберг, Вильно и проч. Сброшено бомб 87 тонн, разбросано над территорией пр-ка 3.840 тыс.штук листовок. За отличное выполнение боевых заданий в феврале и-це 1942 г. был награжден орденом "Красного Знамени". После награждения имеет 15 боевых-ночных вылетов. Как штурман в совершенстве владеет самолетоходением днем, ночью и в сложных метеоусловиях. Всегда точно и уверенно приводит корабль на цель, все задания по бомбардированию об'ектов пр-ка выполняет только отлично.

При обстреле зенитной артиллерией противника хладнокровен, на-
стойчив. Уходит от цели только тогда, когда задание выполнит полностью
сбросив бомбы в цель и просмотрев вызванные пожары и взрывы. В одном из боевых вылетов осколком от снаряда вышел из строя 3-й мотор, на-

свой аэродром или на трех моторах, привезли пробоины в самолете. Приходя на цель в плохую погоду, точно разыскивает ее, находясь над ней 30-40 минут, делая по несколько заходов и маневрируя от ЗА противника. Широко применяет светящиеся бомбы, определяет местонахождение зенитных точек и привозит ценные развед. данные о противнике. Большой энтузиасточных боевых вылетов, своими бомбардировочными налетами наносит большой ущерб пр-ку. Так например: 7.3.42г. при бомбометании жел.дор.узла Вязьма на высоте 4500 метров под сильным огнем зенитной артиллерии: 30 точек среднего калибра, 3-х точек крупного калибра и 6-ти прожекторов - все 24 бомбы - 3200 кгр. точно накрыли жел.дор.узел с находившимися там эшелонами и вызвали пожары.

8.3.42г. при бомбометании жел.дор.узла Минск, сбросил 28 бомб - 3400 кгр., вызвав на станции 5 больших пожаров. Политически развит хорошо, в партийно-массовой работе принимает активное участие. Делу партии Ленина-Сталина и соц. Родине предан.

ВЫВОД: За мужество и героизм, проявленный при выполнении боевых заданий достоин высшей правительенной награды - присвоения звания Героя Советского Союза.

КОМАНДИР ПОЛКА
полковник ЛЕБЕДЕВ

ВОЕНКОМ ПОЛКА
полковой комиссар БРОЗГИН

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
подполковник ИВАЩЕНКО

22 апреля 1942г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ

Достоин высшей правительенной награды -
"Герой Советского Союза".

КОМАНДУЮЩИЙ АВИАЦИЕЙ АД
генерал-лейтенант авиации ГОЛОВАНОВ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА АД
дивизионный комиссар ГУРЬЯНОВ

15 июня 1942г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА(ОКРУГА)

Указом Президиума Верховного Совета ССР от 20.06.1942г.
присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина
и медали "Золотая Звезда".

Архив МО СССР, ф.33, оп.793756, д.55, лл.204,205.

КОПИЯ ВЕРНА:

"15 мая 1964г."

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество РОМАНОВ Сергей Михайлович
 2. Звание майор 3. Должность, часть штурман полка
746 авиационного полка ДД
 Представляется к награде орденом "ЛЕНИНА"
 4. Год рождения 1908 5. Национальность русский 6. Партийность чл. ВКП(б)/б/-29г.
 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной
 войне (где, когда) - не участвовал
 8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
 9. С какого времени в Красной Армии с 1927 г. 10. Каким РВК призван

11. Чем раньше награжден из каких отличий орденом "Красное Знамя" - за отличное
выполнение боевых заданий по борьбе с немецкими захватчиками
 12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи
г/о Кратово, Московская обл., п/яц. № 11

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

В действующей армии с 26.6.1941 г. За время боевых действий имеет 21 боевой вылет ночью в экипаже подполковника т. Пахомчик. Мужественный и расчетливый штурман. До войны работал преподавателем по штурманскому делу в ВВА КА. В Отечественной войне проявляет примеры мужества и отваги. Летал ночью бомбить глубокие тылы противника и аэродромы.

За отличное выполнение боевых заданий награжден орденом "Красное Знамя". После награждения сделал еще 9 боевых вылетов ночью по тылам пр-ва и аэродромам Минск, Смоленск, Витебск.

Так например: 22.2 с/г бомбил Витебский жел.дор.узел с высоты 6500 метров. Отмечено прямое попадание по эшелонам с боеприпасами, вызваны 3 сильных взрыва и 3 очага пожара.

23.2. с/г бомбил Витебский жел.дор.узел с высоты 5300 метров
 отмечено также прямое попадание в эшелоны с боеприпасами.

402-224

- 2 -

18.3.1942 г. - жел.дор.узел Вязьма, отмечено прямое попадание в эшелоны с последующими сильными взрывами.

28.3. о/г с высоты 900 метров, приведя корабль в сплошной облачности на цель, бомбадировал жел.дор. узел г. Минск.

При сильном заградительном огне ЗА противника были отмечены прямые попадания по цели - жел.дор.эшелоны пр-ка. Задание было выполнено на отлично.

31.3.о/г водил корабль для выполнения особого правительенного задания в районе Киева, задание было выполнено отлично.

В полете инициативен, хладнокровен. Отлично знает и использует все способы самолетовождения ночью в сложных метеоусловиях.

Работая штурманом полка тщательно готовит штурманов к боевым заданиям. Среди всего личного состава пользуется большим авторитетом. Исключительно способный, трудолюбивый штурман. Деду партии Ленина - Сталина и Социалистической родине предак.

ВЫВОД: За личное мужество и отличное выполнение боевых заданий достоин правительенной награды орденом "ЛЕНИНА".

КОМАНДИР ПОЛКА

Полковник - ЛЕБЕДЕВ - подпись

ВОЕННОМ ПОЛКА

Полковой комиссар - БРЮЗГИН - подпись

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Подполковник - ИВАЩЕНКО - подпись

22 апреля 1942 г.
Гербовая печать/

40-229

- 3 -

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ

Достоин высшей правительственные награды -
 "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".

КОМАНДУЮЩИЙ АВИАЦИЕЙ ДД
 Генерал-лейтенант авиации
 ГОЛОВАНОВ-подпись

Член ВОЕННОГО СОВЕТА АДД
 Дивизионный комиссар - ГУРЬЯНОВ-подпись

15 июня 1942 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением
 ордена Ленина и медали "Золотая Звезда".

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.6.1942 г.

Основание: оп. 793756, д. 40, л.276-277.

Копия верна: НАЧАЛЬНИК АРХИВОХРАНИЛИЩА
 Подполковник
Борщевец ВЕРЫЦКИИ

10 декабря 1963 г.
 отп. Мягкова

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество АСЯМОВ Сергей Александрович
2. Звание майор 3. Должность, часть командир корабля
746 авиационного полка ПЛ
- Представляется к званию "Герой Советского Союза" чл. ВКП(б)
4. Год рождения 1907 5. Национальность русский 6. Партийность с 1942г.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) не участвовал
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 1929г. 10. Каким РВК призван
11. Чем раньше награжден (за какие отличия) орденом "Красное Знамя" в борьбе с немецкими захватчиками
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи
п/о Кратово, Московской обл., п/я № II.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. АСЯМОВ – отличный летчик. Летает днем и ночью в сложных метеоусловиях. В действующей армии с июля месяца 1941г. За это время имеет 30 боевыхочных вылетов по ближним и дальним тылам противника. За успешное выполнение боевых заданий командования награжден орденом "Красное Знамя". После награждения имеет 18 боевых вылетов. Летает со штурманом майором ШТЕПЕНКО. За боевые вылеты сброшено бомб по целям противника 100000 кг. и разбросано листовок выше 3 миллионов.

Выполняя боевое задание в сложных метеоусловиях, попадая в обледенение и сплошную облачность при полной невидимости земли т. АСЯМОВ уверенно ведет корабль к вражеской цели.

Находясь над целью, часто подвергался зенитному обстрелу крупного и среднего калибра и попадал в лучи прожекторов. При этом проявляет исключительное хладнокровие и выдержку, стремясь отлично выполнить боевое задание и сбросить бомбы только в цель.

3 - 260

2. -

При выполнении боевого задания по ж.д.узду г. Минск, в районе цели была низкая сплошная облачность, несмотря на то, что корабль имел бомбы крупного калибра, т. АСЯМОВ принимает решение – производить бомбометание из-под облаков. Снизившись до высоты 400-600 метров, корабль попал под сильный обстрел ЗА противника. Осколком снаряда был выведен из строя один мотор, возник пожар, проявляя исключительное хладнокровие и выдержку, точно выдержав боевой курс, т. АСЯМОВ обеспечил отличное выполнение задания. Все бомбы были сброшены по цели, чем вызвали большие наземные пожары.

Возникший пожар на моторе был быстро ликвидирован экипажем корабля и т. АСЯМОВ на 3 моторах благополучно привел корабль на свой аэродром.

При бомбардировании ж.д.узла г. Орша после того как были сброшены бомбы по врагу, на обратном маршруте была замечена автоколонна противника. Тов. АСЯМОВ принял решение – уничтожить ее. Снизившись до высоты 400 м, т. АСЯМОВ дал команду – открыть огонь из бортовой артиллерии по врагу. Несколько вражеских автомашин было уничтожено.

Экипаж т. АСЯМОВА является передовым экипажем в полку по выполнению боевого задания.

Дисциплинированный и золевой командир. Отличный организатор. Политически развит хорошо. Принимает активное участие в политмассовой работе части.

Делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине предан.

ВЫВОД: За личное мужество и героизм, проявленный при выполнении боевых заданий командования, достоин высшей правительственный награды – присвоения звания "Герой Советского Союза".

пп КОМАНДИР ПОЛКА
ПОЛКОВНИК ЛЕБЕДЕВ.

пп ВОЕНКОМ ПОЛКА
ПОЛКОВОЙ КОМИССАР
БРЮЗГИН.

З. -

По данному представлению майору АСЯМОЕУ Сергею Александровичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.6.42г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда".

ОСНОВАНИЕ: Архив МО СССР, ф.33. оп.793756, д.3,

КОПИЯ ВЕРНА: ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА 1 ОТДЕЛА
ПОДПОЛКОВНИК

Р. Ткачев

(ТАРАКАНОВ)

"19" сентября 1968г.

(АДД)

Счит. *Ф. Ткачев*
кт

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Заместителя командира эскадрильи 25 бвардейского авиаполка ДД
Гвардии майора ОБУХОВА Василия Михайловича

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
(наименование награды)

1. Год рождения 1909 г.
2. Национальность русский
3. Социальное положение рабочий
4. Партийность чл. ВКП(б) с 1930 г.
5. С какого времени в РККА с 1941 г.
6. Участие в гражданской войне не участвовал
7. Ранения и контузии не имеет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что - представлялся и награжден.
9. Какие имеет поощрения и награды и за что - Орден Ленина УНВС СССР 20.6.42 г., орденом Красного Знамени УНВС СССР 22.10.41 г., орденом Отечественной войны I-й степени, пр. АДД № 071/н от 12.2. 1943 года.
10. Постоянный адрес - 25 ГАП ДД

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В действующей армии с начала Отечественной войны. С декабря 1941 г. летал на самолете ИЛ-4 в 212 ДБ АП, где совершил 16 боевых дневных вылетов с налетом 834.07 м. За мужество и отвагу, проявленную в боях с немецкими захватчиками, награжден орденом Красного Знамени 22.10.41 г. Всего за период Отечественной войны совершил 156 успешно выполненных, боевых вылетов, из них 18 боевых вылетов днем и 140 боевых вылетов ночью, с боевым налетом днем 834.07 и.., ночь - 6604.57 м. Общий налет на всех типах самолетов: днем 26524.54 м., ночь 7464.40 м. С мая 1942 г. летает в качестве командира корабля на самолете Пе-8 со штурманом гвардии капитаном Кохоненко, 2-й летчик гвардии капитан Соловьев, борттехник гв. инж. капитан Громов, помборт-техник гв. ст. техник-лейтенант Гафин, стрелок-радист гв. мл. лейтенант Муханов, стр. бомбардир гв. старшина Горбачков, возд. стрелки: гв. старшина Кахранцов, гв. старшина Стrogанов, гв. ст. сержант Позжик и гв. ст. сержант Онищенко. Совершил 140 боевых, успешно выполненных,очных вылетов с налетом 660 ч.57 м по бомбардированию и.д. узлов противника. Семьочных боевых вылетов совершил в глубокий тыл противника: Конигсберг-3 18.7.42 г., 20.7.42 г., 29.8.42 г., Бухарест - I 13.9.42 г., Данциг-1 18.8.42 г., Инстербург-I 22.4.43 г., Варшава-I 12.5.43 г., кроме того участвовал в перелете по спецзаданию: СССР-Англия-США-Англия-СССР, 19.5.42 г. в качестве второго летчика в составе экипажа Героя Советского Союза подполковника ПУСЭП, за что был награжден орденом Ленина 20.6.42 г.

- 2 -

Все боевые задания командования выполняет успешно при любых метеоусловиях. В полетах проявляет мастерство самолетовождения в сложных метеоусловиях, настойчивость, смелость и выдержку. Отлично владеет слепым самолетовождением. За доблесть и мужество проявленные в боях с немецкими фашистами награжден орденом "Отечественной войны I-й степени" 18.2.43 г.

После последнего награждения совершил 62очных боевых вылета с налетом 315ч.20м., из них в глубокий тыл противника 2 боевых вылета: Варшава-I 12.5.43 г., Инстербург-I 22.4.43 г. Гвардии майор ОБУХОВ смелый и выдержаный воин Красной Армии. Он сумел совершить на одном самолете со своим экипажем 152 боевых вылета, без единой поломки, аварий и боевых потерь. Его корабль выработал полностью самолеторесурс. После профилактического просмотра силами экипажа, его корабль снова вошел в строй и выполняет боевые задания. Отличный летчик, волевой командир. При выполнении боевых заданий проявляет мужество, смелость, выдержку. Так при выполнении боевого задания 27.9.42 г. по бомбардированию ж.д. узла Стаск-Демянск, над целью отказало два мотора с одной стороны, но корабль, управляемый майором Обуховым, успешно выполнил боевое задание и привел корабль на свой аэродром.

При бомбардировании г. Кенигсберг 23.7.42 г. сдали два мотора с правой стороны, но т. ОБУХОВ не растерялся и благополучно привел корабль на свой аэродром. Имеет много результатов отличного бомбометания, так например: после бомбардировки ж.д. дор. узла Вязьма 26.12.42 г., в течение всей ночи над целью наблюдались сильные взрывы и пожары и было уничтожено до 6 ж.д. дор. эшелонов с паровозами. При бомбардировании ж.д. узла Киев-пассажирская 2.6.43 г. после сбрасывания бомб с корабля гвардии майора ОБУХОВА на ж.д. узле возник взрыв большой силы, сопровождавшийся сильным пожаром, видимым при отходе от цели на расстоянии 110-120 км.

Тов. ОБУХОВ участвовал в боях по ликвидации летнего немецкого наступления на Орловско-Курской и Белгородском направлениях, где совершил 4очных боевых, успешно выполненных вылетов с налетом 13 ч.

Кроме боевой работы, гвардии майор ОБУХОВ успешно справляется с обязанностями заместителя коменданта эскадрильи. В повседневной работе воспитывает своих подчиненных в духе высокой воинской дисциплины, воспитывая у них такие же качества мужества и отваги при выполнении боевого задания командования.

За время всей боевой работы экипаж ОБУХОВА не имеет ни одного случая потери ориентировки. Политически развит. Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан.

За образцовое выполнение боевых заданий командование да Фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество, доблесть и геройство - достоин высшей Правительственной награды присвоения звания - "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".

КОМАНДИР 25 ГАП ДД
ГВАРДИИ ПОДПОЛКОВНИК

/АБРАМОВ/

26.10.43 г.

ДОСТОИН высшей правительственные награды
"ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА"

КОМАНДИР 45 АД ДД
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР А.И.АЦИИ

/ЛЕБЕДЕВ/

27 октября 1943 г.

Присвоено звание Героя
Советского Союза с вручением
ордена Ленина и медали Золотая
Звезда.

Указ от 13.3.44 г.

Основание: Опись 793756 д.35 л.16

ВЕРНО: НАЧАЛЬНИК АРХИВОХРАНИЛИЩА
/ЕФРЕМОВ/

" " ноября 1963 г.

Лебедев
(45 архз)

С. Ефремов

Документ № 16 (Стилистика сохранена).

«Многоуважаемый Максим Максимович!

В дополнение к прошлой справке об общественном мнении по вопросу открытия второго фронта, я хотел бы высказать ещё несколько замечаний по этому вопросу в связи с его актуальной важностью в настоящее время.

Все либеральные круги Холливуда настроены за открытие второго фронта, но мало высказываются открыто об этом на различных сборах вследствие того, что холливудская публика в настоящее время натолкнулась на значительную цензуру со стороны Вашингтона. В доказательство этого можно привести ту обстановку, которая наблюдалась на обеде холливудской публики 20 июля 1942 года. Организаторы обеда – члены Антифашистского Комитета – чтобы показать, что Холливуд настроен за открытие второго фронта, многим лицам, которые должны были выступать на этом вечере, дали специальные шпаргалки, в которых был указан тон их выступлений, конечно, за основу было принято требование открытия второго фронта.

Фактически же за открытие второго фронта выступил только представитель «Свободной Франции» капитан Перригор, все же остальные докладчики уклонились от высказываний за открытие второго фронта, так как помощник цензора над выпуском кинокартины из Холливуда, заявил, что Вашингтон не намерен пока принимать каких-либо действий по открытию второго фронта и что даже нет общего единства по этому вопросу в washingtonских кругах.

...Местные военные круги относятся ещё холодно к открытию второго фронта, несмотря даже на создавшуюся обстановку. 14 июля я разговаривал с командующим обороны южной части Калифорнии генерал-майором Муррэй, который мне заявил, что согласно сведений от недавно прибывшего человека из Вашингтона, американское командование считает, что у нас имеется в этом году больше шансов на разгром фашистов и что Красная Армия отступает не потому, что она ослаблена, а потому, что она хочет занять более укреплённые рубежи, в крайнем случае, заявил Муррэй, если немцы возьмут Кавказ, то американцы полагают, что Гитлер долго не сможет воспользоваться богатствами Кавказа и нефтью, рассчитывая, что Красная Армия при отступлении уничтожит нефтедобывающие приспособления.

22 июля, разговаривая с английским канцлером Артуром Клаф, который заявил в очень утвердительном тоне, что второй фронт будет открыт, но он не может сказать ни время ни место. Далее он заявил, что он получает телеграфные сообщения от всех ведущих газет Англии и что тон высказываний последних на открытие второго фронта настолько силён, что, по его мнению, не может быть никаких сомнений, что они сыграют свою роль в открытии второго фронта.

Одновременно следует отметить, что за последнее время усилились высказывания среди всех кругов общественности, что неминуемо нападение Японии на СССР и характерно отметить, что в этом рассматривается, как спасение США и Китая, в том числе и генерал-майор Муррэй заявил, что, мол, США получат базы в СССР для авиации и усиленными бомбардировками японских производственных центров, они могут выбить Японию из войны, полагая, что после разрушения производственной мощи Японии и блокирования её, Япония не сможет получить вооружений извне, и не будет иметь собственных.

Ряд лиц высказывают некоторое негодование почему, мол, СССР, зная, что Япония нападёт на него, не намерен напасть первым? Даже больше того, американское и английское командование сменили коды, которые давались торговым судам, в том числе и нашим. Эта смена произведена и потому, что, мол, американцы не ручаются за нас. Что мы не могли передать этот код японцам или каким-либо образом не могли японцы узнать о коде.

Вице-консул СССР в Лос-Анджелесе А. А. Скорюков».

АВП, ф. 0129, оп. 26, папка 143, д. 11, лл. 7, 8, 11.

Документ № 17 (Стилистика сохранена).

«Товарищ Скорюков отмечает, что «вопрос об открытии второго фронта популярен во всех кругах общественности. Особенно сочувственно относятся к этому вопросу славяне и выходцы из России. За открытие второго фронта выступают также и военные круги, рабочие (прогрессивная часть), выражая недовольство англичанами за их медлительность.

22 мая 1942 года состоялся митинг, где выступавший с докладом Ч. Чаплин внёс предложение послать Рузвельту телеграмму с требованием открытия второго фронта. Это предложение было единодушно поддержано.

22 июня 1942 года состоялся митинг славян, на котором выступил контр-адмирал Акулин, здесь также была принята резолюция и послана Рузвельту.

24 июня 1942 года на обеде шестисот представителей от двухсот еврейских организаций объявили о помощи 2 000 000 польским эмигрантам, и теперь посыпают в СССР 120 000 долларов ежемесячно. Кому посыпают деньги, товарищ Скорюков не сообщает. В принятой резолюции, между прочим, говорится: «Мы хотим поздравить президента Рузвельта и СССР в связи с недавним совместным заявлением о необходимости открытия второго фронта»... В конце резолюции они просили вице-консула передать эту резолюцию советскому правительству.

Относительно прессы товарищ Скорюков пишет, что до последнего времени пресса только высказала несколько предположений относительно открытия второго фронта и только в настоящее время пресса начинает обсуждать этот вопрос более активно.

Заключение соглашения между СССР и США ряд радиостанций расценивает как новую дипломатическую победу СССР и упрекали Советский Союз в том, что он «оставил бедных американцев, китайцев и голландцев сражаться одних против японского агрессора на Тихом океане».

Об отношении мэра города Лос-Анджелеса Борроу, Верховного судьи О'Корнста, председателя торговой палаты и других администраторов, тов. Скорюков отмечает следующее: «Во время демонстрации в «Денни флятов» 14 июня ни один из них в своих выступлениях не упомянул даже слова СССР или Россия. Это явление Скорюков объясняет тем, что соглашение США и СССР не было одобрено местной буржуазией, «что и вынудило выступающих даже не упоминать слово СССР». В личных беседах с мэром города, верховным судьёй, представителями торговой палаты и рядом лиц из высшего военного командования США товарищ Скорюков делал попытки выяснить их отношение к этому соглашению, однако все эти лица очень сдержаны в разговорах. О том, как откликнулась печать Лос-Анджелеса, товарищ Скорюков сообщает, что «внешне газеты к соглашению отнеслись довольно хорошо. На первых страницах было написано соглашение, и были помещены фотографии товарищей Молотова и Рузельта. Но на второй день последовала критика действий Рузельта».

Посещение Черчиллем президента Рузельта прессы и различные общественные круги расценивали, как стремление Черчилля получить американское подкрепление для Египта.

Заключение: Отчёт написан безграмотно, часто трудно понять, о чём он хочет сказать».

АВП, ф. 0129, оп. 26, папка 143, д. 11, лл. 13.

Документ № 18 (Стилистика сохранена).

«Вопрос о втором фронте в Европе, безусловно, волнует миллионное население США. Обсуждение этого вопроса не сходит со страниц американской печати. Рабочие крупных городов США собираются на митинги, на которых выражают своё отношение к данному вопросу, выносят резолюции, призывают правительство Рузельта ускорить открытие второго фронта. Широкие массы населения видят, и не могут не видеть, что открытие второго наземного фронта в Западной Европе означало бы ускорение разгрома гитлеровской армии и ускорение победы союзнических государств.

Можно с уверенностью сказать, что большинство населения в той или иной форме выражает открыто своё отношение к вопросу о втором фронте. Рабочий класс США выражает своё мнение через свои профессиональные организации и своих профсоюзных руководителей. Руководство обоих основных профессиональных организаций: Американской Федерации Труда и Конгресса Индустриальных организаций стоит за скорейшее открытие второго фронта. Миллионы населения, в том числе и не состоящего в профсоюзах, выражают своё отношение к данному вопросу на многочисленных митингах, созываемых по США с целью сбора пожертвований на медицинскую помощь бойцам Красной Армии.

И всё же, несмотря на требование миллионов об открытии второго фронта в Европе в нынешнем 1942 году, нет признаков того, что правительство США и с экономической и с военной стороны неизвестны, если сравнить нынешнее положение с положением, которое существовало два и даже год назад. В этой подготовке нет, однако, целеустремлённости

направить основную массу своих ресурсов против Гитлера, как основного и наиболее опасного врага.

Правительство США основную массу этих ресурсов направляет против Японии. Основная масса самолётов и военных материалов направляется на Гавайи и в Австралию. И вообще практическая работа в военной области направлена главным образом на усиление военной подготовки против Японии. Практически военная подготовка не только в настоящее время, но есть серьёзные опасения, что и в ближайшем будущем будет направлена против Японии и что основное внимание правительство Рузвельта и военных кругов США будет отвлечено в сторону Тихого океана.

На вопросе об отношении к открытию второго фронта в Западной Европе со стороны военных кругов США, и в частности генералитета армии, следует особо остановиться. Известно, что среди командного состава США антисоветские настроения особо сильны. И, несмотря на последние события, которые фактически сделали Советский Союз и США союзными государствами, если рассматривать внешние отношения между этими двумя странами с точки зрения их коренных государственных задач в борьбе с гитлеровской Германией, антисоветские настроения американских военных всё ещё сильны. Они сильны и вообще в генералитете и, особенно в аппарате Военного Департамента. Стимсон – военный министр, как известно, всегда был настроен антисоветски. Его заместители (разве за исключением Макклоя) также занимают в отношении СССР неблагоприятную позицию. Генерал Маршалл, хотя никогда не делал антисоветских заявлений, зато никогда не делал и дружеских по своему духу высказываний в отношении СССР. Это человек военный, политикой особо не занимается. Выполняет приказания президента, и как солдат будет выполнять их и впредь.

Подавляющее большинство из генералитета армии США питали надежду и сейчас ещё не оставили на исходение гитлеровской Германии и Советского Союза. Эти надежды совпадают с надеждами руководящих промышленных кругов, высказывавшихся об этом в начале войны открытии. Они не хотят победы Гитлера. Но ещё больше они не хотят победы Советского Союза. И вот эти люди сейчас стоят во главе американской армии и её подготовки. Эти люди представляют собой военное окружение американского правительства и его главы Рузвельта, на которое они не могут не оказывать влияния в качестве экспертов и советников, и просто руководителей и организаторов армии.

Сейчас трудно, безусловно, найти людей, которые бы открыто выражали описанную точку зрения в отношении к советско-германской войне, ибо открыто это делать трудно в нынешних условиях. Но скрыто она доминирует в военных верхах. Эти люди в качестве основного аргумента для оправдания, почему США не открывают вместе с Англией второго фронта, приводят неподготовленность США.

Вторая группа генералитета США, вероятно, немногочисленная, но очень влиятельная, всё ещё лелеет надежду на сговор с Гитлером. Часть представителей этой группы занимают такую линию ввиду враждебности к Советскому Союзу из классовых и идеологических соображений. Часть же просто ещё одержима изоляционистскими иллюзиями, полагая, что даже в случае победы Гитлера, последний непосредственной угрозы для США не представит всё же. Эти люди также обычно при разговорах на тему о втором фронте выпячивают в качестве основного аргумента якобы неподготовленность США к участию в его открытии.

Приведу характерный пример, показывающий направление мышления представителей этой последней группы высшего командного состава США, группы, одерживаемой ещё иллюзиями изоляционизма, хотя не в прежних формах. Несколько дней тому назад в беседе со мной генерал Вейдемайер, являющийся начальником отдела стратегических планов объединённого штаба армии и флота США, высказался следующим образом о советско-германской войне и втором фронте: «Главным врагом Гитлер считает не Англию и США, а Советский Союз. Разгром Франции, Польши и др. европейских стран представляют собой действия по обеспечению безопасности тыла. Германские солдаты, особенно из крестьян, будут драться с Красной Армией до конца. Что касается второго фронта в Европе, то США в

настоящее время к нему не подготовлены. Конечно, США могли бы и теперь, может быть, принять участие, но не хватает общего главнокомандующего, который мог бы соответствующим образом распределить силы и т. д.» Тон его высказывания сводился к тому, что для США, собственно говоря, Гитлер большой угрозы и не представляет. Основная его задача – это достичь победы над Советским Союзом.

Такое мнение характерно для значительной части высшего командного состава армии США. Отделаться от изоляционизма, который на протяжении столетий является как бы второй природой американцев, нелегко. Груз его чувствуется в разных сферах еще и сейчас. Нет, несмотря на возрастающую угрозу миру со стороны гитлеризма, должной остроты восприятия этой угрозы. Это метод страуса уйти от опасности, припрятав голову под крыло. Чемберлен, Даладье и К этот метод обрекли в форму «политики умиротворения», приведший к нынешним грозным событиям. Здесь, в США, он находит свое выражение в подготовке, которую можно было бы выразить словами: «Над нами пока не каплет».

Ещё хуже настроения среди командного состава флота США. В своей массе высший командный состав флота архиракционен. В нём очень живуч дух кастовости. У руководства флотом стоят реакционные люди. Нокс – морской министр, всегда являлся крайним реакционером. Кинг, являющийся командующим объединённым флотом, также с политической точки зрения фигура реакционная. Имеет награду от Муссолини, от которой не отказался.

Высший командный состав флота в своей массе настроен с политической и идеологической точки зрения враждебно в отношении Советского Союза. Неудивительно, что среди этих людей совершенно отсутствуют голоса за открытие второго фронта в Европе. Более того, среди реакционных кругов флота имеют место замечательные в отношении Гитлера тенденции. Многие предпочитают победу Гитлера победе Советского Союза. Разумеется, для открытого высказывания подобных взглядов время не подходит. Открытые высказывания этих людей облекаются в форму опять-таки аргумента о неподготовленности США к открытию второго фронта.

Вкратце о военной подготовки США. За шесть месяцев текущего 1942 года промышленность США произвела военного снаряжения, в том числе самолёты и танки, в полтора раза больше, чем за весь 1941 год. В июне 1942 года было произведено 4 тысячи самолётов. Все данные говорят о том, что если программа производства 60 тысяч самолётов в 1942 году не будет полностью выполнена, то около 50 тысяч самолётов будет произведено наверняка. Сейчас, в августе месяце в армии США имеется не менее 20 тысяч боевых самолётов (включая находящиеся на Гавайях и в Австралии).

За шесть месяцев текущего года США построили 228 торговых судов, в то время как за весь 1941 год было построено 103 судна. Общий тоннаж спускаемых за полугодие судов составляет 2. 544 тыс. тонн. Правда, в судостроительной промышленности осуществляется недостаток стали. Однако, хотя и с трудностями, но она набирает довольно приличные темпы. Особенно большие успехи достигнуты в сокращении сроков строительства судов. Применение моторов массового производства позволило на отдельных фирмах сократить сроки строительства судна до 45 дней вместо предполагаемых ранее 105 дней. Отдельные фирмы планируют сократить в ближайшем будущем срок строительства судна среднего тоннажа до 30 дней.

К концу 1942 года при нынешнем уровне потопления судов подводками «оси», судостроительная промышленность США может компенсировать текущие потери. За первое полугодие потери тоннажа ещё превышают спуск нового минимум на 30 %. И всё же, если положение с тоннажом на настоящий момент нельзя назвать лёгким, то оно ни в коем случае не является критическим с точки зрения обеспечения потребности войск в Европе для второго фронта. Опыт же американцев в период Первой мировой войны это подтверждает.

На основе имеющихся успехов в развитии военной промышленности и производства вооружения, США уже в настоящее время имеют армию в 4 миллиона человек. Около семидесяти дивизий сформированы и оснащены. Сформировано 10 танковых дивизий. К

концу года число последних будет доведено минимум до 15. Американская армия имеет хорошее современное оснащение в широком смысле этого слова. Правда, значительная часть мобилизованных солдат ещё проходит обучение. Однако, в данное время и в ближайшем будущем каждый месяц США способны формировать несколько новых дивизий, и несомненно к концу 1942 года число дивизий будет доведено минимум до ста. Эта цифра как будто и представляет собой плановую намётку.

Такова вкратце степень военной подготовки США. Данные о ней довольно впечатительные. И всё же Рузвельт пока практических шагов в направлении открытия второго фронта в ближайшем будущем не предпринимает.

Вообще, говоря об отношении России к данному вопросу, следует отметить, что на него оказывает отрицательное влияние военное руководство. Сам он, может быть, пошёл бы и дальше. Но такое окружение, как Стимсон, Нокс, Кинг, Лэйке и др., безусловно, на него влияют соответствующим образом. Если к этому добавить поведение англичан, то станет понятной нынешняя политическая (далее непонятное слово. – А.С.) в вопросе второго фронта.

Сам же Рузвельт, который до последнего времени довольно решительно проводил как внутриполитические мероприятия в соответствии с так называемым «новым курсом», так и внешнеполитическую линию, направленную против «оси», в последнее время, когда перед США и Англией поставлен вопрос самим ходом событий о втором фронте, не проявляет решительности, если исходить из того, что его заявления о том, что он стоит за открытие второго фронта в 1942 году является искренним.

Следует отметить, что в последнее время предпринимаются меры к ослаблению пропаганды за открытие второго фронта. Давление на общественное мнение, в частности на печать, имеет место и со стороны соответственных агентурных организаций. Известны случаи, когда лица, выступающие за открытие второго фронта в Европе в 1942 году, предупреждались, что если они будут продолжать себя вести подобным образом, то они будут просто арестованы. В инструкциях, которые даются периодической прессе, рекомендуется подчёркивать не вопрос о втором фронте, а вопрос о налётах на германские города и вообще даётся указание изображать эти налёты, как важнейшее событие нынешнего периода войны. В последнее время в газетах публикуются статьи о втором фронте лишь таких авторитетных журналистов, как майора Элиота, Дороти Томпсона и им подобных, то есть лиц, которые не боятся выразить свою точку зрения с относительной независимостью.

Жена президента Элеонора Рузвельт начала в своих публичных выступлениях подчёркивать неподготовленность США к открытию второго фронта. Нет сомнения, что её высказывания выражают по данному вопросу официально принятую в данное время точку зрения. Во всяком случае, они не являются случайными.

Немало разговоров среди американских военных ведётся о необходимости объединения англо-американского командования и общем главнокомандующем. Немало шума об этом и в печати. И судя по тому, что и в Лондоне об этом деле шумят, по-видимому, этим вопросом американское и английское правительства занимаются. Столь же очевидно, что решение ещё не достигнуто и что обе стороны хотят иметь своего человека. Упомянутый мною выше генерал Вейдемайер заявил в разговоре со мной о том, что будто бы вопрос об открытии второго фронта и сроках его открытия упирается в отсутствие общего главнокомандующего, причём он, говоря о таковом, имел ввиду командующего всеми вооружёнными силами союзных стран, а не только англо-американскими.

Наблюдая эти разговоры и шум здесь, в США, создаётся впечатление, что Рузвельт, вероятно, держит курс претендовать своего главнокомандующего англо-американскими силами. Желание совсем нескромное, особенно при нынешнем положении, когда вообще ни одни взвод американских солдат не участвует в военных действиях против гитлеровской Германии и когда участие американских самолётов с американскими командами (шесть бомбардировщиков) в налётах на Германию совместно с английской авиацией выдаётся за важное событие и специально по этому поводу выпускается коммюнике.

Таково вкратце положение со вторым фронтом, как оно вырисовывается здесь, в США. Ближайшие перспективы в этом отношении, безусловно, не благоприятны. При энергичной военной подготовке, имеющей место в стране, практических мер к созданию второго фронта со стороны США не проводится. Правда, время от времени делаются заявления о прибытии в Северную Ирландию американских войск. Однако, по имеющимся сведениям, их число в настоящее время не превышает двух-трёх дивизий. Имеется как будто 200 тысяч американских солдат в Исландии (по американским источникам). Цифра эта вероятнее всего преувеличена. У американцев вообще есть тенденция к бахвальству и преувеличению значения некоторых мероприятий, ими проводимых, и некоторых фактов, вроде упомянутого выше участия нескольких американских самолётов в налётах на Германию.

Заставить американцев начать вести практическую и немедленную подготовку к открытию второго фронта можно было бы, пожалуй, только в том случае, если бы англичане заняли решительную линию на открытие второго фронта в ближайшее же время. И то их участие, вероятнее всего на первых парах выразилось бы в переброске на континент многочисленных частей. Ибо следует сказать, что в военных кругах здесь почему-то распространено мнение, что немцы в Западной Европе всё ещё были бы сильнее в случае высадки там англо-американских войск. И лишь в случае благоприятной для союзников обстановки после высадки американцы перебросили бы значительные силы, чтобы поделить лавры победы. Также совершенно ясно, что правительство Рузвельта взяло установку на создание и содержание многомиллионной армии здесь, на американском континенте.

Советник посольства СССР в США А. Громыко».

АВП, ф. 0129, оп. 26, папка 143, д. 11, лл. 15 – 23.

Документ № 19 (выдержки).

«В США только что закончились перевыборы одной трети Сената, целиком палаты представителей и ряда губернаторов штатов... Республиканцы одержали значительную победу...

Каковы же действительные причины успехов республиканцев и неудач демократов? Важнейшей причиной являются военные неудачи США. С начала формального вступления США в войну с 7 декабря 1941 года до самих выборов, США, как и Англия, не имели фактически ни одного военного успеха. Напротив, они терпели поражение за поражением...

Второй важнейшей причиной, повлекшей рост популярности республиканцев, является невыполнение к моменту выборов Рузвельтом и его военными помощниками многократных обещаний о предполагаемой диверсии с целью оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта. Всё больше и больше росла также популярность требования о скорейшем открытии второго фронта в Европе. Время шло, а второго фронта и вообще какой-либо диверсии не видно было. При таком положении естественно среднему американцу бросалось в глаза, что правительству и военному руководству недостаёт необходимой решительности, а может быть и умения, в ведении военных операций. Всё больше росло сочувствие широких масс к тем политическим деятелям, которые стояли за открытие второго фронта в Европе и за усиление помощи союзникам США и Советскому Союзу, прежде всего.

В связи с вышеуказанным, следует отметить, что выступления Уилки, сделанные им после возвращения из поездки на Ближний Восток, в Советский Союз и Китай, явились третьей причиной, способствовавшей росту популярности республиканцев. Уилки ясно высказывался за необходимость скорейшего открытия второго фронта в Европе, за усиление помощи Советскому Союзу и Китаю. Он выступал резко против распространяющейся официальными кругами США (как и в Англии) точки зрения, согласно которой вопрос об открытии второго фронта должен целиком быть предоставлен военному руководству. Он

подчеркнул необходимость общественного политического контроля действий военного руководства. Уилки прямо и резко заявил о невыполнении США своих обязательств союзникам, и, в частности, Советскому Союзу по поставкам и высказался за необходимость усиления поставок.

Советник посольства СССР в США А. Громыко».

АВП, ф. 0129, оп. 26, папка 143, д. 11, лл. 29 – 30.

P. S.

В 2008 году увидел свет 15-й том сочинений И. В. Сталина. Он стал продолжением титанической работы небольшой группы энтузиастов под руководством известного советского историка Р. И. Косолапова, продолживших выявление и издание документов, отражающих революционную деятельность И. В. Сталина и период его партийно-государственного руководства страной. В упомянутый том вошли ранее неизвестные документы по исследуемой мной проблеме. Это, главным образом, телеграммы И. В. Сталина В. М. Молотову в Лондон и Вашингтон. Впервые они были обнародованы в монографии О. А. Ржешевского «Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии. 1941 - 1945». (М., 2004). Знакомство с ними позволит более масштабно представить работу советского руководства в деле налаживания сотрудничества СССР с западными союзниками. В связи с тем, что документы попали в моё поле зрения уже после того, как макет книги в издательстве был готов, пришлось вводить данный постскриптум.

Телеграмма В. М. Молотову 23 мая 1942 года

Лондон. Молотову

Обе твои шифровки получил. На фронте пока нет больших изменений. В районе Барвенково и Изюма идут большие бои. У немцев в этом районе шесть танковых дивизий. Изюм в наших руках. Барвенково у немцев. В районе Харькова наше наступление приостановилось. Керченский полуостров пришлось очистить. На других фронтах пока всё по-старому, идёт накопление сил, подтягивание наших резервов.

Нам очень нужны истребители, танки. Поставьте перед англичанами вопрос об усилении поставки истребителей, танков, особенно Валентина.

Телеграмма В. М. Молотову 23 мая 1942 года

1. Мы не возражаем против твоего добавления к тексту ответного письма Идена о советско-польской границе.

2. Предлагаем сразу перенести дело на второй район **по** всем пунктам, а нашего текста протокола о Финляндии и Румынии не предъявлять Идену.

3. Советуем согласиться на то, чтобы на обратном пути остановиться в Лондоне.

4. Передай Черчиллю мой ответ на его послание.

5. Дела у Тимошенко пошли хуже. Он надеется исправить положение.

Сталин».

Телеграмма В. М. Молотову 24 мая 1942 года

1.Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаём, что он является важным документом. Гам нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будет решаться силой.

2.Мы предлагаем отбросить поправки к старым проектам договоров и принять за основу проект Идена, объединяющий оба договора.

3.Наши поправки к проекту Идена: Часть 1 статья 1 - вместо слов «в силу Союза, установленного между нами», сказать «в силу Союза, установленного между Великобританией и СССР». Далее: часть 2, конец статьи 5 - вместо слов «не вмешиваться во внутренние дела других народов» сказать «не вмешиваться во внутренние дела других государств».

4.Если есть у Вас другие поправки, сообщите нам поскорее.

5.Желательно поскорее подписать договор и после этого вылетать в Америку.

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 24 мая 1942 года

Я получил сегодня от Черчилля новое послание, где он считает необходимым, чтобы ты по возвращении из США на своём обратном пути вновь посетил Лондон для беседы и переговоров с Черчиллем и Иденом. Я уже писал тебе от имени инстанции, что тебе следует на обратном пути остановиться в Лондоне.

Сталин».

Телеграмма В. М. Молотову 25 мая 1942 года

1.Вводная часть к проекту Идена вполне приемлема и не нуждается в поправках.

2.Советуем никаких больше поправок не вносить в проект Идена кроме тех двух, о которых вчера сообщили тебе.

3.Намекать Черчиллю насчёт того, что Рузвельт присоединился к договору, не следует, так как это будет нескромностью, и англичане расценили бы это как умаление их роли.

4.Если американцы или Черчилль сами поставят вопрос о присоединении США, то ты должен принять это с полной готовностью.

5.Мы согласны на то, чтобы ты посоветовал Идену ликвидировать прибалтийские посольства.

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 26 мая 1942 года

1.Твоя поправка к статье 4 приемлема.

2.Название договора нужно сделать короче, вроде следующего: «Договор между СССР и Великобританией о союзе и взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве после войны».

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову

Переданный тебе Иденом проект сообщения турецкому правительству) о предстоящем подписании англо-советского договора получили. Ещё до получения твоей телеграммы с этим проектом, на основании твоей телеграммы за № 31, где ты сообщил о том, что договор будет подписан 26 мая и в соответствии с твоей просьбой, мы поручили Вышинскому сделать соответствующее заявление о предстоящем подписании договора турецкому послу в Куйбышеве. Вышинский сделал такое заявление турецкому поверенному в делах вечером 26 мая. Текст устного заявления Вышинского не расходится с сообщённым тобой проектом. О своём заявлении турецкому посольству Вышинский сообщил для сведения в Анкару Виноградову.

По поручению Инстанции -Деканозов».

Телеграмма В. М. Молотову (конец мая 1942 года)

В деле поставок СССР из США добивайся у президента следующего:

1. Организации ежемесячно одного каравана судов из портов Америки непосредственно в Архангельск с конвоированием военно-морскими силами США.
2. Ежемесячной поставки своим лётом через Африку до 50 бомбардировщиков Б-25 со сдачей нам в Басре или Тегеране.
3. Доставки для нас в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 150 бомбардировщиков Бостон-3.
4. Доставки для нас в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 3000 грузовиков.

Сталин

Телеграмма В. М. Молотову 1 июня 1942 года

Соображения Рузвельта насчёт охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания объединённой вооружённой силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай. Что касается Польши, Турции и других государств, я думаю, что можно вполне обойтись без них, так как вооружённые силы трёх

или четырёх государств совершенно достаточны. Заяви немедля Рузвельту, что ты снёсся с Москвой, обдумал этот вопрос и пришёл к выводу, что Рузвельт совершенно прав и его позиция получит полную поддержку со стороны Советского правительства.

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 2 июня 1942 года

1. Перед твоим приездом в Вашингтон Литвинов сообщил нам о проекте договора между СССР и США, предложенном Хеллом по вопросу о займе и аренде предметов вооружения. В твоих сообщениях об этом проекте ничего не сказано. Почему? Проект взят Хеллом обратно или случилось какое-то недоразумение?

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 3 июня 1942 года

1. Инстанция недовольна, что все твои сообщения страдают излишней скучностью и недоговорённостью. Из бесед с Рузвельтом и Черчиллем ты сообщаешь нам то, что сам считаешь нужным, пропуская всё остальное. Между тем Инстанция хотела бы знать всё, и то, что ты считаешь важным, и то, что по твоему мнению, не важно.

2. Это относится также к проекту коммюнике. Ты нам не сообщаешь, чей это проект, согласован ли он во всех его частях с англичанами и почему, собственно, нельзя было бы дать два коммюнике - одно о переговорах в Англии, а другое о переговорах в США. Ввиду недоговорённости в твоих сообщениях нам приходится гадать.

3. Мы считаем целесообразным иметь два проекта коммюнике — один о переговорах в Англии, а другой о беседах в США.

Мы считаем, далее, абсолютно необходимым, чтобы в обоих коммюнике помимо всего прочего был также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому поводу имеется полная договорённость. Считаем также необходимым, чтобы в обоих коммюнике было сказано о поставках Советскому Союзу военных материалов из Англии и США. Во всём остальном согласны с содержанием проекта коммюнике, переданного нам тобой.

Сталин».

Телеграмма В. М. Молотову 4 июня 1942 года

Молотову, Литвинову

1. Ваша поправка к проекту Хэлла о займе-аренде к концу второго абзаца вводной части нам не понятна. Возможно, что у тебя имеется другой текст проекта.

2. Наша поправка к концу первого абзаца статьи 7 приемлема.

3. Оговорка к сопроводительному письму насчёт сохранения монополии внешней торговли не нужна и неприемлема, так как договор не угрожает ни в какой степени монополии внешней торговли.

4. Придётся принять предложение Рузвельта о сокращении нашей заявки на тоннаж и о том, чтобы ограничиться вывозом из Америки главным образом предметов вооружения и оборудования для заводов. Нужно только настаивать, чтобы 4 400 ООО коротких тонн по вывозу из СУИА и Англии в северные порты СССР и порты Персидского залива были

выполнены беспрекословно. Видимо, это необходимо для США и Англии для того, чтобы освободить свой тоннаж для подвоза войск в Западную Европу на предмет создания второго фронта.

5. Придется также согласиться на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток путём перелёта. Это всё-таки даст нам облегчение по части авиации, а Японии это дело не касается, так как ведём войну не с ней, а с Германией.

6. Мы понимаем результаты твоей работы в Америке таким образом, что мы получим два договора с США: один официальный о займе и аренде, а другой -неофициальный об определении тоннажа для ввоза в СССР военных материалов и оборудования для военной промышленности. Кроме того, наряду с этими двумя договорами будет договорённость с Рузвельтом о создании после войны международной вооружённой силы для предупреждения агрессии. Кажется, этими результатами исчерпываются твои переговоры в США.

7. Предоставляем тебе решать вопрос, кому подписать договор о займе и аренде: тебе или Литвинову.

8. О снеговых танках сделаем всё необходимое.

9. Настаиваем на том, чтобы в обоих коммюнике было упомянуто о втором фронте и о поставках вооружения для СССР в той или иной форме. Это нужно, так как внесёт неуверенность в ряды гитлеровцев и нейтральных стран во всей Европе.

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 5 июня

Майскому для Молотова

Получили проект совместного коммюнике с американцами. Коммюнике получилось вполне удовлетворительное.

Инстанция».

Телеграмма М. М. Литвинову 6 июня

Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж в полном соответствии с тем, как это изложено в пункте 4-м нашей телеграммы № 2712, и добавлением, что Советское правительство идёт на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом Коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году.

Без подписи».

Телеграмма В. М. Молотову 6 июня 1942 года

Для Молотова

1. Надо поскорее выработать и представить нам проект советского коммюнике с Англией. Это коммюнике должно обязательно включать, кроме вопроса о Договоре, также вопросы о втором фронте в Европе и военных поставках в СССР.

2. Мы не возражаем, чтобы в день твоего отъезда из Англии в Россию было бы опубликовано это коммюнике о переговорах с Англией, а также Договор и речи, а коммюнике с США можно было бы опубликовать после твоего возвращения в СССР.

Есть ли у тебя возражения против такого плана?

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 7 июня 1942 года

Молотову

1. Текстом договора с Англией вполне удовлетворены, а также твоей речью и речью Идена при подписании договора.

2. Следовало бы нажать на Черчилля, чтобы второй фронт был организован и уже приведён в действие уже в этом году, это при условии, что мы заявку на тоннах сокращаем.

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 10 июня 1942 года.

Молотову

Сообщаем для сведения текст телеграммы, посланной 10-го июня Литвинову: «Инстанция уполномочивает Вас немедля подписать Соглашение с США о займе-аренде с двумя известными Вам поправками и без добавления в сопроводительном письме о монополии внешней торговли. Желательно, чтобы Соглашение было опубликовано не позже 12 или в крайнем случае, 13 июня.

Немедля передайте нам полный текст соглашения лёгким шифром.

Инстанция».

Телеграмма В. М. Молотову 11 июня 1942 года

Молотову. Майскому

Мы публикуем послание Черчилля Сталину по поводу подписания Договора и ответа Сталина, выбрасывая из обоих документов несколько строчек, касающихся конвоя, сопровождавшего транспорта из Англии в СССР.

Не возражаем против опубликования этих документов в английской печати.

Инстанция».

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АВИАЦИИ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ²⁷⁸.

На протяжении веков история не знала такого массового героизма, какой проявили советские люди в годы Великой Отечественной войны. Храбрейшим из храбрых присваивалась высшая награда страны – звание Героя Советского Союза. 11 635 человек удостоились этой высокой награды за подвиги в войне.

Каждый вид Вооружённых Сил СССР имеет своих Героев. В Военно-Воздушных Силах их более 2300 человек. К сожалению, до сих пор нет точного подсчёта, сколько Героев Советского Союза принадлежит тому или иному роду авиации. Обобщая трёхлетний труд, автор предлагаемой статьи отвечает на вопрос, сколько Героев Советского Союза воспитано в Авиации дальнего действия – одном из родов ВВС, и даёт их социологический анализ.

Необходимо отметить, что специальных исследований по этой теме нет. В некоторых монографиях, журнальных статьях приводилось общее число Героев АДД. И цифры разные. Сошлёмся на примеры. В 1968 году в издательстве Министерства обороны вышел коллективный труд под названием «Авиация и космонавтика СССР». Книга сопровождена приложениями. В одном из них приводится список авиаторов, получивших звание Героя Советского Союза. Герои Авиации дальнего действия обозначены в списке буквами «АДД». Простой подсчёт свидетельствует о том, что Авиации дальнего действия принадлежит 235 Героев Советского Союза. Однако в списке с таким обозначением допущено много ошибок.

Одному и тому же полку принадлежат Герои Советского Союза И. Ф. Балашов и Ф. И. Лопатин – 6-му дальнебомбардировочному авиационному полку. Однако в списках обозначено, что флагманский радист Лопатин принадлежит 6-му авиационному полку, против его фамилии, как и против фамилии Балашова, не стоят буквы «АДД».

Заместитель командира 340-го бомбардировочного авиационного полка А. А. Васильев всю войну находился в Авиации дальнего действия. И из списка этого не видно. Герои Советского Союза лётчик М. Ф. Костенко и штурман М. Я. Орлов летали в одном экипаже в 336-м бомбардировочном авиационном полку, награждены одним Указом, а их принадлежность к Авиации дальнего действия в списке не обозначена. Не обозначена принадлежность к АДД и Героя Советского Союза А. П. Сидоришина.

А вот пример, который можно отнести к разряду грубейших ошибок. В августе 1941 года по приказу Ставки были организованы полёты на Берлин. В них принимали участие и экипажи частей дальнебомбардировочной авиации. Приказ был выполнен. 16 сентября 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР пяти лётчикам и штурманам АДД было присвоено звание Героя Советского Союза. Вот их имена: Н. В. Крюков, В. И. Малыгин, В. И. Щелкунов, В. Г. Тихонов и В. И. Лахонин. Теперь обратимся к упомянутому списку. В соответствии с принятым обозначением лётчик Щелкунов относится к АДД, а штурман Малыгин, с которым они летали на Берлин в одном экипаже, не относится. Против фамилии Крюкова также нет букв «АДД». В одном экипаже летали Тихонов и Лахонин, а согласно списку к АДД относится только Лахонин.

Следует отметить, что в монографии А. Д. Цикина «От «Ильи Муромца» до ракетоносца» правильно приводятся фамилии Героев Советского Союза АДД, получивших это звание за полёты на Берлин. Но и здесь допущена досадная ошибка: они награждены Указом не от 13 августа 1941 года (этим Указом награждены морские лётчики Е. Н. Преображенский, В. А. Гречишников, А. Я. Ефремов, М. Н. Плоткин, П. И. Хохлов), а от 16 сентября 1941 года.

²⁷⁸ Статья опубликована в сборнике «Материалы первой научно-технической конференции Иркутского высшего военного инженерного авиационного ордена Красной Звезды училища имени 50-летия ВЛКСМ» изданном в 1978 году. В текст внесены некоторые новые сведения, отражающие те социологические изменения, которые произошли за истекшие тридцать лет после её опубликования.

В этой же монографии Цыкин пишет: «Около 300 авиаторов, самые стойкие, мужественные и отважные, удостоились высокого звания Героя Советского Союза». Для такого солидного исследования, каким является монография Цыкина, слово «около» крайне неуместно.

В 1972 году в издательстве ДОСААФ вышла книга Б. А. Васильева «Дальняя, ракетоносная». На 77-й странице автор указывает, что более 250 воинов Авиации дальнего действия стали Героями Советского Союза. После окончания Великой Отечественной войны прошло более тридцати лет. Не пора ли без приблизительных оговорок сказать, сколько же Героев Советского Союза воспитано в Авиации дальнего действия.

Итак, сколько же человек в Авиации дальнего действия отмечены высокими наградами Родины? 273 представителя АДД. Из них 267 человек стали Героями Советского Союза, (трое из них получили это звание за участие в войне с Финляндией), а шестеро удостоились этого звания дважды.

Дважды Героями Советского Союза стали: Степан Иванович Кретов, Александр Игнатьевич Молодчий, Василий Николаевич Осипов, Павел Андреевич Таран и Евгений Петрович Фёдоров.

Александр Игнатьевич Молодчий...Кому в нашей стране неизвестно имя этого легендарного человека! Прославленный лётчик Авиации дальнего действия, первый её дважды Герой!

Мне повезло: несколько лет я служил в авиационном соединении, которым уже после войны командовал Александр Молодчий. Не предполагал я в те годы, что придётся встретиться с Александром Игнатьевичем в семейной обстановке, лично поздравить с пятидесятилетием со дня его рождения.

Это было 27 июня 1970 года. Телеграммы, приветственные адреса, сувениры...Их много. И пришли они сюда, в тихую квартиру по улице Щорса города Чернигова с Крайнего севера и Дальнего Востока, Казахстана и Сибири, из Москвы, Иркутска, Смоленска, Рязани и других городов нашей страны. Общественные организации, воинские коллективы, боевые товарищи, друзья поздравили Александра Игнатьевича с полувековым юбилеем.

Не без волнения мы шли на эту встречу. И это естественно: всегда немножко робеешь, когда предстоит беседа с человеком, имя которого стало легендарным ещё при жизни. И это не без преувеличения. Первую Золотую Звезду Молодчий получил 22 октября 1941 года, когда ему исполнился только 21 год. С начала участия в войне (10 августа 1941 года) и до получения звания Героя прошло всего лишь 72 дня. Если учесть, что в АДД Герои Советского Союза получали это высокое звание за самопожертвование, выполнение правительственные заданий, количество и качество боевых вылетов (а за это последнее и был награждён Молодчий), то это своеобразный рекорд. Вторую звезду Героя Молодчий получил 31 декабря 1942 года и стал первым дважды героям АДД. Было ему только 22 года.

Это седьмой дважды Герой Советского Союза из боевых лётчиков ВВС (С. И. Грицевец. Г. П. Кравченко. Я. В. Смушкевич – в 1939 году, С. П. Денисов – в 1940 году, С. П. Супрун – в 1941 году и Б. Ф. Сафонов – в июне 1942 года). А. И. Молодчий стал вторым дважды Героем Советского союза (после Б. Ф. Сафонова) за годы Великой Отечественной войны, а если учесть, что Борис Феоктистович Сафонов получил вторую Звезду Героя посмертно, то можно сказать, что Молодчий стал первым дважды Героем Великой Отечественной войны, получившим это звание при жизни.

...Александр Игнатьевич всё тот же – прост в обращении, охотлив к острому слову, откровенен в суждениях. Прошло несколько минут. И мы окунулись в те далёкие, опалённые войной годы. Боевые вылеты. Их 311. Тогда они, конечно, не походили друг на друга. Сейчас же, почти через 30 лет, время сгладило многие детали и как-то нивелировало их, сделав похожими. Тем не менее, Александр Игнатьевич рассказывал о многих эпизодах своей фронтовой жизни. А рассказывать ему было о чём.

Прощаясь с нами, генерал-лейтенант авиации Молодчий подарил свою книгу «В пылающем небе» – волнующий рассказ о себе, о боевых товарищах. Заканчивает своё

повествование автор словами: «Пошатнувшееся здоровье заставило меня демобилизоваться, уйти в запас. Но это не значит, что я навсегда ушёл от любимого дела. Нет, до последнего вздоха я буду оставаться верным сыном неба». Да, лётчик в запас не уходит, его сердце всегда в полёте.

13 марта 1944 года дважды Героев Советского Союза в Авиации дальнего действия стало уже трое. В этот день Указом Президиума Верховного Совета СССР второй Золотой медалью были награждены Василий Николаевич Осипов и Павел Андреевич Таран. Интересно, что оба они первую Золотую Звезду получили тоже одновременно – 20 июня 1942 года.

Таким образом, к окончанию войны с фашистской Германией в АДД было три дважды Героя Советского Союза. Но уже 29 июня 1945 года их стало пять. В этот день Указом Президиума Верховного Совета СССР второй Золотой медалью были награждены Василий Васильевич Сенько и Евгений Петрович Фёдоров. Первую Золотую Звезду Фёдоров получил 7 апреля 1940 года, участвуя в боевых действиях против Финляндии в составе 6-го дальнебомбардировочного авиаполка. Сенько же стал Героем Советского Союза 25 марта 1943 года.

23 февраля 1948 года шестым дважды Героем Советского Союза АДД стал Степан Иванович Кретов. Первую Золотую Звезду он получил 13 марта 1944 года, то есть в тот день, когда В. Н. Осипов и П. А. Таран стали дважды Героями.

Самый молодой по возрасту среди всех дважды Героев – Василий Васильевич Сенько. Родился он в 1921 году. А. И. Молодчий родился в 1920 году, С. И. Кретов – в 1919, В. Н. Осипов – в 1917, П. А. Таран – в 1916 и Е. П. Фёдоров в 1911 году.

Молодчий стал дважды Героем в 22 года, Сенько – в 24, Осипов – в 27 лет, Таран – в 28, Кретов – в 29 и Фёдоров в 34 года.

Все дважды Герои получили высокие награды за определённое количество боевых вылетов. Так, Сенько к моменту представления к званию Героя Советского Союза совершил 154, а к моменту получения звания дважды Героя – 402 боевых вылета. Кретов, соответственно, 306 и 400, Таран 33 и 350, Осипов 115 и 275, Фёдоров 24 и 178, Молодчий 36 и 145 боевых вылетов.

Среди дважды Героев Советского Союза АДД пять лётчик и один штурман – Василий Васильевич Сенько. Это единственный дважды Герой штурман в ВВС СССР за всю их историю.

Осипов и Фёдоров – воспитанники Оренбургского лётного авиационного училища. Кретов закончил Балашовскую школу лётчиков, Молодчий – Ворошиловоградскую, Таран – Качинскую, а Сенько – Олсуфьевскую авиационную школу. В системе АДД дважды Герои Советского Союза воспитаны: Кретов – в 24-м гвардейском авиационном полку, Молодчий – во 2-м гвардейском, Сенько – в 10-м гвардейском, Фёдоров – во 2-й гвардейской авиадивизии (к этому времени был заместителем командира дивизии), Осипов и Таран выходцы из одного полка – 5-го гвардейского.

По национальности: трое (Кретов, Осипов и Фёдоров) – русские, трое (Молодчий, Сенько и Таран) – украинцы.

Фёдоров начал войну коммунистом, остальные – членами ВЛКСМ. В последующем за годы войны все дважды Герои стали коммунистами, причём вступили в партию до представления к званию Героя. Двое лётчиков из пяти стали дважды Героями, будучи заместителями командира авиационной эскадрильи. (Молодчий и Осипов), а Фёдоров был заместителем командира дивизии. Сенько являлся штурманом звена, Кретов и Таран находились на должности командиров авиационных эскадрилий.

Дважды Героями в звании капитана стали четыре человека (Кретов, Молодчий, Осипов и Сенько). В звании майора один – Таран. В звании подполковника тоже один – Фёдоров.

Все дважды Герои Советского Союза АДД закончили в послевоенный период Краснознамённую Военно-Воздушную академию имени Ю. А. Гагарина, а Таран и Молодчий – академию Генерального штаба. Кретов и Сенько в последние годы своей

службы занимались педагогической деятельностью. Кретов получил учёное звание доцента. Троє дважды Героев АДД стали генералами (Таран – генерал-полковник авиации, Молодчий – генерал-лейтенант авиации, Фёдоров – генерал-майор авиации). Остальные дослужились до звания полковника.

В настоящее время ни одного дважды Героя Советского Союза АДД в живых нет. Из всех дважды Героев АДД только А. И. Молодчий оставил свои воспоминания («В пылающем небе» и «Самолёты уходят в ночь»).

В Авиации дальнего действия воспитано 267 Героев Советского Союза. Троє из них получили это высокое звание за мужество и героизм, проявленные в войне с белофиннами. Открывает славную когорту Героев АДД Фёдор Иванович Лопатин – флагманский стрелок-радист 6-го дальнебомбардировочного авиационного полка. 15 января 1940 года он стал Героем Советского Союза.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1940 года звание Героя Советского Союза было присвоено помощнику командира 6-го дальнебомбардировочного авиаполка майору И. Ф. Балашову и лётчику 42-го дальнебомбардировочного авиационного полка младшему лейтенанту А. М. Маркову. Звание Героя ему присвоено за спасение экипажа.

Это произошло в феврале 1940 года. Экипаж бомбардировщика выполнял свой пятый боевой вылет. Цель – железнодорожная станция в глубоком тылу Финляндии. Несмотря на сильный огонь зенитной артиллерии противника, экипаж отбомбился точно. Во время отхода от цели самолёт был подбит: прямое попадание снаряда в левый мотор, другой снаряд попал в масляный бак левой плоскости, разорвался внутри, оторвав пол-элерона. Самолёт загорелся. Сам лётчик получил ранение левой ноги.

Оценив создавшееся положение, Марков принял решение дотянуть до своей территории, спасти людей и машину. Об этом сообщил экипажу и потребовал ежеминутной информации о действиях штурмана и стрелка в борьбе с огнём. А пламя разгоралось, оно уже под сиденьем лётчика. Жжёт ноги. Дым слепит глаза. Марков открыл колпак и усугубил положение: воздушный поток потянул пламя в форточку, раздувая пожар. Огонь стал жечь лицо и руки. Пролетев на горящем самолёте 75 километров над территорией противника, Марков всё же перетянул через линию фронта и дал команду прыгать с парашютом. Но тяжелораненый стрелок не мог оставить самолёт. Тогда лётчик повёл машину на посадку. Горела одежда, стали лопаться щёки. Держа обугленными руками штурвал. Марков посадил самолёт на своей территории.

В праздничном приказе ко дню Красной Армии командир 42-го авиаполка отмечал: «Ставлю в пример героическую выдержку и хладнокровие экипажа 6-й авиационной эскадрильи тов. Маркова. Несмотря на то, что самолёт от прямого попадания снаряда загорелся в воздухе, Марков посадил машину на своей территории, экипаж был спасён»²⁷⁹.

Все три Героя Советского Союза АДД, получившие это звание за героизм и мужество в борьбе с белофиннами, принимали активное участие в Великой Отечественной войне. Лопатин героически погиб. Генерал-майор авиации Балашов в годы войны командовал 1-й гвардейской авиационной дивизией дальнего действия, в 1954 году уволился в запас. Марков, после излечения в госпитале, вернулся в строй, в 1942 году, в 26 лет стал штурманом 271-го штурмового авиационного корпуса, затем командовал 4-м истребительным авиационным полком. Умер в 1953 году.

264 Героя Советского Союза АДД получили это звание за героизм и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Решения по присвоению им этого высокого звания принимались как в период самой войны, так и после её окончания. Сведём Указы и количество награждённых этими Указами в таблицу (табл. 1).

Табл. №1

²⁷⁹ Центральный Государственный архив Советской Армии (ЦГАСА, ныне – РГВА), ф. 37183, оп. 3, д. 6, л. 11.

Указы и дата их принятия**Количество награждённых****1940 год**

15 января	1
<u>7 апреля</u>	<u>2</u>
Всего за год	3

1941 год

26 июля	1
16 сентября	5
<u>22 октября</u>	<u>1</u>
Всего за год	7

1942 год

20 февраля	1
29 марта	4
20 июня	19
18 августа	1
<u>31 декабря</u>	<u>19</u>
Всего за год	44

1943 год

25 марта	12
27 июля	9
<u>18 сентября</u>	<u>21</u>
Всего за год	42

1944 год

13 марта	36
19 августа	46
<u>5 ноября</u>	<u>30</u>
Всего за год	112

1945 год

29 июня	15
<u>18 августа</u>	<u>5</u>
Всего за год	20

1946 год

<u>15 мая</u>	<u>32</u>
<u>Всего за год</u>	<u>32</u>

1948 год

<u>23 февраля</u>	<u>7</u>
<u>Всего за год</u>	<u>7</u>
<u>Всего: 20 Указов</u>	<u>Всего 267 человек</u>

Из таблицы видно, что наибольшее количество Героев Советского Союза принёс 1944 год – 112 человек. Это объясняется, главным образом, тем, что в системе АДД звание Героя, в основном, присваивалось за количество боевых вылетов. К 1944 году большая группа лётчиков и штурманов подошла к тому количеству боевых вылетов, которое давало право командованию частей и соединений представлять их к званию Героя Советского Союза.

Объясняется это и тем, что в первые годы войны Авиация дальнего действия несла большие потери от истребителей и зенитной артиллерии противника, применяясь, за небольшим исключением, для решения тактических задач в интересах наземных армий и фронтов, летая для выполнения этих задач в основном днём, без достаточного прикрытия истребительной авиацией. Многие экипажи погибли, сделав около пятидесяти вылетов. На рубеж 1942 и 1943 годов с достаточным количеством боевых вылетов, чтобы получить звание Героя, вышли наиболее сильные, опытные и мужественные. Но их было мало. Именно в эти годы Героями стали приблизительно одинаковое количество человек (44 – в 1942 и 42 – в 1943 годах). На рубеж 1944 года вышли уже те, кто, вступил в активные боевые действия позже, в иных тактических условиях применения АДД.

Первым Героем Советского Союза в годы Великой Отечественной войны стал командир 207-го дальнебомбардировочного авиационного полка капитан Николай Францевич Гастелло. Имя этого славного сына нашей Родины, его самопожертвование стали легендарными.

Командир полка капитан Лобанов и военный комиссар полка батальонный комиссар Кузнецов писали в наградном листе: «26 июня капитан Гастелло с экипажем Бурденюк, Скоробогатый и Калинин повёл звено ДБ-3 бомбить зарвавшихся фашистов по дороге Молодечно – Родошковичи. У Родошковичи показалась вереница танков противника. Звено Гастелло, сбросив бомбы на груду скопившихся на заправку горючим танков и расстреливая из пулемётов экипажи фашистских машин, стало уходить от цели. В это время фашистский снаряд догнал машину капитана Гастелло. Получив прямое попадание, объятый пламенем, самолёт не мог уйти на свою базу. По наблюдению старшего лейтенанта Воробьёва и лейтенанта Рыбаса капитан Гастелло развернул горящий самолёт и повёл его в самую гущу танков. Столб огня обнял танки и фашистские экипажи. Такой дорогой ценой заплатили немецкие фашисты за смерть лётчика капитана Гастелло и смерть героического экипажа.

Лётчика Гастелло и его экипажа нет в наших рядах. Он погиб смертью Героя в борьбе с германским фашизмом, но память о нём будет долго храниться в сердцах тех людей, за чью счастье бился и погиб капитан Гастелло Николай Францевич и его экипаж. Беспредельно преданному сыну нашей Родины и партии, мужественному, отважному соколу авиации, павшему смертью героя в борьбе с германским фашизмом, ходатайствуем о присвоении звания Героя Советского Союза»²⁸⁰.

²⁸⁰ Центральный архив Министерства обороны СССР (далее ЦАМО), ф. 33, оп. 793756, д. 10, лл. 163, 164.

Представление было подписано командованием полка 25 июня 1941 года и ровно через месяц, 26 июля, Указом Президиума Верховного Совета СССР Н. Ф. Гастелло было присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый огненный таран в АДД. За ним последовали и другие. Всего в Авиации дальнего действия 12 экипажей повторили гастелловский подвиг.

В различном возрасте вступали в войну будущие Герои Советского Союза АДД. Это видно из данных, приведённых в таблице 2.

Табл. №2

Возраст к началу войны в годах	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
Количество человек	2	14	19	11	33	24	13	22	28	24	15	12	13	12	9	8	2	3	3

Анализ показывает, что саамы молодой возраст – 19 лет. В этом возрасте начали воевать два человека – лётчики Николай Николаевич Харитонов и Владимир Михайлович Безбоков. Харитонов начал воевать в девятнадцать лет и пять с половиной месяцев. Самым же молодым является Безбоков. Девятнадцать лет ему исполнилось накануне войны – 14 июня.

Летал Владимир Михайлович на самолётах ТБ-3 и Ли-2 в составе 7-го Гатчинского Краснознамённого авиационного полка дальнего действия и совершил 301 боевой вылет. Это был смелый, отважный и решительный лётчик. 17 июля 1943 года, например, после подсветки железнодорожного узла Барвенково экипаж возвращался на базовый аэродром. Лётчик заметил, что один из самолётов полка подбит немецким истребителем, загорелся и пошёл к земле. Это случилось над территорией противника. Не раздумывая, Безбоков повёл свою машину на посадку, благополучно произвёл её в условиях тёмной ночи на пятаке кукурузного поля. Забрав экипаж сбитого самолёта (двое были ранены), Безбоков произвёл взлёт в сложных условиях и прилетел на аэродром Мичуринск²⁸¹. Звание Героя Советского Союза присвоено 29 июня 1945 года.

В послевоенное время Безбоков окончил Военно-Воздушную академию имени Ю. А. Гагарина и академию Генерального штаба. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 августа 1966 года ему было присвоено почётное звание «Заслуженный военный лётчик СССР». Дослужился до воинского звания генерал-лейтенант авиации.

В 37 лет стали Героями Советского Союза три человека – Иван Михайлович Зайкин, Франц Адольфович Минкевич и Александр Павлович Штепенко.

Штепенко пришёл в АДД, имея богатый опыт штурманской работы в полярной авиации Главсевморпути. В 1937 году в зимних условиях он успешно совершает первый в истории страны воздушный трансарктический перелёт. В 1939 году штурман Штепенко обеспечил проводку кораблей в тяжёлых условиях Северного Ледовитого океана. Штепенко – участник боевых операций с белофиннами. Великая Отечественная война застала его в двадцатипятичасовом беспосадочном полёте на летающей лодке над Ледовитым океаном. Командир корабля известный лётчик Герой Советского Союза М. И. Водопьянов посадил машину в Игарке, где члены экипажа и узнали о начале войны.

В августе 1941 года Штепенко повёл боевую машину на Берлин. В 1942 году дважды участвовал в выполнении правительенного задания. Первый раз с экипажем лётчика С. А. Асямова совершил перелёт из Москвы в Северную Шотландию. Второй раз с экипажем лётчика Э. К. Пусэпа совершил перелёт из Москвы в Лондон и Вашингтон для участия наркома иностранных дел В. М. Молотова в переговорах с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом по вопросу открытия второго фронта.

²⁸¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 8, л. 2.

Это был трудный во всех отношениях полёт через Атлантический океан в условиях войны. По традиции президент США устроил для лётчиков, впервые перелетевших через океан, приём. Представлял экипаж президенту посол Советского Союза в Америке М. М. Литвинов. В короткой приветственной речи Рузвельт сказал:

- Поздравляю вас с успешным перелётом через океан. Поздравляю и ваших штурманов, которые помогли вам привести самолёт точно по маршруту²⁸².

Эти слова относились, прежде всего, к штурману корабля Штепенко. 20 июня 1942 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В послевоенные годы Штепенко написал книги «Особое задание», «На дальнем бомбардировщике», «Ночные охотники», «Записки штурмана». Ему было присвоено звание почётного полярника Главсевморпути.

Анализируя годы вступления будущих Героев Советского Союза АДД в войну, приходишь к выводу о том, что по количеству выделяется группа лет от двадцати трёх до двадцати восьми. Всего 144 человека, то есть более половины всех Героев Советского Союза. Наибольшее количество Героев дал двадцатитрёхлетний возраст. Всё это говорит о том, что для Героев Советского Союза АДД годами расцвета творческих сил, боевого мастерства были годы их вступления в войну с двадцати трёх до двадцати восьми лет.

Герои Советского Союза АДД разных годов рождения. Это видно на примере данных, приведённых в таблице № 3.

Табл. № 3

Год рождения	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Количество человек	3	2	3	8	9	11	11	13	14	22	32	21	13	21	28	19	18	16	3

О чём говорят данные таблицы? Во-первых, о том, что Героями АДД становились люди различных годов рождения – от 1904 до 1922 года, то есть в пределах девятнадцати лет. Во-вторых, в этом диапазоне лет представлены все годы. В-третьих, выделяются 1913, 1914, 1915, 1917 и 1918 годы рождения (соответственно 22, 32, 21, 21 и 28 человек).

Некоторые Герои Советского Союза родились в знаменательные для нашей страны дни, в праздники. Так, например, 7 ноября 1917 года, в день победы Великой Октябрьской социалистической революции родились М. Н. Горбачёв и П. П. Хрусталёв. Лётчик Михаил Никифорович Горбачёв воевал в 11-м гвардейском авиационном полку дальнего действия. К моменту представления к званию Героя совершил 206 боевых вылетов. Золотой медалью награждён 13 марта 1944 года. Трагически погиб в декабре 1955 года.

Штурман Павел Павлович Хрусталёв воевал в 8-м гвардейском авиационном полку дальнего действия. К моменту представления к званию Героя совершил 216 боевых вылетов. Золотой Звездой награждён 27 июля 1943 года. Родился Хрусталёв в знаменательный праздничный день, и умер в предпраздничный день – 31 декабря 1975 года.

23 февраля родились Герои Советского Союза Ф. И. Лопатин и Н. П. Жуган. В день авиации родились Г. Г. Агамиров, А. Г. Южилин и Л. А. Филин. В международный женский день – Н. Н. Покачалов. В первый день января родились Г. И. Баймурзин и В. Н. Воропаев. 9 мая 1917 года родился К. И. Марусиченко. В последующем этот день стал у него двойным праздником. Для двоих Героев Советского Союза – В. А. Борисова и Я. И. Штанева – 12 апреля, День космонавтики, тоже стало двойным праздником.

Проанализируем сколько лет было Героям АДД к моменту присвоения им этого звания (таблица № 4).

²⁸² Пусэн Э. К. На дальних воздушных дорогах. – М., 1975. – С. 153.

Табл. №4

Возраст на день Указа в годах	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	40
Сколько человек	3	7	14	19	23	24	13	16	28	22	16	25	11	17	13	5	2	7	2

В 21 год звание Героя Советского Союза получили три человека. Это штурман авиационной эскадрильи 8-го гвардейского авиационного полка Владимир Фёдорович Рошенко, лётчик 81-го авиационного полка Иван Тимофеевич Вдовенко и лётчик 2-го гвардейского авиационного полка Алексей Дмитриевич Гаранин. Самым молодым Героем Советского Союза АДД стал Гаранин. Получил он это звание в 21 год и 9 месяцев.

Родился Алексей Дмитриевич 28 марта 1921 года в Новосибирской области. Воевать начал с 22 июня 1941 года. А накануне у него родился сын Валерий. В октябре 1941 года награждён орденом Ленина, в феврале 1942 года – орденом Красного Знамени. До присвоения звания Героя (31 декабря 1942 года) совершил 134 боевых вылета.

Вот один из них. 14 октября 1941 года Гаранин выполнял боевое задание. Над целью зенитной артиллерией был выведен из строя один мотор. Лётчик посадил подбитый Ер-2 на аэродроме в Калинине. Как раз в это время в город ворвались немецкие танки. О ремонте бомбардировщика нечего было и думать. Благо один из техников местного аэродрома предложил только что отремонтированный СБ.

- Всем в машину! – скомандовал Гаранин.

Показались немецкие танки. Уже под пулями и снарядами Гаранин оторвал самолёт от бетонированной дорожки и стал энергично набирать высоту. По лётному полю, поднимая пыль, мчались немецкие танки²⁸³.

Рошенко стал Героем Советского Союза в 21 год и 10 месяцев, а Вдовенко – в 21 год и 11 месяцев. Однако надо иметь в виду, что младший лётчик 81-го дальнебомбардировочного авиационного полка Вдовенко 28 августа 1941 года направил свой горящий бомбардировщик на немецкую переправу и за этот подвиг был представлен к званию Героя Советского Союза. В это время Ивану Тимофеевичу исполнился 21 год и полтора месяца.

Как видно из таблицы, больше всего Героев Советского Союза падает на 29-летний возраст – 28 человек. В 25 - 26 лет Героями стали 47, а в 29 и 30 – 50 человек. От 25 до 32 лет звание Героя получили 167 человек, что составляет 61 % от числа всех Героев Советского Союза. Можно сделать вывод, что именно эти годы для лётного состава Авиации дальнего действия явились годами лётной зрелости и боевого опыта.

За разное количество боевых вылетов представлялся лётный состав АДД к званию Героя Советского Союза. 34 человека представлены за количество боевых вылетов, не превышающих ста. Меньше всех боевых вылетов совершили Дмитрий Захарович Тарасов и Борис Дмитриевич Ерёмин – по два. Н. Ф. Гастелло совершил 3, а И. Т. Вдовенко и Н. В. Гомоненко – по 6 боевых вылетов.

За количество боевых вылетов более ста, но не превышающие двести, получили звание Героя Советского Союза 68 человек. В пределах 200 – 300 боевых вылетов – 145 человек, более 400 – два человека и свыше 500 – один.

503 боевых вылета совершил командир эскадрильи 110-го авиационного полка гвардии майор Павел Павлович Савченко. Необходимо отметить, что полк, в котором служил Герой, выполнял транспортные задачи. Так, Савченко только на Сталинградском фронте совершил 235 дневных боевых вылетов по доставке горючего и боеприпасов наступающим частям Красной Армии. И второе: лётчик был представлен к званию Героя посмертно 23 октября 1943 года, то есть более чем за полтора года до окончания войны. Тем не менее, никому из

²⁸³ Более подробно смотри: *Молодчий А. И. В пылающем небе.* – Донецк, 1970. – С. 28.

Героев АДД не удалось перекрыть этот своеобразный рекорд. Погиб Савченко в ночь с 16 на 17 октября 1943 года. Звание Героя ему присвоено 13 марта 1944 года.

481 боевой вылет к моменту представления на звание Героя совершил командир эскадрильи 334-го авиационного полка капитан Иван Семёнович Валухов. Как и Савченко, он выполнял, помимо вылетов на бомбометание, транспортные и другие задачи. Так, например, Валухов был послан на поиски затерявшегося во льдах Арктики ледокола, который возвращаясь из заграничного плавания, попал в тяжёлые условия. В полярную ночь, в снежные бураны и сильные морозы совершил Валухов 12 вылетов. Ледокол был выведен из ледового плена²⁸⁴.

408 боевых вылетов совершил Герой Советского Союза штурман эскадрильи 336-го бомбардировочного авиаполка гвардии майор Михаил Яковлевич Орлов. Из них 135 вылетов он совершил на транспортировку грузов передовым частям Красной Армии и партизанам.

Больше всех боевых вылетов на бомбардирование произвёл Герой Советского Союза флагманский стрелок-радист 16-го гвардейского бомбардировочного полка гвардии младший лейтенант Александр Михайлович Голубой. На его счету 370 боевых вылетов к моменту представления к званию Героя. 365 вылетов совершил другой стрелок-радист – гвардии младший лейтенант Василий Иванович Синицын, Герой Советского Союза из 5-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка. 359 вылетов совершил лётчик 20-го гвардейского авиационного полка Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Евгений Георгиевич Андриенко.

Некоторые лётчики и штурманы представлялись к званию Героя, совершив к этому времени «круглое» количество боевых вылетов – 100, 150, 200 или 250. Лётчик А. С. Додонов был представлен за 100 совершенных боевых вылетов, лётчик В. К. Давыдов и штурман Д. П. Волков – за 150, лётчики П. Я Матвеев, А. К. Коростёлов и Я. А. Шашлов – за 200, а штурманы И. И. Старжинский и М. П. Орлов и лётчик А. С. Петушкиов – за 250 боевых вылетов.

5 Героев Советского Союза получили это звание за огненный наземный таран. Кроме Гастелло, за самопожертвование посмертно присвоено звание Героя четырём представителям АДД. Вот их имен: лётчик 81-го авиационного полка младший лейтенант Иван Тимофеевич Вдовенко, штурман этого же полка младший лейтенант Никита Васильевич Гоманенко (28 августа 1941 года, будучи в одном экипаже, они взорвали горящим самолётом pontонный мост противника); командир звена 21-го авиационного полка Дмитрий Захарович Тараков, штурман звена этого же полка лейтенант Борис Дмитриевич Ерёмин (27 июня 1941 года направили свой горящий самолёт на вражеские танки).

5 Героев Советского Союза получили это звание за участие в полётах на Берлин в августе 1941 года. Это одна из ярких страниц в истории Авиации дальнего действия, в истории нашей Родины. По приказу Ставки для полёта на столицу фашистской Германии было выделено несколько групп бомбардировщиков – одна группа лётчиков Балтийского флота из 1-го минно-торпедного авиационного полка под командованием полковника Е. Н. Преображенского и три группы самолётов авиационных полков дальнебомбардировочной авиации. Наиболее удачно выполнили ответственное задание экипажи 22-го дальнебомбардировочного авиационного полка под командованием капитана Василия Гавриловича Тихонова и экипажи 40-й дальнебомбардировочной авиационной дивизии под командованием майора Василия Ивановича Шелкунова.

9 августа оперативные группы вылетели на аэродром на острове Эзель в Балтийском море. 11 августа состоялся первый вылет экипажей дальнебомбардировочной авиации на Берлин. В течение августа некоторые экипажи совершили по четыре, некоторые по три боевых вылета. По четыре вылета совершили в составе одного экипажа лётчик В. И. Щелкунов и штурман В. И. Малыгин.

²⁸⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 8, л. 50.

...Последние километры маршрута были особенно трудны. Выключив освещение, штурман лёг на пол кабины и напряжённо вглядывался в черневшую землю. Внизу серебрилась река Одер. Прошло несколько минут полёта, и под крылом бомбардировщика заиграли слабые огоньки. Это Берлин. Начался обстрел зенитной артиллерии. Чёрно-красные шарики разрывов то тут, то там ниже и выше самолёта. Кабина наполнилась пороховой гарью. Не обращая внимания на обстрел, штурман вёл самолёт к цели. Вот и она. Малыгин нажал кнопку электросбрасывателя. Задание выполнено. Курс на Эзель.

16 сентября 1941 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза майорам Василию Ивановичу Щелкунову, Василию Ивановичу Малыгину и Николаю Васильевичу Крюкову, капитанам Василию Гавrilовичу Тихонову и Вениамину Ивановичу Лахонину.

Таким образом, пяти Героям АДД это звание было присвоено за наземный огненный таран, пяты – за беспримерные полёты на Берлин. Остальные Герои Советского Союза АДД получили это звание за определённое количество боевых вылетов.

Некоторые будущие Герои АДД вступили в Великую Отечественную войну, уже имея боевой опыт. Практику боёв в борьбе с испанским фашизмом получил штурман Фёдор Фёдорович Кошель. Воевал на Хасане штурман Сергей Иванович Куликов. В небе Халхин-Гола сражались авиаторы Николай Францевич Гастелло, Павел Михайлович Архаров, Василий Артемьевич Журавлёв, Василий Павлович Морозов, Николай Никифорович Самусев, Арсений Павлович Чурилин и Степан Андреевич Харченко. Боевой опыт в борьбе с белофиннами приобрели Александр Кузьмич Алгазин, Николай Алексеевич Бобин, Сергей Данилович Криворотченко, Марк Трофимович Лановенко.

Лётчик Николай Васильевич Крюков воевал в небе Китая и Финляндии, а лётчик Василий Васильевич Васильев – в небе Халхин-Гола и Финляндии. Всего по неполным данным 36 Героев Советского Союза приобрели боевой опыт до Великой Отечественной войны, что составляет около 15 % от всех Героев АДД.

Национальность Героев Советского Союза АДД видна из таблицы № 5.

Табл.№5

Национальность	русских	украинцев	белорусов	армян	татар	мордвин	чувашей	эстонцев	азербайджанцев
Количество Героев	200	50	7	1	2	1	1	1	1

Среди Героев АДД 95 % русских и украинцев (соответственно 76 и 19 %). Имя отважного сына азербайджанского народа Ашота Джумшутовича Каспарова было хорошо известно партизанам Белоруссии, Украины, Закарпатья. Доставлял он им боеприпасы и продовольствие, а обратными рейсами увозил раненых. Штурмана эскадрильи 101-го авиационного Краснознамённого полка хорошо знали в отрядах Ковпака и Козлова. Его имя было занесено в Книгу почёта партизан 1-й Минской партизанской бригады. Эффективными были и вылеты на бомбардирование. За 305 успешно выполненных боевых вылетов Каспарову 5 ноября 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Своими боевыми делами прославил родную Армению Герой Советского Союза Гога Григорьевич Агамиров. Командиру эскадрильи 337-го авиационного полка всегда поручали самые сложные и ответственные задания. Особенно запомнились ему полёты в интересах Югославской Народно-освободительной армии. Первое боевое задание он выполнил 23

марта 1944 года. Полёт продолжался в исключительно трудных метеоусловиях ночью при сплошной облачности и интенсивном обледенении, при абсолютном отсутствии видимости, каких-либо ориентиров и радиосредств, при сильной болтанке во время перелёта через Карпатские горы. Цель, обозначенная треугольником из трёх костров, находящаяся на расстоянии более тысячи километров, была найдена. И задание успешно выполнено. 12 июня 1944 года было получено ответственное боевое задание по переброске старшего офицерского состава НОАЮ. И это задание было успешно выполнено. Экипаж Агамирова получил благодарность от наркома иностранных дел СССР²⁸⁵.

287 боевых вылетов за годы войны совершил представитель мордовинского народа Герой Советского Союза штурман Дмитрий Петрович Волков из 23-го гвардейского авиаполка. Чуваш Николай Степанович Ижутов служил в 108-м бомбардировочном авиационном полку. За 202 успешно выполненных боевых вылета 15 мая 1946 года награждён Золотой Звездой Героя.

Среди Героев АДД два славных имени татарского народа – Гали Ахметович Мазитов (старший штурман 3-й гвардейской авиационной дивизии, звание Героя получил 19 августа 1944 года) и Гаяз Исламетдинович Баймурзин (заместитель командира эскадрильи 13-го гвардейского авиационного Краснознамённого погон, звание Героя получил 5 ноября 1944 года).

Белорусская национальность представлена всего лишь семью Героями, но среди них главный Герой АДД – Николай Францевич Гастелло.

Теперь рассмотрим, как распределяются Герои АДД по местам рождения. Вот как это выглядит по республикам (табл. № 6).

Табл.№6

Наименование республики	РСФСР	Украина	Белоруссия	Узбекистан	Азербайджан	Латвия	Грузия
Количество героев	204	53	6	1	1	1	1

В составе РСФСР 9 автономных союзных социалистических республик из 16 имеют Героев АДД (Мордовская – 4, Башкирская – 3, Удмуртская и Татарская по 2, Чувашская, Северо-Осетинская, Карельская, Чечено-Ингушская, Якутская по одному Герою). Один Герой принадлежит Адыгейской автономной области, 6 – Красноярскому и 4 Краснодарскому краям. Остальные Герои Советского Союза АДД относятся к различным областям РСФСР. Московской области принадлежит 15 Героев, Калининской – 12, Тульской, Ростовской, Ленинградской – по 10, Свердловской – 8, Вологодской, Воронежской, Горьковской, Рязанской, Ярославской – по 7, Волгоградской, Ивановской, Калужской, Саратовской, Тамбовской – по 5, Курской и Пермской – по 4, Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Куйбышевской, Новосибирской, Чкаловской – по 3, Новгородской, Челябинской, Иркутской, Ульяновской – по 2, Астраханской, Кемеровской, Костромской, Кировской, Липецкой, Оренбургской, Омской, Орловской. Пензенской – по одному Герою Советского Союза.

Украинская республика представлена 14 областями из 25 (Днепропетровская – 10, Ворошиловоградская, Донецкая – по 8, Киевская – 6, Полтавская, Крымская, Черниговская, Сумская – по 3, Житомирская, Запорожская, Одесская, Хмельницкая, Кировоградская – по 2, Николаевская, Харьковская – по одному Герою).

Белорусская республика представлена четырьмя областями из шести (Гомельская и Витебская по 2, Могилёвская и Минская – по одному Герою).

По месту рождения слабо представлен Восток страны. Так, нет Героев АДД в Приморском и Хабаровском краях, в Сахалинской, Амурской, Читинской областях, в Бурятской АССР. К востоку от Байкала только Якутская АССР дала стране одного Героя

²⁸⁵ ЦАМО, ф. 33. оп. 793756, д. 1, л. 90.

АДД. Это объясняется тем, что в предвоенные годы в этом восточном регионе была относительно слабая населённость и не было лётных училищ.

В Авиации дальнего действия различные лётные профессии. Среди Героев АДД 174 лётчика, 90 штурманов и 3 стрелка-радиста. Представителей инженерно-технической службы нет.

Первым Героем из числа лётчиков стал Гастелло. Определить первого из числа штурманов невозможно, так как их было сразу два. 16 сентября 1941 года за полёты на Берлин звание Героя было присвоено штурманам Малыгину и Лахонину. Всего три месяца прожил после получения звания Героя Лахонин. 22 декабря 1941 года он погиб в авиационной катастрофе. Василий Иванович Малыгин умер после войны – 25 июля 1976 года.

Среди Героев АДД три стрелка-радиста. Кроме Ф. И. Лопатина, получившего это звание в войне с белофиннами, ими стали младший лейтенант В. И. Синицын и А. М. Голубой. Звание Героя они получили одновременно – 18 августа 1945 года.

Личный состав АДД представлялся к званию Героя Советского Союза с различных должностей. Для наглядности приведём такие данные (табл. № 7):

Табл.№7

Командир авиационной эскадрильи	57
Штурман авиационной эскадрильи	37
Командир звена	37
Зам командира авиационной эскадрильи	30
Штурман звена	21
Командир корабля	20
Зам. командира авиационного полка	14
Штурман авиационного полка	11
Командир отряда	9
Зам. штурмана полка	7
Штурман отряда	6
Штурман корабля	6
Командир авиационного полка	3
Начальник связи авиационной эскадрильи	2
Штурман авиационной дивизии	2
Зам. командира полка по политчасти	1
Зам. командира эскадрильи по политчасти	1
Зам. начальника штаба по разведке	1
Зам. штурмана авиационной дивизии	1
Стрелок-радист	1

Таблица составлена по принципу количественного убывания. Это позволяет более наглядно проанализировать, какие должностные категории АДД и в какой степени представлены Героями Советского Союза, на кого легла большая нагрузка в боевой работе. Из всех Героев АДД командиры и штурманы авиационных эскадрилий составили более 35 %. Высок процент и такой категории, как командир и штурман звена – около 22 %. Если взять такие категории, как командир и заместитель командира эскадрильи, то они составляют 32 % от всего количества Героев АДД.

Относительно низок процент в таких, казалось бы, ведущих категориях, как командир и штурман корабля. Всего лишь 10 % Героев АДД представлены к этому званию в должности командира и штурмана корабля. Всё это закономерно. Эти должности в авиации изначальные. Пока командир или штурман корабля совершали 200 и более боевых вылетов, они продвигались в служебном росте, «не успев» получить звание Героя в прежней должности.

Среди должностей полкового звена выделяются штурманы авиационных полков. 11 человек получили звание Героя в этой должности, что составляет более 12 % от всех штурманов – Героев АДД.

Среди заместителей командиров полков по политчасти только один получил звание Героя Советского Союза. Им стал заместитель командира 3-го гвардейского Краснознамённого авиационного полка по политической власти гвардии подполковник Сергей Николаевич Соколов. Алексей Петрович Чулков стал Героем, будучи в должности заместителя командира авиаэскадрильи по политической части 751-го авиационного полка.

Из всех должностей, представленных в семье Героев АДД, только одна не из лётных – должность заместителя начальника штаба полка по разведке. С этой должности уже в 1947 году к званию Героя был представлен Я. И. Штанев. Ещё во время войны, 2 июля 1943 года, его самолёт потерпел аварию. При падении лётчик получил тяжёлые ранения: сломаны обе ноги, правая рука, сильные ушибы головы и груди. После выздоровления Яков Иванович вернулся в полк. Добился, чтобы его допустили к лётной работе. Сел за штурвал боевой машины и летал до конца войны. После окончания боевых действий был переведён на нелётную работу. Звание Героя Советского Союза присвоено 23 февраля 1948 года.

Среди Героев АДД три командира полка. Первым из них стал командир 26-го гвардейского авиационного полка гвардии подполковник Павел Иванович Бурлуцкий. Звание Героя ему присвоено 19 августа 1944 года. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 ноября этого же года звание Героя Советского Союза было присвоено командиру 337-го авиационного полка подполковнику Владимиру Порфириевичу Драгомирецкому и командиру 22-го гвардейского авиационного Севастопольского полка гвардии подполковнику Александру Алексеевичу Баленко.

Среди Героев АДД два штурмана дивизии – Василий Иванович Малыгин (штурман 40-й авиадивизии) и Гали Ахметович Мазитов (штурман 3-й гвардейской авиадивизии).

Среди награждённых нет командиров дивизий, командиров корпусов, лётного состава дивизионного и корпусного звена, офицеров и генералов Управления и штаба АДД.

Анализ должностей, с которых представлялся лётный состав к званию Героя Советского Союза, показывает, что командиры полков, дивизий и корпусов главное внимание уделяли тем, кто непосредственно участвовал в выполнении боевых заданий, кто находился за штурвалом боевого корабля, у бомбардировочного прицела.

6 Героев АДД были представлены в звании младшего лейтенанта, 9 – в звании лейтенанта, 42 – старшего лейтенанта, 114 – капитана, 83 – майора, 12 – в звании подполковника и один – в звании сержанта. Около 74 % Героев АДД получили это звание в чине капитана и майора.

Подавляющее число Героев АДД – коммунисты. Это видно из таблицы № 8, которая показывает вступление Героев АДД в партию по годам:

Табл №8

Годы																	
1928	1929	1930	1931	1932	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	
Количество Героев																	
3	4	4	8	9	1	1	4	14	12	18	38	76	39	22	2	1	

Проанализируем данные таблицы. До войны в партию вступило 78 человек, после войны – 1, во время войны – 177 человек. Всего 256 человек. К званию Героя Советского Союза было представлено 5 членов ВЛКСМ и 6 беспартийных. Таким образом, подавляющее большинство Героев АДД к моменту представления являлись членами партии. Звание Героя Советского Союза, будучи членами ВЛКСМ, получили: Григорий Иванович Безобразов, Гавриил Васильевич Лепёхин, Дмитрий Захарович Тарасов, Фёдор Иванович Титов и Алексей Петрович Сидоришин.

Звание Героя Советского Союза, будучи к этому времени беспартийными, получили: Тимофей Кузьмич Гаврилов, Сергей Степанович Маркин, Владимир Ильич Сафонов, Павел Иванович Тихонов, Павел Фёдорович Сиволапенко и Фёдор Максимович Шатров. После войны так и не вступили в партию двое – Сафонов и Гаврилов. Сафонов уже после войны в результате аварии самолёта стал инвалидом и ушёл на пенсию. Гаврилов после увольнения в запас в 1946 году стал лётчиком ГВФ. В 1948 году погиб в авиационной катастрофе.

Особенность Авиации дальнего действия, в отличие от других родов авиации, заключается в том, что на борту самолёта находится не один только лётчик, как, например, в истребительной авиации, а целый экипаж. Анализ показывает, что в АДД было много экипажей, в которых и лётчик и штурман стали Героями Советского Союза. В условиях войны, когда гибель кого-либо из экипажа явление нередкое, когда интересы боевой работы, служебное повышение, ранения и другие причины разъединяли членов экипажа, трудно найти, лётчика и штурмана, которые бы прошли всю войну вместе с первого её дня и до последнего. Тем не менее, на основе данных, зафиксированных в наградных листах, к моменту представления летали совместно Герой-лётчик и Герой-штурман в 82-х экипажах. Это и понятно. Успех лётчика в боевой работе приходит не сам по себе, он зависит от умения, настойчивости, мужества и героизма его штурмана. Экипаж АДД – это коллектив, в котором качественное выполнение боевого задания зависит от умелых действий всех его членов.

Некоторым лётчикам (равно и штурманам) довелось за годы войны летать в разное время с несколькими Героями Советского Союза. Например, штурман Н. С. Зуенко летал с Героями Советского Союза лётчиками К. П. Платоновым, Н. В. Новожиловым и В. В. Осиповым. Штурман Л. П. Грошев летал с лётчиками К. И. Марусиченко, В. Ф. Солянником и П. Н. Тананаевым. Штурман В. И. Каширкин летал с лётчиками В. Т. Митрошиным и А. И. Репиным.

За годы Великой Отечественной войны только два стрелка-радиста стали Героями Советского Союза. Оба они летал в экипажах, в которых и лётчик и штурман уже стали Героями. Правда, стрелки-радисты получили это звание уже после окончания войны, тем не менее, мы вправе сказать, что в двух экипажах АДД было по три Героя Советского Союза. Вот эти экипажи: лётчик Иван Фёдорович Андреев, штурман Сергей Петрович Алейников, стрелок-радист Александр Михайлович Голубой; лётчик Иван Максимович Хрущёв, штурман Борис Петрович Гущин, стрелок-радист Василий Иванович Синицин.

Очень трудно проанализировать такой важный и интересный вопрос, каким является обучение будущих Героев АДД в авиационных училищах. Эти сведения в наградных листах не отражались. Небезынтересно было бы определить, какие училища, и в каком количестве воспитали будущих Героев Советского Союза АДД. Можно только констатировать, что среди них есть несколько человек, чей путь к профессии лётчика или штурмана лежал не через специальное училище.

Герой Советского Союза Фёдор Емельянович Василенко в 1939 году окончил школу младших авиационных специалистов, летал стрелком-радистом. А немного позже сдал экстерном экзамены и стал штурманом самолёта.

Интересна в этом отношении судьба Героя Советского Союза Александра Евлампиевича Вербицкого. В 1939 году он окончил Ленинградскую техническую школу ВВС, получил звание воентехника 2-го ранга. В 1941 году сдал экстерном экзамены и стал штурманом звена. В июле 1943 года был направлен на переучивание в школу лётчиков и стал командиром корабля 27-го гвардейского авиационного полка. Войну закончил в этой должности. Это единственный Герой АДД, который сменил профессию техника на профессию штурмана, а затем лётчика. Полковник Вербицкий погиб в 1956 году, будучи в должности заместителя командира авиационного соединения.

Герой Советского Союза Фёдор Федотович Дудник окончил Киевское артиллерийское училище, а уже потом – авиационное. Иван Михайлович Корунов окончил Московскую школу техников, а через несколько лет – авиационное училище штурманов. Алексей

Тимофеевич Назаров окончил школу техников, летал в должности бортового техника, затем стал лётчиком. Прошёл всю войну, звание Героя получил в августе 1944 года, будучи в должности заместителя командира 18-го гвардейского авиационного полка.

Герой Советского Союза Иван Ильич Старжинский окончил Орджоникидзевское пехотное училище, а уже потом авиационную школу штурманов. Сергей Васильевич Щербаков в 1937 году окончил Орловское бронетанковое училище, а в 1939 году – Харьковскую авиационную школу.

Анатолий Петрович Рубцов в декабре 1933 года поступил, а в 1935 году окончил Иркутское военное авиатехническое училище. До марта 1939 года служил в училище инструктором, а затем поступил в Энгельсскую военную авиашколу лётчиков. Война застала Рубцова слушателем 1-й высшей школы штурманов и лётчиков АДД. После её окончания прибыл в 4-й авиационный полк дальнего действия, и со 2 июля 1942 года включился в боевую работу. Ровно через три месяца командир полка майор Чемоданов подписал представление к званию Героя Советского Союза командиру звена Рубцову. Ни один из Героев АДД не имел столь короткого срока от начала боевой работы до представления. Это были героические месяцы. Командир полка отмечал в наградном листе: «За это время работал самоотверженно, чётко, смело, с отличной сметкой, быстро вошёл в строй на самолёте Ил-4 и со всей решительностью вступил в бой. За два с половиной месяца совершил 60 успешныхочных боевых вылетов, не имея ни одного лётного происшествия. Из общего числа полётов 9 совершил на предельный радиус, бомбардировал Берлин, Будапешт, Бухарест, Данциг, Варшаву, Кенигсберг. Каждый вылет на предельный радиус тщательно продумывает, умело мобилизует весь экипаж... Лётчик, достойный прославления на всю АДД и Красную Армию за свои боевые дела»²⁸⁶.

31 декабря 1942 года Анатолий Петрович стал Героем Советского Союза. Войну закончил в должности командира 37-го гвардейского бомбардировочного авиационного дважды Краснознамённого полка. В августе 1954 года полковник Рубцов погиб в авиационной катастрофе.

Среди Героев Советского Союза АДД два брата – Николай Степанович и Михаил Степанович Паничкины. Годы рождения, полки, в которых воевали, у них разные. Остальное всё совпадает. Оба в дальней авиации, оба штурманы, оба в звании капитана (к моменту представления), в одной и той же должности. Представления к званию Героя подписаны в один день командиром 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса генерал-лейтенантом авиации Логиновым, а затем в один день командующим 18-й воздушной армией Главным маршалом авиации А. Е. Головановым. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Много испытаний выпало на долю Героев АДД, но, пожалуй, такое, что случилось с Василием Константиновичем Гречишким, бывает весьма редко. Это произошло уже после присвоения звания Героя (20 февраля 1942 года). Даже видавшие виды авиаторы не могли поверить в это. Экипаж возвращался с боевого задания. Уже близко линия фронта. Попали под обстрел зенитной артиллерии. Один снаряд угодил в левый мотор, самолёт загорелся. Огонь стал быстро распространяться по кабине. Лётчик тянул сколько мог, а когда положение стало безнадёжным, дал команду покинуть самолёт. Оказавшись в воздухе, Василий Константинович дёрнул кольцо парашюта, но он не раскрылся. Очнулся Гречишким от крика. Это члены экипажа искали своего командира. Доставили его в госпиталь. Ни единой царапины. А падал лётчик без парашюта с высоты 500 метров. При падении Василий Константинович попал в снежный склон оврага. Это и спасло ему жизнь.

Аналогичный случай произошёл и в экипаже Героя Советского Союза Николая Павловича Жугана. Правда, не с ним, а со штурманом самолёта. Возвращались с боевого задания. Не долетев до линии фронта, подверглись атаке истребителей противника. Их было

²⁸⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 41, л. 46.

много. Завязался бой – жестокий и неравный. Лётчик дал команду покинуть самолёт. Когда штурман Иван Михайлович Чиссов оказался за бортом машины и осмотрелся, он заметил совсем недалеко «мессера». Оценив обстановку, решил затянуть раскрытие парашюта и этим способом уйти от истребителя. Это было на высоте 7000 метров. От недостатка кислорода штурман потерял сознание. Пришёл в себя уже на земле. Остался жив Чиссов только благодаря тому, что при падении попал в сугроб снега, нависший над довольно крутым склоном оврага.

Золотая Звезда и орден Ленина – не единственные награды, которые получали Герои Советского Союза АДД. По не совсем полным данным, многие из них к моменту награждения Золотой Звездой и орденом Ленина имели другие боевые награды. Всего было вручено 1307 орденов и медалей СССР. Для наглядности сведём количество полученных наград в таблицы (табл. № 8 и № 9).

Табл. №8

Ордена СССР и количество										
Кутузова II степени	Красного знамени	Ленина	Красной звезды	Отечественной войны I степени	Отечественной войны II степени	Александра Невского	Суворова II степени	Суворова III степени	Орден Славы III степени	Знак Почета
2	387	108	85	133	16	62	3	5	1	2

Табл. №9

Медали СССР и количество													
«За оборону Кавказа»	«За победу над Японией»	«За отвагу»	«За оборону Ленинграда»	«За оборону Сталинграда»	«За взятие Будапешта»	«За взятие Кенигсберга»	«Партизану Отечественной войны I степени	«За взятие Берлина»	«За боевые заслуги»	«За оборону Москвы»	За освобождение Варшавы»	«За оборону Советского заполярья»	
14	4	6	101	76	52	39	6	66	89	38	2	2	

Самой «популярной» из них стал орден Красного Знамени. Вручено их было 387. Некоторые Герои получали эту награду по несколько раз. В этом отношении выделяется Анатолий Васильевич Иванов, лётчик 455-го авиационного полка. За годы Великой Отечественной войны он был награждён этим орденом четырежды. Тремя орденами Красного Знамени было награждено 13 Героев АДД. Среди них: Александр Кузьмич Алгазин, Василий Иванович Алин, Владимир Андреевич Вязовский, Иван Тимофеевич Гросул, Александр Дмитриевич Давыдов, Сергей Степанович Маркин, Григорий Иванович Несмашный, Иван Михайлович Павкин, Феодосий Карпович Парашенко, Фёдор Фёдорович Степанов, Артемий Демидович Торопов, Александр Филиппович Фролов и Иван Максимович Хрущёв.

149 орденов Отечественной войны I-й и II-й степеней вручено Героям Советского Союза АДД и только четыре человека награждены и тем и другим орденом – Андрей Павлович Коновалов, Алексей Николаевич Прокудин, Иван Фёдорович Матвеев и Фёдор Иванович Титов.

Из всех Героев АДД только Северян Петрович Тимофеев имеет два ордена Отечественной войны I-й степени. Пётр Петрович Абрамов награждён за годы войны двумя орденами Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды. Сергей Савельевич Сугак и Яков Иванович Штанев награждены двумя медалями «За боевые заслуги».

Орденами, названными именами выдающихся русских военачальников и флотоводцев награждено 70 человек. Самой «популярной» наградой стал орден Александра Невского. Из всех героев АДД только два человека удостоены двух полководческих орденов – Александр Иванович Шапошников награждён орденами Александра Невского и Суворова III-й степени, а Василий Гаврилович Тихонов – орденами Суворова и Кутузова II-й степени.

Три Героя Советского Союза АДД награждены всеми медалями за оборону, освобождение и взятие городов. Ими награждены Василий Васильевич Решетников, Василий Иванович Тихонов и Николай Иванович Фомин.

Четыре человека награждены иностранными орденами. Дмитрий Петрович Волков награждён медалью Чехословацкой Социалистической Республики за оказание помощи Словакому национальному восстанию в 1944 году. Югославским орденом «Партизанская звезда I степени» награждены Фёдор Селивёрстович Румянцев, Александр Дмитриевич Давыдов и Гога Григорьевич Агамиров.

Кроме Звезды Героя и ордена Ленина не имеют других наград Н. Ф. Гастелло, Д. З. Тараканов, Н. В. Гоманенко, И. Т. Вдовенко, Б. Д. Ерёмин, В. И. Лахонин и Н. В. Крюков.

В годы Великой Отечественной войны, движимые чувством патриотизма, советские люди оказывали помощь советскому государству, Красной Армии своими личными средствами. Широкое распространение, к примеру, получил сбор средств на постройку боевой техники для действующей армии. Зародилось это движение на Дальнем Востоке в августе 1941 года.. По инициативе комсомольцев сельхозартели имени Лазо Серышевского района Амурской области начался сбор средств на постройку боевых самолётов. Осенью 1941 года инициатива амурских колхозников стала распространяться по всему Хабаровскому краю. 2 ноября состоялся IV пленум краевого комитета ВЛКСМ, который рекомендовал всем комсомольским организациям включиться в работу по сбору средств на строительство звена бомбардировщиков «Хабаровский комсомол».

Сбор средств в крае проходил организованно и дружно. Средств было собрано значительно больше, чем требовалось на строительство звена. Производство боевых машин осуществлялось на одном из авиационных заводов Дальнего Востока. В середине декабря 1941 года строительство было завершено. На фюзеляжах боевых воздушных кораблей появились надписи «Амурский комсомол», «Хабаровский комсомол», «Комсомол Колымы». 21 декабря в городе Хабаровске на реке Амур состоялась передача боевых машин представителям BBC Красной Армии. Четыре звена бомбардировщиков Ил-4 ушли в действующую армию²⁸⁷.

Это были первые боевые машины, построенные трудящимися Советского Союза на добровольные денежные пожертвования и переданные в части дальнебомбардировочной авиации. Летали на них будущие Герои Советского Союза АДД Николай Петрович Краснов, Александр Фёдорович Петров, Михаил Васильевич Симонов, Леонтий Петрович Глущенко, Юрий Николаевич Петелин, Иван Тимофеевич Гросул, Ефим Данилович Парахин. На одном из этих самолётов летал Александр Игнатьевич Молодчий, к тому времени Герой Советского Союза.

На именных самолётах «Сухинический колхозник» летали Владимир Дмитриевич Иконников и Анатолий Васильевич Иванов. На самолётах «Платоновский колхозник» летали Василий Тимофеевич Митрошин, Виктор Александрович Каширкин, Александр Иванович Репин и Борис Петрович Чистов.

²⁸⁷ Центральный архив ЦК ВЛКСМ, ф. 7, оп. 2, д. 121, л. 42.

В феврале 1945 года на одном из фронтовых аэродромов, где базировался 10-й гвардейский авиационный Краснознамённый полк, приземлился новенький Ил-4. На борту надпись: «Герою Советского Союза тов. Кот – от земляков Токманского района».

Николай Иванович Ижутов летал на именном самолёте. «Биробиджанский колхозник». Владимир Фёдорович Соляник на самолёте «Амурский колхозник».

Летом 1943 года экипаж 1-го тяжёлобомбардировочного авиационного полка, в котором находился штурман Герой Советского Союза Василий Михайлович Чистяков, был вызван на подмосковный аэродром. Делегация от трудящихся города Устюжна Вологодской области вручила своему земляку именной самолёт Ли-2 «Устюжанин». На нём Чистяков летал до конца войны.

Летом 1944 года дважды Герой Советского Союза А. И. Молодчий получил именной самолёт «Олег Кошевой».

43 Героя Советского Союза Авиации дальнего действия погибли в годы Великой Отечественной войны, что составляет 16 % от числа всех Героев АДД. Погибли: один стрелок-радист, 9 штурманов и 33 лётчика. Соотношение количества погибших показывает, что лётчиков погибло почти в четыре раза больше чем штурманов.

17 человек погибли, не узнав о том, что стали Героями Советского союза, то есть до опубликования Указа. 17 июня 1943 года погиб командир отряда 3-го авиаотряда капитан Николай Семёнович Куракин, а через сорок дней – 27 июля ему было присвоено звание Героя. 7 ноября 1942 года, в день 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции, погиб заместитель командира эскадрильи по политической части 751-го авиаотряда майор Алексей Петрович Чулков, а 31 декабря ему было присвоено звание Героя Советского Союза. За сорок дней до Указа погиб Иван Ефимович Душкин. За пятьдесят дней до Указа погиб Сергей Александрович Асямов.

26 человек погибли, будучи Героями Советского Союза. 5 ноября 1944 года стал Героем Советского Союза Иван Александрович Лазарев, а 24 декабря он погиб. 20 июня 1942 года получил звание Героя Александр Кузьмич Кувшинов, а через восемь дней погиб. 55 дней ходил Героем Советского Союза Павел Иванович Бурлуцкий. Всего 25 дней прожил после получения звания Героя Константин Петрович Платонов.

Некоторые Герои АДД ушли из жизни за несколько дней до окончания войны. 18 апреля 1945 года погиб Пётр Иванович Романов, 1 мая – Иван Матвеевич Глазов, 6 мая – Василий Михайлович Обухов. А Георгий Владимирович Чернопятов погиб 9 мая.

В 1941 году погибло 7 Героев Советского Союза АДД, в 1942 году – 4, в 1943 – 16, в 1944 – 11 и в 1945, до Дня Победы – 5.

Приказом Министра обороны СССР навечно занесены в списки части 6 Героев Советского Союза АДД. Вот их имена: Николай Францевич Гастелло, Никита Васильевич Гоманенко, Иван Тимофеевич Вдовенко, Фёдор Фёдорович Кошель, Иван Александрович Лазарев, Павел Яковлевич Матвеев.

46 Героев Советского Союза АДД умерли в послевоенный период. Вот как выглядит их уход из жизни по годам (табл. № 10).

Табл. № 10

Годы	1945 (после мая)	1946	1948	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1963	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Сколько человек	4	1	3	1	3	3	1	2	3	2	1	2	2	2	1	2	2	2	1	5	3

Таким образом, в настоящее время живёт и здравствует 178 Героев Советского Союза Авиации дальнего действия²⁸⁸.

Большинство Героев в послевоенное время продолжали службу в частях и соединениях АДД, в штабах различных ведомств Вооружённых Сил СССР. 17 человек дослужились до звания генерал-майора авиации, 5 человек – до звания генерал-лейтенанта авиации (В. М. Безбоков, С. К. Бирюков, В. П. Драгомирецкий, А. А. Плохов, В. Г. Тихонов) и двое – до звания генерал-полковник авиации – С. Ф. Ушаков и В. В. Решетников.

Некоторые Герои АДД получили наивысшее признание своих заслуг в деле развития и укрепления ВВС. Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено почётное звание «Заслуженный военный лётчик СССР» товарищам В. А. Борисову, В. П. Драгомирецкому, В. Д. Иконникову, А. А. Плохову, В. В. Решетникову, В. Г. Тихонову, С. Ф. Ушакову. Заслуженным военным штурманом стал генерал-майор авиации Ф. С. Яловой. Заслуженными штурманами-испытателями стали С. П. Алейников и А. П. Буланов. Заслуженными лётчиками-испытателями стали В. К. Гречишгин, Б. Г. Лунц и Н. Н. Харитонов. Почётными полярниками стали Э. К. Пусэп, Ф. А. Шатров и А. П. Штепенко.

12 Героев АДД закончили академию Генерального штаба.: В. М. Безбоков, Д. П. Волков, А. В. Дудаков, Н. П. Жуган, И. И. Киньдюшев, М. Д. Козлов, К. И. Марусиченко, А. А. Плохов, В. В. Решетников, С. Н. Соколов, В. Г. Тихонов, С. Ф. Ушаков.

3 Героя Советского Союза АДД стали учёными: Н. А. Гунбин и С. Н. Соколов кандидатами военных наук, А. А. Шевелёв – кандидатом сельскохозяйственных наук.

Герой Советского Союза Борис Ермилович Тихомолов стал профессиональным писателем. Им написан ряд книг, в том числе документальная повесть о войне, себе и товарищах «Небо в огне». Некоторые Герои издали свои воспоминания. Э. К. Пусэп («На дальних воздушных дорогах», «Тревожное небо»). С. Ф. Ушаков («В интересах всех фронтов»). А. Н. Кот («Отечества крылатые сыны», «На дальних маршрутах»). Н. А. Гунбин («В грозовом небе»). И. И. Киньдюшев («К победным рассветам»). В. В. Решетников («Что было – то было», «А. Голованов. Лавры и тернии», «307 боевых вылетов», «Избранные времена»). С. И. Швец «Под крыльями – ночь»).

С первого и до последнего дня войны Авиация дальнего действия принимала активное участие во всех крупных операциях, совершала многочисленные рейды в глубокие тылы противника и заняла почётное место в общей системе Военно-Воздушных Сил. Боевые экипажи дальних бомбардировщиков выполняли самые разнообразные задачи. На всём протяжении фронта от Ледовитого океана до Чёрного моря, пожалуй, не было ни одного участка, где бы ни появлялись грозные машины, ведомые воздушными капитанами дальнего воздушного плавания. Не было ни одного сколько-нибудь значительного военно-административного города фашистской Германии и её сателлитов, куда бы не доставляли свой бомбардировочный груз вездесущие «Ил-ы».

Смелые рейды лётных экипажей, эффективность бомбовых ударов, качественное выполнение ответственных заданий быстро создали авторитет Авиации дальнего действия. Она стала любимицей советского народа. В этом, несомненно, заслуга её кадров – лётчиков, штурманов, стрелков-радистов, политработников, инженеров, техников, механиков – прекрасных специалистов, идейно закалённых воздушных бойцов, людей беспредельной храбости и мужества. И прежде всего в этом заслуга Героев Советского Союза. Они – гордость и слава Авиации дальнего действия.

²⁸⁸ После 1975 года учета ухода из жизни Героев АДД автор не вёл. На июнь 2009 года в живых из славной когорты осталось три человека.

ВКЛАД АВИАЦИИ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ В РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В КУРСКОЙ БИТВЕ.

Дальнебомбардировочная авиация (ДБА) встретила Великую Отечественную войну в составе ВВС, сведённая в 5-е управление этого вида Вооружённых Сил СССР. Используемая на начальном этапе войны не по назначению, она понесла большие потери. С целью её сохранения и дальнейшего приобщения к выполнению присущих ей задач, Государственный Комитет Обороны (ГКО) 5 марта 1942 года принял решение изъять все части и соединения ДБА из ВВС и подчинить их Ставке. Собранная в кулак, она стала именоваться Авиацией дальнего действия. Возглавил её генерал А. Е. Голованов, ставший впоследствии Главным маршалом авиации и видным военачальником наших Вооружённых Сил.

Под его руководством АДД стала мощной ударной силой ВВС. Без её участия не проходила ни одна сколько-нибудь значительная операция Великой Отечественной войны. В каждое сражение она внесла свой достойный вклад. В том числе и в достижение победы в борьбе противоборствующих сторон под Курском.

Курская битва – это один сплошной бой, начавшийся 5 июля и закончившийся 23 августа 1943 года. Все здесь горело, взрывалось, грохотало и ревело пятьдесят суток. Боевой день сменяла боевая ночь, ей на смену приходил новый боевой день. Именно поэтому и вошла Курская дуга в славную летопись Великой Отечественной войны, как дуга Огненная. Ни днём, ни ночью врагу здесь не было покоя. Все пятьдесят суток, не пропустив ни одной ночи, над различными объектами врага в районах Курской дуги появлялись экипажи Авиации дальнего действия, пятьдесят ночей они помогали наземным войскам в отражении немецко-фашистского натиска, а затем в разгроме его группировок.

В июле и августе 1943 года славные экипажи АДД появлялись в ночном небе над Орлом, Белгородом и Харьковом, они горели и падали над Томаровкой и Новосилем, Старым Осколом и Болховом, Валуйками и Карабчевым, Обоянью и Мценском, Мерефой и Богодуховым. Их бомбы уничтожали фашистов, прокладывали путь советским танкам и пехоте. С их помощью были освобождены Белгородчина и Орловщина, они не позволили врагу вновь взять Курск. 60 лет назад над городами и селами, охваченных гигантским сражением, появился бомбардировщик, штурвал которого держал в своих руках легендарный дважды Герой Советского Союза Александр Игнатьевич Молодчий.

Каков же итог боевой работы АДД в сражении под Курском? Первый итог, о котором уже упоминалось, – это то, что она не пропустила ни одной ночи пятидесятидневного сражения. До 29 июля в интересах фронтов, участвовавших в Курской битве, АДД действовала максимальным количеством экипажей, всем своим боевым составом. Затем часть сил Авиации дальнего действия ушла на ленинградское направление. С середины августа и до окончания сражения она вновь работала в небе Курской дуги полным составом. За это время АДД совершила на бомбардирование и сброс листовок 11290 самолётовылетов. Среднесуточное количество их составило 225. На различные объекты врага былоброшено 179820 штук бомб общим весом 15610,845 тонн.

Здесь следует отметить, что в ночь на 12 июля 45-я авиадивизия АДД, вооружённая самолётами Пе-8, впервые в ходе Курской битвы получила задание доставить и сбросить на объекты врага самые мощные бомбы, которые имелись на вооружении советских ВВС – ФАБ-5000. Причём, ими надо было поразить не аэродром противника, не железнодорожный узел или ещё какой-то значимый объект, а узел сопротивления.

Бомбу ФАБ-5000 в полках дивизии величали «Марией Ивановой». В своё время я пытался выяснить, кто, и в связи с чем, окрестил эту «чушку» чисто русским женским именем и отчеством. Кто-то из ветеранов, кто точно не помню, объяснил это так. Якобы в

лётной столовой в Кратово, где стояли полки на Пе-8, работала заведующая, по своей комплекции сродни пятитонке. Опять же кто-то из острословов, а их в полках хватало, и окрестил её именем самую по тем временам мощную в мире бомбу.

А о том, что она была таковой, можно судить по её основным параметрам: длина со стабилизатором – 5,2 метра, диаметр около одного метра, вес взрывчатого вещества – 3,2 тонны, ну а общий вес не 5, а 5,4 тонны. Бомба по своим размерам была столь внушительна, что не помещалась в бомбюк Пе-8, и возили её с приоткрытыми створками. По внешнему виду она напоминала паровой котёл.

Впервые пятитонка была сброшена на Кенигсберг 29 апреля 1943 года. В ночь же на 12 июля две сверхмощные бомбы взорвались на окраине деревни Прогресс и на высоте с отметкой 254,9, полтора километра севернее Лески. Они были сброшены накануне контрнаступления наших войск на орловском направлении. Второй раз в ходе Курской битвы экипажи Ф. А. Шатрова и Героя Советского Союза А. С. Додонова сбросили «Марию Ивановну» на железнодорожный узел Орёл в ночь на 19 июля.

Именно в эту ночь Авиация дальнего действия проявила наивысшую активность в ходе сражения под Курском, совершив 624 боевых вылета. Это была третья подряд ночь, когда АДД подняла в воздух все свои восемь корпусов, стараясь отправить на помощь наземным войскам максимальное количество самолётов – в мощных бомбардировочных ударах нуждались все наступающие фронты Красной Армии. Четыре раза количество поднятых в бой бомбардировщиков составило более пятисот – в ночь на 11, 15, 18 и 21 июля. Это были дни наивысшего напряжения в сражениях на северном и южном фасах Курской дуги.

Удары по позициям немецких войск непосредственно у линии фронта, по местам скоплений его живой силы и техники – это была главная задача АДД на протяжении всего Курского сражения с первого и до последнего его дня. Задача трудная. С ней она справилась весьма успешно. Достаточно сказать, что ни одного удара по своим войскам экипажи Авиации дальнего действия не допустили. Это главный итог их пятидесятидневного участия в Курской битве.

От бомбардировочных ударов АДД враг нёс значительные потери. Их трудно было определить и подсчитать. Но оценки, данные некоторыми командирами советских наземных частей и соединений, говорят сами за себя. Начальник оперативного отдела 63-й армии Брянского фронта В. А. Беляевский писал: «Наконец мы дождались начала наступления – 12 июля 1943 года. Накануне наша авиация интенсивно бомбила основные узлы обороны противника... Сидя на бруствере траншеи НП, мы долго наблюдали, как наши самолёты, осветив местность и уточнив цели, сбрасывали бомбы на огневые позиции противника и другие важные цели, которые желательно было подавить до начала наступления. На душе было радостно. Я впервые наблюдал такую силу и мощь нашего удара»²⁸⁹. Другой активный участник сражения Б.Б.Лобов вспоминал: «Ночные бомбардировщики несколько часов громили передний край противника. Всё освещено было, как днём. Под утро заговорили пушки и уничтожили то, что не удалось лётчикам»²⁹⁰.

Бойцы и командиры прекрасно понимали, что бомбы, сброшенные экипажами дальних бомбардировщиков, помогут им утром более успешно отразить атаку врага или с наименьшими потерями преодолеть его участок обороны.

Газета АДД «Красный сокол» писала 23 июля 1943 года: «Едва на землю опускается ночь, как над передним краем противника во всех важнейших местах его обороны повисают светящиеся бомбы, и первые глухие взрывы фугасов доносятся до слуха советских бойцов, залёгших на своих позициях. Это наши ночные самолёты бомбят укреплённые узлы, технику, склады боеприпасов и живую силу немцев. Нет музыки более приятной для бойца и командира наших наземных войск, чем эта ночная обработка противника с воздуха». Хорошо сказано: «нет музыки более приятной».

²⁸⁹ Беляевский В. А. Стрелы скрестились на Шпрее. – М., 1973. – С. 93.

²⁹⁰ Лобов Б.Б. Восемнадцатая гвардейская. – Калининград, 1975. – С. 79.

Немецкие же офицеры и солдаты, бомбардировочные удары АДД по их позициям «музыкой» назвать не могли. Пленный 9-й роты 86-й пехотной дивизии Ганс Юкс на допросе показал: «Солдаты боятся «ночников» больше, чем артиллерии. Поэтому при их появлении все прячутся в щели. От «ночников» имеются большие потери»²⁹¹.

А как оценивали действия советских ВВС, в том числе и АДД, немецкие историки и генералы. Западногерманский историк В.Хубач отмечал: «Крупные русские бомбардировочные соединения, которые численно значительно превосходили воздушные немецкие силы, день за днём атаковали на главных направлениях наземной битвы»²⁹². Бывший начальник штаба 48-го немецкого танкового корпуса генерал Ф.Меллентин писал: «Многие танки стали жертвой советской авиации, а русские лётчики проявили исключительную смелость»²⁹³.

Боевые экипажи АДД в небе над Огненной дугой показали всё своё умение, выдающиеся примеры стойкости, мужества и высокого лётного мастерства. Нравственная сила личного состава от командира авиакорпуса до авиамеханика проявилась в сражении под Курском в не меньшей степени, чем в любом до неё. Подавляющее число экипажей, не взирая ни на какие трудности и лишения, постоянно стремились в бой. О том, с каким напряжением и энтузиазмом работали в Курской битве отдельные экипажи, можно судить по воспоминаниям командира эскадрильи 16-го гвардейского авиаполка Героя Советского Союза С. И. Швеца.

Степан Иванович писал: «В моей эскадрилье три лётчика, а самолётов девять – и все готовы к вылету. Возвращаясь с задания, каждый из нас ещё в воздухе подаёт условный световой сигнал своему экипажу. Техник запускает моторы следующего самолёта. Лётчик заруливает после посадки на стоянку, экипаж выходит из самолёта с парашютами, а тут уже стоят с кофе и бутербродами адъютант эскадрильи Карташов и старшина Рысов. Штурман передаёт адъютанту написанное в воздухе донесение, закусываем – и снова в воздух. Всего восемнадцать минут проходило у нас от посадки до взлёта на следующем самолёте. Мы уже возвращаемся с боевого задания, а остальные эскадрильи только начинают взлетать, и мы, пересев на другие машины, летим вместе с ними, но уже в третий раз. Лишь я, конечно, не всегда выдерживал по три вылета, но мои орлята иногда ухитрялись делать и по четыре»²⁹⁴.

Ну, разве не заслужили похвал, благодарностей и всякого рода наград подобные «орлята» Авиации дальнего действия! И они пришли. В разное время и разного достоинства. Коллективные награды и личные.

Прошло девять месяцев после завершения сражения под Курском. 27 мая 1944 года народный комиссар обороны Союза ССР подписал приказ № 137, которым многим частям и соединениям Авиации дальнего действия, отличившимся в боях против немецко-фашистских захватчиков за освобождение городов Советского Союза, присваивались собственные наименования. Имена главных городов Курской битвы, городов первого салюта Родины, были присвоены и наиболее отличившимся в этом сражении соединениям и частям АДД. Орловскими стали: 5-й авиакорпус, 1-я, 8-я гвардейские и 54-я авиадивизии, а также 25-й гвардейский авиаполк. Белгородским стал 23-й гвардейский авиаполк.

Имена двух советских городов, вырванных в августе 1943 года из немецкой неволи, словно лавровые венки воинской славы, навечно вплелись в историю Авиации дальнего действия.

Во всех частях и соединениях командиры и политработники, партийные и комсомольские организации стали готовить торжественные мероприятия. В клубах, штабах и общежитиях появились такие, например, плакаты: «Будем свято хранить, и множить славные

²⁹¹ ЦАМО, ф. 368, оп. 15025, д. 1, л. 18.

²⁹² Соловьёв Б. Г. Вермахт на пути к гибели. – М., 1973. – С. 104.

²⁹³ Меллентин Ф. Танковые сражения 1943-1945 гг. – М., 1957. – С. 192.

²⁹⁴ Швец С.И. Под крылом – ночь. Днепропетровск, 1973. – С. 165.

боевые традиции наших частей и соединений, получивших право носить имена городов русских».

Наибольший «урожай» почётных наименований собрал личный состав 1-го гвардейского авиакорпуса. На митингах в его частях было принято обращение к Верховному Главнокомандующему И.В.Сталину: «...Много примеров мужества и отваги проявил личный состав наших частей в славные дни орловского наступления. В любую погоду, несмотря на жестокое огневое сопротивление врага, наши лётчики непрерывными ударами с воздуха взламывали оборону немцев, прокладывали путь наземным войскам. Получив почётные наименования в честь прославленных в битвах городов-героев, мы перед лицом Родины заверяем Вас, товарищ Сталин, что высокое звание гвардейцев и наименования орловцев оправдаем с честью в грядущих боях, впишем новые подвиги в историю своих частей, покроем славой свои гвардейские знамёна».

«Мы – «орловцы!» – говорили лётчики 1-й гвардейской Орловской авиадивизии. Говорили с гордостью, ибо через ночное небо над Орлом в июле и августе 1943 года они вписали одну из лучших глав в боевую историю своих частей.

На митинге в 16-м гвардейском авиаполку выступил заместитель командира по политической части майор М. И. Хренов. Он подробно говорил о том, как лётчики умело уничтожали живую силу и технику врага, сокрушая его «неприступные» укрепления, бомбили аэродромы. Он поимённо вспомнил тех боевых товарищес, которые отдали свои жизни в борьбе за славный город Орёл. Личный состав полка почтил их память в скорбном минутном молчании. Затем выступил один из активнейших участников Курской битвы майор В. А. Матвеев: «Орёл был важным узлом коммуникации врага, одним из основных участков его обороны. Поэтому немцы прикрыли Орёл и зенитным огнём, и прожекторами, и зенитками. Но, несмотря на это, мы твёрдо вели свои самолёты к объектам на орловском плацдарме, потому, что верили в победу. И мы победили».

«Орловцы» – так озаглавил свою корреспонденцию в газете «Красный сокол» лейтенант М. Горелов. В ней автор поведал о том, как восприняли это известие в 8-й гвардейской авиадивизии: «Волнующим событием в жизни экипажей явилась весть о присвоении нашей части наименования Орловской. Приказ Верховного Главнокомандующего вызвал в их сердцах особую гордость. Этот приказ говорит о том, что почётное наименование, заслуженное в упорных боях, будет служить знаменем в борьбе за окончательный разгром врага. Пройдут годы, а слово – «орловская» – всё также будет украшать лавровый венок славы части».

«Мы – «белгородцы!» – ликовал личный состав 23-го гвардейского Белгородского авиаполка. Это единственная часть во всей Авиации дальнего действия, которой было присвоено имя ещё одного главного города Курской битвы. Полк – составная часть 5-го авиакорпуса, он стал Орловским. Значит каждый, кто служил в полку, мог называть себя ещё и «орловцем». И всё же имя славного Белгорода было для личного состава ближе, роднее. Эту мысль на полковом митинге хорошо выразил активный участник Курской битвы Анатолий Кисиль: «Наш полк породился с этим прекрасным городом. Может, я ошибусь, но, по-моему, у нас нет уроженцев этого города, а вот теперь мы все – «белгородцы»! Мы не были в этом городе, мы были только над ним. Но закончится война, мы обязательно там побываем, ибо теперь мы – «белгородцы».

После завершения Курской битвы командиры авиаполков и штабы занялись приятной работой – за активное участие в сражениях в районе Орла и Белгорода тысячи лётчиков, штурманов, борттехников, радистов, стрелков, инженеров, техников, штабистов и политработников были представлены к различным правительстенным наградам. Всех их не перечислить. Назову лишь только тех, кто получил звание Героя Советского Союза, сделав лишь одну оговорку: в «зачёт» пошла и боевая работа, проведённая каждым из них до Курской битвы.

19 сентября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР высокое звание было присвоено А. К. Алгазину, Г. И. Безобразову, А. М. Богомолову, А. В. Вихореву, Д. П.

Волкову, Б. П. Гущину, Н. Н. Глушкову, Л. П. Глущенко, Н. Т. Гросулу, И. И. Даценко, Ф. Ф. Дуднику, И. Е. Душкину, С. П. Золотарёву, Ф. Ф. Кошелю, А. И. Мосолову, Ф. К. Паращенко, Н. Н. Самусеву, В. Т. Сенатору, Н. С. Сыщикову, С. М. Черепнёву, С. И. Щвецу, П. А. Юрченко. Всего двадцать два человека.

Так Родина отметила коллективными и персональными наградами соединения, части и личный состав АДД за их вклад в разгром немецко-фашистских группировок в районе Орла и Белгорода.

Победа в сражении под Курском была достигнута не только героизмом и мужеством личного состава АДД, но и значительными жертвами. В обобщающих архивных документах общие потери АДД в Курской битве не выведены. Поэтому, начиная работу над статьёй, я поставил перед собой цель – восстановить всех, кто сгорел в её ночном небе, всех поимённо. Я по несколько раз заказывал в архиве то дело, в котором могли быть отражены потери, снова и снова просматривал его страницы, искал, находил и радовался тому, что нашёл. И печалился. Тому, что список жертв растёт. И снова радовался, когда документ свидетельствовал о том, что тот или иной экипаж в полном составе или частично вернулся.

Когда список «перешагнул» рубеж в сто человек, я подумал: «Неужели мне придётся выводить цифру двести?». И тут случилась «Варфоломеевская ночь» на 21 июля, когда АДД потеряла сразу девять самолётов (три Пе-8, два Б-25, два Ли-2 и два Ил-4). Список сразу увеличился на тридцать пять человек, и сомнений в том, что в нём появится вторая сотня имён погибших, уже не было. Как мне хотелось остановить процесс пополнения скорбного списка, но, увы, он рос. Остановил его лишь конец Курской битвы. Остановил на цифре 232.

Погибли при различных обстоятельствах в ходе выполнения боевых заданий девяносто три человека. Места захоронения большинства из них известны, но, к сожалению, не всех. Не вернулись из своих последних полётов сто тридцать девять человек. Они пропали без вести. Их судьбы остались невыясненными. Такова печальная статистика потерь личного состава Авиации дальнего действия за период Курской битвы. Много сил и времени ушло у меня, чтобы составить этот список. Это скромная дань всем тем, кто погиб в ночном небе Курского сражения. Теперь мы знаем всех поимённо. В великом деле защиты Родины не должно быть безымянных жертв. Страна должна помнить солдат, которые погибли её защищая!

Велики потери Авиации дальнего действия и по самолётам. По типам они составили: Ил-4 – сорок восемь, Ли-2 – девятнадцать, Б-25 – девять, Пе-8 – пять и ТБ-3 – четыре. Всего 86 бомбардировщиков. Количество утраченного самолётного парка АДД можно приравнять к потере авиационного корпуса.

Если проанализировать причины потерь, то можно сделать вывод, что главным врагом бомбардировщиков АДД в небе над Курской дугой стали немецкие истребители. А если учесть, что среди семнадцати потерянных самолётов, причины которых не установлены, есть какая-то доля пострадавших от огня истребителей, то эта цифра будет ещё выше. Но надо сказать, что победы немецких асов в борьбе с нашими бомбардировщиками давались им нелегко. Умелыми действиями экипажей сбито десять истребителей противника. Будем считать, что соотношение составило один к восьми. Это совсем неплохо!

Таковы основные итоги участия Авиации дальнего действия в Курской битве. Июль и август 1943 года вошли в жизнь её соединений многочисленными подвигами, примерами героизма и мужества, цепью невосполнимых потерь. Война безжалостна, она требовала крови за каждый успех. По сути дела война – это беспрерывная череда подвигов и потерь.

Ещё в годы войны некоторые части и соединения АДД стали устанавливать связи с административными советскими органами и партийными организациями тех городов, названия которых им были присвоены за активное участие в деле их освобождения.

В сентябре 1944 года командование 8-й гвардейской Орловской авиадивизии направило трудящимся Орловской области письмо, в котором, в частности, говорилось: «Мы помним лето 1943 года... Мощной, непроницаемой обороной Красная Армия сокрушила в несколько дней наступательную мощь врага и сама перешла в наступление. В этих боях лётный и

технический состав отдавал все силы, чтобы отлично выполнить боевые задания, направленные на освобождение Орловщины... Мощными бомбовыми ударами, совершая по несколько боевых вылетов в день, наши экипажи взламывали обору немцев, рвали их коммуникации, уничтожали живую силу и технику врага. Обращаясь к вам с письмом, мы призываем вас усилить свою помощь фронту, с честью выполнять задания советского правительства давать стране ещё больше сельскохозяйственной продукции, быстрее восстанавливать народное хозяйство, разрушенное проклятым врагом. Пусть крепнет наша дружба с вами, пусть каждый из нас на своём посту продолжает громить фашистских гадов...».

После войны связи орловских частей и соединений с трудящимися Орла получили дальнейшее развитие. На «круглые» даты, отмеренные между собой пятью годами, в город стали систематически приезжать представители ветеранских организаций, между командованием частей, административными и партийными органами Орла велась переписка. В августе 1971 года 25-й гвардейский Орловский авиаполк отмечал своё тридцатилетие. К молодому поколению авиаторов прибыли ветераны. В ходе встречи появилось много фотографий. Командование полка оформило альбом и направило его в Орёл, сопроводив таким текстом: «Секретарю Орловского РК КПСС товарищу Бачуриной Нине Георгиевне в память о праздновании тридцатилетия гвардейской Орловской части от авиаторов-орловцев».

Разлетелись, разъехались по разным концам страны воины 23-го гвардейского Белгородского авиаполка. Время сделало их ветеранами. Память о боевом братстве – вещь крепкая. Потянулись друг к другу письмами, потом захотелось личного общения. Где встретиться? Конечно же, в городе, чьё имя носит полк.

В 13-й средней белгородской школе сейчас никто и не помнит, кому первому пришла мысль выяснить, что это за воинские части, которые за участие в освобождении города получили почётное наименование Белгородских. Но помнят, что в 1982 году в Министерство Обороны за подписью директора школы Е. В. Колесниковой ушло письмо с просьбой назвать соединение или воинскую часть, которые участвовали в освобождении Белгорода. Ответ пришёл быстро: в освобождении города участвовал 23-й гвардейский Белгородский Краснознамённый авиаполк дальнего действия. В письме также сообщался адрес командира полка. После установления связи с ним, в школе появились адреса жительства многих однополчан. И пошли в школу письма, бандероли, посылки, фотографии. Эти реликвии подвели к мысли о создании музея боевой славы. К сорокалетию освобождения Белгорода музей открыл свои двери. Первыми его посетителями стали ветераны полка.

Шесть раз съезжались авиаторы – белгородцы в город своей боевой славы, шесть раз коллектив школы под руководством бывшего директора Т. А. Пахуновой и нынешнего Э.Ю.Дегтярёвой устраивали им радушный и теплый приём. Школа и её славный педагогический коллектив стали для ветеранов полка второй семьёй. Активный участник всех встреч, бывший штурман самолёта А. А. Кисиль говорил: «После каждой встречи мы уезжаем домой с таким чувством, будто мы побывали у родных. Какие замечательные люди трудятся в школе – добрые, внимательные, чуткие, понимающие необходимость таких встреч для военно-патриотического воспитания молодёжи».

Почти двадцать лет руководила школьным музеем энтузиаст военно-патриотического воспитания Е. Н. Бабенко. Она поддерживала связи с ветеранами полка, организовывала встречи школьников с участниками Великой Отечественной войны, открывала двери музея для родителей, обновляла стенды.

Музей и школьный коллектив готовы в очередной раз принять лётчиков-белгородцев. Только вот одна беда – редеют ветеранские ряды, с каждым разом их приезжает всё меньше и меньше. В 1988 году и десяти человек не набралось, а в 2003 уже никто не приехал. Грустно от этой статистики.

День за днём встаёт заря над Орлом и Белгородом, над головой мирное небо. Природа здесь прекрасна в своей извечной красоте, её воспел И.С.Тургенев, бродивший по этим

чудным местам с ягдташем и собакой. Отсюда родом ребята с Бежина луга, Касьян, Хорь и Калиныч. В далёком 41-м пришёл в эти места враг, он убивал, крушил, уничтожал и уродовал. И холм, поросший молодым сосняком, стал не холмом, а зацифрованной высотой. Тихие Ворскла и Орлица стали не реками, а водными рубежами, хлебные поля превратились в поля сражений. Великие жертвы понёс советский народ, чтобы изгнать врага с Орловщины и Белгородчины. Три города – Орёл, Курс и Белгород – объединила гигантская битва Великой Отечественной войны. К ним в 43-м было приковано внимание всей страны, всего мира. В ходе Курского сражения первый был защищён, а два других освобождены. Будем знать и помнить, что сделали это, наряду с другими воинами, и славные лётчики Авиации дальнего действия.

Пусть светла, священна, трепетна и нетленна будет для здравствующих память о тех живых и павших, которые на земле и в небе сделали всё, чтобы вернуть свободу Орлу и Белгороду в огневом и кровавом августе 1943-го года.

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНИЙ ПОЛЁТ ВОЗДУШНОГО КОРАБЛЯ «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

Более года И.И.Сикорский и его коллеги работали в принципиально новом направлении авиаконструкторского дела. Испытания «Ильи Муромца» ограничивались районом аэродрома и Петербурга. К июню 1914 года первый в мире воздушного гигант вырос из пелёнок настолько, что в этом районе ему уже стало тесно.

Тщательно изучив за это время практически каждую деталь своего самолёта, и вполне убедившись в его безусловной надёжности, Сикорский пришёл к выводу, что настало время испытать свое творение на дальность в маршрутном полёте. В выборе конечного пункта перелёта сомнений не было – без всякого сомнения, им будет родной Киев.

В своей книге «Воздушный путь» авиаконструктор вспоминал: «До июня 1914 года на этих воздушных кораблях было совершено много полётов. Все полёты были вполне удачными, но во всех случаях корабль не залетал дальше Гатчины. Таким образом, полёты обычно представляли из себя прогулку над окрестностями Петрограда... Естественно поэтому, что и участники работ и большое число посторонних людей, с интересом следивших за полётами «Ильи Муромца», ожидали того, что большой воздушный корабль отправится в большое плавание»

За два дня до старта на Корпусном аэродроме под Петроградом экипаж, инженеры и рабочие, забыв об отдыхе, готовили «Илюшу», как ласково называл конструктор своё детище, в дальний полёт. Ещё и ещё раз проверялись узлы и детали, система управления самолётом, шасси. Сомнений ни в чём не было. Только вот моторы... Ведь они уже отработали немалое количество часов.

Не забыть бы чего. Карты, тёплая одежда, пара компасов, бинокли, продукты – всё это уже на борту. Одних инструментов набралось шесть пудов. Вечером 16 июня накануне вылета залили бензин и масло. Это ещё 72 пуда. Вспоминая о подготовке к дальнему полёту, Сикорский писал: «Были взяты запасные части для двигателей, 2 запасных воздушных винта, порядочное количество проволоки и разных болтов, запасные шины для колёс и многое другое. Однако внутренние помещения в корабле были настолько просторны, что всё это поместились, и было незаметно. Кроме того, внутрь каюты было поставлено около десятка больших жестяных бидонов, заключавших в себе от одного до двух пудов бензина, масла и воды... Понятно, что главные баки, из которых происходит питание двигателей бензином и маслом, были наполнены доверху».

К вылету всё готово. За несколько часов до старта к самолёту подъехала машина. Человек в военной форме отозвал лётчика в сторону:

– Этот пакет, Игорь Иванович, генерал Сухомлинов просит передать военным властям в Орше. Когда там будете?

– Трудно сказать, сильный ветер. Если он будет таким же и на маршруте, то скорость не превысит 70 – 80 вёрст в час.

Небо почти чистое, ночь на редкость тёмная, хотя июнь – месяц белых ночей. На борт поднялись: командир корабля И.И.Сикорский, пилот он же и штурман морской лётчик лейтенант Г.И.Лавров, ещё один пилот военный лётчик штабс-капитан Х.В.Пруссис и бортовой техник В.С.Панасюк. Можно сказать в истории авиации это был первый полноценный экипаж, обеспечивающий дальний полёт воздушного корабля.

Вот как сам И.И.Сикорский описал минуты старта и взлёта «Ильи Муромца»: «Я вошёл последним, закрыл за собою входную дверь, прошёл ощупью по тёмному коридорчику и через гостиную к своему месту за рулём; затем медленным движением рукоятки стал увеличивать газ двигателям. Моторы заработали сильнее; шум увеличился, и вертевшиеся винты перестали быть видны. Но воздушный корабль стоял на месте, так как перед колёсами его были заранее положены бруски и, кроме того, около 25 человек крепко держали его за

крылья. В каюте было темно. Стоявший сбоку лейтенант Лавров карманным фонариком освещал приборы, показывающие число оборотов. По мере увеличения хода стрелки колебались и, наконец, установились, показывая примерно на 1150 оборотов в минуту. Тогда, по данному из каюты знаку, люди, державшие аппарат за крылья, отпустили его, и сами отбежали в стороны. Тяжело нагруженный воздушный корабль медленно перекатился через положенные перед колёсами брусья и покатился по полу».

Увлекаемый силою четырёх моторов, «Муромец» поднимался всё выше и выше. Чувствуя устойчивость машины, Сикорский заложил вираж, описал над аэродромом почти полный круг, повёл её на юг. Всё шло хорошо, вот только непривычная для этого времени темнота. На земле не видно даже железных дорог. Приборы, хотя и освещены электрическими лампочками, все же просматривались плохо.

Приблизительно через час полёта «Илья Муромец» набрал 500 метров. Чем дальше корабль уходил на юг, тем светлее становилось небо. Стала просматриваться земля. Вскоре совсем рассвело. Сикорского за штурвалом сменил Лавров. К этому времени корабль набрал уже 1000 метров. Хотя и ощущался довольно сильный холод, утро было ясным и безветренным. Пилоты сменялись у штурвала каждые 30 минут – всем хотелось любоваться красотой полёта в непринуждённой обстановке. Внизу тянулись квадраты полей, перелески, блюдца озёр. Скорость самолёта, как и предполагал Сикорский, не превышала 90 вёрст в час. Дул довольно сильный боковой ветер, но машина шла устойчиво.

Многие вещи в этом полёте экипаж выполнял впервые. Вот некоторые фрагменты из книги «Воздушный путь», повествующие об этом. Впервые экипаж вёл корабль по карте: «Направление полёта держали по компасу, прямо на юг. Путь корабля заранее был нанесён на карту в виде прямой линии. Легко было, смотря на карту, определять, что в таком-то месте, верстах в пяти справа, должно показаться озеро, а в другом месте корабль должен пролететь над полотном железной дороги или над деревней и т.д.».

В дальнем полёте многое зависит от моторов. Их работу всё время контролировали. Это делалось так: «Временами делали проверку двигателей. Для этого приходилось вооружаться французским ключом и плоскозубцами, застегнуть наглухо кожаную куртку и затем вылезть на крыло и пробраться по очереди к работающим моторам. Очень сильный, прохладный ветер заставлял крепко держаться за стойки и проволоки. Но сразу позади двигателя было mestечко, на котором ветра почти не было, т.к. двигатель рассекал воздух, и позади него оставалось небольшое защищённое пространство».

Раз дальний полёт, то приходит время и приёма пищи. Завтракали в каюте-гостиной: «Около 6 часов утра было решено позавтракать. Все кроме одного, оставшегося за рулём, собрались в уютной гостиной, уселись в удобных плетёных креслах за столом. На стол был поставлен горячий кофе в двух термосах и бутерброды. Корабль летел так спокойно, что можно было полный стакан кофе ставить на стол, и он не разливался».

Около восьми часов «Илья Муромец» подошёл к Витебску. Вот как об этом донесли в пункт вылета: «Решено было попытаться известить оставшихся в Петрограде о том, что полёт идёт благополучно и успешно. Быстро были составлены две телеграммы. Они были положены в небольшие металлические трубочки, заткнутые пробками с обеих сторон. На каждую трубочку был намотан узкий, но длинный кусок материи, конец её был прикреплён к трубочкам. Когда трубочка выбрасывалась с корабля, материя развёртывалась и долгое время, пока трубочка падала на землю, за ней виднелся длинный хвост из ярко-красной материи, благодаря которому её можно было легко видеть и находить на земле. При каждой телеграмме были положены деньги на её посылку. За время полёта было несколько таких телеграмм, причём все они оказались найденными и были отправлены по адресам».

После Витебска за штурвал сел Пруссис. К этому времени ветер изменил направление и стал попутным. Скорость самолёта возросла до 120 верст в час. Утро было душным и жарким. «Муромец» попал в полосу воздушных течений и вихрей, его стало бросать то вниз, то вверх, то в стороны. В 9 часов 35 минут показалась Орша. Здесь предполагалась посадка для дозаправки горючим.

Над городом «Илья Муромец» описал круг, чтобы найти место посадки. Большого труда это не стоило – поле, на котором был заготовлен бензин, обозначалось белым полотном длиною приблизительно в 20 аршин. И если мы последовательно фиксируем в истории создания тяжёлых кораблей те факты, которые сопровождаем словом «впервые», то и этот следует отнести к ним. Кому-то же в голову пришла эта исключительно удачная идея обозначения места посадки самолёта! Сколько раз потом этот метод облегчал работу лётчиков, спасая от неминуемых неприятностей. А как он использовался при посадках экипажей АДД на партизанских площадках в Советском Союзе, Югославии и Словакии в годы Второй мировой войны! Чью святую голову впервые посетила эта идея, которая живёт вот уже почти целое столетие? История, дай ответ! Неужели мы так и не установим это имя?

Перед Оршой за штурвал сел Сикорский. Ровно в 10 часов колёса «Ильи Муромца» коснулись поверхности ровного поля. Более половины пути осталось позади. А это 700 вёрст. Самолёт находился в воздухе 8 часов 3 минуты. К прежним мировым достижениям «Муромца» добавилось ещё два: на продолжительность и дальность полёта.

Экипаж встретила небольшая группа военных. Сикорский передал им пакет от военного министра. Прохлада, сопровождавшая лётчиков весь полёт, здесь, на земле, сменилась невыносимой жарой. Однако в палатке, поставленной специально для экипажа, удалось немного отдохнуть.

Посадка в Орше была предусмотрена исключительно для дозаправки самолёта горючим. Предполагалось, что на неё уйдёт час. Но как тщательно ни готовились к полёту, однако взять с собой более мощные насосы забыли. На закачку горючего ушло почти три часа. За это время экипаж отправил в Петербург телеграмму с информацией о полёте и пообещал.

Посадку в Орше произвели прямо в поле. С него и предстояло взлетать. Это, конечно, не родной аэродром, поэтому всё пришлось тщательно проверить. Площадку измеряли шагами. Это была узкая полоса земли с уклоном в одну сторону. С одного торца лес, с другого – крутой берег Днепра. Её ширина не превышала пятидесяти шагов, а длина доходила всего лишь до четырехсот. С этого ограниченного участка земли и пришлось взлетать. Будем считать, что это был первый взлёт тяжёлого корабля с полевого аэродрома.

Вот как он проходил: «Когда был налит бензин, пришлось собрать человек 50 из числа зрителей и с их помощью откатить воздушный корабль на самый край поля... За рулём корабля находился я. Был дан полный ход моторам. «Илья Муромец» двинулся с места и покатился всё быстрее и быстрее по направлению к обрыву. Чтобы возможно более разогнать машину, взлёт так и не был сделан до самого конца поля. Корабль уже катился со скоростью около 70 вёрст в час, когда под его колёсами оказался овраг. Но разгон уже был достаточный, и аппарат как бы продолжал свой путь, но уже по воздуху. На малой высоте перелетели через Днепр и затем чуть-чуть выше зданий пролетели предместье Орши».

Машину вёл Сикорский. Началась сильная болтанка, лётчик интенсивно работал рулями и подкрылками. А тут ещё первый в истории тяжёлых кораблей пожар мотора: «Минут через 15 после начала полёта ко мне вдруг подбежал механик и стал показывать рукой на ближайший левый мотор. По лицу механика можно было сразу догадаться, что твориться что-то неладное. Присмотревшись к двигателю, было нетрудно увидеть причину беспокойства механика. Оказалось, что лопнула медная трубка, проводящая бензин из бака в двигатель, и бензин широкой струёй лился на крыло. Всё это продолжалось несколько секунд. Мотор быстро израсходовал то, что было в его карбюраторе, и остановился, причём от последней вспышки огонь перешёл на бензин, налившийся на крыло. Таким образом, за остановившимся мотором возник пожар, сразу принявший довольно внушительные размеры».

Надо сказать, что тушение его осуществлялось в невероятно трудных условиях – самолёт бросало из стороны в сторону, он проваливался в воздушные ямы. В связи с этим можно сказать, что Лавров и Панасюк проявили настоящее геройство. Врач Эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец», которая была создана в ходе первой мировой войны,

К.Н.Финне в своей книге «Русские воздушные богатыри Сикорского» отмечал, что за этот подвиг три члена экипажа стали почётными членами Императорского русского пожарного общества, все они получили значки: Сикорский – золотой, а Лавров и Панасюк – серебряные.

Хотя самолёт хорошо держался на трёх моторах, командир корабля всё же принял решение садиться. Приземлились в Копысе, в 15 верстах от Орши и 200 до Киева. Через несколько минут после посадки к самолёту подъехал местный исправник с несколькими стражниками для выяснения вопроса кто же это сел в его владениях на такой громадине.

И хотя поломку вскоре устранили, время было упущено. Прикинув, что достичь Киева засветло не удастся, экипаж решил перенести вылет на утро. Ночевали в каютах корабля под шум дождя. К утру он прекратился, но небо от туч не очистилось. 17 июня в 3 часа 25 минут «Илья Муромец» под управлением Лаврова взял курс на Киев, где его уже давно ждали. Известие о вылете Сикорского из Петрограда было получено здесь накануне. Киевское общество воздухоплавания срочно стало готовить встречу своему знатному земляку. На Куренёвском аэродроме общества к вечеру собралось довольно много публики. Все с нетерпением ожидали в небе четырёхмоторного «Муромца». Лишь поздно вечером стало известно, что прилёт самолёта задерживается. Встречу перенесли на утро.

А как обстояли дела на корабле после взлёта из Копыси? «Муромец», идя по курсу, уверенно набирал высоту. Через час полёта она была уже около 1000 м. В пятом часу утра экипаж заметил густой слой облаков. Корабль смело вошёл в их тёмное месиво. По обшивке крыльев забарабанили капли дождя. Экипаж укрылся в каютах. Началась сильная болтанка. Темнота сгущалась, ливень усиливался. Через час полёта качка сделалась настолько сильной, что лётчики, сменяя друг друга, еле удерживали машину в горизонтальном положении.

Позже Сикорский в журнале «Воздухоплаватель» поделился своими впечатлениями о полёте на этом отрезке маршрута: «Мы лишний раз убедились, что при невидимости горизонта и земли человек перестает чувствовать положение и наклон аппарата. Борьба с воздушным сильнейшим течением в этих, по-видимому, грозовых тучах, требовала большого напряжения от пилота и лишала его возможности следить за курсом по компасу. Поэтому всё это время в течение двух часов возле пилота находился ещё кто-нибудь из нас, указывая рукой направление и беспрерывно следя за компасом. «Илья Муромец» стойко выдерживал борьбу с непогодой. Мы не прекратили перелёта, хотя в этих условиях не мог бы лететь, вероятно, ни один маленький аппарат и ни один дирижабль».

В течение двух часов «Илья Муромец» шёл под проливным дождём и при сильном боковом ветре. Это тоже был первый полёт в грозу. Вот как его описал сам лётчик в своей книге: «Качка, вначале небольшая, делалась всё более сильной и резкой. Корабль приходилось вести исключительно по компасу, т.к. ничего не было видно; шли в сплошных тёмных свинцовых облаках. Качка или, вернее, бросание корабля вниз или в стороны становились всё сильнее и сильнее. Управлять было трудно. Пошёл сильный дождь. По переднему стеклу лились потоки воды. Сквозь него было трудно смотреть. Впрочем, смотреть было и бесполезно, так как в пределах каких-нибудь 10 саженей вперёд уже ничего не было бы видно. Даже концы крыльев «Муромца» были едва заметны из-за тумана и проливного дождя. Временами наступало короткое затишье. Несколько секунд, иногда полминуты, аппарат двигался спокойно, но потом опять наступала резкая и сильная качка. После одного из таких коротких затиший находившиеся в каютах вдруг почувствовали, что корабль быстро и резко наклонился своим левым крылом вниз. Сейчас же после этого он наклонился головной частью очень сильно и начал стремительно падать. Никакие движения рулями не помогали. Видно было, что стрелка показателя высоты довольно быстро поворачивалась. Штурман воздушного корабля Лавров и я могли заметить, что корабль снизился в течение нескольких секунд саженей на 100. Кроме того, можно было заметить, что стрелка компаса сделала два или три полных оборота. Корабль, несомненно, летел в грозовых облаках».

После прекращения падения пошли вниз, чтобы пробиться к земле и попробовать восстановить ориентировку. Её очертания стали просматриваться на высоте около 200

саженей. Не сумев определиться по местности, пошли на запад, надеясь выйти на Днепр. Летели долго, только вёрст через 10 показалась извилистая лента реки. Определились. Оказалось, что корабль находится южнее Рогачева.

Восстановив ориентировку, вновь повели корабль в набор высоты, надеясь пробить облачность. Это удалось сделать на высоте 1100 м. Дождь и качка прекратились, над головой засияло солнце, а ветер быстро высушил самолёт. «Илья Муромец» летел на высоте 1200 м среди фантастических нагромождений кучевых облаков. Они бугрились тёмно-белыми шапками под крылом корабля на расстоянии каких-нибудь ста метров, и были такими плотными, что невольно хотелось спрыгнуть с самолёта и побежать по ним.

Красота была неимоверная. Свободные от управления машиной авиаторы вышли на верхний балкон. Никогда в жизни никто не видел ничего более сказочного. Имея самую разнообразную форму, облака создавали причудливые скульптурные строения. Внизу проплывали средневековые замки, изображения фантастических драконов, морских кораблей, остроконечных гор, белых равнин. Было довольно холодно, но лётчики, не имея сил оторваться от чарующей красоты, не покидали балкона.

Эти мгновения, описанные участником полёта, тоже следует донести до читателя: «Теперь вновь можно было вести корабль без посторонней помощи. За руль сел капитан Прессис, а остальные разошлись по каютам. Я вскоре вышел на верхнюю площадку. Трудно описать величественное зрелище, открывавшееся с этого места. Корабль летел над безбрежным облачным морем. Можно было ясно видеть, как его тень скользила по белоснежным облакам, освещённым солнцем. Иногда из облачного моря поднимались выступы, как бы горы. Иногда можно было видеть как бы огромный гриб, бросавший от себя тень, в целую сотню саженей длиной, на облачную поверхность. Некоторые выступы были выше полёта корабля. Странное впечатление создавалось, когда корабль проходил вблизи такой облачной горы. Наружные очертания были так резки, что, казалось, она действительно состоит из какой-то твёрдой белой массы. Когда «Илья Муромец» пролетал вблизи таких облачных выступов, то была ясно видна большая скорость хода воздушного корабля».

Около двух часов продолжался этот сказочный полёт над облаками на высоте 1700 метров. Летели исключительно по компасу. Лавров исполнял свои штурманские обязанности самым добросовестным образом. В 8 часов он доложил, что пора снижаться, по его расчётам корабль на подлёте к Киеву, верстах в десяти. По команде Сикорского Прессис начал спуск. Лётчик убрал газ, и самолёт пошёл на сближение с облаками. Через несколько минут «Муромец» вошёл в их плотную вату. На 600 метрах сквозь разрывы облачности стали просматриваться строения, проплыли купола Печерской лавры, Цепной мост. Сомнений не было – под крылом Киев. Значит экипаж начал спуск поздновато. Пришлось делать большой круг.

В Киеве всю ночь шёл дождь. Он прекратился только к шести часам утра. Многим, желавшим посмотреть посадку огромного самолёта и поприветствовать смелый экипаж, это обстоятельство помешало явиться на аэродром. К семи часам для встречи петербургских авиаторов прибыли члены киевского общества воздухоплавания А.К.Гюбш-фон-Гросталь, К.К.Эргант и В.Д.Мержанов, а перед самой посадкой «Ильи Муромца» в сопровождении пилота И.А.Родзевича подъехали сёстры авиаконструктора. Кроме них на аэродроме находилась военная охрана, полицейский наряд и небольшое количество частных лиц.

«Илья Муромец» был замечен кем-то в начале девятого со стороны полигона. Все стали пристально следить за тёмной точкой, которая, по мере приближения к аэродрому, всё увеличивалась. Вскоре стали явно обрисовываться очертания аэроплана, послышался гул его моторов. И вот громадный воздушный корабль уже парит над аэродромом, описывая большой круг. На его крыльях виднеются фигурки людей. Встречающие машут им руками, кричат приветственные слова.

В 8 часов 45 минут колёса «Ильи Муромца» коснулись поверхности Куренёвского аэродрома, который в своё время стал стартом крылатой юности конструктора. Пробыв в воздухе 5 часов 20 минут, экипаж завершил второй этап перелёта. Механик выключил

моторы, а когда их винты остановились, члены экипажа спрыгнули на землю. Встречающие бросились к лётчикам и самолёту. Объятия, поцелуи, восторженные возгласы. Ещё не улеглись первые страсти, как на аэродроме появилась машина. Это приехал городской голова Н.Н.Дьяков и исполняющий обязанности председателя киевского общества воздухоплавания капитан Н.М.Макаров. Официальную приветственную речь произнёс пилот Родзевич. После этого начался детальный осмотр «Ильи Муромца».

Во время перелёта наибольшее время за штурвалом провёл штабс-капитан Пруссис. Самолётовождением больше занимался лейтенант Лавров. Под его руководством «Илья Муромец» только один раз отклонился от маршрута, да и то во время грозы, когда долгое время шёл вне видимости земли. Он же, как штурман корабля, вёл и хронометраж перелёта. Основные его итоги оказались такими: после старта в Петрограде прошло 30 часов 30 минут, расстояние в 1200 вёрст корабль преодолел за 12 часов 50 минут, средняя скорость полёта составила 95 вёрст в час.

Общий итог перелёта «Ильи Муромца» из Петербурга в Киев подвёл Сикорский: «Таким образом, воздушный корабль благополучно закончил свое первое сравнительно далёкое плавание... Трудности, которые пришлось преодолеть в пути, ещё более укрепили уверенность в хороших качествах воздушного корабля. Несомненно, что такой пожар в воздухе на обычном аэроплане того времени вызвал бы катастрофу. Кроме того, полёт в облаках и под проливным дождём в таких условиях, какие были описаны, заставили бы лётчика на малом аппарате спуститься, т.к. одному человеку было бы очень трудно управлять аппаратом в такую плохую погоду и в то же время следить за компасом и картой, и соображать, и подсчитывать, в какую сторону и насколько его сносит ветер.... Иное дело было для воздушного корабля с несколькими моторами и несколькими людьми на борту. Он был несравненно лучше обеспечен от таких случайностей и потому мог хорошо закончить этот серьёзный, по тому времени, перелёт».

Вечером этого дня членов экипажа чествовали в киевском обществе воздухоплавания. На собрании супруга киевского главы О.Л.Дьякова от имени общества преподнесла конструктору большую золотую медаль с надписью «Славному витязю русского воздушного океана Игорю Сикорскому». Много тёплых слов в свой адрес услышал Игорь Иванович от членов киевского общества в этот вечер.

На имя императора собрание единодушно приняло текст телеграммы: «Петергоф. Его императорскому величеству. Члены киевского общества воздухоплавания в чрезвычайном собрании по случаю награждения большой золотой медалью общества славного витязя русского воздушного океана Игоря Сикорского, повергает к стопам вашего императорского величества чувства безграничной любви, преданности и гордости великой победой русского гения».

В ответ на неё от ministra императорского двора графа Фредерикса пришёл ответ: «Киев. Исправляющему обязанности председателя киевского общества воздухоплавания. Его императорскому величеству благоугодно было на телеграмме вашей начертать: «Радуюсь блестящим успехам Сикорского и благодарю киевское общество воздухоплавания за выражение чувства».

Кроме этого Совет киевского общества воздухоплавания обратился к руководству петербургского политехнического института с ходатайством о присуждении авиатору-конструктору И.И.Сикорскому звания инженера. Свою просьбу Совет объяснил тем, что в киевском политехническом институте нет кафедры по воздухоплаванию, а заслуги Сикорского в области авиации признаны всем миром. Будучи всецело занят конструированием самолётов и их испытанием, Игорь Иванович не мог завершить своего теоретического образования и получить звание инженера обычным путём.

Одиннадцать дней прибыл Сикорский с экипажем в Киеве. Они были заполнены различными мероприятиями, главные из которых проходили на Куренёвском аэродроме. К прилетевшему в гости самолёту «Илья Муромец» совершились настоящие паломничества. Тысячи людей осматривали гиганта, дотошно расспрашивали членов экипажа о назначении

той или иной детали. Ну а некоторым счастливчикам удалось подняться в воздух. Шестой номер журнала «Автомобильная жизнь и авиация» за 1914 год оставил некоторую информацию по этому вопросу:

«Во время пребывания «Ильи Муромца» в Киеве И.Сикорский на нём совершил несколько полётов с пассажирами: 20 июня часовой полёт над Киевом с 8 пассажирами; 21 июня два полёта – первый в 30 минут с 8 пассажирами и второй в течение 20 минут с 7 пассажирами; 22 июня летали три раза, имея на борту 7 – 8 пассажиров. Полёты были непродолжительными».

По свидетельству самого Сикорского всего экипаж «Муромца» совершил 10 полётов с пассажирами. 20 июня киевские военные лётчики устроили в честь своего знаменитого пилота-конструктора товарищеский ужин.

Оценивая период пребывания экипажа «Ильи Муромца» в Киеве авторы книги «Крылья Сикорского» Г.И.Катышев и В.Р.Михеев отмечали: «Киев устроил грандиозную встречу героям перелёта. Несколько дней подряд толпы народа осаждали аэродром и осматривали чудо-корабль, правда, издали. Цепь солдат не подпускала любопытных ближе. Организаторы были весьма предусмотрительны. Публика разнесла бы машину по кусочкам. Сикорский сделал десять показательных полётов – провёз официальных и сиятельских лиц, друзей, родных. Все были в восторге от необычной машины. Пассажиры любовались прекрасной панорамой Киева и его окрестностями, удивляясь возможностям воздушного корабля».

Пришло время отлёта. Его наметили на 26 июня. Подготовили машину к дальнему перелёту, загрузив 51 пуд бензина и 14 пудов масла, произвели контрольный облёт. Всё было нормально. В 3 часа 15 минут «Илья Муромец» поднялся с Куренёвского аэродрома, сделал прощальный круг и стал набирать высоту. Авария случилась через 20 минут после взлёта – у одного из моторов сломалась карбюраторная трубка. Надо возвращаться. Всё произошло настолько быстро, что провожающие ещё не успели разъехаться.

Повторный вылет наметили на 29 июня. А накануне штабс-капитана Пруссиса срочно вызвали в столицу по служебным делам. Он уехал поездом. В экипаже осталось три человека.

Было ещё темно, когда механики 3-й авиационной роты под руководством В.С.Панасюка начали готовить моторы к запуску. В 2 часа 30 минут на аэродроме замелькали огоньки – это прибыли спортивные комиссары киевского общества воздухоплавания капитан Макаров, пилот Родзиевич, исполняющий обязанности секретаря спортивного комитета Гюбш-фон-Гросталь. За ними подъехали улетавшие авиаторы с родными Сикорского и некоторые частные лица на личных автомобилях. Чтобы облегчить работу механиков, лучи от фар автомобилей направили на самолётные моторы.

Настали минуты прощания. Они прошли в волнении. Экипаж поднялся на борт самолёта. Было уже совсем светло. Кое-где по небу плыли крупные кучевые облака. Почти безветренно. Панасюк запустил моторы. Все четыре вышли на нужные обороты. К взлёту всё готово. Спортивные комиссары подали знак. Сикорский дал газ. Воздушный гигант дрогнул и плавно покатил по мокрому от утренней росы лугу. Увлекаемый силой четырёх моторов, «Муромец» в 3 часа 34 минуты 15 секунд оторвался от земли. Набрав 100 метров, он плавно описал над аэродромом полукруг, и, пройдя в 3 часа 37 минут линию старта, направился на север, в направлении Вышгорода. Время прохода стартовой линии зафиксировали и занесли в протокол спортивные комиссары.

Утро было ясное и свежее, горизонт чист. Самолёт спокойно шёл на малой высоте над Днепром. Населённые пункты, которые встречались на маршруте, просматривались вёрст за 30.

В 8 часов под крылом «Муромца» проплыл Могилёв. Едва он исчез из виду, как впереди показались очертания Орши. Высота к этому времени была уже 1200 м. Над городом экипаж сбросил аэrogramму с приветствием и информацией о полёте. В 11 часов её в Киеве получила семья конструктора: «В 8 часов 42 минуты «Илья Муромец» пролетел над Оршей, находясь на высоте 1250 м, держа курс на север».

Над Витебском с борта самолёта ушла вторая аэrogramма. В ней говорилось, что «Илья Муромец» пролетел город на высоте 1350 м в 9 часов 30 минут.

Городок прошли на высоте 1500 метров. После его пролёта Лавров начал спуск. Сели для пополнения запаса бензина в Новосокольниках, пробыв в воздухе 7 часов 32 минуты, покрыв расстояние в 720 вёрст. Это был ещё один мировой рекорд дальности полёта.

Заправка самолёта горючим, в отличие от этой процедуры в Копысе, прошла много быстрее. Объяснение мы находим в книге Игоря Ивановича: «На этот раз работа была выполнена очень скоро, т.к. поехавший от завода инженер, заготовил заранее бутылки со сжатым воздухом. Последний былпущен в железные бочки с бензином, и в результате бензин через широкие трубы полился сильной струёй в резервуары воздушного корабля, и всё было закончено в полчаса».

Как только заправка была закончена, экипаж немедленно приступил к взлёту. В Киев ушла третья аэrogramма: «Илья Муромец» благополучно спустился в Новосокольниках в 11 часов 9 минут утра и вылетел в 12 часов 42 минуты».

Начался последний, самый короткий, и в то же время самый трудный этап перелёта. Буквально после взлёта самолёт попал в сильную болтанку. Невидимые силы бросали аппарат из стороны в стороны. Попадая в воздушные ямы, он за несколько секунд терял сотни метров с таким трудом набранной высоты. Иногда машину как пушинку поднимало вверх, и тоже на сотни метров. Эта борьба с воздушными течениями была утомительна, и Сикорский с Лавровым сменяли друг друга у штурвала очень часто.

Лётчики полагали, что от неимоверной болтанки их спасёт высота. За два часа полёта им удалось набрать 1100 м. Но и здесь по-прежнему господствовали те же воздушные течения. В журнале «Воздухоплаватель» Сикорский отмечал: «Один раз мы попали в какую-то страшную воздушную яму, и в течение какой-нибудь минуты нас бросило вниз на 400 метров, хотя мы, заметив падение, дали полный ход двигателей и делали всё возможное, чтобы сохранить высоту».

Мы надеялись, что в дальнейшей части нашего перелёта качка ослабеет, но в действительности нас ожидало ещё одно новое испытание. В начале четвёртого часа мы заметили на горизонте тёмно-бурый туман, простиравшийся до самой земли. Подлетев ближе, мы убедились, что это был дым... Качка сделалась ещё сильнее. Ходить по каюте не было возможности: мы частью ползали, частью двигались, держась за стены и брусья. Ориентировка была очень трудна, так как из-за полосы дыма мы могли видеть только вертикально под собой.

Приходилось держать путь по компасу. В дыме и тумане, застилавшем всё даже на 1000-метровой высоте, мы подошли к озеру Велья, и попали в новую воздушную яму, в которой аппарат мгновенно завернул и наклонился на 45 градусов вниз. После этого мы двигались ещё около получаса на той же высоте и, наконец, решили спуститься пониже».

А вот подробности этих волнующих минут, описанные в книге «Воздушный путь»: «В то время, когда Лавров находился за рулём, а я отдыхал в гостиной, расположившись спокойно в кресле, и с удовольствием отмечал на карте, что пройдено уже больше половины этого тяжёлого пути, корабль вдруг резко наклонился своим левым крылом и затем всей передней частью вниз и начал падать. Кресла и всё, что не было привязано в каютах, сорвалось со своих мест и скатилось к левой стене: пол каюты и стена стояли, примерно, под одинаковым наклоном. Пробраться в каюту рулевого, двигаясь не столько по полу, сколько по боковой стене, и принять управление кораблём было делом нескольких секунд. Однако ничего сделать не удалось. Рули были положены, но корабль продолжал падать....Это стремительное падение продолжалось недолго, но корабль спустился приблизительно на полверсты...Эта воздушная яма – самая крупная из всех, которые приходилось встречать «Илье Муромцу» до тех пор – была и последней трудностью этого перелёта».

С потерей высоты качка ослабла, а с ней спало и напряжение полёта. Наконец измотанный экипаж заметил впереди очертания Павловска, а через десять минут замелькали окрестности столицы. Она была в дыму и тумане. Ещё через несколько минут «Илья

Муромец» уже находился над Московской заставой, пролетел над Обводным каналом, сделал большой круг над центральной частью города, как бы оповещая петербуржцев о своём благополучном возвращении из дальнего полёта, и с потерей высоты пошёл в направлении родного аэродрома, с которого впервые отлучился на целых одиннадцать суток. «Отмотав» 2500 километров, «Илья Муромец» благополучно приземлился. Завершился первый в мире дальний маршрутный полёт тяжёлого воздушного корабля.

В Киев ушла последняя телеграмма. В ней экипаж сообщил, что благополучно спустился на корпусном аэродроме в 18 часов 15 минут. Таким образом, из Новосокольников до Петрограда «Илья Муромец» летел в трудных погодных условиях 6 часов 33 минуты, а весь путь из Киева до столицы преодолел за 14 часов 38 минут, совершив одну остановку в пути. И всё это в пределах суток.

Дальний маршрутный полёт полностью подтвердил мнение Сикорского, высказанное ещё до полёта в Киев, по вопросу преимущества больших самолётов в деле обеспечения безопасности полёта: «Когда приходилось улетать со своего поля, то и мысли не было, что корабль не может не вернуться назад. При полётах на малых аэропланах нередко случалось, что лётчик был вынужден спуститься, не будучи в состоянии почему-либо долететь до места назначения или вернуться на свой аэродром. Очень нередко приходилось слышать, как у кого-нибудь испортился двигатель и он спустился в огород или в болото и поломал свой аппарат. Мелкая случайная неисправность двигателя всегда возможна. Поэтому на аэроплане с одним двигателем лётчик частенько осматривается по сторонам, выбирая местечко, куда бы спуститься, если мотор вдруг остановится. Но на большом воздушном корабле дело обстояло совершенно иначе. Лётчики на нём знают, что все моторы сразу не останавливаются. А если с каким-нибудь одним случится какая-нибудь неисправность – это неважно. Корабль будет свободно продолжать свой путь. Починкой мотора займётся механик, а остальные будут спокойно оставаться на своих местах и делать своё дело».

Конструкция самолёта, испытанная в тяжёлых погодных условиях (сильный ветер, дождь, сплошная облачность, болтанка), показала свою надёжность, доказала, что мощные многомоторные корабли способны преодолевать неблагоприятные метеоусловия. Другой тип самолёта того времени подобные трудности просто не выдержал бы. «Илья Муромец» окончательно стал на крыло.

Перелёт Петроград – Киев – Петроград дал богатый опыт экипажу и Сикорскому как конструктору. Лётчики получили практику пилотирования в сложных метеорологических условиях, самолётования вне видимости земли и взаимозаменяемости. Механик приобрёл опыт эксплуатации моторов в длительном маршрутном полёте. Для конструктора перелёт стал прекрасной возможностью подметить все погрешности конструкции и, вместе с тем, породил новые технические идеи. Сикорский писал: «Полёт в Киев и обратно вполне оправдал надежды, возлагавшиеся на воздушный корабль, и ещё больше выяснил его ценные качества».

Перелёт показал и военную пригодность тяжёлого самолёта. С первого и до последнего дня за полётом «Ильи Муромца» следил сам военный министр В.А.Сухомлинов. Именно по его докладу, уже на следующий день после возвращения экипажа в столицу, император наградил Сикорского орденом святого равноапостольского князя Владимира 4-й степени. В реляции указывалось, что конструктор награждается за особые выдающиеся его заслуги в деле военной авиации. К.Н.Финне отмечал: «Государь император снова оказал Сикорскому своё внимание, посетив лично «Илью Муромца» и милостиво беседуя с экипажем этого воздушного корабля. Сикорский был награждён орденом Владимира 4-й степени, по тому времени отличием очень высоким».

Маршрутный полёт «Ильи Муромца» имел и большое пропагандистское значение. Теперь этого гиганта воочию увидели жители многих городов, над которыми он пролетал и в которых он останавливался. Перелёт получил высокую оценку в прессе, о нём восторженно писали многие журналы и газеты.

Журнал «Автомобильная жизнь и авиация» в шестом номере отмечал: «Этими блестящими перелётами окончился сорванный экзамен новой системы русского аэроплана. Результаты оказались ошеломляющими». В очередном номере, назвав это путешествие грандиозным, журнал писал: «Русская авиация движется вперёд гигантскими шагами. Последним, взывавшим всю Россию успехом, явились июньские перелёты И.И.Сикорского на своём гигантском аэроплане «Илья Муромец». Это был первый серьёзный экзамен летучих качеств дредноута русского воздушного флота. Он удался блестяще и показал удивлённому миру, что Россия в действительности обладает грозным для врагов боевым средством».

«Воздухоплаватель» в восьмом номере поместил солидную статью «Большой перелёт И.И.Сикорского». Это рассказ самого конструктора и лётчика о самом перелёте. А в первом номере за 1915 год этот же журнал отмечал: «Илья Муромец» совершил под управлением самого конструктора перелёт в Киев и обратно. Такой перелёт заставил говорить о нём весь мир».

Вполне естественно, что во многих публикациях того времени давалась оценка не только самому дальнему перелёту, но и всей творческой работе молодого конструктора. Оценивая успехи И.И.Сикорского за весь 1914 год, журнал «Воздухоплаватель» отмечал: «Несомненно, что участие этих дредноутов в военных действиях вплетёт ещё новые лавры в славу нашего молодого конструктора».

Все оценки прессы касались чисто авиационной стороны дела. И здесь, пожалуй, трудно что-либо убавить или прибавить. Высоко оценивал эти достижения и современник конструктора, врач Эскадры воздушных кораблей Финне. Однако этого неистового поклонника всего национального, чисто русского, больше всего тревожило отношение к делу Сикорского общественности, государства и толстосумов. Он писал: «Возможно, что если бы Сикорский избрал целью своего полёта не Киев, а Москву, где ему следовало поклониться тамошним золотым тельцам, то московские меценаты, поливавшие в своё время шампанским дорожки в саду Шарля Омона, «чтобы не пытало», или жертвовавшие в 1905 году «миллионы на революцию» и сделали бы что-либо на удивление Европы. Но шум моторов «Муромца», летевшего из бюрократического Санкт-Петербурга в Киев, не достиг Москвы и постройка «Муромцев» продолжалась в маленьком петроградском аэропланном отделении (вернее мастерской) Русско-Балтийского завода в Риге».

Многие страницы его книги отражали ту боль, которую, судя по всему, испытывал этот человек до конца своих дней. Не приняв февральскую, а тем более октябрьскую, революции 1917 года, он источал громы и молнии в адрес интеллигентии и богатых людей, которые довели, по его мнению, страну до раз渲ла. Вот ещё одно место из книги, полное сарказма:

«Пассивности русского общества, проявленной в отношении конструктора «Ильи Муромца» Сикорского, можно противопоставить ту кипучую деятельность и самопожертвование, которые проявляла часть интеллигентного русского общества в подготовке российского государства к развалу. Само собою, разумеется, что русские люди не считали нужным поддерживать «Муромцев», хотя бы потому, что их поддерживало ненавистное им императорское правительство. Громадное же большинство русских людей считало, что не их дело думать о поддержке изобретения Сикорского. Мало ли строят всяких аэропланов? Над тем, как поддержать это русское дело, нужно было ещё подумать, а это ведь отвлекало от игры в бридж, винт, преферанс и других подобных тому серьёзных занятий, сделавшихся нашим бытовым явлением».

Высокую оценку тяжёлым кораблям Сикорского и ему как конструктору дали современные историки авиации. Самые лестные слова мы находим в книге «Крылья Сикорского»: «Молодой Сикорский во главе небольшой группы энтузиастов смог сделать смелый шаг в неведомое и построил четырёхмоторный гигант, который явился родоначальником всей мировой тяжёлой авиации. «Русский Витязь» и его преемник «Илья Муромец» ошеломили современников мировыми рекордами продолжительности полёта и большой грузоподъёмностью. Создание этих машин произвело революционный настоящий

переворот в умах людей, который опрокинул сложившиеся догмы расчёта, постройки и применения самолётов и заставил по-новому взглянуть на авиацию в целом, увидеть перспективу её развития и новые возможности».

Перелётом Петербург – Киев – Петербург закончился очень важный, насыщенный успехами период в авиаконструкторской деятельности И.И.Сикорского. Появление тяжёлых многомоторных самолётов «Гранд», «Русский Витязь» и «Илья Муромец» ознаменовало начало эры тяжёлой авиации. Её первенцы представляли собой новое слово в мировом самолётостроении – таких воздушных кораблей не было ни у кого. За рубежом успехи в этом направлении самолётостроения пришли намного позже.

ЭКИПАЖ ГЕРОЕВ

Недавно в газете «Правда» была опубликована заметка «Подвиг у станции Чудово». В ней доцент Томского государственного архитектурно-строительного университета Е. Найдёнов и член бюро Томского обкома КПРФ, заместитель председателя молодёжного парламента областной думы В. Шипилов поведали о наземном таране экипажа 125-го бомбардировочного авиаполка командира корабля И. С. Черных. Подвиг совершён 16 декабря 1941 года. Газета опубликовала и фотографию памятника, на стеле которого выбиты слова: «Герой Советского Союза Иван Черных», а рядом с ней фигура самого лётчика.

Хорошее дело сделали авторы заметки и редакция газеты: не так уж часто в наше время мы обращаемся своей памятью к героическим делам минувшей войны. А о том, что где-то героям огненных лет сооружают памятники, к созданию которых «посильный вклад внесли коммунисты и комсомольцы», пишется, вполне возможно, впервые. В заметке меня привлекла инициатива заведующей музеем, что в ПТУ № 1, В. И. Михайловой по созданию общероссийской ассоциации «Огненный экипаж», которая «объединит в целях поиска новых материалов города и веси, имеющие непосредственное отношение к судьбам Ивана Сергеевича и его боевых товарищей, вместе погибших в сражениях за свободу и независимость нашей социалистической Родины».

Судя по содержанию публикации, авторы далеко не всё знают о подвиге своего земляка, его боевых товарищах, да к тому же в заметку вкрались и некоторые неточности и ошибки. Поэтому я вступаю в предложенную ассоциацию и вношу свой первый «взнос».

Вначале о неточностях. На период свершения экипажем Черных подвига, 125-й авиаполк в Авиацию дальнего действия (АДД) не входил. Он начал войну в составе 41-й скоростной бомбардировочной бригады на самолётах СБ. Командир авиаполка майор А. И. Кобец, военком батальонный комиссар Я. Ф. Марьяновский, начальник штаба майор В. А. Шней. На четвёртый день войны Кобец погиб. Командиром авиаполка стал майор В. А. Сандалов. Дважды авиаполк из-за больших потерь личного состава и материальной части выводился из районов боевых действий на переформирование и переучивание на новую технику. В июне 1942 года в составе 222-й авиадивизии 125-й авиаполк вошёл в АДД. Освоив бомбардировщик американского производства Б-25, личный состав вновь приступил к боевой работе. 26 марта 1943 авиаполк, получив гвардейское звание, стал именоваться 15-м гвардейским. 26 мая 1944 года получил почётное наименование «Севастопольский».

Уже в полдень 22 июня 1941 года экипажи авиаполка ушли в первый боевой вылет. Выступление В. М. Молотова лётчики слушали в воздухе, держа курс на аэродромы противника Рыгалы и Сериетка. О том, как мужественно дрался (иного слова здесь подобрать нельзя) личный состав, можно судить по такому факту. С первого дня войны по 5 июля в воздушных боях авиаполк потерял 21 самолёт. И в этих же воздушных боях экипажи сбили 15 Ме-109²⁹⁵. Если иметь в виду, что данный немецкий истребитель на тот период характеризовался как один из лучших, что противник имел подавляющее превосходство в воздухе, и, наконец, то, что экипажи летали на боевые задания днём и без прикрытия, то можно без всякого преувеличения сказать: это была победа. По поводу такого соотношения, почти один к одному, в истории авиаполка записано: «Причина успеха не только в умении, но и высоких моральных качествах личного состава».

После войны, в начале шестидесятых, ветераны авиаполка собрались на очередную встречу в ленинградском дворце культуры имени Горького. Один из них, Г. Свирский, по её итогам 16 января 1966 года опубликовал в «Комсомольской правде» прекрасную статью под заголовком «Легенда и четыре майора». Как умненько этот бывший техник авиаполка её заглавил! Вот квинтэссенция и статьи и заголовка.

Автор писал: «Помните довоенную песню о том, что у нас «героем становится любой». Мы пели её бездумно, верили, что так оно и есть. И точка. Ну, а сейчас не стоит ли

²⁹⁵ ЦАМО, ф. 15-го ап, оп. 299457, д. 1, л. 14.

задуматься, как, допустим, удалось сто двадцать пятому поднять на героизм всех. Всех до единого! Обычно пишут о патриотизме, о ненависти к врагу. Верно! Это объясняет всё или почти всё. А каким образом удалось поднять всех, даже трусоватых, эгоистичных, живших до войны по принципу «своя рубашка ближе к телу»?... Если мы всерьёз озабочены промахами в воспитании современной молодёжи, давайте задержим свой взгляд на этом «почему».

Может быть, то был отборный полк?... Могу сказать: нет, сто двадцать пятый был обычной частью... Так в чём же дело? Почему наши воспитатели почти не знали «брака»? Как им удалось свершить то, что порой удивляет современных педагогов? Прежде всего, кто они, наши воспитателя?».

И дальше автор рассказывает о тех, кто стал частью названия статьи – о четырёх майорах. Первый из них командир авиаполка майор А. И. Кобец. «Кобец блистательный» звали его авиаторы. 22 июня, когда немецкие зенитка превратили его СБ в решето, он, вернувшись из полёта, начистил свои сапоги до немыслимого блеска и сказа: «Суворов говорил, перед боем надо надевать чистое бельё. Мы вылетаем шесть раз в день... Надо хоть сапоги надраить». И весь полк драил перед боем сапоги, кто щёткой, а кто рукавом комбинезона. «Лётчик – это художник», – говорил командир новичкам. – Он должен вписываться в небо». И когда за несколько дней до войны младший лейтенант Иван Черных, только что прибывший из авиашколы, на глазах у командира не совсем удачно приземлил свой самолёт, Кобец с возмущением бросил: «Да ему ещё в люльке качаться!». Осознавая, что «не вписался в небо», Черных пытался не слишком убедительно объяснить свой промах. А командир, всматриваясь в губастое мальчишеское лицо, вдруг неожиданно коснулся пальцами головы лётчика и ласково потрепал влажные от пота волосы. Для всех, кто только что слышал его фразу о люльке, это был урок.

На третий день войны, узнав, что к полковому аэродрому держит курс целая армада «юнкерсов», Кобец сумел поднять в воздух весь авиаполк и вывести его из-под удара. Но сам взлететь не успел. Для всех лётчиков это был пример.

В командование авиаполком вступил майор В. А. Сандалов, ставший впоследствии Героем Советского Союза. Он тоже являл пример для подражания. Свой подвиг Черных совершил на шестьдесят втором боевом вылете. К этому времени у Сандалова было всего лишь на два меньше. В нескольких километрах от аэродрома, в блокадном Ленинграде, находились сёстры командира с детьми. Узнав об этом, начальник продовольственного отдела авиационной базы предложил командиру авиаполка отвезти голодающим кое-что из продуктов. И услышал в ответ: «Мои, что ж, лучше других?».

Майор Я. Ф. Марьяновский по причине возраста на боевые задания не летал, и по сему своим мужеством и отвагой удивить личный состав не мог. Эти качества он проявлял в другом – в защите нужд и потребностей личного состава. В первые месяцы войны начальство было скрупульно на награды. То ли атмосфера отступления влияла, то ли никогда было этим делом заниматься. Марьяновский хорошо понимал негативную сторону такой реальности. По этому вопросу он неоднократно обращался в вышестоящие инстанции, но поддержки не находил. А тут подвернулся приезд в авиаполк члена Военного Совета Ленинградского фронта А. А. Жданова. Перед его посещением комиссар получил указание – «с этим делом не соваться». Но такие предупреждения не для Марьяновского. Уже перед Новым годом в авиаполку появились первые награждённые.

Когда полк, изрядно потрёпанный в боях с врагом, решено было отправить в Казань на переформирование, командование решило взять с собой и раненых. Уже в дороге, на льду Ладоги, поняли, что допустили оплошность – не обеспечили больных теплой обувью. Марьяновский первый снял свои валенки. Его примеру последовали многие, кроме одного. Об этом стало известно уже на новом месте. Личный состав стал требовать убрать техника из авиаполка. Марьяновский рассудил иначе: «Пусть здесь, среди товарищей, своё кулацкое нутро изживает». Авиаторы по достоинству оценили мудрость комиссара.

Начальник штаба майор В. А. Шней на фоне широкоплечих и рослых лётчиков, отобранных в авиацию еще по довоенным меркам, выглядел бледновато – маленького роста, щуплый, немного глуховат. Однако он был в меру педантичен, настойчив в своих штабных требованиях и подвижный, как ткацкий челнок.

Через несколько дней, после того как в результате разрывов немецких бомб на аэродроме погиб майор Кобец, дошли слухи о новой беде – стало известно, что в Старый Быхов, где оставались семьи лётчиков, ворвались танки Гудериана. Понимая, как это известие отрицательно оказывается на моральном состоянии личного состава, начальник штаба пытался связаться с городом и выяснить обстановку. Когда же это сделать не удалось, решили послать в Быхов связной самолёт. Лететь вызвался Шней, хотя его семьи в городе не было. Когда По-2 сел в поле к нему помчалась машина с вооружёнными людьми. Перевалившись через фанерный борт самолёта, и соскочив на землю, Шней крикнул лётчику:

- Если это фашисты, я принимаю бой, а вы улетаете!

Представив читателям такими штрихами командный состав авиаполка, Свирский заключил: «Сами того не вполне осознавая, мы, восемнадцати-двадцатилетние ребята подражали нашим майорам, подражали, даже кляня их про себя, когда они казались нам чрезмерно строгими. Мы старались, ну, хотя бы не отстать от них в боевом трудолюбии, в бескорыстии, в знании дела, в отваге. Как иначе мы отважились бы смотреть им в глаза!. Годы унесли мелкое, второстепенное и приблизили главное: они были прекрасны, возвыщенно-прекрасны наши четыре самых обычных майора».

Статья написана и опубликована в 1966 году. И автор, и газета, которая тогда была действительно «комсомольской правдой», заботясь о военно-патриотическом воспитании молодёжи, постарались раскрыть (и сделали это умело!) истоки подвига не только экипажа Черных, но и всего авиаполка. Именно они, командиры-коммунисты, своим боевым примером, бескорыстием, нравственной чистотой, сумели поднять на героизм весь 125-й авиаполк. И так в авиадивизиях и во всей АДД. И так во всех Вооружённых Силах, и в стране в целом.

Вот о чём надо говорить и писать, а не выискивать, как это сплошь и рядом делается сегодня, мелочный негатив, выводить его на государственный уровень, и мазать, мазать, мазать чёрной краской героическую эпоху героического народа.

А теперь, о самом экипаже и его подвиге, в дополнение к тому, что сказано в заметке «Подвиг у станции Чудово». Их было трое: командир младший лейтенант И. С. Черных, штурман лейтенант С. К. Косинов и стрелок-радист сержант Н. П. Губин. Вот основные биографические данные на них. Дать их просто необходимо, так как в источниках приводятся совершенно разные сведения. К примеру, место рождения командира, по крайней мере, трижды, даётся под разными названиями.

В собственноручно написанной автобиографии, которая хранится в личном деле в ЦАМО, можно перечерпнуть следующие основные сведения о Черных Иване Сергеевиче. Родился 26 августа 1918 года в деревне Петухово Фокинского сельсовета Советского района Кировской области в крестьянской семье. Образование: шесть классов, школа ФЗУ, аэроклуб, авиашкола. После её окончания 2 февраля 1940 года, прибыл в 125-й скоростной бомбардировочный авиаполк.

Косинов Семён Кириллович родился 2 февраля 1917 года в селе Белом Тимского района Курской области в многодетной семье (пять девочек и четыре мальчика). Образование: семь классов, Тамбовское Краснознамённое училище и Харьковская военная авиационная школа лётнабов. С мая 1940 года в 125-м авиаполку.

Губин Назар Петрович родился в 1918 году в селе Зорган Читинской области. После окончания ФЗУ работал слесарем на Читинском паровозном заводе, затем на Черновских копях шахтёром. В октябре 1939 года призван в Красную Армию. В 125-м авиаполку стал мастером по вооружению, а уже в ходе войны переучился на стрелка-радиста.

Некоторые штрихи к портретам членов экипажа привёл в своей статье Свирский: «Крестьянский паренёк Назар Губин, скрупульный добрейший Назар, о котором пишу больше, чем о других, лишь потому, что в те далёкие дни я, рядовой солдат-моторист, был близок с ним. Иван Черных, умница, лучший пилот в полку. У него, невысокого и чуть сутуловатого, помнится, была самая длинная в полку кожанка. Наконец, Семён Косинов, штурман экипажа. До лётного училища он окончил пехотное. Был на диво, ну, просто, казалось нам, неправдоподобно подтянут. Щеголеват. Назар Губин его «пехотного» рвения не одобрял, но, собираясь в увольнение, одолживал у него сапоги и синюю пилотку».

После переформирования и овладения новым бомбардировщиком Pe-2, авиаполк стал на защиту ленинградского неба. Трудным для блокадного города и личного состава оказался ноябрь 1941 года. Помимо артобстрелов и бомбардировок гитлеровцы, с целью деморализации населения, забрасывали город листовками. В канун революционного праздника Ленинград был ими буквально засыпан. Ленинградцам фашисты сообщали: «6 и 7 ноября будем бомбить, а 8 будете хоронить». Лётчики авиаполка сделали всё возможное, чтобы сорвать этот коварный план. «Ленинградская правда писала»: «6 ноября 1941 года на Ленинград не упала ни одна вражеская бомба. В этом заслуга пикировщиков, которые при поддержке штурмовиков и истребителей разгромили гнездо немецких бомбардировщиков». В этом заслуга и личного состава 125-го авиаполка.

16 декабря 1941 года посланный на разведку экипаж донёс о том, что обнаружил большую колонну немецких танков и автомашин с пехотой, которые двигаются по московскому шоссе в сторону Ленинграда. На бомбардирование немедленно вылетели два экипажа авиаполка – Владимира Солдатова и Ивана Черных. В районе Чудово они обнаружили скопление машин. Чем ближе бомбардировщики подходили к цели, тем плотнее становился зенитной заслон. Лётчик маневрировал, стараясь запутать немецких зенитчиков. Но подошло время для работы штурмана. Самолёт перестал вихлять, приобрёл устойчивое положение и стал приближаться к цели.

В этом месте слово документу. В наградном листе на звание Героя Советского Союза зафиксировано: «16 декабря, имея задачу бомбардировать скопление автомашин в Чудово, у цели до сбрасывания бомб самолёт был подожжён огнём зенитной артиллерии. Герой Отечественной войны младший лейтенант Черных переводит самолёт в пике, сбрасывает бомбы по цели и горящий самолёт направляет в самую гущу автомашин с фашистами. Во имя уничтожения сотен захватчиков тов. Черных, не колеблясь, отдаёт собственную жизнь»²⁹⁶.

18 декабря, на второй день после случившегося, на основе доклада Солдатова командир, комиссар и начальник штаба авиаполка представили лётчика, штурмана и стрелка-радиста к высшей правительской награде – званию Героя Советского Союза. В этот же день наградные листы подписало командование ВВС Ленинградского фронта, а 25 декабря – командование Ленинградским фронтом. 16 января, ровно через месяц, Указом Президиума Верховного Совета СССР И. С. Черных, С. К. Косинову и Н. П. Губину было присвоено звание Героя Советского Союза. Не могу сказать за все ВВС страны, но в АДД это единственный случай, когда за наземный таран высокого звания удостоился весь экипаж. Даже в экипаже Н.Ф.Гастелло – родоначальнике этого подвига – Героем Советского Союза стал только командир корабля.

Подвиг членов экипажа Черных стал тем символом, на примере которого командование авиаполка выстраивало всю систему патриотического воспитания личного состава. Основой этой работы стал приказ № 110 от 20 октября 1942 года. «В целях увековечивания памяти и поднятия патриотизма среди бойцов и командиров полка Героев Советского Союза – командира корабля младшего лейтенанта Черных Ивана Сергеевича, штурмана звена старшего лейтенанта Косинова Семёна Кирилловича, воздушного стрелка-радиста сержанта Губина Назара Петровича, погибших смертью храбрых в борьбе с немецким фашизмом на

²⁹⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 56, л. 57.

защите Ленинграда, объявлять ежедневно на поверке в 1-й авиаэскадрилье Черных и Косинова, во 2-й авиаэскадрилье – Губина. Командирам эскадрилий выделить достойных товарищей для отдачи устного рапорта при вызове: «Погиб смертью храброго в борьбе с германским фашизмом на защите Ленинграда». Заместителям командиров авиаэскадрилий до 25 октября провести беседы о павших Героях Советского Союза, в которых рассказать как они уничтожали захватчиков не щадя своей жизни»²⁹⁷.

Этот ритуал совершался ежедневно не только всю войну, но в послевоенный период. Два десятка лет тому назад у меня была переписка с племянником Косинова И. П. Каракуловым. Иван Прохорович прислал мне письмо командира авиаполка, адресованное ему 17 марта 1975 года. В нём говорилось: «Память Семёна Косинова мы свято чтим, помним и пропагандируем среди молодых воинов, приходящих к нам в полк. В подразделении майора Степанова Семён Косинов по-прежнему в строю. Каждый день на вечерней поверке звучит его фамилия и лучшие воины отвечают, что Семён Косинов геройски погиб, отстаивая свободу и независимость нашей Родины».

Рассказ о том, как в советское время, когда военно-патриотическое воспитание молодёжи было делом государственным, чтили и хранили память о Героях, можно продолжить. Ещё в 1942 году в Свердловске была выпущена почтовая карточка «Подвиг Героев Советского Союза С. Косинова, И. Черных, Н. Губина». 27 июня 1964 года приказом министра Обороны СССР они были навечно занесены в список личного состава авиаполка. Государственный флаг СССР взвился на мачтах трёх новых теплоходов Балтийского морского судоходства, названных именами Героев. В Чудово поставлен обелиск «Огненному экипажу». В этом городе именем Героев были названы улицы, а в школе-интернате № 2 открыт музей Героев.

Имя Черных было присвоено машиностроительному заводу в городе Киселёвске Кемеровской области. Комсомольцы завода обратились к министру Обороны с просьбой дать им возможность направлять лучших призывников в авиаполк, в котором воевал и совершил подвиг их земляк. Когда разрешение было получено, среди допризывной молодёжи развернулось соревнование завоевывать право быть направленным на службу в эту часть. У заводских ворот стоял бронзовый бюст лётчика, он стал Почётным членом бригады слесарей-сборщиков. В Томске в честь Героя были названы улица, кинотеатр и школа № 4 на улице Алтайской.

В связи с 25-летием подвига 13 января 1966 года Успенской школе было присвоено его Семёна Косинова. На Карельском перешейке есть населённый пункт, а в посёлке Тим улица, названные в его честь. Горняки шахты «Объединённая» треста «Забайкальуголь» зачислили своего земляка Назара Губина в именной список членов шахты и выполняли за него производственное задание.

Так было в советское время, так исполнялся общегосударственный девиз: «Никто не забыт, ни что не забыто». Сейчас всё не так. Сейчас пытаются у миллионов защитников Родины отобрать их святыню – Знамя Победы. Знамя, на красном поле которого кровь Ивана Черных, Семёна Косинова и Назара Губина.

И то, что в Томске земляки Черных увековечили его имя в виде памятника – это тоже сродни подвигу. Будем надеяться, что никогда не придёт такое время, когда на священную память героического защитника социалистической Родины поднимется чья-либо вандалистская рука. И будем надеяться, что аналогичные памятники появятся на родине С. К. Косинова и Н. П. Губина.

²⁹⁷ ЦАМО, ф. 125-го ап, оп. 694181, д. 1, л.124.

ЗДРАВСТВУЙ, ТЕРЕЗА!

Разнообразные задачи выполняли экипажи Авиации дальнего действия в годы Великой Отечественной войны. Среди них были и под интригующим названием – полёты на специальное задание. Это когда надо было доставить в глубокий тыл врага разведывательно-диверсионную группу. Вполне естественно, полёты были трудными и ответственными. Okazaliis они трудными и для меня, исследователя истории АДД периода войны. Главная трудность в том, что после выполнения специального задания штурман экипажа в боевом донесении величал доставленных к месту назначения пассажиров одним словом – агентами. Ни имени, ни отчества, ни фамилии.

Как-то перед выходом из печати книги «Маршрутами специальных заданий» один из ветеранов, прочитавший рукопись, спросил:

- А как вам удавалось устанавливать имена пассажиров? Ведь всё это было строго секретно!

- Помогал его величество случай! – ответил я...

16 марта 1988 года в «Строительной газете» была опубликована статья спецкора «Правды» А. С. Богатко «Тереза». Её суть в следующем. Один из экипажей получил задание доставить на освобождённую югославскими партизанами территорию трёх пассажиров – относительно пожилого мужчину, парня и девочку. К месту сброса добрались без особых осложнений, нашли обусловленный сигнал, сделали на костре пару заходов, сбросили поочерёдно мужчин, на третьем настал черёд пассажирки. И вот она пред открытым люком, в тесной полутёмной кабине, за несколько секунд до прыжка, обращается к правому лётчику Кусану Саденову: «Если у тебя будет дочь – назови Терезой! Обещай мне!». «Хорошо, сделаю», – усмехаясь, пообещал лётчик.

Закрыли люк, проследили за растворяющимся во мраке ночи белым куполом парашюта и взяли курс на восток. Сели, написали боевое донесение. Пошли другие полёты. Кончилась война. Саденов помнил о своём обещании, но чтобы его выполнить ему нужно было, как минимум, жениться. В холостяках долго не ходил, а когда 1 апреля 1948 года у него и Марии Фёдоровны родилась дочь, они при полном обоюдном согласии нарекли её Терезой.

Вот обо всём этом и поведал в своём очерке Богатко. Случай – уникальный. Но не выдумка ли это корреспондента? А если всё это правда? Ведь как этот факт украсит историю АДД! И так захотелось его раскрутить, дополнить недостающими деталями, что просто покоя не стало. Надо искать Саденова!

Нашёл я его в Подольске, в том самом, где находится архив, хранящий документы периода войны и в котором я отработал три с лишним десятка лет. Меня встретили Кусан Саденович, Мария Фёдоровна и их дочь... Саида. Лётчик всё подтвердил. А их Тереза вышла замуж за кубинца и живёт в Гаване. Затем состоялась встреча со штурманом экипажа Героем Советского Союза Ф. С. Румянцевым.

Через некоторое время, продолжая сбор материалов, я оказался на квартире доктора исторических наук В. В. Зеленина, который в годы войны находился в составе советской военной миссии в Югославии. Он мне подробно рассказал о том, как была организована работа по приёму доставляемых нашими самолётами военных грузов партизанам И. Б. Тито. Уже в конце беседы я предложил ему познакомиться со статьёй Богатко. Владимир Владимирович углубился в чтение. И вдруг – о, его величество случай! – я слышу:

- А я её видел! Эти трое – итальянцы. Если не ошибаюсь, её фамилия Бианко.

Я ещё не успел прийти в себя после такого очень важного известия, как новое сообщение Зеленина повергло меня в изумление:

- А её ведь можно найти. Я слышал, что она работала в Фундаментальной библиотеке Академии общественных наук.

Бессонной оказалась у меня ночь накануне посещения этой библиотеки. В отделе кадров пожали плечами – никто о Терезе не слышал. Я проявил настойчивость. Пошли

звонки по отделам. В сплошном море безнадёжности блеснул лучик надежды – мне подали телефонную трубку. В ней женский голос:

- Да, Бианко работала, но уже лет пять, как уволилась.
- Прошу адрес, телефон. Пожалуйста!
- Подождите, сейчас к вам выйдёт её дочь.

Выхожу в просторное фойе библиотеки. Белокаменная лестница, покрытая тёмно-зелёной ковровой дорожкой. Легко сбежавшая по ней молодая женщина направилась ко мне. Познакомились, присели на диван.

- Скажите, Аня, ваша мама Бианко?
- Да, Бианко, Ольга Винченцовна, а что?
- Она была в Югославии?
- Нет!

Замети моё разочарование, она поспешила добавить:

- Но там был мой дедушка – Винченцо Бианко!
- А маму зовут Тереза?
- Нет!
- Вероятно, на моём лице опять изобразилось разочарование.
- Но Тереза – мамина подруга!
- А она была в Югославии?
- Да, она была доставлена туда с моим дедушкой самолётом.
- А где она сейчас?
- В Москве.

Серия положительных эмоций – это тоже плохо. Многие годы я был уверен, что хорошо управляю ими. Но тут вдруг меня охватило такое волнение, что я, не владея собой, вскочил с дивана и, быть может, слегка вскрикнул. Затем сел и начал тихонько считать до пяти.

Из телефонного разговора с мамой Ани стало понятно, что Владимир Владимирович немножко напутал: фамилия Терезы не Бианко, а Мондини. На следующий день на квартире у Ольги Винченцовны я встретился с Терезой, рассказал ей о том, что лётчик и штурман, доставившие её в ночь на 23 марта 1944 года в горы Югославии, живы, что Саденов своё обещание выполнил и в Гаване живет его дочь, названная Терезой.

В свою очередь она поведала мне, что произошло, после того как она покинула борт самолёта и на высоте 3000 тысяч метров повисла на стропах парашюта. Что вместе с ней в самолёте летели один из помощников Пальмиро Тольятти Винченцо Бианко и второй радист Джузеппе Морабини. После благополучного приземления на югославской земле они направились в Северную Италию, где под руководством Луиджи Лонго ширилось партизанское движение.

Прошли долгие два месяца, прежде чем Тереза надела наушники и склонилась над своей рацией в укромном месте одного из партизанских отрядов Италии. Прогнала по круговой шкале индикатор настройки в одну сторону, затем в другую, в лёгком эфирном треске нашла нужную волну и послала далёкому и неизвестному корреспонденту своё первое радиодонесение. Вскоре стала записывать цифры, которые рассказывали о том, что Москва рада первым позывным из далёкой Италии.

В строго определённое время Тереза передавали свои донесения в Москву, получала ответ в таком же зашифрованном виде и через связного отправляла в Милан. 25 апреля 1945 года партизанские силы освободили этот город. Накануне Тереза передала свою последнюю радиограмму в Москву. Её сердечно поздравили от имени советского правительства за успешно выполненное задание.

К всеобщей радости победы над фашизмом прибавилась и личная: Тереза вышла замуж. Покорил её сердце Ренато Москатели, младший брат прославленного партизанского командира. Сложна была политическая жизнь Италии в первые послевоенные годы. Тереза не осталась в стороне. Она работала в ЦК КПИ. Родился сын. Нарекли его Нелло, в честь

погибшего в годы войны командира одного из партизанских отрядов. В 1961 году пришло предложение переехать в Москву для работы на радио. Она согласилась. Долгие годы материалы, транслирующиеся из СССР на Италию, с русского на итальянский переводила Тереза Мондини. Она снова, как и в годы войны, держала в руках ниточки радиосвязи между нашими странами.

27 лет прожила в Москве Тереза и не знала, что совсем рядом находится те, кто доставил её в Югославию, что на свете есть русская женщина, названная её итальянским именем. В свою очередь лётчик и штурман тоже не знали, что их пассажирка давно живёт в Москве. Их встреча через 44 года после полёта стала просто необходимой.

8 мая 1988 года. В одном из залов Центрального дома Советской Армии сидят лётчики прославленного в боях 4-го гвардейского Гомельского авиационного корпуса дальнего действия. На груди у каждого солидная обойма орденов и медалей. Седина посеребрила уже не только виски. Встречи ветеранов давно стали традиционными. Но эта началась необычно. Автор этих строк вместо доклада поведал всего лишь об одном полёте всего лишь одного экипажа авиакорпуса. В процессе рассказа он пригласил за столик президиума штурмана Румянцева, правого лётчика Саденова, его жену Марию Фёдоровну, доктора исторических наук Зеленина, спецкора «Правды» Богатко.

А в притихший зал продолжали падать слова:

- Сорок четыре года прошло с тех пор, как экипаж под руководством Героя Советского Союза Константина Михайловича Кудряшова доставил в горы Югославии трёх пассажиров. Теперь доподлинно известно, что все они были итальянцы. Среди них находилась молодая женщина. Звали её Тереза Мондини. Члены экипажа пожелали ей добра, и она смело шагнула за борт самолёта. Все эти годы лётчики помнили об этом полёте, а, вспоминая, задавались вопросом, как сложилась дальнейшая судьба пассажирки, выжила ли она в той борьбе, на которую они по сути дела её благословили. И можно сегодня с радостью доложить вам, дорогие товарищи, о том, что Тереза выполнила своё задание, осталась жива. И в настоящий момент...

Длительная пауза. Абсолютная тишина в зале. И заключительный аккорд рассказа:

- Тереза Мондини, прошу вас встать и пройти на встречу с экипажем через сорок четыре года после полёта!

Она встала, и встали все присутствующие в зале. Она сделала свои первые шаги в громеapplодисментов и, сопровождаемая теплом сотен добрых глаз, направилась к сцене. Чувствуется, что ей трудно идти, может быть труднее, чем тогда, когда надо было сделать всего лишь один шаг к тёмному квадрату открытого люка. Со своих мест встают Фёдор Румянцев и Кусан Саденов. Они спешат к той, которая всего лишь на несколько часов оказалась на борту их самолёта в мартовскую ночь далёкого сорок четвёртого. В руках у них цветы, в глазах радость встречи.

- Здравствуй, Тереза!

P. S.

Встреча автора с Терезой переросла в дружеские отношения. Ни одна поездка в Москву для работы в архивах не обходилась без телефонных звонков или встреч. Сдружились с ней и моя сестра с мужем – Виктория Михайловна и Владимир Дмитриевич. Несколько раз они принимали её у себя дома, один раз мы все были у неё.

Близкие отношения позволили мне как-то обратиться к Терезе с весьма деликатной просьбой. О том, как она её выполнила, я рассказал в книге «АГОН – авиационная группа особого назначения». Этот материал пришлось извлечь из книги в связи с просьбой руководства ГВФ рассказать накануне 50-летия нашей Победы что-либо интересное из истории Гражданского воздушного флота периода Великой отечественной войны.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЛЕТ

В истории Гражданского воздушного флота периода Великой Отечественной войны есть уникальная страница - создание и боевая работа авиационной группы особого назначения (АГОН). Это было единственное воинское формирование, созданное во время войны и размещённое за пределами СССР для выполнения специальных заданий в интересах другого государства – Югославии. Советские части АГОН и авиабаза снабжения дислоцировались в Бари (Южная Италия) на территории англо-американской военно-воздушной базы.

Работу экипажей ГВФ на Югославию отразил в книге воспоминаний «Сто ночей в горах Югославии» активный участник этих полётов Герой Советского Союза П.М.Михайлов. Специальное историческое исследование с привлечением архивных документов провёл и кандидат исторических наук А.М.Сергиенко. Его монография «АГОН - авиационная группа особого назначения» легла в основу документального фильма, который готовится показать телеканал «Россия» накануне 60-летия нашей Победы.

Фильм готовит студия «Крылья России». Кинооператоры побывали в Дрваре (Югославия) откуда экипаж АГОНА А.С.Шорникова вывозил уходящий в горы от немецкого преследования Верховный штаб НОАЮ во главе с И.Б.Тито. Побывали они и в Италии на месте дислокации АГОНа. В Италию вместе со съёмочной группой летал и бывший наземный радист советской авиабазы в Барии В.И.Смирнов. Во второй декаде марта 2005 года он встретился там ...со своей дочерью.

О том как возникла в конце Второй мировой войны и развивалась в последующем эта во всех отношениях редкая история, рассказано в монографии А.М.Сергиенко. С согласия автора публикуем этот эпизод из книги.

«После перебазирования в ноябре 1944 года советской авиабазы и АГОНа в Белград, в Барии осталась небольшая группа радистов. Жили они на вилле «Верина». Держали связь с Москвой, Белградом, обеспечивали не очень частую посадку самолётов АГОНа на барийском аэродроме. Здесь и встретили День Победы.

В середине июня всю группу радистов зачислили в штат советского посольства в Италии. Их непосредственным начальником стал военный атташе полковник В.В.Совко.

Порядки в посольстве были на слишком строгие, но работы хватало, однако находилось время и для развлечений. Но какой отдых без девушки, если тебе двадцать два! 15 сентября 1945 года Василий Иванович Смирнов познакомился с миловидной итальянкой Сильваной Кроче. Пошли встречи. Были они не слишком частые, поэтому время между ними тянулось мучительно долго. Иногда ходили в кино, но чаще, взявшись за руки, бродили по столичным улицам, и Сильвана рассказывала своему другу об истории архитектурных памятников, которые то и дело попадались на их пути.

Иногда выезжали за город. Рока-Типала, Тиволи – сказочные места! А от озера Лаго ди Альбано с его спокойной голубой гладью на фоне подёрнутых золотым багрянцем прибрежных деревьев и кустов невозможно было отвести глаза. Стояла осень – тихая, нежная, многоцветная. А в душе у Василия и Сильваны бушевал май.

Вскоре Василия пригласили в дом, что на улице Джела 5, познакомился с сестрой Луиджиной и её женихом Спартаком, а чуть позже с отцом и матерью Сильваны. Поначалу Джованни отнёсся к молодому человеку с недоверием, был сух и неразговорчив. С Тerezой же отношения установились более тёплые. Смирнов много рассказывал матери Сильваны о Москве, о Советском Союзе. Через некоторое время оттаял и отец. Как-то за обедом он даже предложил тост:

- За бафоне!

Василий не сразу мог понять, что это значит, но потом ему объяснили, что Джованни предлагает выпить за Сталина, что бафоне – это усатый. После обеда Сильvana взяла в руки аккордеон. Играла она прекрасно, особенно серенаду Шуберта.

Всё шло хорошо, но вместе с чувством радости в голове всё чаще и чаще роились вопросы: «Как быть? Что делать дальше? Взять Сильвану с собой? Но кто это позволит! А почему, собственно говоря, и нет? Ведь я живу в самой свободной стране, мы любим друг друга, в конце концов, у нас будет ребёнок, должны же пойти на встречу! Вон американцы сплошь и рядом женятся – и ничего! Надо идти к Виктору Викторовичу!»

Трижды подходил Смирнов к двери начальника и трижды уходил от неё, не решившись войти. В четвёртый раз, приказав себе, постучал. Полковник Совко слушал исповедь радиста, всё больше и больше мрачнея.

- Так ты что, жениться на ней хочешь? Ты хоть понимаешь, какую кашу заварил?! Очень крутую, я тебе скажу, она ведь иностранка! Кто тебе даст разрешение на брак, голова твоя садовая! - Потом постыдился: - Единственное, что могу сделать, так это дать тебе хорошую характеристику и направить в Союз, решай эту проблему там. Пойми, Вася, я – бессилен.

Трудно сказать, как доложил полковник Совко в Москву о случившемся, но когда Си-47 приземлился во Внуково и зарулил на стоянку, Смирнов почувствовал недобroe: к самолёту задним ходом подходила специальная машина. Ещё оставались какие-то сомнения – может быть это не за ним. Однако вопрос встречающего военного «Кто тут Смирнов?» поставил всё на место. Засосало под ложечкой, тело покрылось холодной испариной.

Всё остальное было как во сне: переезд в «воронке» на Лубянку, унизительный обыск, стрижка, фотографирование, глухая камера с круглосуточным электрическим светом и один на один с тяжёлыми мыслями.

Дней через десять переброска в Лефортово под конвоем с собаками. И вновь камера. И те же мысли: «За что? Как там Сильвана, что с ней будет? Что же такого я натворил!? Неужели посадят? Но я ведь скоро стану отцом, да нет, это чудовищное недоразумение, всё прояснится, надо только подождать, как там Сильвана? Она же ничего не знает!»

И действительно вскоре всё прояснилось. 6 мая 1946 года Василия Смирнова привели в кабинет, приказали сесть. Через несколько минут вошёл человек, почти лысый, с большими карими глазами, худым бледным лицом.

- Я – следователь, капитан Севастьянов. Ваше дело будет рассматривать известная вам организация «СМЕРШ». Вы привлекаетесь к уголовной ответственности по статье пятьдесят восьмой пункт первый параграф бэ.

- А что это такое? - Смирнов не узнал своего голоса.

- Измена Родине.

Что-то заломило в затылке, тело стало ватным, к горлу подступила тошнота, потемнело в глазах, всё окуналось в туман. Кто-то невидимый из этого тумана злорадно бросил сквозь кашель:

- Ну что, Ромео, очухался!?

Постепенно туман рассеялся, восстановилось зрение. Перед глазами вновь следователь, задохнувшийся в кашле. Отдышавшись, он потряс бумагой перед лицом Смирнова:

- Вот тебе какую характеристику дали, хоть в генералы!
- Какую заслужил!
- Зас-служил!! Повествуй о своих похождениях.

Смирнов медленно рассказывал, а Севастьянов, изредка подбрасывая вопросы, скрипел пером. Иногда эту работу прерывал новый приступ кашля. Наконец допрос был окончен.

- Прочти и подпиши!

Смирнов взял в дрожащие руки протокол, стал читать. С каждой прочитанной строкой в нём росло возмущение.

- Не подпишу! Этого же не было! Никаких тайн я не раскрывал, ни от кого не убегал, в церкви не венчался!

- Что же так?!

Всё повторилось снова: и рассказ и вопросы, и скрип пера, и кашель, и протокольная ложь.

- Но этого же не было!

- Ну и дурак! Отсюда, ты должен знать, уходят или в лагерь, или в землю. Подпиши, так нужно. Парень ты молодой, много не дадут, поработаешь на свежем воздухе и выйдешь.

В конце концов, оставляя надежды на высшие инстанции, Смирнов взял лист и подписал не читая.

- Вот и хорошо, вот и молодец!

- Я напишу жалобу товарищу Сталину!

- Хрен с тобой и с твоим Сталиным!

Конвойир подтолкнул Василия к двери. За спиной следователь зашёлся в очередном приступе кашля.

«Что это такое? - думал Смирнов, - это же враг. Они пробрались в наши органы, и творят своё гнусное дело. Ну ладно, я на суде всё расскажу!»

Но надежды не сбылись: 30 ноября 1946 года особое совещание вынесло приговор – десять лет исправительно-трудовых работ в Воркутинском лагере.

Условия были адские. Работал в шахте. Сколько людей погибло под обвалами! Один раз сам чудом спасся: только отполз от обвалившейся стены, как рухнул с потолка огромный пласт.

Позже на поверхности в трескучий мороз, на пронизывающем ветру, от которого стыли даже мозги, целый день бросал уголь. Швырнёшь лопатой, а ветер возвращает в лицо угольную пыль. К вечеру только белки глаз не делались чёрными.

А потом стало легче. Помогла самодеятельность, к которой начальство лагеря относилось благосклонно. Создали драмкружок, руководителем которого стал Владимир Куликов из театра Советской Армии. Художник-немец Яков Вундер оформлял прекрасные декорации. Поставили спектакль по Островскому. Как члена драмкружка Смирнова перевели в пожарку, да и кормить стали лучше.

Шли годы, разматывая срок, и не было дня, чтобы Василий не вспоминал свою Сильвану, мучаясь вопросом: сохранила ли она ребёнка? Как-то в лагере познакомился с итальянским священником. Перед его освобождением рассказал о своей трагедии, дал адрес.

16 марта 1954 года неожиданный вызов к начальнику, и, словно удар молнии, сообщение:

- Вы свободны, собирайтесь!

...Обо всём этом мне поведал Василий Иванович Смирнов, когда мы встретились с ним по моей просьбе в связи с его работой в авиационной базе в Барии. Я его спросил:

- Вы так до сих пор ничего и не знаете о судьбе Сильваны, о ребёнке?

- Нет, ничего!

- А какие меры вы предпринимали, чтобы всё это выяснить?

- Никаких!

- Почему?

- Если откровенно – боялся. А потом считал, что это уже просто поздно.

- Василий Иванович, давайте попробуем найти вашу Сильвану. В марте 1944 года самолётом дальней авиации в Югославию были заброшены трое итальянцев, среди них была Тереза Мондини. Я её нашёл, она живёт в Москве, часто бывает в Италии. Может, обратимся к ней за помощью?

Смирнов согласился. Через пару дней мы встретились с Тerezой на её квартире, изложили суть проблемы. Она пообещала помочь.

Затем я закрутился в творческих делах, уже не помню, сколько прошло дней после нашей беседы с Тerezой, как вдруг в квартире раздался телефонный звонок. Я взял трубку. Фразу, которую начал Василий Иванович возбуждённым голосом, можно было бы и не заканчивать: я понял, что у него радостная весть.

- Анатолий Михайлович, свершилось чудо! Только что позвонила Тереза и сообщила, что в Риме у меня дочь! Это же здорово! Её зовут Елена, я вызываю её на переговоры!

Переписка Василия Ивановича с Сильваной и дочерью прояснила следующее. После того как Смирнов бессследно исчез, Сильвана пустилась в розыски. Писала Сталину, Молотову. Ответы не приходили. В 1956 году её нашёл вернувшийся священник, рассказал о Смирнове, но было уже поздно – двумя годами раньше Сильвана вышла замуж.

Дочь знает два языка – английский и польский, восемь лет работала в итальянском посольстве в Польше. Замужем за архитектором, детей нет. Судя по письмам, и Сильвана и Елена испытывают большие материальные трудности. Хватает их, особенно сейчас, и у Василия Ивановича. Это и является основной причиной того, что встреча отца и дочери ещё не состоялась.

В трагедии, которая выпала на долю Смирнова, меня больше всего интересовал вопрос о том, как он оценивал тогда и оценивает сейчас своё отношение к властным структурам, которые его так безжалостно и несправедливо наказали. Я спросил его об этом. Ответ меня, не скрою, удивил: ни тогда, ни сейчас ненависти к советской власти он не испытывал и не испытывает. Считает, что в органах орудовали враги.

После освобождения Смирнов не пал духом, честно работал, учился в техникуме, о его трудовых успехах часто писала заводская газета. Пришло время, и он переступил порог кабинета секретаря парткома, положил на стол заявление, затем коротко рассказал о своей трагедии.

- Я думаю, что случившееся не является препятствием для вступления в партию, как раз наоборот!

Василий Иванович Смирнов и сейчас в этой партии, не изменил ей в трудный период её жизни, ибо вступал он в неё не ради каких-то выгод, а по убеждению».

И.В.СТАЛИН О ВОЙНЕ С ФИНЛЯНДИЕЙ.

Вот уже почти полвека доморощенные антисоветчики выискивают в советском периоде нашей истории всё новые и новые изъяны, целенаправленно искажают суть той героической эпохи. Одним из главных направлений этой антисоветской кампании стало стремление опорочить имя И.В.Сталина. Закопёрщиком её стал Н.С.Хрущёв. Именно он дал отмашку этому неблаговидному делу на XX-м съезде КПСС в 1956 году. С того времени, каких только ярлыков не навешали на И. В. Сталина с тем, чтобы через его имя опорочить советский период нашей истории. Сбылось пророчество самого И. В. Сталина, которое он высказал командующему АДД А. Е. Голованову после возвращения с Тегеранской конференции: «Я знаю, что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову»²⁹⁸.

Одним из таких ушатов стал тезис доклада Н. С. Хрущёва о том, что И. В. Stalin не подготовил страну к отпору агрессору. Сколько домыслов и «фактов» в последние годы, отталкиваясь от Н. С. Хрущёва, приводили и продолжают приводить антисоветчики, возлагая на И. В. Сталина вину за якобы неподготовленность страны к войне! И это вопреки всему, что было сделано в предвоенные годы советским народом и лично И. В. Сталиным в деле повышения боевой готовности Красной Армии, укреплении обороноспособности страны.

В условиях начавшейся Второй мировой войны руководство Советского Союза вынуждено было принимать меры по усилению военной мощи Красной Армии и улучшению стратегического положения СССР. Важными шагами на этом пути стали договоры между СССР и Германией о «дружбе и границе» и с Эстонией, Литвой и Латвией, заключённые в сентябре-октябре 1939 г. Очередным шагом на этом пути стало решение проблемы обеспечения безопасности Ленинграда и Мурманска.

Авторы книги «Полководец Stalin» отмечают: «Протяжённость границы с Финляндией составляла более тысячи километров. От Ленинграда она проходила всего в 32 км. По существу, вторая столица страны, к тому же мощный центр оборонной промышленности, находилась в зоне артиллерийского огня противника. Не защищены были и морские подступы к Ленинграду... В опасной близости от границы находился и Мурманск, наш северный незамерзающий порт, и железная дорога, связывающая его с центральными районами страны. Это факты, с которыми в условиях нарастающей угрозы войны нельзя было не считаться»²⁹⁹. Решение этой проблемы без переговоров с Финляндией было невозможно.

Они начались в марте 1939 года. Их суть – решить проблему мирным путем, сделав друг другу взаимовыгодные территориальные уступки. На переговорах И. В. Stalin говорил: «Мы не требуем и берём, а предлагаем.... Поскольку Ленинград нельзя переместить, мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 километров от Ленинграда... Мы просим 2700 кв. км. И предлагаем взамен более 5500 кв. км... Мы ничего не можем поделать с географией, так же, как и вы её не можете изменить»³⁰⁰. Однако мирная инициатива Москвы была отклонена. В начале октября, когда на основании пакта о ненападении с Германией, Финляндия была отнесена к сфере интересов СССР, этот вопрос возник снова. Но финны и на этот раз отклонили предложение Советского Союза решить проблему на компромиссной основе. Финское правительство начало мобилизацию своей армии, а также эвакуацию населения и некоторых предприятий с приграничных городов. Война с Финляндией стала неизбежной.

Она продолжалась три с половиной зимних месяца 1939 – 1940 годов. В результате боевых действий Красной Армии был подписан мирный договор. Финляндия уступила часть своей территории, безопасность Ленинграда и Мурманска была обеспечена.

²⁹⁸ Полководцы. – М., 1995. – С. 31.

²⁹⁹ Соловьев Б, Суходеев В. Полководец Stalin. – М., 1999. – С. 16 – 17.

³⁰⁰ Зимняя война 1939 – 1940. – Кн. – М., 1998. – С. 125, 371

Однако успешно завершившаяся война вскрыла ряд недостатков военно-политического характера. Они были подробнейшим образом обсуждены на совещании начальствующего состава Красной Армии по обобщению опыта боевых действий против Финляндии 17 апреля 1940 года. Центральным местом этого совещания стало выступление И. В. Сталина. Впервые оно было опубликовано в газете «Завтра» в 1996 году, затем в 1998 году во второй части книги «Зимняя война». В связи с тем, что эти источники тогда, а тем более сейчас, по прошествии десяти лет, широкой общественности мало доступны, есть настоятельная необходимость, вновь обратится к этому, во всех отношениях, уникальному документу.

Прежде всего, в выступлении был дан ответ на вопрос: правильно ли поступило советское правительство, объявив войну Финляндии: **«Война была неизбежна, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества».**

Далее И. В. Сталин, основываясь на проявившихся недостатках военной кампании, дал ответ на вопрос о том, не поторопилось ли советское правительство, объявив войну в ноябре, может быть, следовало подождать несколько месяцев и более тщательно подготовиться к боевым действиям?

Необходимость начала боевых действий в условиях неполной готовности к ним И. В. Сталин увязал с международной обстановкой. Он говорил: **«Там, на Западе, три самых больших державы (Германия, Англия и Франция. – А.С.) вцепились друг другу в горло – когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях... Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идёт там война на Западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда. Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на 20, потому что ведь всего не предусмотришь в политике. Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая: то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся. Стало быть благоприятная обстановка для того, чтобы поставить вопрос об обороне Ленинграда и обеспечении безопасности государства, был бы упущен. Это было бы большой ошибкой».**

И ещё один небезинтересный военно-стратегический тезис был обоснован в этом выступлении. Речь идёт о правильном или неправильном размещении наших войск на линии фронта. Из выступления И. В. Сталина широкому командному составу Красной Армии стало понятно, что на советско-финском фронте советская сторона создала пять колонн. Главная из них находилась на Карельском перешейке. И. В. Сталин обосновал этот стратегический замысел так: **«Ведь на войне надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, а ещё лучше предусмотреть худшее. Наибольшая колонна наших войск была на Карельском перешейке для того, чтобы создать невозможность для возникновения всяких случайностей против Ленинграда со стороны финнов. Мы знаем, что финнов поддерживают Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада. Знаем хорошо. Надо в войне предусмотреть всякие возможности, особенно не упускать из виду наиболее худших возможностей. Вот, исходя из этого, надо было здесь создать большую колонну – на Карельском перешейке – что могло, прежде всего, обеспечить Ленинград от всяких возможных случайностей».**

Далее И. В. Сталин резюмировал: **«Во всяком случае, размещение войск на Карельском перешейке преследовало три цели: создать серьёзный заслон против всяких возможностей и случайностей против Ленинграда; во-вторых, устроить разведку территории и тыла Финляндии, что очень нужно было нам; и, в-третьих – создать плацдарм для прыжка, куда войска будут подвезены».**

Что же касается четырёх остальных колонн, то они создавались главным образом как второстепенные, отвлекающие, для создания плацдармов. Причём, широкому кругу командного состава этот замысел не был известен. Это было сделано для того, чтобы не

расхолодить армейские части. «Почему мы так осторожно и с некоторой скрытой целью подходили к этому вопросу, почему нельзя было ударить со всех пяти сторон и зажать Финляндию? Мы не ставили такой серьёзной задачи, потому что война с Финляндией очень трудная. Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоёвывалась 4 раза...Мы попытались её в пятый раз потрясти».

На этот счёт И. В. Сталин привел в выступлении такие примеры: Пётр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию, после него за расширение влияния России в Финляндии два года вела войну его дочь Елизавета Петровна, затем два года длилась война при Екатерине II, а окончательно завоевал всю Финляндию Александр I. Для этого ему понадобилось тоже два года.

И после этого он заключил: «Всю эту штуку мы знали и считали, что, возможно, война с Финляндией продлится до августа или сентября 1940 года, вот почему мы на всякий случай учитывали не только благоприятное, но и худшее, и занялись с самого начала войны подготовкой плацдармов в пяти направлениях...Стало быть большой план большой войны не был осуществлён, и война кончилась через 3 месяца и 12 дней, только потому, что наша армия хорошо поработала и потому, что наш политический бум, поставленный перед Финляндией, оказался правильным. Либо вы, господа финские буржуа, идёте на уступки, либо мы вам даём правительство Куусинена, которое вас распотрошит, и они предпочли первое».

Однако выступление И. В. Сталина на совещании примечательно не только тем, что в нём обоснована оборонная и политическая необходимость начала боевых действий против Финляндии со стороны СССР, но и тем, какие выводы военно-политического характера он сделал на основе итогов закончившейся войны. Как уже отмечалось, она завершилась победой Советского Союза и подписанием мирного договора с Финляндией. Однако это было достигнуто ценой больших потерь Красной Армии. Необходимо было проанализировать их причины. Сделал это И. В. Сталин блестяще. Читая его выступление, и ещё раз убеждаешься, насколько был компетентен в военных вопросах этот сугубо штатский человек.

На какие в этом плане серьёзные просчёты указал руководитель страны? Их два.

1. Резкой критике была подвергнута кампания «шапкозакидательства». Отвечая на вопрос, что особенно помешало нашим войскам приспособиться к условиям войны в Финляндии, докладчик сказал: «Мне кажется, что им особенно помешало – это созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе – шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедима, что нет ей равной, что у неё всё есть, нет никаких нехваток, не было и не существует, что наша армия непобедима...Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война».

И. В. Сталин не только видел этот негатив в советской действительности, но и требовал покончить с ним: «Вот с этой психологией, что наша армия непобедима, с хвастовством, которые страшно развиты у нас, – это самые невежественные люди, т.е. большие хвастуны, – надо покончить. С этим хвастовством надо раз и навсегда покончить. Надо вдолбить нашим людям, что непобедимой армии не бывает. Надо вдолбить слова Ленина о том, что разбитые армии или потерпевшие поражения армии очень хорошо дерутся потом. Надо вдолбить нашим людям, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война – это игра с некоторыми неизвестными, что там, в войне, могут быть и поражения. И поэтому надо учиться не только наступать, но и отступать. Надо запомнить самое важное – философию Ленина. Она не превзойдена, и хорошо было бы, чтобы наши большевики усвоили эту философию, которая в корне противоречит обыкновенной философии, будто бы наша армия непобедима, имеет всё и может всё

победить. С этой психологией – шапками закидаем – надо покончить, если хотите, чтобы наша армия стала действительно современной армией».

Здесь хотелось бы обратить внимание читателей на следующее. До полного обвинения И. В. Сталина в раскручивании кампании «шапкозакидательства» антисталинисты не дошли. Они делают это косвенно. Это расчёт на домысел. Ибо говорить об этой кампании вообще, замалчивая факт реакции на неё самого И. В. Сталина, – это одно, это бросать тень и не него. И совсем другое, когда сама эта кампания осуждается высшим руководством страны. Это избитый приём: если очевиден и бесспорен успех страны в каком-либо деле, то имя И. В. Сталина замалчивается, он к этому делу не причастен, его вроде бы и нет, а вот если надутый как мыльный пузырь негатив, то И. В. Stalin тут как тут.

2. Далее, отвечая на вопрос, что мешало армии приспособиться к финским условиям войны, докладчик отметил, что этому мешал устаревший, основанный на минувшем опыте, подход к войне вообще. Базой этого опыта стали Гражданская война и немногочисленные локальные конфликты типа мелких эпизодов в Манчжурии, у озера Хасан и в Монголии. Назвав всё это «чепухой», И. В. Stalin говорил: **«Гражданская война – это не настоящая война, потому что это была война без артиллерии, без авиации, без танков, без миномётов... Так вот, что помешало нашему командному составу с ходу вести войну в Финляндии по-новому, не по типу гражданской войны, а по-новому. Помешали, помоему, культ традиции и опыта гражданской войны. Как у нас расценивают комсостав: а ты участвовал в гражданской войне? Нет, не участвовал. Пошёл вон. А ты участвовал? Участвовал. Давай его сюда, у него большой опыт и прочее».**

Вот этот культ Гражданской войны, который бесспорно ценен, но явно недостаточен, и помешал командному составу Красной Армии перестроиться в войне с Финляндией на новый лад, на рельсы современной войны. Только что закончившаяся война, по мнению выступающего, подсказывает, что с этим надо покончить. Далее он привёл весьма убедительные примеры устаревших подходов к современной войне. Некоторые командиры до сих пор не понимают, что нельзя сразу вести атаку, без артиллерийской подготовки, нельзя вести полки на «ура». Непонимание того, что в современной войне артиллерия, автоматическое оружие во многом решают дело наступления, присуще многим командирам. **«Все эти разговоры о том, что жалеть нужно снаряды, нужны ли самозарядные винтовки, что они берут много патронов, зачем нужен автомат, который столько патронов берёт, все эти разговоры, что нужно стрелять только по целям – всё это старое, это область и традиции гражданской войны. Это не содержит ничего современного».**

Дело дошло до того, что невоенные люди, в том числе И. В. Stalin и В. М. Молотов, спорили с руководителями военных ведомств по всем этим вопросам и заставили последних признать, что война с Финляндией, которую обучала Германия, обучают Франция и Англия, – это современная военная.

Далее выступающий ставит совершенно конкретные вопросы: почему прекратили производство автоматов Дегтярёва, почему нет миномётов? Дело это ведь не новое ещё со времён империалистической войны. 24 года прошло с момента её окончания, а у нас до сих пор нет миномётов? Почему? И. В. Stalin резюмирует: **«Ни ответа, ни привета».**

Выступающий, назвав конкретные фамилии командующих армиями (В. А. Фролов, М. П. Ковалёв), которые начали успешно перестраиваться на новый лад уже в ходе войны с Финляндией, еще раз заострил внимание участников совещания: **«Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир. Он должен этот опыт и ценность гражданской войны дополнить обязательно... дополнить опытом войны современной».**

После анализа этих основных недостатков, касающихся военной политики советского государства и вытекающих из итогов войны с Финляндией, И. В. Stalin перешёл к

характеристике современной, на тот период, армии, убедительно показал, что ей необходимо иметь, чтобы стать таковой. Он дал точные и выверенные оценки всем новым видам оружия, которые характеризуют современные армии и войны. Вот выжимки из его высказываний.

«Что такое современная война – интересный вопрос, чего она требует? Она требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия это Бог...кто хочет перестроиться на новый современный лад, должен понять – артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия. И поэтому разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площади, жалеть снаряды, это несусветная глупость, которая может загубить дело. Если нужно в день дать 400 – 500 снарядов, чтобы разбить тыл противника...нужно не жалеть снарядов и патронов».

«Второе – авиация, массовая авиация, не сотни, а тысячи самолётов. И тот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть вверх дном его города, тогда добьёмся победы. Больше снарядов, больше патронов давать, меньше людей будет потеряно. Будете жалеть патроны и снаряды – будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов, или жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых, или не жалеть бомбы, снаряды».

«Дальше – танки, третье, тоже решающее, нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищённые бронёй – это всё. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерию, при нашей пехоте».

«Миномёты – четвёртое, нет современной войны без миномётов, массовых миномётов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь миномёты 6-тидюймовые обязательно, 8-миддюймовые. Это страшно нужно для современной войны...Замечательная штука миномёт. Не жалеть мин, вот лозунг, жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды – не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, – не жалейте мин».

«Дальше – автоматизация ручного оружия. До сих пор идут споры: нужны ли нам самозарядные винтовки с десятизарядным магазином? Люди, которые живут традициями гражданской войны, – дураки, хотя они и хорошие люди, когда говорят: а зачем нам самозарядные винтовки?... Боец с самозарядной винтовкой равняется трём бойцам».

Весьма интересны мысли, высказанные Иосифом Виссарионовичем относительно командного состава Красной Армии, штабной работы и солдатской массы. Не буду их интерпретировать, дабы не обеднять стиль, характерные особенности речи выступающего и манеру его говорить, их лучше тоже процитировать.

«Нынешний общевойсковой командир, это не командир старой эпохи гражданской войны – там винтовка, трёхдюймовый пулемёт. Сейчас командир, если он хочет быть авторитетным для всех родов войск, он должен знать авиацию, танки, артиллерию с разными калибрами, миномёты, тогда он может давать задания. Значит, нам нужен командный состав квалифицированный, культурный, образованный».

«Для современной войны нам нужны политически стойкие и знающие военное дело политработники. Недостаточно того, что политработник будет на словах твердить «партия Ленина-Сталина», всё равно, что аллилуя-аллилуя. Этого мало, этого теперь недостаточно. Он должен быть политически стойким, политически образованным и культурным, он должен знать военное дело. Без этого мы не будем иметь хорошего бойца, хорошо налаженного снабжения, хорошо организованного пополнения для армии».

«Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. До последнего времени говорили, что такой-то командир провалился, шляпа, надо в штаб его. Или, например, случайно попался в штаб человек с жилкой, может командовать, говорят:

ему не место в штабе, его на командный пост надо. Если таким путём будете смотреть на штабы, тогда у нас штаба не будет».

«У нашего бойца не хватает инициативы. Он индивидуально малоразвит. Он плохо обучен, а когда человек не знает дела, откуда он может проявить инициативу, и поэтому он плохо дисциплинирован. Таких бойцов новых надо создавать, не тех митюх, которые шли в гражданскую войну. Нам нужен новый боец. Его нужно и можно создать: инициативного, индивидуально развитого, дисциплинированного».

Вот, по сути дела, те основные условия, те требования, которые выдвинула жизнь перед вооружёнными силами любой страны. Руководитель СССР, основываясь на тщательном анализе итогов только что закончившейся войны с Финляндией, поставил их перед руководящим составом Красной Армии. Через тридцать шесть дней после её окончания и подписания мирного договора!

Думал ли И. В. Сталин о возможном нападении Германии на СССР? Готовил ли он страну и армию к возможной войне с ней? Выступление И. В. Сталина на совещании командного состава 17 апреля 1940 года – красноречивое опровержение этого хрущёвского тезиса о том, что не думал и не готовил. Обеспечение безопасности Ленинграда и Мурманска, обобщение положительного и негативного опыта только что закончившейся войны с Финляндией, рекомендации командному составу на модернизацию Красной Армии, стремление сделать из неё армию современную, – всё это опровергает ложь о том, что И. В. Сталин не готовил страну к отпору агрессору.

Не надо быть большим стратегом, чтобы представить себе, что могло бы случиться с Ленинградом и Мурманском летом и осенью 1941 года, если бы в 1940-м не удалось обеспечить их безопасность. Не надо быть военным человеком, чтобы понять, что безопасность страны зависит, прежде всего, от боеспособности её армии, а она, эта боеспособность, от экономического состояния государства. Чтобы это понимать, надо только одно: не быть врагом своего Отечества. Надо быть его патриотом, исторически честным и справедливым. Но нет нужды взывать к здравому смыслу тех, кто патологически ненавидит советское прошлое, кто его очернением пытается закрепить капиталистическую реставрацию, кормясь подачками богатеев.

Чтобы сфабриковать ложь большого ума и больших усилий не надо. А вот для того, чтобы противопоставить лжи правду, нужен кропотливый труд. Долг профессионального историка в идеологической борьбе заключается в том, чтобы найти, и аргументировано представить читателям документ, разоблачающий эту ложь и тем самым помочь им сделать правильные выводы. Особенно важно пробиться через горы лжи к сознанию и сердцу тех людей, которые заблудились в «трёх соснах», чьи политические взгляды похожи на чулки, – они не могут отличить правого от левого. Ибо всё это вранье рассчитано, прежде всего, на них, их зомбируют в интересах тех, кто их грабит.

Давайте умом и сердцем поймём величие дел, совершенных старшим поколением советских людей в 30-е годы. Своим трудом, самоотверженным служением Родине, делу социализма они совершили подвиг, позволивший выстоять в тяжелейшем испытании в годы самой страшной в истории нашего Отечества войны. Оторвать И. В. Сталина от этих свершений невозможно, как невозможно обвинить его и в том, что он не готовил страну к отпору агрессору. Пигмеям антисоветизма это не под силу. Пусть они помнят слова человека, хорошо знавшего И. В. Сталина, и в сторону которого они не решаются бросить не то, что бульжник, но даже камень: «Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в суть дела и подсказывать военные решения». Эти слова принадлежат Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому.

В заключение вернёмся к тем словам, которые И. В. Сталин сказал А. Е. Голованову после возвращения из Тегерана о том, что после его смерти на его голову выльют не один ушат грязи. Это рассуждение он закончил такой фразой: «Но я уверен, что ветер истории всё это развеет». Пусть сильнее дует ветер истории! Это нужно не столько для восстановления доброго имени И. В. Сталина, сколько всем нам ныне живущим. Ибо, восстанавливая правду

о нём, мы восстанавливаем правду о советском периоде нашей истории, том периоде, который стал вершиной социальной справедливости не только для советского народа, но и всего человечества. Всё познаётся в сравнении. Только сейчас, на фоне жуткого настоящего России, становится очевидным, что совершил наш народ, наша страна во главе с И. В. Сталиным. Только сейчас мы в полной мере можем оценить, **что имели, и что ВРЕМЕННО потеряли**. А ведь могли потерять и раньше, в результате нашествия фашизма. Не будь мудрости И. В. Сталина в решении стратегической задачи обеспечения безопасности северо-западных рубежей СССР в начале сороковых годов. Если бы не было войны с Финляндией, не было бы совещания командного состава Красной Армии 17 апреля 1940 года, не было бы выступления на нём И. В. Сталина с глубоким анализом военно-политического состояния страны, не были бы сделаны те необходимые шаги в повышении боеспособности армии, которые помогли выстоять и победить в той жертвенной войне, зовущейся **Великой и Отечественной**.

ПРАВДУ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ НЕ ИСКАЗИТЬ (выступление на научной конференции в Белгородском ГУ).

Историческую победу советского народа под Сталинградом высоко оценивали друзья и недруги Советского Союза, некоторые руководящие деятели западных стран, которые называли данное сражение как переломное в истории Второй мировой войны. Но это было давно, эти оценки на Западе не тиражируются и не воспроизводятся, эти оценки потонули в потоке иных мнений, которые стали излагаться в ряде пропагандистских материалов, в мемуарах и исторических исследованиях уже в ходе войны и особенно после её окончания.

Непреложным и главным выводом всемирно-исторической Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне является тот факт, что именно социалистическая держава одержала победу над фашистской Германией, спасла многие страны мира от порабощения. Агрессии Германии не в состоянии было противостоять ни одно из капиталистических государств.

Страшась этого главного вывода, буржуазные идеологи ещё в ходе войны стали приижать ход, итоги и значение крупнейших стратегических операций, проведённых Красной Армией в годы Великой Отечественной войны. Среди них и Сталинградская битва. Эту тенденцию ещё в феврале 1943 года подметила американская газета «Курьер джорнэл»: «Уроки Сталинграда ясны, но кое-кому не нравится учитель, который их преподал».

Уже после войны в период антикоммунистического разгула в США Д. Маккарти заявил: «Можно уверенно утверждать, что третья мировая война началась с русской победы у Сталинграда».

Следует отметить, что фальсифицировать Сталинградскую битву, найти в этом великом подвиге советского народа и его вооруженных сил какие-либо негативные моменты весьма трудно. Приведу примеры. Американский историк Х. Болдуин считает, что исход Второй мировой войны решили 11 «великих кампаний». Из крупных сражений, выигранных Красной Армией, он называет лишь Сталинградскую битву. Западногерманский историк Г. Якобсен насчитал семь так называемых «поворотных пунктов». Из массы значительных, поистине исторических событий на советско-германском фронте упоминается только Сталинградская битва.

Эти примеры говорят о том, что битву на Волге замолчать трудно. Но если замолчать трудно, то принизить её значение можно и должно.

Хотелось бы показать, при том кратко, одно из направлений в системе фальсификации Сталинградской битвы.

Стремясь принизить её влияние на дальнейший ход вооружённой борьбы, фальсификаторы пытаются ставить её в один ряд с менее значительными сражениями Второй мировой войны, в которых участвовали англо-американские войска, стремятся пересмотреть вопрос о коренном переломе во Второй мировой войне.

Американский военный историк Мэтлофф в книге «От Касабланки до «Оверлорда» писал: «Победы союзников в Северной Африке, на Гаудалканале и на берегах Волги свидетельствовали о том, что в ходе войны наступил поворотный момент». Историк США С. Морисон утверждает, что «события в Северной Африке коренным образом изменили всю картину войны в Европе». Другой американский историк Д. Хови считает, что события, которые последовали за вторжением во французскую Северную Африку «превратили Средиземноморской театр в театр титанической борьбы во Второй мировой войне». Американский историк М. Галлахер ограничил роль событий на Волге не как мировое, а лишь чисто советское: «Следует отметить, что русские... проявили естественную склонность к преувеличению масштабов своих операций... Если американцы могли иметь свой Мидуэй, а англичане – Эль-Аламейн, то с равным правом русские могли иметь свой Сталинград».

Эта точка зрения выражена в работах американского историка М. В. Хойли, бывшего английского государственного деятеля Х. Макмиллана и др. Как бы подытоживая все эти взгляды, авторы книги «Иллюстрированная история Второй мировой войны» резюмируют: «Дорога на Берлин началась на берегах Северной Африки».

На одну чашу весов по масштабу происходящих военных действий, их результатам и последствиям положены сражения у Сталинграда, Эль-Аламейна, Мидуэя и Гуадалканала. Вещи несравнимые. Не вдаваясь в подробности, приведу лишь некоторые сведения.

Армия Роммеля в Северной Африке насчитывала всего 80 тыс. солдат и офицеров, а на Сталинградском направлении численность немецко-фашистских войск составляла более одного миллиона. Под Эль-Аламейном итало-немецкие войска потеряли 55 тыс. человек, 320 танков и около одной тысячи орудий. За время контрнаступления под Сталинградом соответственно 800 тыс. человек, две тыс. танков, 10 тыс. орудий и миномётов.

При высадке на остров Гуадалканал несколько тысячам американских морских пехотинцев противостояло всего несколько сот японских солдат, а в результате крупного морского сражения у острова Мидуэй американцы хотя и добились победы, но превосходства на море не получили.

Как же можно сопоставлять эти сражения с гигантской битвой под Сталинградом? Оказывается можно! Во имя того, чтобы принизить её историческое значение в деле коренного перелома во Второй мировой войне.

Пожалуй, можно ограничиться разбором этого одного направления в деле фальсификации Сталинградской битвы. Для нас сейчас не столь важно как её оценивают за «бугром». Сегодня более важным является оценка Сталинградской битвы у нас, на её Родине, битвы, которая совершена советским народом, которая стала этапным событием на трудной и жертвенной дороге к нашей великой Победе в 1945 году.

В ходе горбачёвской перестройки и ельцинских реформ, стремясь идеологически подготовить готовящийся контрреволюционный переворот в СССР, доморощенные фальсификаторы начали кампанию чернения советского периода нашей истории, в том числе и Великой Отечественной войны, в том числе и Сталинградской битвы

Не раскрывая развернувшийся процесс фальсификации Сталинградской битвы в средствах массовой информации и некоторых «исторических» исследованиях, выделим лишь одну сферу – как великая победа на Волге подаётся в учебниках истории для старших классов в средних школах.

Прежде чем сделать этот небольшой анализ, надо заметить, что многие авторы учебников ничего нового в дело фальсификации Сталинградской битвы не внесли, они лишь «перепели» некоторые западные взгляды по этому вопросу на страницы своих «творений». Отметим некоторые из них.

1. Дозировка. В учебнике И. С. Ратковского «История советской России» темам «ГУЛАГ в годы войны», «Война, и русская православная церковь» отведено 7, 5 страниц текста, а Сталинградской битве три строчки. В учебнике О. С. Сороко-Цюпы «Мир в 20 веке» о Сталинградской битве написано буквально следующее: «19 ноября 1942 года советские войска начали контрнаступление под Сталинградом. Под руководством Г.К.Жукова, А.И.Василевского, К.К.Рокоссовского, Н.Ф.Ватутина, А.И.Ерёменко и др. советских полководцев они разгромили противостоящую им группировку войск Германии и её союзников».

И всё! И ни слова о том, что Сталинградская битва положила начало коренному перелому во Второй мировой войне, что это подвиг советского народа, ни «дома Павлова», ни снайпера Василия Зайцева, ни сдачи в плен Паулюса, ни даты окончания Сталинградской битвы. Зато сказано о трауре в Германии, о даре короля Великобритании, о почётной грамоте президента США. Обо всём этом 8 строк, а о самой битве 5.

Но это ещё не всё. После этого в тексте следует 4 строки о Курской битве, 5 строк о партизанском движении, а дальше со слов «Одновременно с советскими войсками перешли в наступление вооружённые силы Англии и США» последовало описание их действий в 34

строки, из них 21 строка посвящена Италии и Муссолини. И всего 5 строк, повторяю, Сталинградской битве.

2. В некоторых учебниках по истории нет главных выводов: победа под Сталинградом имела огромное международное значение, подняла дух советских войск и народа, народов порабощённых гитлеровцами стран Европы, активизировала их борьбу против захватчиков. Но зато есть стремление, как и у западных фальсификаторов, объединить в деле достижения коренного перелом в ходе Второй мировой войны Сталинградскую битву с действиями в этот же период англо-американских войск. Так, в учебнике Сорока-Цюпь в разделе «Поворот в ходе войны» говорится: «С конца 1942 года силы антифашистской коалиции перешли в контрнаступление. Произошёл коренной перелом в ходе войны, который завершился полным разгромом агрессоров».

3. Некоторые авторы, с определённым умыслом, замалчивают роль И. В. Сталина в достижении победы под Сталинградом. Чтобы показать это, мне надо затронуть предсталинградский период боевых действий Красной Армии. В учебнике В. П. Островского «История России» перед описанием Сталинградской битвы есть раздел «Неоправданные решения». В нём разбираются наши неудачи в Крыму и под Харьковом. В этих неудачах автор учебника обвиняет И. В. Сталина. Якобы ГШ предлагал план глубокой обороны, Г. К. Жуков и А. М. Василевский его поддерживали, но И. В. Сталин настоял на проведении крупных наступательных операций. «Практически ему никто не возражал, даже те, кто был не согласен. Страх и одновременно вера в непогрешимость Верховного сыграли свою роль».

Враньё! Обратимся к Г. К. Жукову. На странице 66 второго тома его мемуаров описан ход совещания в ГКО в конце марта 1942 года, на котором присутствовали К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, А. М. Василевский и сам Г. К. Жуков. Вот некоторые фразы из этого раздела книги: «Б. М. Шапошников сделал очень обстоятельный доклад». «Слово взял С. К. Тимошенко. Доложил обстановку на Юго-Западном направлении». «К. Е. Ворошилов поддержал мнение С. К. Тимошенко». «Я ещё раз доложил свое несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций одновременно».

Приведённые фразы говорят о том, что на совещании в ГКО все присутствующие его члены высказали свои замечания. А теперь я снова цитирую автора учебника: «Практически ему никто не возражал, даже те, кто был не согласен». Вот такая наглая ложь. План проведения операций обсуждался коллегиально, а в неудачах виновен И. В. Stalin.

И ещё одно место по этому поводу у Г. К. Жукова: «Вообще должен сказать, Верховный понял, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием и его личной ошибки, допущенной при утверждении плана действий наших войск в летней кампании 1942 года. И он не искал других виновников среди руководящих лиц Ставки и Генерального штаба».

Казалось бы, причём здесь эти рассуждения и Сталинградская битва? Дело в том, что она последовала за поражениями наших войск в Крыму и под Харьковом, и закончилась нашей убедительной победой. Авторы учебника это вполне сносно описали. Заканчивается это описание такой фразой: «Красная Армия прочно завладела стратегической инициативой». Верно. А вот имени И. В. Сталина, как «виновника» этой победы, нет. Да потому что это п о б е д а, и И. В. Stalin здесь ни при чём, вот если бы поражение, тогда...

Но авторы всё же имя И. В. Сталина упомянули. Сразу же после зачитанной мною фразы написано буквально следующее: «Но победы вскрыли и другое. Они поставили Сталина перед необходимостью передать реальное руководство военными действиями группе талантливых военачальников... Однако, оставаясь на посту Верховного Главнокомандующего и Председателя ГКО, Stalin по-прежнему пользовался необъятным влиянием». Всё-таки лягнули И. В. Stalin. По всей видимости, за победу Красной Армии на Волге под его руководством.

Что можно возразить по поводу этого опуса авторов? Во-первых, руководство военными действиями И. В. Stalin ни кому не передавал, ни после Сталинградской битвы, ни позже вплоть до окончания войны. И Г. К. Жуков и А. М. Василевский продолжали

работать на своих постах. Во-вторых, что значит эта фраза: «по-прежнему пользовался необъятным влиянием»? Что здесь плохого при единонаучалии в Красной Армии!

В общем, у авторов получается так: как только речь идет о неудачах на каком-то участке советско-германского фронта, так виновен И. В. Сталин, как только сражение выиграно, так И. В. Сталина вроде и не было.

Здесь уместно ещё раз обратиться к Г. К. Жукову: «Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошёл всю войну. И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбирался и в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина особенно проявились, начиная со Сталинграда. В руководстве вооружённой борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Роль И. В. Сталина в победоносном завершении Сталинградской битвы велика. А. М. Василевский рассказывал командующему флотом Н. Г. Кузнецovу о том, как: «... в критические октябрьские и ноябрьские дни 1941 года Северо-Западное направление на подходах к столице оказалось плохо защищенным, а все настойчивые просьбы и обращения к Сталину взять войска и артиллерию из резерва, были напрасны. Stalin в те дни с удивительным упорством собирая резервы для контрнаступления и провёл это в жизнь. Казалось, нереальная в тех условиях победа под Москвой стала возможной».

Нечто подобное происходило под Сталинградом, когда советские войска готовились окружить и разбить армию Ф. Паулюса. Когда решением Ставки и лично Верховного Главнокомандующего в течение нескольких месяцев буквально со всех концов страны подтягивались людские резервы и материальная часть, чтобы окружить и «загубить» (по выражению Сталина) немецкие войска. Нужно прямо сказать, что при огромной, а иногда и решающей роли полководцев, проводивших планы операции в жизнь, зарождение идеи в Ставке и воля Верховного Главнокомандующего определяли успех сражения».

4. В ряде учебников приводятся сведения о реакции некоторых западных политических и государственных деятелей на успехи Красной Армии под Сталинградом, но в них нет оценок ей со стороны советского руководства и видных военачальников, активных творцов этой победы. 3 февраля 1943 года был обнародован приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта в связи с успешным завершением ликвидации вражеских войск, окружённых под Сталинградом. Этот документ не удостоился страниц школьных учебников. А ведь можно было бы привести оценки Сталинградской битве, данные И. В. Сталиным: «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться». «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

Нет оценок Сталинградской битве, оставленных её активными творцами – Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, К. К. Рокоссовским и др.

Таковы некоторые приёмы фальсификации Сталинградской битвы в учебниках истории для старших классов средних школ: где-то склонять, где-то исказить, где-то просто умолчать. Знакомясь с этими фактами, задаешься вопросом: «Кому это надо?». Это политический заказ. Это надо тем, кто пытается оправдать поворот страны на капиталистический путь развития. Для этого надо очернить советское прошлое и даже ту героическую его частицу, которая зовется Сталинградской битвой

Но Сталинградская битва не только история, она и неиссякаемый источник патриотического воспитания школьной молодежи.

Ещё в 1942 году английский государственный деятель Э. Бевин отмечал: «Наши внуки, сидя за своими учебниками истории, будут думать о прошлом, полные восхищения и благодарности перед героизмом великого русского народа».

Могут ли наши правнуки восхищаться подвигами их прадедов под Сталинградом, если об этой эпохальной битве в некоторых учебниках истории всего три строчки, если там искажения, а иногда и ложь?!

Память о Сталинградской битве – нашей национальной святыне – не исторгнуть из сердца народа никакими потугами западных и доморощенных фальсификаторов.

Уважаемые коллеги, учителя и преподаватели истории, хочется верить в то, что некоторые размышления, сведения и факты, приведённые здесь, будут вами использованы и хоть в какой-то мере помогут в вашем многотрудном и благородном деле обучения и воспитания школьной и студенческой молодёжи в духе патриотизма. Ведь они – будущее России. Будем помнить, что воспитанием решается участь человека и страны.

А ГДЕ ЖЕ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ?

27 декабря минувшего года газета «Белгородские известия», девизом которой являются слова «Достоверность, объективность, здравый смысл», опубликовала статью «Каждый образованный человек должен знать...». Прочитал заголовок и подумал: это должно быть интересно – газета рассказывает о том, что я, человек вроде и образованный, ещё чего-то не знаю. Это и понятно – всего знать невозможно. Но, как говорится, к этому стремиться надо. А тут ещё интригующее многоточие в закавыченном заголовке. И я начал познавать. Уже с первых строк убедился: точно, не знал!

Не знал, что, как говорится во врезке к статье, «по благословению (в переводе на светский язык – по указанию) Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II уже четвёртый раз (вот это активность!) на Белгородчине проходит Международная (вероятно заглавная буква в этом слове должна была повысить статус чисто регионального мероприятия) научно-богословская конференция «Иосафовские чтения». Далее во врезке сообщается, что участникам конференции была предложена тема для обсуждения – «Предмет «Православная культура» в системе светского образования».

А ведь верно: не знал я, что такая конференция в Белгороде проведена. Может быть, не знал, потому, что пропустил информацию о её подготовке? А может, этой информации вообще не было? Чего уж тут гадать, когда на эти вопросы ответила сама автор статьи: «Патриарх призывает противодействовать всем миром, и хотелось бы среди участников конференции видеть представителей всех слоёв населения. Пока же там присутствовали духовенство, педагоги, культработники (работники культуры или культа?), представители молодёжи». Ко всем этим «слоям» ни я, ни партия, в которой я состою, не относимся, поэтому на конференции ни я, ни представители КПРФ не присутствовали. А жаль!

Так что же ещё «образованный человек», кроме того, что на Белгородчине была проведена «ненаучно-богословская» конференция, должен знать? Углубимся в содержание статьи.

Буквально первые её строки удивляют. Посудите сами: «Мы знаем, сколько мнений и суждений сказано в масштабах России по поводу введения в белгородских школах этой дисциплины. Московские средства массовой информации долго и негативно говорили по данному вопросу». Полноте, Ирина Селюкова! Других «мнений и суждений», кроме мнения областной Думы по поводу введения преподавания курса «Православная культура», и в помине не было. Законодательная и исполнительная власть области решили – и баста! Учеников и родителей спрашивали? Мнением общественных организаций и представителей других конфессий интересовались? Этого не было даже на региональном уровне, а вы замахнулись на всю Россию. Нельзя же так, голубушка! Да и московские средства массовой информации по этому новаторству белгородских законодателей если уж и говорили, то не «долго», и тем более не «негативно».

Единственная газета, которая «долго и негативно» пишет об этом, так это газета «Слово коммуниста». Но её мнение – это «глас в пустыне». Тут я вновь цитирую автора, полностью с ней соглашаясь: «Тем не менее, «Православная культура» преподаётся».

Да, преподаётся уже полгода. В нарушение Конституции и в нарушение федерального закона «О свободе совести и религиозных объединений». В пункте 5 статьи 3 этого закона записано: «Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воли и без согласия их родителей». Но кому дело в нашем так называемом «правовом государстве» до этих нарушений? Вот и вы, Ирина Селюкова, прикрываете это беззаконие. Правда, фиговым листком, но прикрываете: «Кстати, в нашей области даже работала специальная комиссия из Москвы, спрашивали у учеников, родителей, учителей, ничего «кriminalного» не нашли». Во-первых, спрашивать надо было раньше. Во-вторых, кто не знает, как работают подобные комиссии, кого и как они спрашивают! Вероятно, этого не знаете только вы. И не стоит усиливать этот тезис тем, что

об этом говорили Иоанн и С. П. Тимофеев – они ведь главные закопёрщики преподавания религии в школах Белгородской области.

Далее идёт весьма длинная цитата из приветственного послания Алексия II. Если автор статьи верно передаёт его слова, то следует поправить и патриарха, который говорит о том, что в масштабах России закон белгородской Думы принят в числе первых. Лукавит патриарх. Это не что иное, как стремление подбодрить местную епархию и местную власть. Ещё в 1999 году он совместно с Президентом Российской академии наук Ю. С. Осиповым, ректором Московского государственного университета В. А. Садовничевым направили министру образования РФ В. М. Филипову обращение, в котором указывали, что преподавание православной культуры ведётся в Ногинске Московской области, Курской, Нижегородской областях и ряде других мест. Об этом говорилось семь лет тому назад! За это время в деле проникновения религии в школы на региональном уровне столько воды утекло. Но даже то перечисление в этом обращении мест, в которых началось преподавание этого предмета, ну никак не выводит Белгородскую область в лидеры. Не преуспела она тут!

А как понимать патриарший тезис о том, что «преподавание во многих школах предмета «История мировых религий» не способно быть адекватной заменой предмета «Православная культура», так как не даёт человеку нравственного стержня». Зачем же обижать другие конфессии? Это не что иное, как приватизация школьной сферы со стороны РПЦ.

Идя дальше по цитате Алексия II, мы, наконец, подходим к пониманию сути заголовка статьи: «Сейчас, когда попраны нравственные основы жизни, человеку необходимо дать ориентиры, дать возможность изучать основы своей культуры. Не правы те, кто утверждает, что преподавание предмета «Православная культура» якобы противоречит Конституции и ограничивает свободу совести. Это не богословский, а культурологический предмет, и каждый образованный человек должен знать основы культуры своей страны».

Так вот, что скрывалось за многоточием заголовка: я, как человек образованный, должен знать основы культуры своей страны. Это какой культуры? Которая зовётся православием? С каких пор сказки об одноактном создании мира Творцом (богом), о сотворении Адама и Евы, их грехопадении, о всемирном потопе, о распятии Христа, его воскрешении и вознесении на небо являются культурой? С каких пор невежество стало культурой?

Здесь хитрый ход. Как продвинуть преподавание религии в школы и другие учебные заведения? Надо просто к названию одного из видов религии (скажем, православной) привязать это слово – «культура». И сразу же, при попустительстве властей всех уровней, на входе в учебное заведение зажигается зелёный свет. И тогда такие как вы, Ирина Селюкова, будут ратовать за изучение религии в школе. Как же – культура! Да не культура это, а безкультурие! И это знает каждый **образованный** человек. Вот почему вы этого не знаете?! Ах, веруете? Ну и в сласть! Это ваше право, дарованное Конституцией. Но вы не только веруете, вы ещё и оскорбляете огромную массу людей атеистического толка, называя их безкультурными. Не называли? Повнимательнее вчитайтесь в название вашей статьи, убрав многоточие. Если человек светски культурен, но не знает и не признаёт «культуры» религиозной, то он... Понимаете?

Церковники прекрасно осознают, как трудно обратить молодого человека в веру. Он скорее пойдёт на дискотеку, потусуется в каком-либо увеселительном заведении, чем решится переступить порог церкви. Как же его приобщить? Надо проникнуть в школу со своей «Православной культурой» и начиная со второго класса до самого окончания школы всех поголовно оболванивать, оболванивать и оболванивать. Глядишь, и приход увеличится. А от прихода и доход.

Небезынтересен интерпретированный автором статьи факт из приветственного послания патриарха о том, как Иоасаф, во время одного из объездов Белгородской епархии, обнаружил, что у священника села Гнездиловка 13-летний сын обучался грамоте на дому. Якобы незамедлительно последовала резолюция: «Выслать немедленно в школу и

рапортовать». Понятно, в какую школу – духовного образования. Тоскуют церковники по тем далёким временам, как хотят вернуть их. Ввести церковный всеобуч и – отрапортовать. Вот и отрапортовали на научно-богословской конференции. Кому? Друг другу. «Научники» (педагоги во главе с С. П. Тимофеевым) богословам, а богословы (духовники во главе с Иоанном) «научникам». А ведь педагоги во главе со своим вождём люди государственные. Государственники, поправшие конституцию!

И тут мы подходим к главному опусу статьи. Её автор пишет: «После того, как препоны законодательного и атеистического характера были преодолены, возникли другие проблемы». У читателя, вполне естественно, возникает вопрос: «Что это за препоны и как они преодолевались?». «Препонов» искать в статье бессмысленно, они вынесены не только за скобки, но и за пределы самой статьи. А вот о том, как они преодолевались, сказано вполне убедительно: «Помощник управляющего Белгородско-Старооскольской епархией по юридическим и внешнеэкономическим (и внешним и экономическим!) связям В. П. Лукин аргументировано доказал закономерность преподавания «Православной культуры». В той аудитории этого и доказывать не надо было. Пусть «законность» преподавания этого предмета он докажет прокурору области.

Ну, а о том, какие «другие проблемы» возникли у инициаторов проталкивания религии в учебные заведения, как на самом деле приживается на Белгородчине антиконституционное дело, автор статьи с помощью двух участников конференции преподнесла великолепнейшим образом.

С. П. Тимофеев: «В области подготовлено около тысячи преподавателей предмета «Православная культура», но на сегодняшний день не все готовы к этому преподаванию. Ведь это нужно ощущать сердцем, душой, а не просто умом. Ум иногда обманывает нас...». Что верно, то верно, Станислав Петрович! Умом православную Россию не понять.

Л. Я. Дятченко: «Казалось бы, органы образования должны были подготовить для выпускников рабочие места, а мы – позаботиться о том, чтобы правильно определить туда наших ребят. Но в конце апреля в начале мая этого года я с ужасом увидел, что только три школы готовы встретить выпускников. Потом, конечно, были попытки поправить ситуацию. В целом, только четверть молодых учителей оказались в наших школах. Это очень плохой показатель...». Куда уж хуже, Леонид Яковлевич! Сколько государственных денежек выброшено на ветер!

Прекрасный рефрен статье и всей этой антиконституционной затее! **Об этом** должен знать каждый **образованный** человек.

Один из них.

БРАВО, ДЕРИПАСКА!

В «Вестнике» ЦК КПРФ № 16 за 2006 год было опубликовано интервью «короля» отечественного алюминия О. Дерипаски, данное корреспонденту Бюллетеня ВЕА («Время Евразии») Николаю Асмолову. «Вестник» озаглавил его так: «Феноменальное интервью Олега Дерипаски». Я бы к слову «феноменальное» через дефис добавил ещё слово «циничное». Для тех, кто ещё не разобрался, не почувствовал, не убедился, не осмыслил сути того, в каком обществе мы живём, лучшего агитационного материала на старте предвыборной кампании не найти. Познакомившись с интервью, я воскликнул: «Браво, Дерипаска! Браво, «красный» агитатор!». Часть этого восклицания вынесена в заголовок данной статьи.

Вряд ли кто-либо из представителей крупного капитала первого издания российского капитализма был столь откровенным, как сей представитель олигархического клана современной капиталистической России. Самоуверенность, граничащая с наглостью, присутствует буквально в каждой фразе, от каждого ответа на вопрос так и веет безнравственностью и цинизмом. Давайте «пройдёмся» по вопросам и ответам, вдумаемся в их содержание и сделаем выводы. При этом следует заметить: слова Дерипаски выделены альтернативным шрифтом.

Н. Асмолов поинтересовался, как президент компании «Русский алюминий» понимает слово « власть », какой вкладывает в него смысл. Вы думаете, читатель, в ответе были пространные рассуждения о выстраивании вертикали законодательной и исполнительной власти, присутствии во всех властных структурах представителей трудового народа и тому подобное? Какая наивность! Власть по-дерипаски – это **«группа людей, элиты, способная принимать решения и их реализовывать»**. Это не те, которых мы, периодически бегая к урнам, выбираем, нет. Это – эл-и-та! Читай: крупный капитал. И тут же интервьюированный поясняет что такое «принимаемое решение». **«Это должны быть решения по эффективному управлению политическими структурами, госаппаратом»**, а сам глава госаппарата **«может быть наёмным менеджером, отвечающим за координацию действий различного бизнеса в регионе, за паблисити бизнеса и государства»**. Здесь очень важно пояснить какую смысловую нагрузку несет это заумное слово «паблисити». Это реклама, популярность. Смекаете, чем должен заниматься глава госаппарата?

Вот что такое сегодня в нашей стране власть. Это элита, крупный бизнес, который управляет политическими структурами и госаппаратом, своеобразный кукловод, который дёргает верёвочки, а главная обязанность президента и премьера, создавать крупному бизнесу рекламу, популярность. В этом взаимном интересе не то, что народу нет места, сюда не следует допускать даже мелкий и средний бизнес, ибо **«их влияние на технологии власти не существует и не должно такого влияния быть»**. Браво, Дерипаска!

Оказывается, российская власть сформировалась у нас совсем недавно, всего год-два тому назад. Оказывается, первая волна олигархов (Березовский, Ходарковский, Гусинский и пр. пр.) были людьми неадекватными, сколотившими свой капитал на «игре в рулетку». Проходимцами их Дерипаска не назвал, но если от этого слова взять его корень (проходить), то следующая фраза из интервью как раз и раскроет его смысл. **«Сейчас они все удалились прочь – кого уже нет совсем, кто сидит в лагерях, но большая часть проживает остаток денег за границей»**. Нет первой волны олигархов, они «удалились прочь», ибо не овладели методикой формирования власти. Говоря проще, они властью денег не смогли обуздать власть административную. А вот он, Дерипаска, да ещё такие, как Абрамович, Мельниченко и многие, многие другие, сколотили свой капитал на **«системном подходе»**. Тут тебе не какая-то там приватизация, рулетка, ваучеризация и другие хапугские приёмы, а целая система. То есть прочно обнялись, срослись с властью. Вспоминаете? Это один из признаков ленинской характеристики империализма. Браво, Дерипаска!

Если те, первые, были просто воры, то новые – это воры в законе. Эти последние долго учились: **«Мы в России прошли большой путь по осознанию технологий формирования власти. Мы учились. Наш путь из всех стран СНГ – самый успешный».** Научились властью денег подчинять себе власть административную. Давайте вчитаемся: **«Так вот, именно сейчас российская власть, то есть люди, способные принимать решения, принимают их таким образом, чтобы выстраивать систему управления госаппаратом, масс-медиа и прочими элементами управления массами. Нам сейчас никто не мешает. И хорошие менеджеры нашлись».**

В общем, научились формировать нужную себе власть, закрепились на завоёванных рубежах, да так, что теперь, не оглядываясь по сторонам (никто не мешает!), можно резать правду-матку. Браво, Дерипаска!

Люди, «способные принимать решения» – это олигархи. Госаппарат – это управлеченческие структуры от президента и правительства до самого низшего звена. А Путин, он не президент, он **«топ-менеджер»**. «Масс-медиа» – это средства массовой информации. «Массы» – это я, пишущий эти строки, это вы, читатель. И всё это (президент и премьер, сенаторы и депутаты, суды и прокуратура, губернаторы и региональные чиновники, бюджетники и пенсионеры) управляются с одного командного пункта, имя которому олигархический клан, олигархическая ассоциация. И результат уже на лице: **«Заметили, как заработал госаппарат в Белом доме, как работают прокуратура, суды, спецслужбы, как работают российские телеканалы и газеты? Просто блестяще! Все помогают экономике, бизнесу, а не мешают нам, как было ещё недавно. Под это можно давать деньги, что мы и делаем»**. Браво, Дерипаска!

Не мешают президент и премьер, не мешают прокуратура, суды и спецслужбы, не мешают сенаторы и депутаты, не мешают телевидение и газеты. Простор! Они не только не мешают, но даже помогают. Правда, иногда... Но это не вмешательство, это скорее делание вида на вмешательство. Так, для остротки, что бы хоть как-то показать, что власть есть власть. А то кто-нибудь, ни дай бог, начнёт возникать. А не мешают потому, что под это дают деньги. Воистину: музыку заказывает тот, кто платит. Не мешают олигархам и российским спецслужбам. И Дерипаска очень хорошо разъясняем нам почему: **«Мы берём в структуры управления только тех выходцев из силовых структур, которые понимают приоритетность финансовых механизмов власти. То есть признают наше лидерство. Если же бывший ГБ-шник, даже с большим опытом, не имеет кругозора и не понимает, что он должен верно служить реальной российской власти – шансы его нулевые»**.

Это откровение олигарха вызвало у Н. Асмолова закономерный вопрос: «А скажите, эта власть – демократична, как вы оцениваете?». Ответ, прозвучавший мгновенно, – это не цинизм, а верх цинизма. Ещё раз призываю вчитаться повнимательнее: **«Куда уж демократичнее. Если, конечно, откинуть всякие сказки о демократии, якобы кто-то что-то решает, зайдя в кабинку для голосования. На самом деле кабинки существуют для того, чтобы население имело возможность туда заходить – торжественно, под звуки музыки. Это население должно надолго запомнить, то, что оно имело демократическую возможность поставить галочку в любом месте, где захочет»**. Браво, Дерипаска!

В понятии олигарха выборы, волеизъявление избирателей – это не демократия, это сказка, придуманная сильными мира сего для игры в демократию. Это спектакль, в котором избирателям позволяют под звуки музыки того же заказчика приходить к урнам с мыслью, что он своим бюллетенем что-то решает. Зашёл в кабинку – будь доволен, скажи спасибо, что допустили, ощущай себя частичкой демократического процесса. Опустил бюллетень – иди домой с чувством исполненного демократического акта, с сознанием того, что ты имел демократическую возможность поставить галочку против любой фамилии. Пришёл домой – жди результатов демократических выборов.

Вот на этом все «демократические» процедуры голосования и заканчиваются. Потому что важно не то, как проголосовали, а как подсчитали. А дальше, гражданин избиратель, это уже не ваше дело. На этом заключительном этапе процедуры голосования бдительное

олигархическое око будет следить за тем, как бы что ни вышло. Если результаты их устраивают, то дело сделано, если нет, то дело надо доделать. Ну, а как это доделывается, мы знаем по многочисленным фактам из прошлых «демократических» выборов всех уровней.

Всё это по-дерипаски не что иное, как **«элемент стабилизации общественных процессов»**. Тебе предоставили возможность проголосовать? Предоставили. Ты ею воспользовался? Воспользовался. Музыку на избирательном участке слушал? Слушал. Чего ж тебе ещё надо! Сиди и не возникай. Не возникай и тогда, когда после этих «демократических» выборов с тебя продолжат сдирать шкуру, чтобы олигархические коты жирели ещё больше. Ты же голосовал. И овцы целы и волки сыты.

Олигархический контроль должен быть не только за процедурой выборов, но и за процедурой назначения, ибо крупный бизнес **«не может пойти на такой великий риск – произвольное назначение менеджеров госаппарата, как бог на душу положит»**. Заметив, что такого безобразия нет ни в одной западной стране, олигарх далее добавил: **«а у нас на среднем уровне управления страной некоторое время он был. Это сильно мешало власти и бизнесу. Теперь риск устраниён, да и кадры отстоялись. Кадры для управления страной и государством необходимо тщательно подбирать»**.

И они подбираются по всей вертикали исполнительной власти вплоть до президента. На вопрос корреспондента – «Если не секрет, кто входит в ваш круг?» – последовал ответ: **«Какой же секрет. Все те, кто последовательно объединился вокруг первого президента Бориса Николаевича Ельцина»**. В олигархический круг входит и ныне действующий президент: **«Я очень его ценю, и не жалею, что в своё время наш выбор пал на него»**. Браво, Дерипаска!

А вы, читатель, думали, что Путина себе в преемники состряпал Ельцин. Надеюсь, что теперь вы будете понимать, что преемником Путина будет не его ставленник, а тот, на кого падёт их выбор. Если уже не пал. Нужный итог выборов, свой человек на государственном посту стоит денег. И не малых. Здесь скупиться не стоит. Чтобы сохранить свои миллиарды, надо отстёгивать. Тем более, что **«нигде в мире чиновники, в том числе правоохранительных ведомств, судьи, не живут на мизерную зарплату из бюджетной кассы»**.

И Россия здесь не исключение, и таким исключением она быть не может, так как подкуп чиновников, государственных и политических деятелей – альфа и омега капиталистического мира. Олигарх этого не скрывает: **«Если человек правильно понимает всё, если он задействован в какой-либо технологии властных действий – ему согласуется уровень личных доходов, и жизнь его и его семьи обеспечивается очень хорошо»**. Браво, Дерипаска!

Всесильная рука крупного капитала дотянулась и до Общественной палаты. Асмолов спросил: «Как вы считаете, какова роль Общественной палаты, которую недавно создали по инициативе президента Путина? Действительно это поможет чистить госаппарат в России?». Вот ответ олигарха: **«Конечно. Это отличный пабликити (помните: реклама!) государства. Правда, там некоторое время будут отсеиваться неадекватные (не их, олигархов люди) люди. Те, кто останутся, будут понимать – сюда идти можно, сюда – нельзя. Вот почистить генералов армии – надо. Пожалуйста: сразу возникает громкое дело по дедовщине. Общественная палата – тут как тут. Генералы не дёрнутся даже. И таким образом дальше»**.

Весьма оригинален взгляд олигарха на понятие коррупция. Когда **«крупный бизнес платит зарплату и обеспечивает личный доход госфункционера»** – это не коррупция. «Что же это?» – удивлённо спросите вы, читатель. Неужели не понимаете? Это зарплата олигарха чиновнику к его государственной зарплате. Всего лишь. Что же тогда коррупция в понимании Дерипаски? Пожалуйста: **«это когда госфункционер сам произвольно берёт, где хочет и когда хочет»**. Вот так-то! А мы-то с вами, по недоумению, всегда считали, что это самое обычное воровство. Оказывается, недопонимали. Если раньше мы считали, что борьба с коррупцией дело трудное, то теперь, после такого откровения, вправе сделать

вывод: в капиталистическом обществе она бессмертна. А та возня вокруг данной проблемы, которую раскручивают все структуры высших эшелонов власти и СМИ, – это всего лишь пыль в глаза, этакая дымовая завеса. Это та же ария из оперы о так называемых «демократических» выборах, которую так убедительно исполнил олигарх в данном интервью.

Итак, Дерипаска нас довольно-таки основательно убедил в том, о чём мы, наивные, до сих пор лишь только догадывались – государственные чиновники, от президента и премьера, до самого низшего звена подкармливаются толстосумами. А те, в свою очередь, через этих государственных чиновников обеспечивают себе коррупционные алиби, живут, приумножая своё богатство, и открыто вещают корреспондентам о том, что им «сейчас никто не мешает». Этакий взаимный интерес. А под то, чтобы не мешали, под это можно давать деньги. В чём они открыто и признаются.

Вообще-то нам об этом в своё время говорил дедушка В. И. Ленин: в капиталистическом государстве правительство – это комитет по управлению делами крупной буржуазии. Не более. Правда, это сказано давно, мы как-то об этом подзабыли. А с другой стороны, это же говорил Ленин, о котором если сегодня и вспоминают буржуазные СМИ, то только в тёмных красках. А тут устами Ленина глаголет сам олигарх. Это многого стоит! И тут я засомневался, кому провозгласить здравицу «браво». Наверное, всё-таки, Владимиру Ильичу. Но и обойти олигарха ну никак нельзя: всё-таки он, судя по всему, читает Ленина и, судя по всему, неплохо учится уму-разуму. Браво, Дерипаска!

А вот насчёт того, что крупному капиталу никто не мешает, то тут он немного преувеличил. Мешают. И не только оппозиция. Об этом он сам признался в дальнейшем разговоре с корреспондентом. Оказывается, мешает им мэр Москвы Ю.Лужков. Вот был до него Гаврюша Попов, вот тот – да! А этот неадекватный, да и в **«госаппарате Москвы царит форменный бардак, поддерживаемый городскими властями»**. Что же такое творят столичные власти? Оказывается, в Москве **«невозможен крупный бизнес – риск слишком велик. И во главе Москвы стоят неадекватные люди, жадные, к тому же»**. Что, много просят? Неужели столько, что самому Дерипаски не по карману? Не пущает Лужков акул крупного бизнеса в свою вотчину, да и всё тут!

Конечно, сам Лужков со своей женой Еленой Батуриной по своему финансовому надутию не чета Дерипаске и ему подобным. Но всё же из этого племени! Однако в бизнесе друзей и товарищей нет. Там волчьи законы. И угроза уже последовала: **«В Москве мы порядок наведём довольно скоро. Лужков – это один из последних оставшихся, кто вряд ли соответствует своему месту»**. Публичная отмашка олигархом дана.

А в отношении того, что люди, олицетворяющие крупный столичный бизнес, жадные, то тут Дерипаска попал в точку. Два года назад обратился с письмом к Батуриной и попросил её, по силе-возможности, принять участие в долевом финансировании издания книги «Бомбардировщики авиации дальнего действия в небе над Курской дугой». Ответа не получил. Написал ещё раз. Жду, по сей день. А бизнес этой дамочки прочно связан не просто с Белгородской областью, а со святая-святых Курской битвы – Прохоровкой. Но что ей до того, что какие-то лётчики дальней авиации все 50 суток «висели» над Огненной дугой, обеспечивая победу советского народа в этом переломном сражении!

Мешает олигарху и оппозиция. Он за то, чтобы на российском политическом поле она была. И вы знаете почему? **«Иначе технология управления массами становится неполноценной»**. И вновь раздевающаяся до наготы откровенность: **«В России, например, нам удалось сформировать немаргинальные оппозиционные группы и хорошо ими управлять. Функционеры их полностью наши, и хорошо оплачиваются нами. Существуют и маргинальные группы – с ними мы тоже работаем. Дали – отняли и так далее»**. Ну, как тут вновь не провозгласить здравицу: браво, Дерипаска!

Корреспондент тут же спросил: «Это, если не секрет, Рогозин с «Родиной» и КПРФ Зюганова-Семёгина?». Ответ: **«Вы сами всё знаете»**. Вот теперь и мы узнали, а то раньше

только догадывались, да и Г. А. Зюганова поругивали, мол, никак не идёт на контакт с Рогозиным, рассорился с Семыгиным.

Апогеем циничного откровения олигарха стало место, в котором он поведал о том, как надо работать со строптивыми. В Ачинске некий профсоюзный работник Смоленцев «**пошёл против правил**» и пытался, призвав на помощь рабочих и журналистов, отнять у олигарха глинозёмный комбинат. Его стоимость 1,5 миллиарда долларов. Помните рассуждение К.Маркса насчёт того, что капиталист за 300 % прибыли готов на что угодно, даже на преступление. Дерипаска и здесь показал свои хорошие знания марксизма. После принятия ряда профилактических мер, которые не привели к желаемым результатам, пришлось... Но не буду пересказывать, лучше процитирую: «**Некоторое время спустя пошёл купаться на пруд, а сердечко от стресса не выдержало – утонул. Вышло смешно. Труп нашли. Собрался профсоюзный актив – крики, почему у трупа вся голова и шея сзади якобы сплошной кровоподтёк, ногти на руках сорваны – вроде бы пытали и убили его. Работал судмедэксперт, я сам просил Владимира Васильевича Устинова, генпрокурора, проконтролировать...** Результат очень профессиональный получился, его донесли до публики. Человек плыл, пруд довольно большой, метров сорок. Глубина метра два. Ветер дул, волна большая. Сердце не выдержало у профсоюзника. Он задыхался, но ещё карабкался по берегу, ногти срывал. А когда обессилел – его волной било о прибрежный камень, головой и затылком. Отсюда гематома на трупе, а не от бандитских пыток... Теперь нет у нас проблем в Ачинске. Комбинат наш. Журналисты и профсоюзники переехали в другие города, посбежали. Так что не стоит доводить дело до массовых беспорядков, нужно действовать с упреждением. Профессионально работать надо».

Жутко становится от такого откровения. Ведь убил, «заказал» самому генпрокурору нужные результаты расследования, открыто признаётся в этом и... не сидит. Да что я, право, об этом. Ведь наше правительство, а Устинов там (был генпрокурором, сейчас министр юстиции), – это комитет по управлению делами крупной буржуазии. Рука руку моет.

Не менее откровенны мысли олигарха по делам зарубежным. Вот его высказывания по некоторым бывшим союзным республикам и их лидерам.

По Украине. «**Мы ищем в республике адекватных менеджеров, и Янукович – лишь один из возможных кандидатов**». «Мы, конечно, финансируем его». «**Ющенко немного заблудился...мы покажем всем его ошибки**». «Мы увидели, что на смежной нам территории совершенно отсутствуют как люди эффективной бизнес-элиты, так и талантливые управленцы госаппарата. Там всех нужно учить. И мы приняли решение – не бросать же этот кусок суши. После этого мы начали экспорт... «общечеловеческих ценностей» – «свободы слова», «плюрализма», «свободы общественных объединений»... Все балаболки, типа Савика Шустера и Серёжи Доренко, – все сейчас там. И так будет до тех пор, пока наши интересы не достигнут степени эффективного управления государством Украина, а интересы наши там осень велики». «Придёт время – все интересные фабрики, весь транспорт Украины будет наш. Это точно. Вот так делается игра».

По Армении. «**Там предприятия переходят в нашу собственность, и хорошие гарантии для бизнеса. Структура власти хорошо формируется по этой причине**».

По Грузии. «**Такие люди, с такой положительной энергией, как Михаил Саакашвили, нам бы очень пригодились. Я готов был бы обеспечить его личный доход раза в два-три выше, чем он получает из всей Грузии**».

По азиатским республикам. «**В азиатских республиках СНГ всё сложнее, но и надежд на конструктивность управляющих лидеров гораздо больше... Про лидеров среднеазиатских республик – работаем с ними**».

И резюме. «**И так будет везде, где мы будем видеть неконструктивное отношение к нашим интересам. Год-два-три экспорта «европейских стандартов**»,

«общечеловеческих ценностей» и власть там будет приведена в адекватное состояние. После этого останется только подобрать управленцев».

Ну, чем не имперские замашки по технологиям всем известной страны! Теперь понятно, читатель, кто и как с помощью «общечеловеческих ценностей» и прочих атрибутов «перестройки» разваливал страну? Теперь понятно, что во всех разноцветных «революциях» есть и русский след.

Да что там какие-то самостоятельные государства под вывеской бывших союзных республик! Олигарх обещает нам поучаствовать в процессе **«окончания мирового гегемонизма» США**. Правда, **«без употребления всяческих ядерных ракет»**. Ну, слава аллаху, хоть без ядерной войны обойдёмся! Ай, моська, знать, сильна, что лает на слона! Браво, Дерипаска!

Пора сделать выводы. Их два.

1. Содержание интервью наглядно показывает тем, кто ещё до сих пор не понял, что он живёт в капиталистической стране, не ощутил все «прелести» этого общественно-политического строя. Президент и правительство, все законодательные и исполнительные органы страны состоят на службе у олигархической «семьи», оплачиваются ею. В стране правит бал власть денег. Всё продаётся и покупается. Государственный аппарат стоит на страже интересов крупного капитала. Интерес государства к трудовому народу дозируется олигархическим кланом. Читаешь эту циничную исповедь олигарха и думаешь: «Как же глубоко проникли в тело государства метастазы этой раковой болезни под названием капитализм, как нагло-уверенно чувствуют себя его столпы-олигархи». И возникает вопрос: «Они, что, и в самом деле, думают, что пришли навсегда». Пусть думают.

2. Но и мы должны думать. Приближается наш очередной поход на избирательные участки в декабре нынешнего и марте следующего года. Дерипаски уверовались в том, что никто и ничего не решает, зайдя в кабинку для голосования. Доля правды здесь есть. Но только доля. Легко ликвидировать различными махинациями победу оппозиции, если суммарное соотношение голосов в её пользу будет чуть больше половины. Но этого невозможно сделать, если это соотношение будет в пользу оппозиции подавляющим. Сегодня не надо возводить баррикады и брать в руки винтовки и стрелять из них. Баррикада – это наша убеждённость в том, что существующий в стране строй антисоциальный. Винтовка – это избирательный участок. Бюллетень – это пуля, выпущенная в олигарха. Стреляй в десятку!

Послесловие.

«Вестник» ЦК КПРФ, в котором опубликовано интервью Дерипаски, широкой читательской аудитории не имеет. Возможно, эта статья привлечёт внимание президента, премьера, Генерального прокурора РФ, лидеров стран СНГ к столь откровенным высказываниям олигарха и они обратятся к самому источнику. Правоохранительным органам есть, на что обратить внимание в этом интервью.

Мне будет жаль, если эту статью не прочтёт сам Дерипаска. А ещё лучше было бы, если бы он на неё ответил. Возможно, в пылу откровенности, можно будет узнать ещё что-то интересное, ведь его интервью – это всего лишь вершина айсберга. Да и деловое предложение к олигарху есть. На издание упомянутой книги «Бомбардировщики авиации дальнего действия в небе над Курской дугой» нужно 300 000 рублей. Почему бы не употребить свои олигархические возможности на ниве военно-патриотического воспитания молодёжи? Дарственный экземпляр с автографом гарантирую. Но, думаю, что по сему поводу ещё раз воскликнуть «Браво, Дерипаска!» мне не удастся.

Честь имею!

Послесловие после послесловия.

Подготовка данной книги к изданию совпала с событиями, которые развернулись весной 2009 года в мятежном городе Пикалово Ленинградской области. Перессорившихся

олигархов, вызвавших бунт трудового люда, пришлось мирить самому премьер-министру. Корреспондент «Правды» В. Вишняков откликнулся на это событие небольшой заметкой «Путин натворил «чудес». Вот одно из «чудес», которое относится к нашему «герою».

«Когда он распекал буржуинов и чинуш, в кабинете царила скорбная тишина, словно в ожидании предстоящей экзекуции. Алюминиевый император Дерипаска, приближаясь по команде к столу, чтобы подписать документ, которого он явно не хотел подписывать, сильно уменьшился в росте и как бы поджал хвост, демонстрируя осознание своего ничтожества и полнейшую покорность шефу.

Постановщику этой сцены (не Михалков ли?) от души «Браво!» Более ёмкого образа царящей в кремлёвско-белодомовской «элите» средневековой атмосферы раболепия, страха и низкопоклонства не смог бы, наверное, создать даже Шекспир. А какие детали! С авторучкой, например, которую вконец смешавшийся миллиардер едва не присвоил. «Отдайте ручку», – молвил повелитель. Император засеменил назад, отдал (примечательно, что смеха в зале при этом не было, перед казнью не до смеха)».

Без комментариев!

СОДЕРЖАНИЕ

СОВСЕМ НЕ МЕРКАНТИЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ	3
А.Е. ГОЛОВАНОВ О И.В. СТАЛИНЕ	5
1. <i>Отношение к людям</i>	8
2. <i>О личной жизни и личных качествах Сталина</i>	19
3. <i>Компетентность</i>	22
4. <i>Мысли Сталина о возможной войне с Германией</i>	25
5. <i>Только ли Stalin виновен в просчётах накануне войны</i>	25
6. <i>Собирался ли Stalin покидать Москву</i>	27
7. <i>О стиле работы Верховного Главнокомандующего</i>	28
В ЛОНДОН И ВАШИНГТОН ЗА...ВТОРЫМ ФРОНТОМ	44
Приложение	126
ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АВИАЦИИ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ	162
ВКЛАД АВИАЦИИ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ В РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В КУРСКОЙ БИТВЕ	182
ПЕРВЫЙ ДАЛЬНИЙ ПОЛЁТ ВОЗДУШНОГО КОРАБЛЯ «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»	189
ЭКИПАЖ ГЕРОЕВ	200
ЗДРАВСТВУЙ, ТЕРЕЗА!	205
ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ	208
И.В.СТАЛИН О ВОЙНЕ С ФИНЛЯНДИЕЙ	212
ПРАВДУ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ НЕ ИСКАЗИТЬ	219
А ГДЕ ЖЕ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ?	224
БРАВО, ДЕРИПАСКА!	227

Анатолий Михайлович СЕРГИЕНКО

ЭХО ПОБЕДЫ

в наших сердцах – 2

В авторской редакции

СЕРГИЕНКО АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Подполковник в отставке, кандидат исторических наук. Посвятив свою жизнь армии, он двадцать лет прослужил на различных должностях партийно-политической работы в частях и соединениях Дальней авиации. Последние годы службы являлся начальником кафедры марксизма-ленинизма Иркутского высшего военного авиационного инженерного училища.

Будучи лектором политического отдела 8-го Смоленского авиаокорпуса Дальней авиации, в 1973 году издал книгу о боевом пути соединения. С тех пор и по сей день работает над историей Авиации дальнего действия периода Великой Отечественной войны. Его перу принадлежат монографии «Маршрутами специальных заданий», «АГОН - авиационная группа особого назначения» (о полетах экипажей АДД в Югославию), «Эхо победы в наших сердцах», «Бомбардировщики Авиации дальнего действия в небе над Курской дугой», «А.В. Панкратьев - выдающийся летчик тяжелой авиации», «Оказание Советским Союзом военно-технической и кадровой помощи Югославии в годы Второй мировой войны», «История 79-го тяжелого бомбардировочного ордена Красной Звезды авиационного полка», «Огненные ночи Курской битвы», «Эхо Победы в наших сердцах-2», «Курс - аэродром «Три дуба», «И.В. Сталин и Курская битва», «Пусть сильнее дует ветер истории».